

В.А. ШОМПУЛЕВ — ПОМЕЩИК, ВОЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В мае 1873 г. вдова штабс-капитана Анна Степановна Шомпулева, урожденная Долгово-Сабурова, подала губернскому предводителю М.М. Михайлову-Рославлеву ходатайство о передаче ее девичьей фамилии сыну, саратовскому уездному предводителю дворянства Виктору Антоновичу Шомпулеву. В прошении она писала, что «за смертью ее родителей никого, кроме нее, из потомков надворного советника Степана Григорьевича Долгово-Сабурова в живых не находится, а единственным мужского пола наследником рода остается Виктор Антонович Шомпулев»¹. Ходатайство, по всей видимости, хода не получило. В эти годы Шомпулев находился на вершине своей карьеры. Он был губернским предводителем дворянства, председателем губернского земского собрания, губернской земской управы и председателем съезда мировых судей. Очевидно, Шомпулев желал иметь более именитую фамилию, ведь редкий русский дворянин не «ставил семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов»². Это желание сменить фамилию в зрелом возрасте многое говорит нам о личности автора записок, который и в начале XX столетия подписывался псевдонимом Старый помещик.

Автор публикуемых записок действительно происходил не из родовой семьи. По утверждению Виктора Антоновича, его дедушка «был полковник венгерской службы, принявший русское подданство и приписавшийся к Екатеринославскому дворянству, где ему в этой губернии были пожалованы 3000 десятин земли»³. Приехал он в Россию, вероятнее всего, в середине XVIII в. Молодой венгр, ставший после крещения Иваном Шомпулевым (фамилия, по словам Виктора Антоновича, была сильно искажена православным священником), родословной с собой не привез, и никаких документов о нем в семье не сохранилось.

Зато по материнской линии дедом Шомпулева был Степан Григорьевич Долгово-Сабуров — представитель одной из древнейших русских дворянских фамилий. Его предки служили еще Александру Невскому, и их вотчины под Старой Ладогой, полученные в те времена, принадлежали отцу Степана. Степан Григорьевич мальчиком поступил в квартировавший в Новой Ладогe Суздальский полк, командиром которого был полковник А.В. Суворов, и пробыл на воинской службе 16 лет. Ему довелось быть адъютантом великого полководца во время Русско-турецкой войны, и, выйдя в отставку секунд-майором, С.Г. Долгово-Сабуров перешел на гражданс-

¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 859. Л. 3.

² Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 77.

³ ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 562. Л. 6—7.

кую службу. Дойдя до должности городничего Царицына (ныне г. Волгоград, тогда уездный город Саратовской губернии), он получил за многолетнюю службу 800 десятин земли в Кузнецком уезде и стал одним из помещиков губернии.

С.Г. Долгово-Сабуров поселился в Саратове в 1783 г. и в 1785 г. поступил на службу заседателем в Саратовский верхний земский суд. А в 1788 г. в возрасте 37 лет он женился на дочери казначея Саратовской казенной палаты, титулярного советника Федора Артамоновича Быкова — Александре. Мать Виктора Антоновича сохранила поздравление, написанное по этому случаю А.В. Суворовым⁴.

Быковы уже тогда были старожилами Саратовского края. Дед Александры Федоровны Артамон (Автоном) Быков, офицер астраханского гарнизона, был пожалован в дворянство в 1739 г. и поселился под Саратовом (тогда находившимся в Астраханской губернии), получив за службу более 5000 десятин при селе Елшанке, ставшим впоследствии Быковкой. А в конце 1760-х гг. имение перешло к его четверым сыновьям, двое из которых, однако, погибли во время пугачевщины. У старшего — Федора Артамоновича, помимо бабушки Шомпулева Александры, было еще три дочери: Мария, Прасковья и Елизавета. Четыре сестры стали наследницами родительского имения⁵. Каждая из них, выйдя замуж, переехала в свою часть владений. Александра в версте от Быковки построила усадьбу Приют, Марии досталась Студенка в паре верст южнее Быковки, а Прасковье — Неклюдовка, в паре верст севернее Быковки по течению речки Латрык. Дети сестер женились на соседских сыновьях, благодаря чему почти вся округа в Саратовском уезде находилась у Виктора Антоновича в различной степени родства.

Родившаяся в 1803 г. в семье Долгово-Сабуровых дочь Анна в начале 1820-х гг. вышла замуж за начальника саратовской жандармской команды Антона Ивановича Шомпулева. Для жениха, приехавшего в чужой город, Анна Степановна была выгодной невестой с приданым, состоявшим из трех небольших имений.

Антон Иванович был участником Отечественной войны 1812 г. По выходе из отставку он поступил офицером в создаваемую в то время в России жандармскую службу — сначала на родине в Елисаветграде, а в 1819 г. переехал в Саратов, где возглавил местную жандармскую команду. Чин штабс-капитана, полученный Антоном Ивановичем на этой должности, дал ему право на потомственное дворянство.

В 1825 г. в семье Шомпулевых родилась дочь Екатерина, а 18 июня 1830 г. — сын Виктор — автор «Записок старого помещика». Через месяц во время эпидемии холеры в Саратове умер отец новорожденного.

Сведений о жизни Анны Степановны и ее детей в 1830-е гг. почти не сохранилось. В ее доме было множество дворовых — только из имения в с. Чирчим было взято в Саратов 12 человек. У Виктора Антоновича, как и у большинства его современников, была «мамка» из крепостных и гувернер — француз Позе. Анна Степа-

⁴ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1456. Л. 1.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1702. Л. 1.

новна была довольно богата, поскольку от родителей остались поместья, а от мужа — пенсия вдовы обер-офицера.

В 1837 г. императору было передано прошение Анны Степановны об определении сына на казенное воспитание в Александровский корпус для малолетних сирот в Царском Селе. Виктор был принят туда, а в 1839 г. — переведен в Павловский кадетский корпус. Можно представить, как чувствовал себя мальчик, оторванный от матери и находившийся в тысяче верст от дома. В.А. Шомпулев вспоминает о пребывании в казенных стенах эмоционально сдержанно, а вот Л.М. Жемчужников, который в те же годы находился в том же корпусе, писал: «...мало-помалу я грубел и свыкался с обычаями и порядками корпуса <...> и украдкой плакал...»⁶.

Поддержку и заботу Витя искал у служившего в Петербурге А.П. Иванова — будущего супруга сестры. В записках дочери последнего Елизаветы говорится, что по праздникам к Алексею Петровичу «приходили кадеты и ученики заведений, которых родители доверили отцу моему. Из числа последних был и кадет Шомпулев, брат будущей жены отца и моей матери»⁷. С семьей Ивановых мемуарист поддерживал тесные отношения в течение всей жизни и позже описал ее в своих воспоминаниях.

Виктору, однако, не удалось окончить корпус. В 1845 г. во время летних лагерей он заболел воспалением легких и прервал обучение. В том же году Шомпулев возвратился в Саратов, где в 1846—1849 гг. служил чиновником в канцелярии губернского по уголовному столу, как тогда это часто бывало, без жалованья.

В марте 1849 г. В.А. Шомпулев, исполняя напутствие умирающего отца: «...будь военный и пролей кровь за царя и отечество», уехал на Кавказ, где был зачислен юнкером в Куринский егерский полк. Для характеристики Шомпулева в те годы применимы строки из рассказа Л.Н. Толстого «Набег»: «...это был один из наших молодых офицеров, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени, Мулла-Нуров и т.п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными склонностями, а примером этих образов»⁸. И много лет спустя Шомпулев описывал в своих воспоминаниях пережитые на Кавказе события в духе Марлинского.

В первый год службы Виктор Антонович побывал в экспедициях против горцев: первая в мае—июне, вторая — с начала августа по конец октября. За отвагу в бою 13 августа 1849 г. при переправе через реку Сунжу он был произведен в офицеры. В январе 1850 г. Шомпулев участвовал в крупной зимней экспедиции, но уже в Большой Чечне. Во время этой операции Шомпулев получил ранение в ногу и был

⁶ Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 33.

⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 661. Л. 3.

⁸ Толстой Л.Н. Набег / Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 2. С. 12.

представлен к Знаку отличия Военного ордена, более известного как «солдатский Георгий». Эту боевую награду он носил до конца жизни.

Выйдя из госпиталя, Шомпулев отправился на лечение на Михайловский минеральный источник по приглашению легендарного кавказского героя и саратовского дворянина Н.П. Слепцова, который был хорошо знаком с А.П. Ивановым, соседом по саратовскому имению.

Виктор Антонович был произведен в прапорщики в январе 1851 г. Лето 1851 г. он провел в Саратовской губернии, поправляясь после ранения, а затем по его просьбе был прикомандирован к Сунженскому линейному казачьему полку. Осенью того года он в последний раз участвовал в боевых действиях.

Шомпулев провел еще одну зиму на Кавказе, но вследствие раны, признанной врачами «не уступающей врачебным средствам», был уволен со службы 24 мая 1852 г. с мундиром и полным пенсионом. До конца жизни он так и оставался отставным подпоручиком, хотя пост губернского предводителя дворянства позволяла ему получить чин статского советника.

Вернувшись в Саратов, Виктор Антонович не спешил поступать на службу. Как раз в то время его матери перешло по наследству от двоюродной бабушки Ф.Г. Зворыкиной солидное поместье с 260 крестьянами. И Шомпулев занялся оформлением прав собственности на это имение, находившееся в селе Старый Чирчим Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Зимой с 1852 на 1853 г. Виктор Антонович провел в Петербурге и Нижегородской губернии, к дворянству которой была приписана покойная. Возникшие в связи с этим делом затруднения помог разрешить начинавший тогда свою карьеру помощником статс-секретаря Государственного совета племянник шурина Шомпулева — П.И. Саломон, впоследствии ставший сенатором. Благодаря знакомствам последнего двадцатитрехлетний провинциал получил аудиенцию у Николая I и смог добиться положительного решения.

В Государственном архиве Саратовской области сохранилось дело, касающееся передачи от дворянской опеки этого имения Шомпулевым, в котором содержатся сведения о его доходности⁹. Из документов видно, что до середины 1830-х гг. оброк с имения составлял 2200 руб. в год, а к 1850 г. после размежевания с соседями снизился до 198 руб. в год. В упомянутом деле обращают на себя внимание копии записок барыни к старосте села, в которых ярко проявился властный характер матери Шомпулева¹⁰.

В последующие годы Шомпулев летом жил в своем имении Приют, занимаясь ведением хозяйства и охотой, а зиму проводил в Саратове, где вращался в

⁹ ГАСО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 865. Л. 2.

¹⁰ В 1851 г. она писала: «Староста Калиф на час! Михаил Макаров, хочу обрадовать вас всех, а особенно тебя с новыми господами ... Погляжу, как-то ты дашь ответ во всем и все ли цело в доме. Все венцы и доски в доме переписаны. Надеюсь, что все найду в целости <...>. Пожалуйста, не гляди на крестьян <...> надеюсь, что скоро они уймутся, не долго им быть беспас-

светском обществе губернской столицы, посещая балы и театр. Известный провинциальный российский актер того времени писал о своем пребывании в Саратове: «Театралов было много, но избранных мало <...>. За кулисами постоянно бывали <...> В.А. Шомполов <...>. Мы постоянно вращались в их обществе, они старались доставлять всевозможные удовольствия труппе, устраивали обеды, вечера, пикники, жили весело»¹¹.

В 1855 г. Виктор Антонович женился на Марии Михайловне Готовицкой, дочери отставного гусара и внучке саратовского откупщика-миллионера, потомственного почетного гражданина и купца 1-й гильдии Х.И. Образцова, умершего семью годами ранее. Образцов оставил немалое состояние, в том числе в виде земель и крепостных, которых он скупал на своего зятя-дворянина. Приданое невесты Шомпулева помимо почти тысячи душ крестьян составляло 320 десятин в Саратовском (деревня Топовка) и 1283 в Камышинском (село Грязнуха) уездах. На Малой Дворянской (ныне Советской) улице Саратова у молодой четы появился роскошный особняк. Однако брак этот продолжался недолго, в 1865 г. они развелись.

В 1856 г. В.А. Шомпулев начал карьеру общественного деятеля — его избрали депутатом губернского дворянского собрания от Кузнецкого уезда и утвердили кандидатом на должность уездного предводителя. Многократно и подолгу замещая предводителя, Виктор Антонович в 1861 г. занял эту должность. Как писал М.Е. Салтыков-Щедрин, «предводитель дворянства в своем уезде был подлинным козырным тузом. Он распоряжался земской полицией, он влиял на решение суда, он аттестовал уездных чиновников, он кормил губернатора во время ревизий»¹². Для тридцатилетнего Шомпулева это время стало хорошей школой. С началом масштабных перемен в стране ему довелось исполнять ответственные роли в осуществлении государственных преобразований в уездах, где он избирался на различные должности, председательствовал и участвовал в работе ряда комиссий. С декабря 1864 г. Виктор Антонович четыре трехлетия был предводителем дворянства Саратовского уезда. Поскольку предводитель уезда, в котором находился губернский город, по закону являлся заместителем губернского предводителя, он периодически исполнял функции последнего.

Постоянно занимая дворянские выборные должности в уездных и губернских дворянских собраниях, Шомпулев участвовал в проведении реформ 1860-х гг. В 1865—1866 гг. участвовал в создании Саратовского земства, работая председате-

тушными скотами. Они кроме меня ничьими быть не могут, тогда я им за это не скажу спасибо, что они против меня воюют <...>. Ты слишком забьлся, такую взял волю. Я от тебя этого не ожидала. Посмотрю, как вы живете, как вольные два года собрали оброк <...> паспортов никому не давай, они нужны и все будут налицо, а могут поблизости наняться <...> ты себе нашел господ и пил с ними, но по-твоему не будет» (ГАСО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 865. Л. 15—15 об.).

¹¹ *Медведев П.М.* 60 лет на сценических подмостках // Библиотека Театра и искусства. 1905. Кн. 11—12. С. 31.

¹² *Салтыков-Щедрин М.Е.* Совр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 15. Ч. 2. С. 40.

лем уездной комиссии по введению в действие положения о земских учреждениях. В октябре 1869 г. он был избран председателем уездной земской управы и пробыл на этой должности семь лет, по май 1876 г. В 1868 г. Шомпулев возглавил комиссию по введению в действие мировых судебных учреждений, на земском собрании Саратовского уезда в мае 1869 г. был избран почетным мировым судьей, а в июне того же года на первом съезде мировых судей — его председателем. Для изучения новых обязанностей Виктор Антонович ездил в Петербург на заседания столичного мирового съезда. В должности почетного мирового судьи он оставался до 1875 г. Таким образом, с 1869 г. он занимал сразу три должности. Кроме того, в 1866—1868 гг. он возглавлял комиссию по пересмотру городского положения Саратова.

На трехлетие 1872—1875 гг. Виктор Антонович вновь был выбран саратовским уездным предводителем дворянства. И, наконец, 23 сентября 1873 г. Виктор Антонович был утвержден в должности губернского предводителя дворянства и председателя губернского земского собрания, так как губернский предводитель вышел в отставку. Как губернский предводитель он возглавлял различные благотворительные организации, стал попечителем арестантского дома и директором Саратовского комитета попечительства о тюрьмах.

Имея независимый и, судя по всему, властный характер, Шомпулев приобрел немало врагов и завистников.

Широкою огласку получил скандал, инициатором которого стал отставной офицер Генерального штаба и сосед В.А. Шомпулева по имению М.Н. Самбикин. Он нередко судился то с оскорбившими его журналистами, то с местными землевладельцами¹³, а в 1874 г. его гнев обрушился на В.А. Шомпулева. Председателя управы Самбикин заподозрил в злоупотреблении служебным положением и попустительстве в растрате земских денег. Например, в жалобе губернскому земскому собранию писал, что «г. Шомпулев, подойдя ко мне в зале, объявил мне наедине, что если я на будущее время буду идти против него на уездном земском собрании, а, тем более, заявлю кое-что из того, что мне известно по соседству наших усадеб <...> предупреждал меня, что у него на всякий случай будет всегда в кармане револьвер, и чтобы я знал, что у него на шее не сидит — ни семьи, ни детей, а мне как семейному человеку с малыми детьми может предстать риск громадный <...> г. Шомпулев не раз уже делал подобные угрозы револьвером разным лицам, пользующимся в саратовском обществе полным уважением, и даже по одной из них, сделанной члену судебной палаты Веселкину при исполнении им должности губернского прокурора, был под следствием и судим¹⁴. Не остался в долгу В.А. Шомпулев, обратившийся непосредственно к губернатору: «Самбикин, питая ко мне личные неприязненные отношения, подал в губернскую управу на меня как председателя Саратовской уездной земской управы оскорбительное для моего достоинства и

¹³ Саратовский дневник. 1886. 10 окт.

¹⁴ Журналы Саратовского земского собрания за 1874 год. Саратов. 1875. С. 171.

совершенно им вымышленное заявление по разным предметам моей земской деятельности <...> некоторые из заявлений г. Самбикина переступают уже всякие пределы его недостойной клеветы и направлены с видимою целью поколебать ко мне с давних лет установившееся общественное доверие <...>. По поводу чего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить с вашей стороны распоряжение к административному исследованию <...>. Это исследование даст вашему превосходительству возможность убедиться в несправедливости возводимых злоупотреблений в районе управляемой вами губернии, а меня оградит от дальнейшей клеветы со стороны Самбикина, желающего унижить мое общественное положение, связанное с должностью председателя управы и губернского предводителя дворянства»¹⁵.

Результаты этого конфликта нам неизвестны, но в 1876 г. В.А. Шомпулев покинул все свои посты в губернии. Тем не менее его опыт и связи не остались невостребованными. Вскоре его избрали председателем окружного отделения Общества взаимного поземельного кредита, а в 1882—1883 годах он занимал должность председателя правления Саратовско-Симбирского земельного банка.

В 1876 г. в дневнике А.Н. Минх называл В.А. Шомпулева «нашим ловеласом» и описывал его так: «...красивый, представительной внешности при ограниченном уме, но уменья рисоваться, он имел большой успех у женщин; с женой живет он врозь <...>. Земское хозяйство шло при нем крайне небрежно и беспорядочно. Шомпулев, занятый ухаживаниями и собственным Я, совершенно не вникал в дело»¹⁶.

О жизни В.А. Шомпулева в 1880-е гг. известно очень мало. Жил он зимой во флигеле дома сестры, а летом — в имении Приют, которое, располагаясь на бедных почвах, дохода не приносило¹⁷. В 1880-е годы Шомпулев пытался продать его, в том числе публикуя объявления в газетах. Позднее он стал предлагать в наем «дачу в 3-х часах конной езды от Саратова при дер. Приют; особый вполне меблированный большой флигель, расположенный на берегу рыболовной реки Латрык, в парке и с хозяйским отоплением кухни»¹⁸.

В эти годы в жизни Виктора Антоновича появилась Александра Петровна Рентшке — певица, немка по национальности, исполнявшая итальянские оперные арии, из-за чего в семье ее называли «итальянкой». Она была красива, стройна и на 34 года младше автора записок. Ее брат был прокурором в Воронеже, она прекрасно владела русским языком. Об отношениях Рентшке с Шомпулевым извест-

¹⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2288. Л. 13 об.

¹⁶ ГАСО Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 135. Чернышевский Н.Г. Дневник в Саратове // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 409.

¹⁷ См.: Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Саратовский уезд. Саратов, 1882. Ч. 1, вып. 1. С. 32—33.

¹⁸ Саратовский дневник. 1886. 7 марта.

но из ее переписки с близкой подругой Е.А. Ивановой — племянницей Шомпулева. Александра Петровна пишет в одном из писем: «У меня есть теперь своя семья <...> теперь, 10 лет спустя, когда только что мое положение оформилось, так сказать, теперь иметь ребенка, это значит снова начинать борьбу, а я чувствую, что если мне снова все придется начинать, у меня нет сил, а ведь они вдвойне нужны будут тогда. Да и кто поверит теперь, да еще после заграницы, что это дядин ребенок. Дядино положение и т.д., т.д., остальное сама можешь дополнить <...>. Трудно совместить восторженную любовь к богу с сильным чувством к человеку, а я дядю люблю так сильно, что мне иногда кажется, что это даже грешно. И мое желание умереть раньше его есть безусловно эгоизм непозволительный»¹⁹. До конца жизни, не оформляя развод, Виктор Антонович прожил с А.П. Рентшке в гражданском браке, сохранив с ней самые теплые отношения.

Реформа земского управления 1891 г. предоставила право занимать должности земских начальников предводителям дворянства, прослужившим полное трехлетие. Так в 1891 г., после пятнадцати лет жизни в отставке, В.А. Шомпулев вернулся на службу. По его воспоминаниям, заняв учреждаемый пост в Саратовской губернии ему предложил министр внутренних дел И.Н. Дурново, когда он встречался с ним в Петербурге. Наверное, не последним стимулом была и материальная сторона, поскольку жалованье составляло 2200 рублей в год, деньги по тем временам немалые.

Несмотря на возраст Шомпулев рьяно взялся за дело. А.П. Рентшке писала Е.А. Ивановой: «Виктор Антонович встает в 4 часа, и я целый день одна, он только на минутку заходит пообедать на скорую руку»²⁰. В саратовской газете тех дней в сообщении о происшествиях мы читаем, что «владелец имения, земский начальник В.А. Шомпулев, возвращался после занятий в канцелярии около 2-х часов ночи»²¹. И такой режим, видимо, был для него привычным.

Когда он повредил ногу и не мог вставать, его, по словам А.П. Рентшке, не так тревожила физическая боль, «как мысль, что в таком состоянии он не может вполне выполнять свои обязанности; крестьян он принимает лежа, административные распоряжения тоже отдаёт, но судить ему нельзя...»²².

Шомпулев довольно жестко обращался с крестьянами. На уездном земском собрании он докладывал: «На моем участке кто не вывозит навоз, не очищает улиц — сидит под арестом»²³. Виктор Антонович был против выдачи земством крестьянам зерновых ссуд, поскольку, по его словам, кредиты ссудно-сберегательных обществ крестьяне разбирали «на свадьбы, крестины, гармоники, различные куте-

¹⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 56.

²⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 33.

²¹ Саратовский листок. 1895. 2 июля.

²² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 36.

²³ Саратовский листок. 1891. 2 нояб.

жи и прочие крестьянские имущества, рассчитывая, что долги крестьян рано или поздно сложат по манифесту»²⁴. В то же время он размещает школы грамоты в удобных домах и беспокоится о справедливом вознаграждении бедному крестьянину, передавшему найденный им клад в Саратовскую ученую архивную комиссию²⁵.

В имении Шомпулева постоянно гостила местная интеллигенция, по вечерам читали книги, музицировали, спорили об искусстве. Хозяин поместья заказывал в столице новинки литературы. «Жизнь наша теперь устроилась; по вечерам читаем. Вчера, например, зачитались до ½ 2. Слушатели мои были заинтересованы и даже взволнованы, а ведь это так приятно, когда читаешь вслух», — писала в конце 1890-х А.П. Рентшке Е.А. Ивановой²⁶.

19 января 1896 г. Виктора Антоновича пригласили на церемонию коронации Николая II. В письме к Е.А. Ивановой он сообщил, что получил от губернатора Б.Б. Мещерского пожелание присутствовать на коронации Николая II, и ответил согласием только ради поддержания престижа губернии, так как поездка обременила его почти на 600 рублей. Он пишет: «...чиновничьей формы я никогда не носил и имел лишь, кроме дворянского мундира начальника губернского предводителя, еще военный мундир старой формы, пожалованный мне при отставке за ранами императором Николаем I. Обстоятельство это вынудило приобрести все же непривычную мне чиновничью форму и позаботиться приисканием квартиры в центре Москвы...»²⁷

В конце 1890-х Виктор Антонович начинает брать отпуска от своей хлопотной службы, которыми в течение первых шести лет земской службы не пользовался. В мае 1897 г. он отправился в поездку по городам России. Июль и август следующего года он проводит с А.П. Рентшке за границей. Они посетили Вену, Венецию, Флоренцию, Рим, Женеву, Париж, Кельн, Берлин, Дрезден и Варшаву. Рентшке сообщила в письме от 30 июля 1898 г.: «В каждом городе брали гида, что довольно дорого. Целыми днями осматривали, ходили, ездили. Дядя, против всех ожиданий, оказался гораздо неутомимей меня»²⁸. Летом 1901 г. Шомпулев два месяца проводит по состоянию здоровья за границей.

В конце сентября 1902 г. семидесятидвухлетний земский начальник 8-го участка Саратовского уезда В.А. Шомпулев уходит в отставку «по случаю преклонных лет и совершенно расстроенного здоровья...». В прошении он пишет: «О пенсии же за службу я просить никогда не буду, ввиду возможности для меня, старика, переживающего восьмой десяток, еще прожить один или два года, не более»²⁹. Вместо пен-

²⁴ Саратовский листок. 1893. 15 марта.

²⁵ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7142. Л. 1.

²⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 29.

²⁷ Архив СОМК. Фонд С.Д. Соколова. Оп. 1. Д. 25. С. 35—36.

²⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 3.

²⁹ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 269. Л. 46.

сии в феврале 1903 г. Шомпулеву было выдано за «отказ его от производства в высший гражданский чин надворного советника и коллежского советника три тысячи рублей за установленным 10% вычетом в инвалидный капитал»³⁰.

В полученных В.А. Шомпулевым памятных адресах подчеркивались его заслуги на служебном поприще. Так, Золотовская сельская община Рыбушанской волости Саратовского уезда благодарила за постройку его стараниями церкви и школы. Должностные лица Синеньской волости собрали 30 руб. 50 коп и подарили ему на память икону. «В адресах и приговорах должностные лица, духовенство и крестьяне свидетельствуют, что за все 11 лет, пока Виктор Антонович состоял в должности земского начальника, он ни разу не допустил телесных наказаний крестьян по приговорам волостных судов, ни разу не подвергал крестьян за разные проступки денежным штрафам, заменяя таковые краткосрочными арестами в свободное от работ время»³¹.

Император собственноручно пожаловал Шомпулеву орден Св. Владимира 3-й степени и свой портрет с надписью: «Отставному подпоручику В.А. Шомпулеву мое спасибо за долголетнюю доблестную службу предводителя дворянства и земского начальника. Николай. 1903»³².

Монаршие милости Шомпулев получил не без участия старого знакомого, бывшего саратовского губернатора М.Н. Галкина-Врасского, а тогда — члена Государственного совета. После аудиенции Виктора Антоновича у Николая II он писал Шомпулеву: «Не многим в жизни и по службе выпало на долю столько милостей царя. Еще и еще тысячу раз сердечно поздравляю Вас»³³.

В отставке В.А. Шомпулев мог жить в свое удовольствие. Его вдовья сестра Екатерина в письмах к дочери Елизавете с завистью описывала праздничные столы брата: «Новый год встретили с дядей Виктором <...>. От меня взял только икру, семгу, селедку. Ужин с закусками был роскошный. Осетр в соусе провансаль с оливками, индейка, ветчина. Яблоки, апельсины, груши, мандарины. Чудные конфеты в длинной нарядной коробке, думаю, 5 ф. от Блюменталя, пил шампанское по 2 р. 50 к. за твое здоровье»³⁴. «Сегодня вернулась с дня рождения Александры Петровны. Вот какое было угощение: пирог с визигой и осетриной, уха, осетрина на холодное с каперсами, оливками и другими приправами, ростбиф, пирожное от Жана. Груши, яблоки с черного дерева»³⁵, апельсины, мандарины, конфеты, шампанское. Много вина и наливки. Они всегда так угощают»³⁶. Еще в одном послании она без тени зависти констатировала: «Хорошо, что он сумел так устроиться, деньги

³⁰ ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 269. Л. 61.

³¹ Саратовский листок. 1903. 17 мая.

³² Саратовский листок. 1903. 10 апр.

³³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 863. Л. 28.

³⁴ Там же. Д. 680. Л. 3.

³⁵ Местный сорт яблок, известный своим отменным вкусом.

³⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 680. Д. 13.

постоянно есть, что задумает — сейчас исполняет. Тому даст, тому пошлет, тому подарит, и все же не отказывает, что захочет сделать. Моим внукам дает больше меня <...> в церкви дают гораздо больше моего, везде пятичницы и рубли, подают не копейки, а гривенники»³⁷.

Виктор Антонович вырос в религиозной семье, и его отношения со служителями церкви подробно описаны в отдельном очерке. Сохранилась его переписка с саратовскими архимандритами, из которой видно их уважительное отношение к личности автора «Записок». Религиозность Шомпулева видна и в его частной переписке. «Шесть месяцев просидел в четырех стенах и теперь, наконец, вылез на свежий воздух и, как полагается доживающему восьмой десяток старцу, исповедовался и причастился святых тайн. Рассчитывал, если бог позволит, в первых числах мая поехать в Бари на поклонение мощам Николая-угодника»³⁸ (17 апреля 1905 г.).

Во время празднования в Саратове пятидесятилетия отмены крепостного права (19 февраля 1911 г.) Виктор Антонович оказался в центре внимания губернской общественности. В приглашении на торжественное заседание саратовского губернского присутствия, подписанном вице-губернатором П.М. Боярским, присутствие Шомпулева было названо «особо ценным как деятеля эпохи освобождения крестьян от крепостной зависимости»³⁹. На торжественной церемонии открытия в те дни памятника Александру II почетные места были отведены для оставшихся в живых четырех мировых посредников первого призыва, одним из которых был В.А. Шомпулев⁴⁰. 19 февраля в юбилейном выпуске «Саратовского листка» была опубликована подробная биография Шомпулева с его портретом.

Виктор Антонович скончался 6 июля 1913 г.⁴¹ Отпевание тела состоялось в кафедральном соборе, погребение на кладбище Спасо-Преображенского мужского монастыря.

К этому времени уже умерли его сестра, жена и сын. Душеприказчиком Шомпулева стал его племянник Дмитрий Алексеевич Иванов. Осенью того же года он передал личные вещи и документы Виктора Антоновича в саратовские музеи. В Саратовский государственный Художественный музей им. Радищева (в то время — Радишевский музей) попал портрет Николая II (не сохранился) с автографом и документы С.Г. Долгово-Сабурова с подписями Суворова⁴², а в музей Саратовской ученой архивной комиссии — награды Виктора Антоновича, наградные листы к ним, икона-складень XVII в. и маленькая оловянная нательная икона Божьей матери⁴³.

³⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 680. Л. 56.

³⁸ Там же. Д. 863. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 58.

⁴⁰ Саратовский листок. 1911. 17 февр.

⁴¹ Там же. 1913. 7 июля.

⁴² Там же. 19 окт.

⁴³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 243. Л. 11—12.

Мысль написать воспоминания пришла Шомпулеву в середине 1890-х гг., когда он служил земским начальником и практически безвыездно жил в своем имении. А.П. Рентшке писал в середине 1890-х гг. к Е.А. Ивановой: «Мы с дядей задумали нечто, про что пока секрет <...>. Рассказывая как-то о своем прошлом, вспоминая массу действительно интересных фактов и событий из своей общественной службы, особенно время введения реформ позапрошлого царствования, дядя воспламенился, и ему захотелось все это описать. Подумай только, как это оживит дядю, как скрасит ему зиму, которая для него всегда так тяжела. Ах, только бы осуществить наши мечтания!»⁴⁴ В другом письме, датированном ноябрем 1896 г., сообщается уже о работе над рукописью: «Писали с дядей его роман <...>»⁴⁵.

По всей видимости, замысел записок в процессе работы претерпевал изменения. Автору явно хотелось отклониться от чисто мемуарного текста в сторону художественного повествования. В произведениях «Мой роман. Быль» и «Быль из прошлого» он сопровождает изложение событий диалогами и описаниями переживаний героев. При этом имена персонажей изменены, но легко узнаваемы, а привязка к местам и времени событий сохранена документально точно. Очевидно, что неоконченный и неопубликованный «Мой роман» предназначался для узкого круга близких людей. Это подтверждает и надпись на титульном листе, адресованная А.П. Рентшке.

Шомпулев, очевидно, долго колебался: выпустить мемуары целиком отдельным изданием или публиковать по частям в периодике. Склонившись ко второму варианту, он, тем не менее, долго не оставлял мысли и об издании книги.

Его мемуарные очерки опубликовались в «Русской старине» в 1897—1899 гг. Однако, написав воспоминания о войне на Кавказе, Шомпулев пытался найти для их издания другой журнал. «Исторический вестник» рукопись не взял, и очерк «Из воспоминаний старого кавказца» вскоре был помещен в «Разведчике», специализировавшемся на военной тематике.

После выхода в отставку в 1902 г. Виктор Антонович продолжал работать над мемуарами. В 1903 г. в одной из местных газет читаем: «В настоящее время Виктор Антонович живет на покое в своем имении и, как мы слышали от него, готовит для отдельного издания обширный труд — исторические воспоминания по Саратовской губернии»⁴⁶.

Однако в течение последующих пяти лет он опубликовал лишь воспоминания о своей недавней земской службе в журнале «Гражданин». Мысль издать воспоминания отдельной книгой Виктор Антонович оставил, очевидно, где-то в 1908 г., когда ему уже было 78 лет. В течение последующих двух лет почти непрерывно в «Русской старине» печатались фрагменты его воспоминаний. И уже перед самой

⁴⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 51.

⁴⁵ Там же. Л. 7.

⁴⁶ Саратовский листок. 1903. 17 мая.

кончиной, когда смертельно больному Шомпулеву перевалило за восемьдесят, он опубликовал воспоминания о своем отрочестве.

Даже сведенные воедино мемуарные очерки Шомпулева не производят цельного впечатления: они неравноценны по объему и литературным достоинствам. Возможно, что именно фрагментарность не позволила В.А. Шомпулеву соединить воспоминания в отдельную книгу.

Современники положительно оценили «Записки старого помещика». Их перепечатавали в саратовской прессе, на них откликались в письмах к автору. На один из рассказов бывший саратовский губернатор Е.И. Барановский поместил в «Русской старине» обстоятельное возражение⁴⁷ М.Н. Галкин-Врасский откликнулся на публикацию в письме: «Я не хочу отказать себе в удовольствии поделиться с Вами своими приятными впечатлениями, которые я вынес из только что прочитанных воспоминаний Ваших», — писал он В.А. Шомпулеву 19 июля 1908 г.⁴⁸

Интерес для историков и любителей литературы представляет очерк «Пикник под Николин день»⁴⁹. В нем рассказывается, как в декабре 1876 г. катавшуюся на санях компанию молодых людей, среди которых была дочь мемуариста Вера и будущий министр внутренних дел А.Г. Булыгин, неожиданно застигла сильная снежная буря. Об этом происшествии вспоминает героиня рассказа Л.Н. Толстого «Отец Сергей». Почти так же, как и в рассказе В.А. Шомпулева, «после блинов с вином собралась веселая кампания богатых людей, мужчин и женщин, кататься на тройках». Молодая красавица Маковкина, затосковав, рассуждает про себя: «Мне нужно что-нибудь такое, что бы все расстроило, перевернуло. Ну, хоть бы как те, в Саратове, кажется, поехали и замерзли»⁵⁰. Таким образом, очерк В.А. Шомпулева дает материал для лучшего понимания одного из толстовских шедевров.

Персонажи мемуарных очерков В.А. Шомпулева нередко фигурируют под чужими или сокращенными до инициалов фамилиями. Для саратовских современников автора реальные имена персонажей очерков не составляли особой тайны. Остальным В.А. Шомпулев раскрывал подлинные фамилии и давал пояснения по сюжету в письмах или пометах на полях оттисков рассказов. Зашифровывание фамилий, по всей видимости, являлось необходимым условием для публикации записок, многие фигуранты которых еще здравствовали или имели живых родственников. Отсылая свою статью издателю «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому, В.А. Шомпулев подчеркивал, что «все лица, упоминаемые в этой статье, уже отошли в вечность, за исключением того адъютанта-поручика, который был в плену у горцев, почему, не зная наверное, жив ли он теперь, я его фамилию обозначил буквою N»⁵¹.

⁴⁷ Барановский Е.И. По поводу статьи В.А. Шомпулева «Во время реформ Александра II» // Русская старина. 1899. № 3. С. 221—224.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 863. Л. 13, 16.

⁴⁹ Рус. старина. 1908. № 5. С. 611—612.

⁵⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. М. 1952. Т. 2. С. 208.

⁵¹ РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 83. Л. 1133.

За некоторыми исключениями, приводимые им факты подтверждаются архивными документами. Но достоверность приводимых В.А. Шомпулевым сведений о прошлом прямо зависит от того, являлся ли он участником или очевидцем описываемых событий или слышал о них от других людей. В последнем случае некоторые описываемые им истории иногда похожи на анекдоты.

Беллетризованные воспоминания Шомпулева, жанр которых он определял как «быль» и которые во многом построены как литературные произведения, мы публикуем в качестве приложения.

Орфография и пунктуация текста приведены в соответствии с современными нормами. Иллюстрации к книге извлечены из фондов Государственного архива Саратовской области, Саратовского областного музея краеведения и частных собраний.

Считаю своим долгом выразить благодарность руководству Саратовского областного музея краеведения, предоставившего фотографии для этого издания, и персонально В.В. Крицкому за то, что убедил меня взяться за этот труд, и за помощь в составлении книги; сотрудникам Государственного архива Саратовской области за постоянную помощь в поисках документов, и отдельно Н.В. Самохваловой за проявленные к моим стараниям интерес и внимание; заведующему кафедрой региональной истории Саратовского государственного университета В.Н. Данилову за привлечение в общество историков-архивистов, что помогло найти дополнительные материалы, использованные в этой книге; начальнику отдела Научно-производственного центра по историко-культурному наследию области и страстному краеведу В.И. Давыдову за предоставленные материалы и за советы.

А.В. Кумаков

Записки старого помещика

ИЗ ПРОШЛОГО САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

Вверстах сорока от Саратова и поныне существует небольшая деревня Быковка², носящая свое название от одной из старейших дворянских фамилий Саратовской губернии Быковых. Фамилия эта уже теперь исчезла, но во время нашествия Пугачева Быковы владели большими поместьями, и на долю Федора Артамоновича³ выпала горькая участь перенести ужасы и несчастья Пугачевского погрома.

Пугачев, следуя к Саратову, расположился со своей вольницей в поместьях Быкова, и так как двое взрослых сыновей⁴ Федора Артамоновича отказались принести ему присягу, то он и казнил их, привязав к столбам и разможвив головы осью от телеги. Федор же Артамонович был спрятан в погребе под опрокинутую капустную колоду крестьянами, которые его очень любили. Когда Пугачев, разыскивая его, спустился в погреб, то староста, став на эту колоду и как бы удивляясь, куда мог скрыться помещик его, советовал пугачевцам хорошенько осмотреть все находившиеся там кадки. После тщетных розысков Пугачев направился в помещичий дом, где и застал сидевшую у окна жену Быкова Наталью Ивановну⁵ с грудной девочкой на руках. Измученная зрелищем казни своих сыновей и предполагая, что муж тоже убит, она, увидев его, сказала:

— Ну что, злодей, убил детей моих, убил мужа, так убей и меня.

Пугачев в ярости выхватил нож из-за пояса и ударил им в грудь Наталью Ивановну, но вдруг к его ужасу конец ножа сломался, не причинив ей никакого вреда. И он, оторопев от этого чуда, снял с себя шапку, начал креститься на висевшие в углу комнаты иконы, а затем, не сказав ни слова, бросился из дома к своему обозу, достал серебряные чайник и детский рожок и, вернувшись снова к Быковой, положил эти вещи в рученьки грудной девочки.

— Прости Христа ради, — сказал он и, поспешно собрав свою вольницу, двинулся дальше к Саратову⁶.

Чудесным спасением своей жизни Наталья Ивановна была обязана небольшому старинному образочку Казанской Божьей Матери, написанному на прочной металлической пластинке, который составлял семейную святыню. Федор Артамонович, быв ранее в военной службе, никогда с ним не

расставался, почему Наталья Ивановна в момент нашествия Пугачева и надела его себе на грудь под одежду.

Образ этот, с заметным углублением от удара пугачевского ножа, старики Быковы передали той из своих дочерей, которая, будучи грудным ребенком, была свидетельницей чудесного спасения своей матери от руки Пугачева, то есть моей родной бабке⁷, и с тех пор икона эта сделалась дорогим достоянием ее потомства, и поныне перед ней горит у меня неугасимая лампада.

Но какая странная судьба выпала на долю этой девочки, через всю жизнь которой прошла трагическая полоса. Сделавшись взрослой девушкой, она, Александра Федоровна Быкова, вышла замуж за бывшего адъютанта Суворова, полковника⁸ Степана Григорьевича Долгово-Сабурова, который тогда только впервые прибыл в Саратовскую губернию для принятия пожалованных ему в различных уездах земель⁹.

У Долгово-Сабуровых было три сына и две дочери. Когда два их сына, Алексей и Михаил, достаточно уже подросли, получено было из Петербурга уведомление о зачислении их в корпус¹⁰. В это же время к Долгово-Сабуровым приехали два их родственника, полковник Базен и петербургский чиновник Алфимов¹¹. Оба они имели правительственные поручения: первый закупку лошадей для войск, а второй прислан был в Саратовское казначейство с денежными суммами, для обмена старых денег на новые¹². Желая отплатить за то радушие и гостеприимство, с которым их приняли, родственники эти вызвались довести двух мальчиков до Петербурга и сдать их в корпус. Причем Алфимов с Мишей отправился в столицу через Пензу и Нижний, а Базен, взяв Алешу, должен был, по его словам, предварительно быть в Одессе. И вот происходит удивительная история. Алфимов, проиграв в Нижнем казенные деньги, бросает Мишу на станции, заверив содержателя, что скоро за ним вернется, а затем, не доехав до Петербурга, застреливается. Содержатель станции, тщетно выжидая целые месяцы возвращения Алфимова, обращает Мишу в прислужника для проезжающих.

Полковник же Базен в Одессе, по расписке, запродаст Алешу в рабство греку — хозяину гостиницы, а сам с казенными деньгами бежит за границу.

Долго спустя, из Саратова едет в Петербург генеральша Алферова, и на станции в Нижнем ее слуга видит на кухне мальчика, ставящего самовар. Присматриваясь, она находит в нем необыкновенное сходство с крестником своей госпожи, Мишей Долгово-Сабуровым. Он называет его по имени, но бедный мальчик настолько был запуган своим положением, что даже начинает отказываться от своего имени, тогда слуга, сообщив об этом своей ба-

рыне, приводит его к ней, и та, к своему ужасу, действительно узнает в нем своего крестника. Взяв его с собою в Петербург, она дает знать о случившемся его родителям.

Между тем Алеша как старший, и притом будучи гордого и независимо-го характера, не хотел признать себя рабом, заявляя хозяину, что он вовсе не крепостной, а сын помещика, который сам имеет много крепостных людей. Грек, с одной стороны, боясь ответственности за незаконную свою покупку, а с другой, не желая лишиться денег, которые он заплатил за него Базену, начал Алешу запираить в отдаленные от жилого помещения службы и даже связывать веревками, так как он не унимался, а своим криком мог обратить на себя внимание проезжающих. После этого умный мальчик сообразил, что подобными действиями он себе не поможет, почему и решил временно покориться власти грека, который сначала на веревке допускал Алешу рубить дрова и чистить двор, а затем, убедившись в его покорности, взял в дом, для прислуживания себе и проживающим. Когда же хозяин перестал следить за всеми его действиями, Алеша, улучив свободную минуту, решился привести в исполнение задуманный им заранее план. Он отправился в отдаленную часть города и, встретив полицейского чиновника, рассказал все с ним случившееся и, назвав себя сыном полковника Долгово-Сабурова, просил указать ему дом губернатора. Об этом обстоятельстве немедленно было доведено до сведения последнего. Когда мальчик предстал пред губернатором¹³ и, после повторения рассказа о его мытарствах, в доказательство правоты своих слов вынул зашитый за подкладкой платья свой документ, то губернатор узнал в нем сына лучшего своего боевого товарища. Он оставил его у себя и, сообщив о том родителям, донес о происшествии только что воцарившемуся императору Александру I.

Затем мальчики были определены в корпус и впоследствии оба, произведенные офицерами в лейб-гусары, были убиты в отечественную войну 1812 года.

Третий сын Долгово-Сабуровых, Иван, был крестник генералиссимуса Суворова, который, видимо, любив своего бывшего адъютанта Степана Григорьевича, нередко писал к нему, почему некоторые из его собственных писем у меня сохраняются до сего времени¹⁴. Иван Долгово-Сабуров, по желанию своего крестного отца, был моряком и, дослужившись до чина лейтенанта, находился на лучшем счету у своего начальства. Как человек богатый и хорошей фамилии, он привлек особенное на себя внимание своего начальника контр-адмирала N.¹⁵, который задумал женить его на своей до-

чери. Но так как Иван Степанович, побывав на родине, объявил ему о своей помолвке в Саратове с девицей Поповой¹⁶, то озлобленный начальник не только изменил к нему свои отношения, но и решился совсем погубить его. Он подговорил ружейного охотника из матросов, который всегда приносил дичь своим начальникам, выпросить фунт пороху у заведовавшего пороховым складом лейтенанта Долгово-Сабурова. Матрос исполнил это, и когда он с этим порохом выходил из склада, то был задержан заранее подосланными для этого людьми, и Долгово-Сабуров по военному суду был разжалован в рядовые.

Бедная мать, и так уже убитая горем от потери двух сыновей, поражена была параличом от этого нового несчастья, и потому одна из ее сестер, Мария¹⁷, отправилась в Петербург к вдовствующей императрице Марии Феодоровне¹⁸, чрез которую выхлопотала не только возвращение чинов Ивану Степановичу, но и изъявление особенной к нему царской милости при переводе его в Петербургскую флотилию, где он был вскоре произведен в капитан-лейтенанты.

Положение Долгово-Сабурова в столице было очень завидное, так как среди высокопоставленных лиц он встретил многих сослуживцев своего отца. Но дальнейшей служебной карьеры ему сделать не пришлось, так как родители пожелали, чтобы он оставил службу и вернулся на родину¹⁹, где он и женился на одной из красивейших и богатых невест, Настасье Александровне Поповой. Но судьба Ивану Степановичу снова не повезла. Не прошло и четырех лет со времени женитьбы, как в Саратов прибыл для расквартирования гусарский полк²⁰, в котором находился ротмистр граф Бобринский²¹. Блестящий гусар пленил Настасью Александровну, и та, бросив мужа и продав свое имя, бежала с ним за границу. После этого Иван Степанович Долгово-Сабуров прожил недолго и умер в холеру 1830 года, завещая, как бездетный, свою фамилию и свое состояние только что родившемуся тогда единственному сыну родной его сестры Анны Степановны Шомпулевой, т.е. мне. Но так как в тот же холерный год умер скоропостижно и мой отец, то матери, как женщине, постигнутой таким ужасным горем, было не до столичных хлопот, и она, по праву наследия, воспользовалась лишь только уцелевшим состоянием брата и своих родителей. Вскоре затем скончались и старики Долгово-Сабуровы²², а оставшаяся в девицах их последняя дочь Евпраксия Степановна приняла пострижение в Пензенском монастыре, где, состоя казначеей, была убитая лошаадьми во время ее поездки в городе Пензу.

Почти тридцать лет спустя после рассказанных мною событий, в конце 50-х годов в Саратов явился из Архангельской губернии иеромонах Амфи-

лохий со сбором на перестройку своей монастырской церкви и попал ко мне в дом, где по старинному обычаю всегда оказывалось таким странникам гостеприимство. Разговорившись с ним, я неожиданно узнал дальнейшую судьбу бежавшей за границу с графом Бобринским Настасьи Александровны Долгово-Сабуровой. Иеромонах Амфилохий, как оказалось, был раньше камердинер графа Бобринского и сообщил мне, что уже десять лет назад граф скончался за границей²³, почему он, Амфилохий, и горничная Настасья Александровны по обещанию, ежели Бог приведет им вернуться в Россию, поступили в монастыри. О том же, где находится Настасья Александровна, он, согласно ее желания, долго умалчивал и лишь после усиленных просьб моей матери сказал, что она пострижена в Пензенском монастыре. По собранным сведениям, Настасья Александровна, быв в полном пострижении, вела там отшельническую жизнь, где и скончалась.

При этом считаю не лишним добавить, что одна из дочерей Федора Артамоновича Быкова, моя двоюродная бабушка Марья Федоровна, в память чудесного избавления ее матери от руки Пугачева выстроила в своем имении, в деревне Студёнке²⁴, прекраснейшую часовню с небольшим иконостасом и бассейном внутри, в которой ежегодно с особой торжественностью служилась панихида по убитым Пугачевым ее братьям. А умирая в 1847 году, Марья Федоровна завещала в память того избавления отпустить крестьян этой деревни на волю со всей землей²⁵, что и было исполнено ее душеприказчицей, моей матерью, хотя она и состояла ближайшей наследницей к этому родовому имению. Это обстоятельство в то время немало наделало хлопот, так как подобные распоряжения помещиков были очень редки и к ним относились с некоторой подозрительностью. Но крестьяне не умели воспользоваться таким благополучием и поспешили продать землю, внеся в казенную палату за себя подушные до ревизии, и приписались к мещанскому обществу города Саратова, вероятно из боязни быть снова прикрепленными к земле. Теперь этот чудный участок с водяной мельницей, заливаемыми лугами, славящимися в уезде ружейной охотой, обширным прудом у подошвы крутой, покрытой лесом горы, где затопленные ныне водой пруда находятся знаменитые пещеры пугачевцев во время их стоянки, составляет собственность немецких колонистов, и в образовавшейся небольшой колонии Студенке не осталось и следа прежней исторической местности. Часовня разобрана немцами, и только чудный, быстро текущий из высокой горы родник напоминает немногим старожилам то место, где она стояла.

ИЗ ДНЕВНИКА ЖАНДАРМА 30-Х ГОДОВ²⁶

В конце 20-х годов в Саратов был назначен губернатором Г[олицын]²⁷. Власть губернатора не только в то время, но и до конца 50-х годов была громадная. Приговоры уголовных палат представлялись на их утверждение, для чего при губернаторских канцеляриях имелся даже особый уголовный стол. Судебные следователи находились в их непосредственной зависимости, а стряпчие и прокуроры хотя и назначались Министерством юстиции, но аттестация их, как и всех прочих служащих в губернии лиц, производилась губернатором. Почему влияние губернаторов на все учреждения и вообще дела в губернии было неимоверно большое, противовесом которого только иногда становились вполне независимые по своему положению епархиальные архиереи, губернские предводители дворянства и чаще всех местные начальники жандармов, доносившие своему ведомству о тех губернаторских поступках, которые выходили из пределов нравственности, справедливости и законности. При этом жандармские офицеры в губернии, имевшие к тому же свое совершенно самостоятельное положение, усилившееся после декабрьского бунта 1825 года, были обставлены особыми преимуществами и полномочиями, которые долго поддерживались шефом жандармов графом Бенкендорфом²⁸, одновременно командовавшим Императорскою Главною квартирою и пользовавшимся чрезвычайным доверием императора Николая I. Этих-то господ жандармских офицеров, несмотря на их незначительные чины майоров и даже капитанов, губернаторы весьма побаивались, так как дневник жандармов, наполнявшийся происшествиями в губернии, не исключая домашнего быта, не щадил ни губернаторов, ни губернских предводителей, ни даже архиереев и, доставляемый периодически Бенкендорфу, влиял на судьбу каждого. К этому не лишним добавить, что в упомянутое время не только не допускалось газетного обсуждения действий правительства, но и частный разговор на эту тему нередко уносил лиц на тройке перекладных под конвоем жандарма в Петербург, где в III отделении у Бенкендорфа делалось им келейно, без различия пола, отеческое внушение. И вот, огражденный этими последними порядками, губернатор Г[олицын] княжил в С[аратовск]ой губернии, с полным доверием к своему опытному правителю канцелярии²⁹,

который, по заведенному тогда порядку, имел не только большое значение в губернии, но почти был распорядителем судеб подведомственных губернатору должностных лиц и различных учреждений, собирая обычные с разных концов вольные и невольные приношения на имя губернатора и давая сему последнему много свободного времени для собственных дел и безделья.

Губернатор Г[олицын] считался далеко не бедным³⁰ и с помощью различных субсидий мог располагать весьма большими средствами. Он при своем пожилом возрасте³¹ был бодр и красив, любил соединять у себя лучшее общество и, прикрываясь семейною обстановкою, бесцеремонно ухаживал за барынями и девицами, давая в последнем случае вид покровительства молодому поколению³². Некоторые из его ухаживаний, как говорит предание, увенчались успехом, но были и такие, которые потерпели полное фиаско. К числу последних принадлежит особенно назойливое преследование дочери местного помещика девицы Ф.Н. Н[еклюдовой]³³. Эта шестнадцатилетняя особа, получившая хорошее по тому времени домашнее образование, была чрезвычайно интересна насколько своей красотой и свежестью, настолько же и игривостью ума и кокетливостью в манерах, что несомненно нравится мужчинам и невольно обращает на себя внимание. Женское же общество, быв тогда замкнуто в строгой общественной жизни и показываясь преимущественно только в церкви или на редких балах и в театре, приписывало развязность Н[еклюдовой] ее дурному воспитанию, почему даже избегало сближения своих дочерей с нею. Губернатор Г[олицын]³⁴, увлекшись прелестью юной красавицы и политично ухаживая в то же время за ее вдовой-матерью³⁵, беспощадно стремился сорвать этот только что распустившийся редкий цветок и, забывая свое положение начальника края, компрометировал ухаживанием как себя, так и молодую девушку, которая в своей неопытности делала беспрестанно общественные промахи. Но, на счастье молодой девушки, в г. Саратов приехал казачий генерал П.С. Х[рещатицкий]³⁶, сверстник по годам губернатора и также крепкий и красивый старик, овдовевший за год до этого и оставшийся с двумя детьми. Он, по свойственному стремлению пожилых мужчин увлекаться крайней молодостью девушек, не замедлил после нескольких посещений дома Н[еклюдовой] сделать прелестной Фане предложение и, к общей неожиданности повенчавшись с нею³⁷, увез ее на свою родину³⁸. Прошло года три после этого обстоятельства, как русское правительство, озабоченное сохранением порядка на западной границе своего государства, приготовлялось двинуть туда полчища казачьих войск³⁹, и так как на генерала Х[рещатицкого] указывалось как на будущего

походного атамана, то его молодая жена с родившимся у них в это время ребенком⁴⁰ вернулась снова в Саратов, где у нее оставался наследственный дом⁴¹ и небольшое, верстах в 40 от города, поместье. Трудно себе вообразить тот восторг, который овладел губернатором при этом известии. Он бросил прочие ухаживания, посвятив все дни, часы и даже минуты своего досуга созерцанию красоты этой действительно прелестной женщины. Не замедлил дать в честь приезда X[рещатицк]ой бал, который, однако же, оказался неудачным вследствие ее умышленного отсутствия за болезнью сына. На вечерах, в театре и вообще при встречах он видимо млел перед нею, а в церкви, крестясь и делая молитвенные поклоны, обращался вместо алтаря в сторону своего земного божества, что невольно смущало присутствующих и делало начальника губернии смешным и жалким. Комедия эта, впрочем, продолжалась недолго, так как молодая женщина решила заметить Г[олицыну] неприличность его поведения, а вскоре затем даже запретила прислуге принимать его к себе в дом. Такое обстоятельство раздражало Г[олицына], и он, не желая отказаться от мысли когда-либо обладать намеченною им женщиною, решился на подкуп прислуги, которая и дала ему возможность осуществить ряд гнусных замыслов. При этом, надо заметить, что г-жа X[рещатицкая] имела хороший выезд и особенно любила лошадей, почему, вследствие болезни их, однажды был позван коновал, которому она приказала являться к ней каждое утро с докладом о результатах лечения. Через несколько дней обычное посещение коновала как-то произошло немного ранее обыкновенного, когда г-жа X[рещатицкая] еще была в постели. Едва успела доложить ей об этом горничная и выйти из комнаты, как на пороге спальни показался в образе коновала со всеми его атрибутами загримированный губернатор, который, не теряя времени, запер за собою дверь и, бросившись на свою жертву, уже готов был употребить насилие, как г-жа X[рещатицкая], освободившись из сильных рук этого человека, выбила оконные стекла и криком стала звать на помощь проходящих на улице. Произведенная суматоха спасла ее от Г[олицына] и дала возможность этому последнему незамеченным скрыться из дома. В тот же день оскорбленная женщина передала местному начальнику жандармов⁴² о дерзком поступке с нею губернатора, но была лишена возможности представить свидетелей в том, что коновалом был именно переодетый Г[олицын], почему, не оглашая происшествия и ввиду предположения, что подобные гнусные преследования могут продолжаться, она просила оградить ее от них на следующее время. Начальник жандармов распорядился определить швейцаром при доме г-жи X[рещатицкой] извест-

ного ему отставного жандармского унтер-офицера, а двум рядовым своей команды поручил тайное наблюдение при вечерних ее поездках в город, каковые меры и дали в скором времени хорошие результаты. Однажды г-жа X[рещатицкая], возвращаясь ночью из театра⁴³ и проезжая обширную и в то время малозаселенную площадь, которая ныне называется Соборной⁴⁴, была остановлена замывшимися в снегу лошадьми ее кареты. При чем, желая узнать о причине остановки, она подозвала с козел лакея и приказала отворить дверцы кареты, как следовавший за нею губернатор моментально вскочил в нее и, захлопнув дверцы, завладел своей жертвой. Недолго раздавался крик, заглушаемый то угрозами, то поцелуями, он замолк при шуме колес кареты, которая быстро неслась по улицам города, не разбирая глубоких снежных ухабов, но на козлах вместо лакея очутился уже рядом с кучером следивший за всем переодетый жандарм; другой же его конный товарищ спешил в это время известить своего начальника о происшествии. Можно себе вообразить борьбу двух неравных сил в тесном экипаже и тот экстаз с одной стороны и отчаяние с другой, которые смешивались в ней при этом наглом насилии. Наконец карета остановилась, но не перед домом ее владелицы, а во дворе квартиры жандармского начальника, который, быв предуведомлен, уже ждал у подъезда гостей и сам, отворив дверцы кареты и осветив ее фонарем, приветствовал губернатора. Превосходительный сановник, не зная, что за ним следили, и в пылу своего необузданного поступка не понимая, как он очутился лицом к лицу с жандармским начальником, нашелся, однако, объяснить ему, что в театре, заметив бледность и вообще нездоровый вид г-жи X[рещатицкой], он пожелал проводить ее до дома и когда дорогой начал успокаивать эту даму насчет будто бы поданной ему, как губернатору, жалобы крестьян на дурное и вообще незаконное обращение г-жи X[рещатицкой] с ними, то нервная женщина впала в обморок. Действительно, г-жа X[рещатицкая] лежала без чувств на дне кареты и тут же с помощью губернатора и начальника жандармов была внесена в дом, где женою последнего⁴⁵ были приняты необходимые меры к возвращению ее в сознание. Губернатор хотя и казался несколько не сконфуженным, но заметно торопился своим отъездом до приведения в чувство его жертвы и, поблагодарив хозяев за участие к оставшейся у них женщине, простился и поспешно вышел к своему подошедшему экипажу. Когда же лошади его были поданы и из кареты г-жи X[рещатицкой] понадобилось вынуть его шинель, то вместе с нею выпал на снег небольшой пистолет, при виде которого Г[олицын] с усмешкою заметил жандармскому начальнику:

— Подберите, пожалуйста, это вещественное доказательство храбрости и предусмотрительности, свойственных только казачьей атаманше!

Пистолет, однако же, оказался незаряженным и не принадлежащим г-же Х[рещатицкой]...

Через несколько дней губернатор был в имении Ф.Н. Х[рещатицкой], опрашивал крестьян относительно их положения и не замедлил сообщить губернскому предводителю дворянства⁴⁶, что так как по сделанному им дознанию оказались крестьяне г-жи Х[рещатицкой] лишенными свободных дней для их собственных работ, что неизбежно ведет их к разорению, то, в силу закона, он предлагает это обстоятельство на обсуждение депутатского собрания для назначения над имением опеки. Губернский предводитель дворянства, однако же, нашел нужным проверить столь важное обстоятельство лично и, удостоверившись не только в несправедливости обвинений, возведенных на г-жу Х[рещатицкую], но даже и в том, что на нее жалоб от крестьян никогда никаких не поступало и что губернатор, к удивлению крестьян, сам, без всякой причины, явившись в деревню Н[еклюдов]ку⁴⁷, навязывал им все эти обвинения относительно их помещицы, руководствуясь только какими-то дошедшими до него слухами, сообщил об этом министру внутренних дел⁴⁸. В то же время последовало донесение и жандармского начальника своему шефу о двух упомянутых выше чрезвычайных поступках губернатора с г-жой Х[рещатицкой], но было ли это официальное или конфиденциальное донесение, из дневника не видно. Сделанная же в нем отметка 9 марта 1830 года указывает лишь на время отправки донесения⁴⁹.

Теперь, ввиду продолжения начатого рассказа, мы остановимся на описании личности пострадавшего главным образом в этой истории жандармского начальника Ш[омпулева], который, как видно из его документов, состоял прежде дворянином Екатеринославской губернии, служил ранее офицером в Переяславском конно-егерском полку, участвовал в Отечественную войну в сражениях с Наполеоном I и находился также при взятии Парижа⁵⁰. Он был сын гусарского штаб-офицера, принявшего русское подданство в прошлом столетии и принадлежавшего ранее к венгерскому дворянству. Перекованная на русский лад фамилия Ш[омпулева] и малороссийское происхождение матери жандармского начальника совершенно изгладили в нем следы венгерской расы. Это был сорокалетний великан, женившийся в г. Саратове на дочери суворовского сослуживца⁵¹, где и, получив назначение жандармского начальника⁵², с достоинством носил голубой мундир с золотыми, по прежней форме, эполетами.

В том же 1830 году, как известно, посетила Россию первая холера. Эта неведомая до того времени болезнь свирепствовала в городе в ужасающих размерах, и был даже день, в который, при незначительном тогда в нем населении, умерло около 800 человек. Жители, не зная, что делать и чем спастись от холеры, бежали массами из города. Присутственные места были закрыты, погребальный перезвон прекращен, и церкви заперты. Самое же отпевание умерших, которых возили десятками на одной телеге, производилось на особом кладбище, где заготовленной в грудах известкою засыпались свежие могилы⁵³. На городских площадях день и ночь горели костры с подливаемою в них смолою для очищения заразного воздуха, и люди ходили по городу не иначе, как в засмоленных покрывалах и с такими же зажженными факелами. Понятно, что эти ужасы произвели общую панику, и частные врачи, которых не насчитывалось в городе и десятка, находясь под впечатлением страха и желая избежать своей обязанности оказывать медицинское пособие, укрывались в квартирах и заперли ворота. Полицмейстер и большинство полицейских чиновников были первыми жертвами эпидемии, почему при обнаружившейся неурядице в городе и в видах сохранения порядка и своевременной подачи помощи жандармский начальник Ш[омпулев] нашел нужным разделить город на участки и, поручив их заведование чинам своей команды, сделал обязательное распоряжение для частных врачей неуклонно являться с пособиями к болевающим. Но так как последние не только отказывались исполнить это распоряжение, но даже никого не впускали к себе во двор, то ворота у них были выломаны, и врачи под наблюдением жандармов отправлялись в те пункты, которые подвергались наибольшей смертности. Сам же жандармский начальник проводил дни и ночи на коне, объезжая верхом город, кладбище и по несколько раз посещая больницу, где, к своему ужасу, нашел однажды под навесом больничных сараев массу гробов с живыми еще людьми. Мнимоумершие и, видимо, находившиеся в обмороке страдальцы, быв плохо осмотренными, под предлогом предупреждения заразы по распоряжению врачей засыпались известью и с половавшимися от нее глазами, с сожженным ртом и в жестоких мучениях внятным шепотом молили о пощаде. Это последнее обстоятельство вынудило жандармского начальника арестовать врача больницы, доктора Ф., и для примера других отправить под конвоем на перекладной в Петербург. Начавшийся ропот городской толпы, принимавший уже формы возмущения, тотчас умолк после таких решительных мер, и затем голубой мундир был всюду приветствован населением при его появлении.

Судьба хранила этих верных царских слуг и стражников народного порядка, и в продолжение полутора месяцев ни один не только не умер из жандармов, но и не был болен. И хотя 7 августа жандармский начальник Ш[омпулев] почувствовал на себе признаки этой болезни, но, благодаря уже приобретенной опытности своих подчиненных в подании помощи посредством оттирания и других приемов, был избавлен от судорог и прочих страданий. Почему, находясь уже около трех дней совершенно здоровым, но только чувствовавшим сильную слабость, мешавшую его обычной деятельности, он решился воспользоваться услугами присланного к нему губернатором доктора Л-ва, по совету которого и принял лично составленное последним лекарство для укрепления сил. И что же! Одна ложка этого зелья положила конец жизни жандармского начальника, с которым начавшаяся немедленно рвота, судороги и страшные желудочные боли ясно указывали на отравление. Преданные ему двое жандармских унтер-офицеров, находившихся безотлучно при постели больного, были настолько поражены неожиданной смертью своего любимого начальника, что иначе не могли объяснить ее как отравление.

Губернатор Г[олицын], переехав в начале холеры на дачу в нескольких верстах от города⁵⁴, при жизни жандармского начальника ежедневно присылал справляться как о его здоровье, так и о ходе эпидемии, а посещая город, сам каждый раз к нему заезжал и благодарил за отвагу и распорядительность; после же смерти его не только не нашел нужным выразить участие осиротевшему семейству Ш[омпулева], вдова которого не успела еще оправиться после рождения сына⁵⁵, но вдобавок отдал через командира гарнизонного батальона⁵⁶ приказание доставить к нему пузырек с остатком лекарства и под предлогом предупреждения заразы похоронить г. Ш[омпулева] как можно скорее на холерном кладбище, не позволяя проводов его тела жандармской команде. Все эти распоряжения, однако же, не были выполнены командой, и состоявшиеся на четвертый день похороны сопровождались полной торжественностью, при воинских почестях. Кафедральный собор⁵⁷ был отперт, и в нем происходило отпевание усопшего. Во время шествия процессии до кладбища верховая лошадь покойного в траурной попоне следовала за гробом, который жандармская команда со старшим вахмистром во главе сопровождала в полной парадной форме. Народная толпа, забыв холерную заразу, наперебой старались нести гроб любимого человека, и печальный катафалк ехал пять верст пустым до мужского монастыря, где тело и было погребено в фамильном склепе⁵⁸. Недоставало только троекратного залпа из ружей,

взамен которого непритворная скорбь жандармов и народа довершали глубокое сочувствие к усопшему.

Губернатор, раздраженный общим сочувствием к умершему жандармскому начальнику и, видимо, озабоченный рядом необычайных происшествий, в числе которых главным образом должны были беспокоить его собственные деяния, находившиеся в зависимости от донесения губернского предводителя и умершего жандармского начальника, а также и причина неестественной смерти последнего, находил единственным исходом стереть с лица земли двух главных приближенных к отравленному Ш[омпулеву], вахмистров Гребенькова⁵⁹ и Щеглова, в видах чего распорядился через командира местного гарнизонного батальона немедленно арестовать этих лиц, несмотря на не окончившуюся еще эпидемию, при которой порядок в городе исключительно поддерживался ими. Но старший вахмистр Гребеньков отказался повиноваться этому распоряжению впредь до особого приказа шефа жандармов сдать кому-либо команду, которая письменным распоряжением в последние часы жизни жандармского начальника поручалась этому старшему вахмистру.

Обстоятельство такого отказа вахмистра Гребенькова, подведенное под законы о нарушении воинской дисциплины и сопротивлении властям, дало губернатору желанный повод сделать представление о разжаловании Гребенькова и Щеглова в рядовые и наказании первого из них шпицрутенами. Но неисповедимая судьба покровительствовала этим верным царским слугам, и представление о них не успело еще быть изготовлено, как получился высочайший приказ о производстве поименованных вахмистров со старшинством в первый офицерский чин, к которому они неизвестно для окружающих были давно представлены их покойным жандармским начальником. И так как вместе с тем прапорщик Гребеньков был переведен на службу в С.-Петербургский жандармский дивизион, при предписании ему оставить вверенную команду не иначе, как по передаче ее назначенному в эту губернию жандармскому подполковнику Б[ыкову]⁶⁰, то понятно, что арест и задержание этих новых офицеров уже был немислим.

Что затем доносил губернатор Г[олицын] шефу жандармов и в какой форме впоследствии ему же произведен доклад прибывшим в столицу прапорщиком Гребеньковым — история умалчивает, но известно только, что губернатор был отозван от управления губернией, а по поводу смерти жандармского начальника Ш[омпулева] и для отобрания у его вдовы важных документов был прислан от Бенкендорфа жандармский генерал Маслов⁶¹.

В числе же документов имели особый интерес бланки за подписью Бенкендорфа, с помощью которых по высочайшему повелению жандармские начальники в известных случаях были уполномочены отправлять к нему разных лиц в Петербург, что практиковалось лишь несколько лет после декабрьского бунта, и для Саратовской губернии особенно было применимо ввиду существования в ней фамилий двух главных декабристов⁶² и ссылки в Сибирь нескольких второстепенных из офицеров гвардии, принадлежавших к этой губернии.

Переданные мною подробности о деяниях губернатора старых времен и ужасов бывшей холеры 1830 года я почерпнул из чернового дневника покойного жандармского начальника Ш[омпулева].

Что же касается смерти его и прочих сведений, то они были переданы мне жандармским майором Гребеньковым, в котором читатель, вероятно, узнает бывшего рыцаря-вахмистра. Он в свою очередь служил в конце 40-х годов жандармским начальником в одной из ближайших к Петербургу губерний. Доктор Л. избегнул наказания, скрываясь без вести около десяти лет, а затем снова появился в городе Саратове во время проезда наследника престола, впоследствии императора Александра II⁶³, и был посажен в дом умиленных за бессвязные речи и безумный крик среди толпы.

Вдове погибшего жандармского начальника без ее ходатайства Императором Николаем Павловичем назначен был полный пенсион с определением сына ее в Александровский малолетний корпус в Царском Селе⁶⁴, а дочери в Смольный монастырь⁶⁵.

ПОСЕЩЕНИЕ САРАТОВА НАСЛЕДНИКОМ ЦЕСАРЕВИЧЕМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ В 30-Х ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ⁶⁶

Саратов, как известно, никогда не посещался до упомянутого времени не только государями, но даже и никем из царской фамилии, вероятно вследствие отдаленности его от столиц, так как трудная езда на почтовых до Петербурга требовала целый месяц, а сообщение по Волге производилось тогда медленно на парусных судах, почему Николай I, предполагавший осмотреть находившиеся в Саратове войска, сначала гусар, а затем конно-артиллерийскую дивизию, доехал только до Пензы, где заболев, вернулся в Петербург.

И вот наконец повешено было о приезде цесаревича в июне 1837 года, и Саратов, не имевший и тени теперешней столицы Поволжья, но заселенный массой одноэтажных небольших домов дворян, стал готовиться к приему дорогого царственного гостя. Немошеные улицы города, исключая части Московской, где преимущественно жило купечество, стали приводиться в порядок. Город тогда освещался редкими на столбах фонарями с конопляным маслом, и кое-где, на случай пожара, стояли большие чаны с деревянными решетками, наполнявшиеся водой, которую возили бочками из Волги. Воду в чанах на этот раз меняли, так как она в большинстве была гнилой и вонючей, а чаны и фонарные столбы поновлялись дикой краской. Чистились улицы, заросшие травой, и исправлялись ветхие, деревянные тротуары.

И вот наконец город украсился разноцветными флагами, и густая масса народа с начальством во главе встречала на берегу Волги наследника престола, прибывшего на пароходе, который для нашего края в то время был также редкой новинкой⁶⁷.

Я был в то время мальчиком, нетерпеливо ожидавшим, когда меня повезут в Петербург, так как после умершего в 30-м году моего отца, начальника жандармов Саратовской губернии, я был зачислен кандидатом в один из кадетских корпусов, но когда именно должна была меня привезти туда моя вдовая мать, уведомления не было, почему на этот раз мне пришлось лично подать цесаревичу о том прошении⁶⁸, и вот, я хорошо помню, как одели меня

в костюме маленького жандарма и в сопровождении гувернера М-г Позе отправили на пристань, куда должен был пристать пароход.

Начальствующие, хорошо знавшие моего покойного отца и нашу семью, пропустили меня вперед. Цесаревич взял от меня просьбу, которую я, стоя на одном колене, держал на голове и передал ее сопровождавшему его воспитателю⁶⁹.

Юный наследник цесаревич был старше меня лет на десять; он был положительный красавец и жизнерадостный, пленявший каждого своей необычайной приветливостью⁷⁰. И после этого его приезда сохранилось немало интересных о нем анекдотов.

С пристани цесаревич прямо поехал в кафедральный собор, где высшим духовенством был встречен с крестом. Мне пришлось там стоять впереди и видеть курьезную вещь. В Саратове был известный своим необычайно сильным басом протоиерей Иван Иевлевич, большой, широкоплечий брюнет, говоривший всегда держа рот на сторону, и когда он провозглашал многолетие, то без преувеличения дрожали стекла в церкви⁷¹. И вот он так постарался рявкнуть на этот раз, что близко стоявший около него юный цесаревич моментально зажал уши и отскочил в сторону, и этот случай настолько запечатлелся в моей детской памяти, что я как сейчас на него смотрю.

Из собора цесаревич проехал прямо в приготовленный для него лучший того времени в городе ивановский дом, где ныне помещается отделение Государственного банка⁷².

Для осмотра цесаревичем в Саратове, кроме находившихся войск, представлялось в то время весьма немногое, так как из учебных заведений существовала только одна, открытая лет 18 перед этим мужская гимназия⁷³, почему, не останавливаясь на этом, я расскажу другой курьезный эпизод во время посещения его высочеством бала в дворянском собрании 28 июня того года.

При представлении его высочеству местных властей удостоился особого внимания назначенный на место моего покойного отца жандармский полковник Быков, о дочерях которого цесаревич тут же справился, зная их по Смольному монастырю, откуда Анна и Варвара Петровны незадолго перед тем были, как первые ученицы, выпущены с шифрами⁷⁴. Наследник, посещая этот институт, не раз зимою катался с ними с гор, почему и на этом балу он прежде всего протанцевал с ними и, разговаривая, обратил внимание на находившегося тут Свечина⁷⁵, который был поразительно похож на обезьяну, а так как m-lle Быкова, не сказав фамилии, сообщила цесаревичу, что жена этого господина положительная красавица, то его высочество, танцую

в этот вечер с другими, которых ему представляли и, между прочим, с А.И. Свечиной, во время *contre-dance*⁷⁶ сказал ей, указывая на ее мужа:

— Покажите, пожалуйста, супругу это господина, который так ужасно похож на обезьяну?

И когда смущенная Александра Ивановна ответила:

— Это я, ваше высочество, — то юный цесаревич настолько сконфузился, что положительно не знал, что ему после этого говорить, и оправился, лишь когда Александра Ивановна, улыбаясь, ему сказала:

— Это сходство моего мужа, ваше высочество, находят все, но он прекрасный человек и вполне заслуживает любви и уважения.

Затем цесаревич тут же протанцевал с ней еще вальс, подошел с ней к Свечину и пожал особенно сердечно ему руку. Этот случай знают многие саратовцы, и подробности его мне еще несколько лет тому назад в Петербурге повторила покойная дочь этого Свечина, Надежда Ивановна Мердер-Северин⁷⁷.

Государя Александра Николаевича мне пришлось видеть чаще других государей и цесаревичем на Кавказе, и императором в 1871 году в Саратове, и затем неоднократно в столице, куда мне приходилось отправляться с адресами, и его высочество был всегда разговорчив, до крайности приветлив и милостиво внимателен, и хотя военные более любили твердый характер и непреклонную волю Николая I, но имя Царя-освободителя Александра II не умрет вовеки.

СВЕТЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРОВСКОМ МАЛОЛЕТНЕМ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ КОРПУСЕ⁷⁸

Я уже говорил ранее в своих записках, что мой отец умер в 30-м году, когда мне не было еще и года, но не упомянул, что, умирая и благословляя меня, он сказал: «Будь военный и пролей кровь за Царя и Отечество». И этот завет его стал моей мечтой с самого раннего детства, почему когда в 1837 году моей матерью было получено из Петербурга уведомление, что я зачислен в Александровский малолетний в Царском Селе корпус, куда и требовалось меня доставить, я был в восторге и как теперь помню наше туда путешествие. Старый помещичий возок был наполнен перинами, подушками и пр., а важи⁷⁹ наверху различным платьем и другими вещами. Я с матушкой и няней Марьей Михайловной Винокуровой помещались в возке, а на козлах с ямщиком сидел наш старый лакей, и, таким образом, отправляясь через Пензу, Нижний и Москву, до Петербурга пришлось ехать по ухабам из Саратова целый месяц.

В Царском Селе Александровский малолетний корпус был таким чудным заведением, которое в настоящее время вряд ли где-либо можно встретить. Директором корпуса в то время был генерал-лейтенант Хатов⁸⁰, заведующий хозяйственной частью полковник Дихеус, а начальницей вдова генерала Крон. Там было несколько рот и взвод малолетних; каждой ротой и взводом заведовали особые почетные дамы, имея в помощь няnek; кроме этого, в каждой роте было по одному заслуженному, старому гвардейскому унтер-офицеру, на обязанности которых лежало следить за выправкой и маршировкой кадет.

Все мы были одеты в военную форму, не исключая и взвода малолетних, где в мое время были и такие, на которых нельзя было надеть еще и штанишек, так как один даже был на руках у кормилицы.

Обращение с нами в этом корпусе, как равно и содержание нас, было удивительно по своей гуманности и царской щедрости.

Кроме классного учения сообразно возрасту, нас в рекреационном зале⁸¹ учили маршировке и гимнастике. И вот однажды в это время к нам приехал главный начальник военно-учебных заведений великий князь Михаил Павлович⁸², человек пожилой⁸³, высокого роста и сильного сложения.

Мы выстроились по ротам, и он, обходя, спрашивал иногда фамилии, особенно интересуясь теми, отцы которых были убиты в сражениях; подойдя же к взводу малолетних, он ласкал их и даже некоторых брал на руки. Шутя и играя с кадетами, он растянулся на полу и приказывал им поднять себя; малыши, конечно, не могли этого исполнить, несмотря на его настойчивость, но один карапуз нашелся и запустил ему в мягкие части булавку, так что великий князь живо вскочил и, расцеловав лилипута, дал ему даже коробку конфет.

За время моего пребывания в Александровском корпусе было два замечательных случая помещения туда детей: первый случай — сына Шамиля⁸⁴; мальчуган этот интересовал нас и своим происхождением и шрамом на руке от полученной, по его словам, пулевой раны. Это был в высшей степени живой и быстроглазый мальчик, но мало похожий на азиата. Второй случай — сына лесничего, фамилию которого я не припомню. Его родители жили одиноко в глуши казенного леса и были ограблены и убиты разбойниками, которые детей их, этого мальчика и еще грудного ребенка, не тронули⁸⁵.

Пока эти сироты не были найдены, мальчик питался жалкими остатками пищи, а грудного ребенка подкладывал под собаку с ее щенятами. Император Николай Павлович приказал поместить их в казенные заведения.

Затем в начале 40-х годов я был переведен в Павловский корпус⁸⁶, о котором буду писать особо.

СПАРТАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАДЕТ СТАРОГО ВРЕМЕНИ⁸⁷

Я уже говорил ранее в моих записках, что после смерти моего отца в 1830 году я зачислен был в Царскосельский Александровский малолетний корпус, куда и отвезен был из Саратова до Петербурга на почтовых, так как железная дорога была в то время еще только между Петербургом и Царским Селом.

Из Александровского корпуса я переведен был в конце 30-х годов в Павловский кадетский корпус, находившийся в то время в Петербурге на Обуховском проспекте⁸⁸.

Директор корпуса был старейший из директоров того времени генерал-лейтенант Карл Федорович Клиненберг⁸⁹, батальонным командиром полковник Рындин⁹⁰, инспектором классов Шейнин⁹¹ и его помощником штабс-капитан Виктор Андреевич Половцев⁹², и все они, кроме Шейнина, были люди симпатичные и чрезвычайной доброты. Шейнин же, очень маленького роста и на кривых ногах, так что пятки расходились чуть не на пол-аршина, был человек положительно противный, и как теперь смотрю на него во время классов, куда он заходил в форменном фраке со светлыми пуговицами и Станиславской звездой⁹³. Всегда он был разозленный и, заметив улыбавшегося кадета, тотчас же вытаскивал его из класса за ухо и поручал своему помощнику Половцеву выдрать розгами. Этот чудный человек Половцев, однажды произведя такую экзекуцию маленькому новичку кадету, который еще не привык, закусив руку, молчать под розгами, как делали другие, а горько плакал, ложась на скамью, утешал его и сам, прослезившись, говорил:

— Ложись и терпи, Иисус Христос терпел, и ты терпи!

Шейнин, этот старый холостяк, особенно любил маленьких хорошеньких кадет, которым и мирволил, беря их по праздникам к себе в отпуск, и впоследствии оказалось, что Шейнин был бугр, и после произведенного увещья кадетику К., долго страдавшему в лазарете, он, Шейнин, был признан сумасшедшим и посажен в сумасшедший дом⁹⁴.

В корпусах тогда было совершенно другое распределение как рот, так и классов: роты начинались неранжированной, потому шли странным поряд-

ком: вторая, третья, затем первая и гренадерская, у которой был особый взвод для малорослых, стрелковый.

Классы же начинались приготовительным, затем первый, второй, третий и четвертый общие и потом армейские и артиллерийские классы, из которых выпускали уже офицеров: из армейских в армию, а из артиллерийских — почти во все роды оружия, как то: артиллерию, саперы, конно-пионеры⁹⁵ и даже военные инженеры, несмотря на то что для последних был отдельный корпус против Летнего сада.

Кадеты, получившие в артиллерийских классах 12 баллов из всех предметов, выпускались в гвардию. Из этих выпускных классов назначались фельдфебеля, в каждой роте по одному, а также по несколько в роте унтер-офицеров, ефрейтора же были из простых кадет в своей роте.

Кормили нас хорошо, но без всяких затей: утром вместо чая к сбитню или кипяченому молоку пополам с водой давали по булке каждому, обед из двух блюд, самых простых, и очень скромный ужин.

Я как теперь смотрю, как маленькие кадеты в сортирах вытаскивали из печей выюшки⁹⁶ и, положив на них припрятанные в карманы от обеда ломтики черного хлеба, обливали его конопляным маслом из ламп и поджаривали в печи. В то время все освещалось конопляным маслом, и о керосине еще не было помина. При этом не могу не рассказать один интересный случай того времени: во второй роте, где, как и в прочих ротах, кроме ротного командира было по два субалтерн-офицера⁹⁷, дежуривших по очереди для наблюдения за порядком. В этой роте был дежурным не успевший еще облечься в корпусную форму и носивший армейский мундир поручик Попов⁹⁸. Утром перед завтраком, как и всегда, рота выстроилась в две шеренги лицом к лицу, и между кадетами проносили двуручную с булками корзину, из которой брал каждый по одной булке. Но один из кадет вздумал выбирать себе получше булку и через это несколько булок выронил из корзины, тогда поручик Попов, следивший за этой процедурой, схватил этого кадета за ухо и, вытащив из строя, поставил на колени, надорвав при этом ему ухо до крови. Тогда один из кадет Б... закричал:

— Солдат! — так кадеты прозвали Попова, потому что он держал себя полсолдатски и ходил с носка на весь след, как учили тогда маршировать. Попов обернулся на крик, но в это время сзади вторично кто-то крикнул:

— Солдат! Солдат!

Тогда поручик Попов обратился к ротному командиру капитану Павловскому⁹⁹. Павловский этот хотя был очень хороший человек, но считал нужным

потребовать у роты выдачи того, кто кричал, но так как рота молчала, то Павловский, желая вынудить выдачу крикуна, объявил, что будет сечь через пятого. Принесли скамью и розги за печатью и флангового уже начали раздевать, но один из кадет Н. вышел вперед и принял вину на себя, его разложили и жестоко драли, так как на требование просить прощения он, закусив руку, молчал. Тогда рота в один голос закричала:

— Это не он крикнул, — это Б...

Наказание приостановили и спросили, зачем Н. принял на себя. Тот ответил, что сделал это, желая спасти всю роту от незаслуженного наказания. После этого, конечно, действительный виновник был сильно высечен, и оба они были отправлены в лазарет. Обстоятельство это не прошло бесследно, о поступке кадета Н. довели до сведения великого князя Михаила Павловича, который был главным начальником военно-учебных заведений, и он о том передал государю. Н. был взят во дворец, обласкан государем и играл с маленькими великими князьями Михаилом и Николаем Николаевичами¹⁰⁰. Этот Н. был хороший фронтовик и даже во время разводов ходил на ординарца, и хотя по учению не был из первых, но, благодаря своему поступку, пользовался расположением не только кадет, но и своего начальства.

Розга в то время в корпусах настолько была обыкновенным делом, что вряд ли кто-либо ее избегнул; почему она и не считалась позорной или обидной, но четвертый общий класс и, конечно, два выпускных уже были избавлены от розги.

Во время лагеря в Петергофе корпус наш был расположен рядом со 2-м кадетским корпусом, директором которого был генерал Бибииков¹⁰¹, а батальонным командиром полковник Кур[се]ль¹⁰².

Этот Кур[се]ль отличался своей жестокостью и однажды во время лагеря, наказывая розгами троих кадет 1-й роты, которые были уже в возрасте 17—18 лет, назначил для троих 200 ударов, предложив им самим поделить эти удары. Так как кадеты того времени увлекались геройством во всех видах, то и в этом случае каждый старался взять себе побольше, но Кур[се]лю после этого не поздоровилось: его палатка, в которой он в это время пил чай, была разнесена кадетами, забросавшими ее камнями.

Этот инцидент наделал много шума, но, к сожалению кадет, Кур[се]ль остался невредим.

Насколько в корпусе в то время обращалось внимание на нравственность кадет, которым не дозволялось даже в их играх иметь карты и, боже упаси, курить табак. Я припоминаю случай с фельдфебелем 2-й роты Н. Этот Н. после еженедельного отпуска вернулся в воскресенье в корпус, и встретив-

ший его ротный командир в разговоре с ним почувствовал запах табаку. Тогда он велел дыхнуть на себя и, узнав, что тот курил, доложил об этом директору корпуса, и Н. был за это разжалован из фельдфебелей, что, однако же, не помешало ему как одному из первых учеников выпускного артиллерийского класса быть выпущенным прапорщиком в гвардию и впоследствии получить известность по чину генерала от инфантерии. Мне и теперь пришлось встретить немногих моих бывших корпусных товарищей, бравых уже полных генералов, которые и доселе не пьют водки и не курят табак, а мне, пережившему девятый десяток старику, вероятно, благодаря тому же помогает Бог читать и писать без очков.

Мне, к сожалению, не суждено было окончить корпус, и, перейдя уже в четвертый общий класс во время Петергофских лагерей на маневрах в Ропше, я получил воспаление легких и был отправлен в Петербург в лазарет, где, с трудом поставив меня на ноги, доктора запретили мне дальнейшее учение, и в 1845 году я возвратился на родину, где после кумысного лечения мне пришлось хотя ненадолго превратиться в чиновника канцелярии саратовского губернатора по уголовному столу, но в силу дворянских традиций того времени, когда каждый дворянин считал своим долгом иметь военный чин, я, совсем оправившись здоровьем, вскоре отправился понюхать кавказского пороха. О моих кавказских воспоминаниях я уже писал ранее¹⁰³.

В боевой части Кавказа в 40-х годах жизнь ежедневно подвергалась опасности, так как помимо летних и зимних экспедиций передовые крепости, как, например, Воздвиженская, не только часто обстреливались неприятелем, но даже фуражировка, рубка леса для отопления и проч. и проч., не говоря уже об оказии, почти всегда оканчивались перестрелкой. Но, несмотря на такую жизнь, полную опасностей, она настолько сродняла людей, что оставляли Кавказ только те, которые вследствие тяжелых ран не могли продолжать службу. В мое время были генералы, начавшие там службу свою с юнкера, как, например, генерал Козловский¹⁰⁴, которого судьба хранила, мне же, как тяжело раненному во время экспедиции, пришлось выйти в отставку с мундиром и полным пенсионом в феврале 1852 года.

И затем всю мою остальную жизнь я посвятил общественной службе, занимая все высшие должности, и, прослужив таким образом в продолжение четырех царствований, вот уже восемь лет живу на покое, награжденный необычайной царской милостью¹⁰⁵.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ Сороковых годов¹⁰⁶

Кому приходилось быть в Саратове в начале 40-х годов, тот, конечно, помнит его далеко не таким, как теперь, когда называют его столицей Поволжья. Немошеные улицы этого города были в летнее время покрыты на четверть пылью, а весной и осенью жидкой грязью на пол-аршина, и именно в той части города, которая теперь имеет такой благоустроенный и красивый вид; второстепенные же улицы были менее грязны потому, что значительная часть их зарастала густой травой. Главные улицы имели узенькие деревянные тротуары и изредка стоявшие фонари, тускло освещавшиеся конопляным маслом. Но все это не особенно затрудняло жителей, потому что почти каждый маленький чиновник имел лошадь и экипаж ввиду крайней дешевизны сельских продуктов и возможности иметь недорогую прислугу из оброчных помещичьих крестьян. О водопроводе тогда, конечно, не было и речи, вода развозилась бочками из Волги по крутым ее берегам, а на случай пожара существовали в нескольких частях города какие-то деревянные с решетками бассейны, наполненные водой, покрытой вонючей зеленью. Бородатые, малограмотные из купцов городские головы, носившие в парадных случаях длиннополые кафтаны с бархатным воротником золотого шитья, особого фасона фуражки с козырьком и на боку саблю в кожаных ножнах¹⁰⁷, разъезжая по городской пыли и грязи, почему-то совсем не обращали внимания на благоустройство города, хотя Саратов со времен Петра I имеет и доньше более 80 000 десятин земли. Жалкие здания полицейских частей с каланчами были деревянные, выкрашенные дикой краской, а полиция, кроме полицмейстера, который назначался в то время из заслуженных штаб-офицеров, от комитета о раненых¹⁰⁸, была в страшном пренебрежении. Как теперь смотрю на мундирные фраки частных приставов с красным стоячим воротником при золотых петлицах, с шпажонкой на боку и треуголкой, надевавшейся поперек головы. Пошлют, бывало, к нему кучера или лакея с запиской дать им полсотни розог, да и приложат за труд синенькую ассигнацию, что даже и не считалось в то время взяткой, которая всюду безнаказанно существовала. А о квартальных надзирателях, заменявших теперешних по-

мощников приставов, и говорить нечего — они брали где попало и довольствовались не только рубликами, но и мелочью. Лучшая нажива для них была во время рекрутских наборов, когда раскутившихся рекрутов приходилось сажать в часть, от чего они, конечно, откупались; но случалось, что от пьяных рекрутов доставалось и квартальным. Выхватят, бывало, они у кварташки треуголку из рук да ей его и дуют, а он от них в своем мундирном фраке улепетывает марш-марш по улице до самой части. Полиция в то время очень наживалась; пристава по выходе в отставку делались домовладельцами города, а некоторые из них дослуживались до коллежского асессора, который до 1847 года давал потомственное дворянство, приобретали земли и крестьян.

Грабежи и разбои под Саратовом были заурядным явлением и наконец стали повторяться настолько часто, что в самое короткое время было три возмутительных случая, заставивших даже проснуться губернскую администрацию. Так, в горах, под самым Саратовом, в пруд сада купца Громова¹⁰⁹ было подкинута мертвое тело, по поводу которого частный пристав Баус начал прижимать его и, как впоследствии оказалось, взял с него большую взятку. Далее, на городском выгоне ночью через мост была протянута веревка, остановившая казенную почту, и после выстрела в почтальона денежная почта была разграблена. И затем на дачу чиновника Лачинова¹¹⁰ явилась целая шайка разбойников и, связавши его и его прислужника, разграбила все имущество, увезя на двух тройках; и хотя грабители были с намазанными сажей лицами, но Лачинов, служивший ранее сам в полиции, узнал некоторых из них и затем заявил подозрение на частного пристава Бауса. По расследованию оказалось, что пристав Баус, хотя сам в разбоях не участвовал, но, укрывая грабителей, отбирал себе большую часть награбленного ими имущества, которое и найдено было в его участке, в подземельных подвалах у загородных ветряных мельниц. Титулярный советник Баус был за это по суду лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь при существовавшей в подобных случаях в то время церемонии¹¹¹. Привезли Бауса на загородную площадь, которая ныне уже находится внутри города и называется Митрофановской¹¹², и затем при громадном стечении народа на устроенном высоком черном эшафоте после прочтения стряпчим утвержденного государем о разжаловании приговора палач в красной рубахе сорвал с плеча Бауса форменное платье, сломал над его головой его шпагу и затем, дав ему плюху, надел на него серый арестантский кафтан, в котором он и был препровожден в местную тюрьму на черной высокой колеснице и под конвоем вооруженных солдат.

После ссылки в Сибирь частного пристава Бауса обнаружили и самые грабители, которых на той же площади и эшафоте палач сек плетью и накладывал им на лоб и щеки клеймо.

Полицейская должность страшно портила в то время людей, и бывшие частные пристава, преобразившиеся впоследствии в помещиков, не могли отвыкнуть от своих наклонностей, развращая и наталкивая крестьян на разные преступления. Причем один мой сосед Н[еклюдов]¹¹³, сын также выслужившегося дворянина, не погнушался начать службу с квартального и, практикуясь на этой должности в искусстве воровства, держал однажды пари с богатым купцом, любителем лошадей, что он украдет у него ценного жеребца, хотя бы при самом строгом надзоре за лошадью. И действительно, несмотря на карауливших ее день и ночь конюхов, лошадь была уведена и как выигрыш сделалась собственностью Н[еклюдова], который впоследствии, уже живя в имении, заставлял своих крестьян в сильную зимнюю вьюгу, заметавшую след, исполу воровать со степи соседних помещиков сено, и когда неумелые крестьяне попадались, то он сек их, приговаривая:

— Воруи, да не попадайся!

Состояние его росло с каждым годом, и он сделался под конец помещиком даже нескольких уездов. Однажды, по доносу крепостного кучера его Алексея, он был заподозрен в делании фальшивых ассигнаций, но когда в его имении был произведен обыск, то ничего подозрительного не нашли, так как станки были его дворецким спущены в пруд. Доносчика же кучера он тут же взял из тюрьмы к себе на поруки, и это дело, как и многие другие, было замято. Н[еклюдов] и его отец, разбогатев, были оба женаты на дочерях помещиков старинных фамилий, давших им возможность войти в дворянское общество¹¹⁴. Отец же Н[еклюдова], не выпуская из рук нагайки, настолько был свиреп в семействе, что когда он умер, то жена и родственники боялись подходить к нему, предполагая, что он притворился и вскочит, чтобы всех отдуть плетью, так как ранее он проделывал такие штуки, желая заставить собраться к нему жену и родственников.

Моя матушка была на его похоронах, которые происходили летом, и рассказывала, что когда он еще лежал на столе мертвым, то дунет, бывало, в окно ветер, шевельнет покров на покойнике, так все со страху и разбегутся, хотя нагайки уже все благоразумно были упрятаны.

Вообще же, воровство в уезде было несравненно реже, чем в городах, так как вся полицейская власть сосредоточивалась в руках помещиков, хотя среди последних в то время бывали грустные случаи произвола и самодурства.

В молодости я был страстным охотником, как с ружьем, так и с собаками, и любил в охоте всегда пристраиваться к старикам соседям. И вот однажды осенью, стоя под островом¹¹⁵ со сворою борзых, мне пришлось чуть не перерезаться на ножах с помещиком Ф[окиным]¹¹⁶, отнимая из рук его крепостных борзятников несчастного татарина, который, проезжая мимо острова, отогнал нечаянно от Ф[окина] выходившую на опушку острова лисицу, за что, по приказанию этого помещика, татарин своей бритой головой был несколько раз погружен в горячую золу, оставшуюся от потухшего костра, у которого во время отдыха грелись охотники. Другой не менее возмутительный случай, которого я был свидетелем также на охоте, заключался в том, что сосед мой, пожилой помещик деревни Сафаровки¹¹⁷, рассерженный на крестьянина моей бабки¹¹⁸ за то, что, проходя мимо острова, помешал ему затравить лисицу, приказал своим псарям раздеть его донага и долго окутать без перерыва в находившуюся близ острова речку, а затем, не довольствуясь этим, велел сечь его через намоченный мешок арапельниками¹¹⁹, делая это до тех пор, пока я не подъехал с другой стороны острова и, поссорившись с Г[ригорьевы]м, не освободил измученного мужика. Впрочем, оба эти помещики были известны губернии за самодуров и вообще людей отчаянных. Последний из них, Г[ригорьев], полуседой брюнет, высокого роста, широкоплечий, носил в деревне красную шелковую рубашу с расстегнутым воротом, из-под которого виднелась мохнатая грудь. На плечи он накидывал длинный из тонкого сукна кафтан, вместо шаровар надевал широкие шелковые туманы¹²⁰, имея притом на голове в три четверти вышины боярскую соболью шапку, а на ногах с застегнутыми носками туфли. Он носил запрещенные тогда дворянам длинные волосы и бороду, которые всегда были расстрепаны. И моя вдовья бабушка, которая была его ближайшей соседкой по имению, настолько боялась Г[ригорье]ва, что раз навсегда приказала людям запираить ставни, когда он проезжал мимо ее усадьбы. Г[ригорье]в выпивал на охоте в день до 40 рюмок водки. Бывало, проглотит, сплюнет и, ничем не закусывая, понюхает только кусочек черного хлеба. Из этих помещиков Г[ригорье]в даже был воспет тогда одним из доморожденных поэтов, и ходившие по рукам стихи характеризовали его так:

Сафаров трое суток
Спиртует свой желудок,
Но не пьян и свеж, без шуток,
Удивительно!

Один старик Ванюха
Пройдет с ним ухо в ухо,
Мать русская сивуха
Им пользительна!

Об этих оригинальных помещиках я упомяну еще, а теперь, продолжая рассказ о существовавших вообще в то время порядках, вернусь к некоторым выдающимся случаям в мире бывшей администрации. Случаи эти особенно хорошо известны мне с 1846 года, когда я впервые вступил на государственную службу в канцелярию саратовского губернатора по уголовному столу. Губернатором в это время был Матвей Львович Кожевников¹²¹. Ранее он, в качестве казачьего атамана, служил под начальством Перовского и участвовал с ним в известной Хивинской экспедиции¹²², а при назначении саратовским губернатором был переименован в действительные статские советники. Гражданская форма заставила его по прежним порядкам ходить с бритыми усами, что к нему крайне не шло, так как он не оставлял военной того времени прически с высоким чубом и висками вперед. Был он среднего роста и имел несколько искривленные в сторону ноги от коротких казачьих стремян, но при всем этом был крайне симпатичен своим острым умом, хотя для административных и поступавших к нему на рассмотрение судебных дел не имел достаточной подготовки. Поэтому бывший при нем правитель канцелярии Дурасов¹²³ приобрел громадное влияние на дела губернии, и бывало даже так, что он нередко требовал к себе советников губернского правления и даже секретаря дворянства, которые немедленно к нему и являлись. Уголовным столом заведовал помощник правителя канцелярии, почтенный старичок, титулярный советник Попов¹²⁴, не получивший никакого образования и начавший службу в судебных местах с подконииста, а подручным переписчиком бумаг за десять рублей в месяц был также нигде не учившийся простой мещанин Шабалин, — которые главным образом вместе с Дурасовым и вершили судебные дела, представлявшиеся уголовной палате, и другие, на рассмотрение губернатора. За уголовным столом вместе со мной без всякого жалованья занимались еще двое также молодых дворян-помещиков и трое дворян, не имевших поместий. Последние, продолжая гражданскую службу, дослужились до высших чинов, и один из них, тайный советник, еще недавно ушел из К. губернаторов¹²⁵. Мы же, предназначая себя для службы военной, только на всякий случай желали ознакомиться с гражданскими делами. Дурасов, не будучи сам дворянином, недружелюбно относился к нам и особенно ко мне, возымевшему дерзость

встречать новый год в дворянском собрании, а не у него, как все прочие чиновники. Вследствие этого даже губернатор Кожевников, находясь в хороших отношениях с моими родными, часто поручал мне заниматься делами у него в доме, почему мне и пришлось узнать многие интересные происшествия того времени и быть свидетелем курьезных случаев.

В то время раскольники и вообще сектанты сильно преследовались правительством, и многочисленные старообрядческие скиты в заволжских, принадлежащих тогда Саратовской губернии уездах по реке Иргизу приказано было закрыть, для чего и были командированы чиновник особых поручений Г[орохов]¹²⁶ и становой пристав¹²⁷. Оба они были люди бедные, и первый из них происходил из купеческой семьи. Скиты эти были известны богатством утвари, но епархиальное начальство получило лишь только старинные образа без риз. Предание говорит, что богатство скитов перевозилось куда-то по ночам на лодке через реку, а главный исполнитель, дослуживший впоследствии до чина коллежского асессора и выше, приобрел большие вотчины в одном из приволжских уездов Саратовской губернии. Преследования старообрядцев порождали тогда массу злоупотреблений со стороны чиновного люда, и на моих глазах жандармский штабс-капитан фон П[ален]¹²⁸, измыслив для себя способ наживы, явился к известному старообрядцу, старику-купцу Гладкову и, застравав немедленным арестом, вынудил у него крупную сумму денег и заставил насильно принять православие. Впоследствии это обнаружилось, и жандармский офицер был предан суду¹²⁹.

Из числа записанных мною убийств в 40-х годах были более выдающимися: убийство помещика при деревне Быковке Саратовского уезда Панкратова¹³⁰, задушенного любовницей и ее братьями из крепостных; помещика Вольского уезда Жарского¹³¹, найденного повешенным на поперечнике под балконом верхнего этажа дома тоже крепостными; помещика Аткарского уезда Иванова¹³², убитого в овражке дубинкой по голове крепостным мальчишкой-пастухом во время проезда Иванова на беговых дрожках, и доселе не раскрыто убийство полковника Якубинского¹³³ в имении молодого помещика Петровского уезда¹³⁴. Корнет гвардии У[стинов]¹³⁵, незадолго перед тем оставивший военную службу и живший в своих больших вотчинах с вдовой матерью, однажды осенью, как значится из моих заметок того времени, праздновал свои именины, к которым съезжалась к нему уездная интеллигенция в лице исправника Фокина¹³⁶, стряпчего Кизо¹³⁷, женатого на очень красивой женщине, уездного врача Алексеева¹³⁸ и других. Во время обеда, происходившего в верхнем этаже, пир, как говорится, шел горой, на котором не-

доставало только его дяди, полковника Якубинского, куда-то в это время уехавшего. Среди обеда явившийся крепостной камердинер¹³⁹ У[стинова] что-то передал своему барину, после чего У[стинов], сойдя в нижний этаж дома и пробыв там некоторое время, вернулся к гостям и, в свою очередь, что-то сказал врачу Алексееву, немедленно затем также отправившемуся вниз. Врач Алексеев оставался там довольно долго и, возвратившись с растерянным видом, объявил, что полковник Якубинский, приехавший во время обеда больной, скоропостижно умер. Известие это ошеломило кутежную компанию, и, спустившись вниз, она нашла полковника Якубинского уже обмытым и переодетым, почему исправник Фокин, стряпчий Кизо и уездный врач Алексеев, как составлявшие временное отделение нижнего земского суда, произвели о скоропостижной смерти Якубинского дознание и, составив о том акт, разрешили беспрепятственно предать тело земле. Спустя некоторое время камердинер У[стинова] был наказан за что-то розгами своим помещиком, донес губернатору о том, что полковник Якубинский умер неестественной смертью, почему и было назначено следствие, которое по вырытии из могилы Якубинского и вскрытия его черепа обнаружило рану в задней части его головы за ухом, и пуля найдена была засевшей в мозгу, не пробив лба. После чего У[стинов], Фокин, Кизо и Алексеев были посажены в тюрьму, и затем по суду трое последние сосланы были в Сибирь, а У[стинов], оставаясь в подозрении, отсидел в тюрьме около десяти лет. Служа в то время в канцелярии губернатора, я видел представленные при следственном деле два маленьких, почти карманных двустольных пистолета, ствол на стволе, известного мастера Беккера¹⁴⁰, причем один из стволов был разряжен, и пуля, найденная в голове полковника Якубинского, была такой, какими остались заряжены три остальных ствола. Самые же пистолеты оказались принадлежащими полковнику Якубинскому.

Лет десять спустя после этого я как-то был в Киеве и встретил возвращавшиеся из Сибири семейства Кизо и Фокина. Они от страшной нищеты были в ужасном положении и, лишившись мужей, со слезами проклинали врача Алексеева, скрывшего от них, что смерть Якубинского была неестественной.

Вернусь теперь снова к Кожевникову. Губернию он принял вскоре после Фадеева¹⁴¹, человека мягкого и мало обращавшего внимания на формальности, почему многие дворяне стали отпускать себе запрещенные в то время для привилегированных сословий длинные волосы и бороды, против чего Кожевников начал принимать крутые меры. Перед очередным губернским дворянским собранием Кожевников просил губернского предводителя объявить

дворянам, что длинных волос и бород он не потерпит и что нарушители закона в этом случае будут на гауптвахте обстрижены и выбриты на барабане. Заявление это, конечно, восстановило против него дворян, и отношения Кожевникова к губернскому предводителю¹⁴² тут же стали натянутыми, тем более, что Кожевников, приняв губернию, сделал визиты только предводителям, тогда как среди нашего дворянства было много почтенных людей.

После этого вскоре начались различные демонстрации: губернское собрание Кожевникову пришлось открыть пустым, так как большинство дворян явились в собрание только тогда, когда он уехал домой. Недовольный этим и узнав, что в числе отсутствовавших в собрании был одновременно исправляющий должность уездного предводителя Г[ригорьев]¹⁴³, о котором я говорил выше, Кожевников потребовал его к себе.

Г[ригорьев] на другой же день явился с той же длинной бородой и растрепанной шевелюрой, но, однако же, в дворянском мундире. В это время я с другим моим коллегой Щ. находился для занятий в доме губернатора, в соседней с залой комнате. Увидев Г[ригорьева] в первый раз через год после моей с ним ссоры, я к нему не подходил, но по его раскрасневшемуся и без того багровому лицу и свирепым глазам не мог не заметить, что он был в сильном возбуждении. Вскоре затем губернатор потребовал его к себе в кабинет, находившийся в угловой комнате за гостиной, где он в первые годы имел обыкновение заниматься за конторкой, сидя верхом на серебряном, усыпанном кораллами и бирюзой казачьем седле на высокой подставке. Но не прошло и пяти минут, как послышался какой-то шум от падения, и затем появившийся Г[ригорьев], поспешно уходя из дома, громко закричал своим хриплым басом, находившимся в передней жандарму и лакею:

— Скорей за доктором, губернатору дурно!

Жандарм и лакей бросились за доктором, а мы в кабинет губернатора, где и нашли Кожевникова только упавшим на пол и старавшимся высвободить ногу из стремян. Кожевникову мы помогли встать, но прочие предложения услуг он отклонил и отпустил нас домой.

Когда же стремительно уходил Г[ригорьев], то нам показалось, что у него из рукава что-то выглядывало. А через несколько дней на балу дворянства Кожевникову пришлось выслушать далеко не любезный ответ одного из самых крупных помещиков Арефия Игнатьевича Киселева¹⁴⁴, которому губернский предводитель Бахметьев, известный скрипач и бывший впоследствии директор придворной капеллы, подойдя с Кожевниковым, передал, что губернатор, узнав, что Киселев хорошо играет на бильярде, желал бы сыграть с ним партию. Киселев, рассердившись, ответил:

— Вы забываете, Николай Иванович, что бильярд не скрипка, а кий не смычок, и я концертов на нем не даю и, кроме того, с людьми незнакомыми не играю!

Сказав это, Киселев, отвернувшись, ушел. Такой поступок повлек за собою весьма крупные для Киселева неприятности, так как впоследствии он был почему-то заподозрен в масонстве и сочинении разных пасквилей на губернские власти, за что и был с двумя жандармами отвезен в Вятку. Но эта административная ссылка продолжалась весьма недолго, и после нее Арефий Игнатьевич постоянно жил в Петербурге несколько лет, пока Кожевников оставался саратовским губернатором. Киселев был родственником любимцу императора Николая Павловича, министру государственных имуществ, графу Киселеву и едва ли даже не приходился ему родным дядей¹⁴⁵. Арефий Игнатьевич был большой оригинал, шутник и хлебосол, поэтому недостатка в гостях у него не было, как в Саратове, где он имел прекрасный дом, так и в деревне. Бывший ранее в Саратове преосвященный Иаков¹⁴⁶ его очень любил и, объезжая епархию, к нему заезжал. Зная, что Киселев был страстный охотник с собаками, часто, смеясь, укорял его в бессердечности истребления несчастных зайчиков, которые при травле их собаками, как ему передавали, так жалостно кричат. И вот однажды осенью преосвященный Иаков посетил Киселева в имении, где рано утром, выйдя на балкон, он услышал раздавшийся в горах из близлежащего леса какой-то странный концерт и звуки труб. Не понимая, что это было, преосвященный долго вслушивался. Когда же явившийся к нему Киселев объяснил, что концерт есть не что иное, как гоньба хорошо подобранных голосами 60 гончих, и что трубные звуки принадлежали псарям, дававшим знать, по какому зверю гончие гнали, то преосвященный был крайне удивлен и, желая послушать ближе этот собачий концерт, принял предложение Киселева подъехать к лесу. Поездка была сделана на охотничьих дрогах, на которых преосвященный и оставался в некотором расстоянии от леса, не зная, что кроме гончих были вокруг леса расставлены и охотники с борзыми. Наслаждаясь природой раннего осеннего утра и слушая эти странные звуки, преосвященный вдруг увидел спасающегося от борзых измученного зайца. Он до такой степени проникся жалостью к этому несчастному зверьку, что, желая спасти его, соскочил с дрог и, пробежал несколько шагов, хотел его поймать в рясу, и опомнился только тогда, когда увидел Киселева, скачущего к нему верхом. Преосвященный часто об этом рассказывал, добавляя, смеясь, что шутник Киселев заставил и его ловить зайцев.

Иаков был известен своей строго-подвижнической жизнью. Жил он в Саратове в небольшом одноэтажном, выходившем на Царицынскую улицу¹⁴⁷ деревянном домике, при вполне монашеской обстановке, где в его крошечной без окон спальне лежал на деревянной кровати пуховичок и подушка, которые он на ночь всегда снимал и спал на голых досках. Иаков впоследствии обладал прозорливостью, и когда его перевели архиепископом в Нижний Новгород, был такой случай: в холеру 1847 года проезжала из Петербурга через Нижний одна хорошо известная ему саратовская дворянка Рылеева¹⁴⁸, пожертвовавшая свои дома саратовскому женскому монастырю. В Нижнем она была у преосвященного, который, благословив, отдал ей какую-то маленькую посылочку на имя ее сестры. Но Рылеева по случаю праздника осталась еще на один день в Нижнем, чтобы отстоять архиерейскую службу. Увидев ее под конец обедни, когда она подошла под благословение, Иаков настойчиво и озабоченно сказал ей, чтобы она торопилась домой, что ее крайне удивило. Возвратясь же в Саратов, после семидневной езды на почтовых, Рылеева нашла свою сестру умершей уже третий день. И после вскрытия посылки преосвященного Иакова оказались молитва и венчик, которые кладутся на покойников и предназначавшиеся этой умершей. Преосвященный Иаков последние годы своей жизни, присутствуя в Синоде, скончался в Петербурге.

В 40-х годах в Саратове проживало много сосланных поляков, из числа которых были особенно выдающимися старик прелат¹⁴⁹ и граф Потоцкий¹⁵⁰, владетель Тульчина. Потоцкий, располагая громадными средствами, жил в Саратове очень скромно и позволял себе только одно удовольствие: вполне гастрономический стол. Он был удручен своей ссылкой, о чем часто говорил, и заверял о своей преданности Государю, видимо, избегая сближения с находившимися в Саратове земляками. Но несмотря на это не мог ничего придумать для облегчения своего положения. И вот однажды губернатор Кожевников получает из III отделения извещение о существовании в Саратове тайного общества, называя главными членами его трех пожилых помещиков — Н.Н. Аничкова, П.А. Жарского и А.Д. Горбунова¹⁵¹, которые известны были губернии не только за самых благонадежных, но и настолько боязливо-осторожных людей, что они избегали даже вести знакомство с теми дворянами, которые носили запрещенные бороды. Кожевников, объяснив в своем ответе шефу жандармов личности этих дворян, добавил в заключение, что донос на указанных лиц есть не что иное, как злая шутка. Донос об этом, как оказалось, принадлежал Потоцкому, который вскоре за тем был вытребован в Петербург, где и разъяснилась эта курьезная история. Дело было так:

у графа Потюцкого в числе дворянской молодежи нередко бывал сын бывшего ранее саратовского губернатора¹⁵² Ростислав Фадеев¹⁵³, который после перемещения его отца в Тифлис долго оставался в Саратове. Однажды Фадеев вместе с Потюцким были в Немецком клубе, помещавшемся тогда на Никольской улице¹⁵⁴, в скромном деревянном домике Франца Ивановича Штейна, и вот, выслушивая обычные сетования Потюцкого на свое положение, он посоветовал ему доказать свою преданность правительству открытием какого-нибудь заговора, на что Потюцкий с горячностью возразил:

— Да где же я его возьму.

Тогда большой шалун Фадеев указал на отдельную соседнюю комнату, где ежедневно собирались поиграть в карты трое упомянутых помещиков, которых он, как все другие, прекрасно знал за людей безукоризненных в политическом отношении, почему шутя и сказал:

— Разве вы не замечаете, что эти трое всегда уединяются, таинственно удаляясь в отдельную комнату; наверное, дело тут неладно!

Потюцкий, приняв все за чистую монету, возьми и напиши на них донос. Обо всем этом было доложено Государю, и Николай Павлович, как говорят, хотя и немало смеялся этой выдумкой Фадеева, но все-таки, узнав, что он находился в это время в Петербурге, приказал его выслать из столицы¹⁵⁵. Граф же Потюцкий был помилован, и ему разрешили вернуться на родину¹⁵⁶.

Ростислав Фадеев находился в Саратове несколько лет, где также в это время жила его сестра, известная писательница под псевдонимом Зинаиды Р.¹⁵⁷, произведения которой «Утба[а]ла», «Перекасти-поле»¹⁵⁸ и прочие с интересом читались русским обществом¹⁵⁹. Дочь же ее, юную и очаровательную Елену Ган¹⁶⁰, я нередко встречал у моего соседа по деревне Бера¹⁶¹. Фадеев был душою общества при кутежах молодежи, на пикниках и различных загородных катаньях. Тогда Саратов в зимнее время был полон съезжавшимся из своих поместий дворянством, которое после нескольких месяцев однообразной деревенской жизни старалось вознаградить себя городскими развлечениями. Театры, балы-маскарады в дворянском собрании, домашние спектакли и семейные вечера шли одно за другим, но одним из самых любимых развлечений были загородные катанья. Помню, как, бывало, соберется троек двадцать, одна лучше другой, в щегольской упряжи с серебряными бубенцами и в больших семейных санях. Сколько молодости и веселья несли с собой эти тройки. Катанья эти сближали влюбленную молодежь и нередко кончались свадьбами; но при быстрой езде бывали, конечно, и печальные случаи. В одно из таких катаний Фадеев с юным гусаром Новиковым,

догоняя поезд, мчались с бедовою вдовушкой бальзаковского возраста, причем сани, застегнутые медвежьей полостью, опрокинулись в ухаб, кучер вылетел с козел, и седоков несли лошади до тех пор, пока доскакали до передней тройки. Результатом этого был перелом руки у вдовушки, которая потом хотя и вышла замуж за Новикова, но до конца жизни сохранила нежную привязанность к Ростиславу Фадееву. Тридцать лет спустя мне, по должности губернского предводителя, пришлось вместе с губернатором Г[алкиным-]Врас[ским]¹⁶² и прочим составом губернского правления свидетельствовать на дому уже разбитую параличом вдовую старуху г-жу Новикову вследствие поданного ее дочерью фон Бригиной¹⁶³ заявления о том, что ее мать, лишившись рассудка, растрчивает свое богатое состояние, объясняя, что две приживалки Новиковой и ее дворецкий, слыша постоянно от своей госпожи рассказы о ее любви к Фадееву и пользуясь ее дряхлостью и потерей зрения, придумали подавать ей подложные, как бы получаемые с почты от Фадеева письма, в ответ на которые старуха Новикова через тех же людей отправляла к нему ежегодно по несколько тысяч. По освидетельствовании Новиковой, однако же, она сумасшедшей не оказалась и объявила, что не считает себя обязанной давать кому-либо отчет в своих действиях. Как известно, Ростислав Фадеев впоследствии дослужился до генеральских чинов и был военным писателем, которому принадлежал и известный проект о перевооружении русских войск¹⁶⁴.

Дворянство того времени, как и вообще до крестьянской эмансипации, несмотря на крайнюю дешевизну сельских продуктов, — продававшихся, рожь, например, по 10 коп. за пуд, а овес по 40 коп. за четверть, — жило в большом избытке средств, что следует отнести к даровой обработке земли крепостными крестьянами. По залогом же имений в приказе общественного призрения или опекуновом совете взимался крайне незначительный процент. Кроме того, поездки в столицу были очень затруднительны, так как до 1846 года даже и до самого Петербурга приходилось ездить на почтовых, а путешествие за границу было тогда доступно лишь очень немногим, почему волей-неволей деньги приходилось тратить только в своем углу. Корнеты же Отлетаевы¹⁶⁵ хотя и существовали, но все же как редкое исключение, и я до эмансипации знал в нашей губернии только одного разорившегося таким образом помещика Рославлева, и то в 40-х годах, уже стариком. Лев Яковлевич Рославлев был человеком хорошо образованным и знавшим несколько иностранных языков¹⁶⁶, а жена его принадлежала к лучшей дворянской фамилии¹⁶⁷. У Льва Яковлевича было около двух тысяч душ крестьян, кото-

рых он прожил и преимущественно проиграл в карты еще в 30-х годах; а так как значительная часть его вотчин перешла к известному саратовскому помещику А.А. Столыпину¹⁶⁸, то сей последний и содержал Рославлёва до самой его смерти, отпуская необходимую ежемесячную для него и его прислуги провизию и выдавая Рославлёву на карманные расходы 50 коп. в день.

В моем семействе до сих пор живет бывшая крепостная фрейлина жены Рославлёва, некто Винокурова: теперь ей за девяносто лет, несмотря на которые она не только сохранила рассудок и память, но даже зубы и зрение, и до сих пор ходит из деревни пешком в село за пять верст к обедне. Винокурова была моей матушкой взята мне в няньки в 1830 году, будучи хорошо грамотной, когда даже и многие помещицы не умели читать и писать. И вот она рассказывала в подробностях о жизни Льва Яковлевича Рославлёва. В каждой деревне у него были барские дома. В одной из них жила жена с полным штатом; тут и компаньонка англичанка, и живописец-итальянец, и повар-француз, и много других. Сам Рославлёв посидит с недельку с женой, да и поедет по другим деревням, где у него большею частью штат был женский. Когда же отправлял жену на воды, тогда гостей съезжались к нему тьма-тьмущая, и первые являлись гусары из стоявшего в то время в Саратове полка, и тут шла азартная игра в карты, в которой он проигрывал крестьян то на вывод, то с землей. Когда же очень раскутятся, преимущественно после псовой охоты, то затевали разные представления в полунагом виде верхом на лошадях в зале, похожие, по ее описанию, на афинские вечера. Но все это продолжалось до тех пор, конечно, пока не возвращалась его жена. Тогда начнут они, бывало вместе плакать, обделяя проигранных крестьян деньгами и разными подарками, так как в отношении своих крепостных он жестоким не был, но только особенно любил женский пол, вследствие чего Винокурова, в отсутствии жены, и поплатилась горькой участью. Винокурова, как видно из ее портрета масляными красками работы живописца Рославлёвых, была очень хороша собой, и Лев Яковлевич за ней сильно приударил. Но так как она не только не подчинилась в данном случае помещику, но и передала о том его жене, то Рославлёв при первом за тем отъезде жены приказал управляющему отдать Винокурову замуж за дурака крестьянина, ходившего летом и зимой босиком в одной рубахе. Управляющий, пожалев ее, выдал за другого, не столь глупого, что крайне раздражило Льва Яковлевича, который и приказал, чтобы муж Винокуровой в тот же день был отвезен в губернский город и сдан в солдаты. Затем Винокурова, в слезах не рассмотревшая даже хорошенько своего мужа, впервые увидела его через 28 лет, по выходе в отставку из службы на Кавказе.

Подобные возмутительные случаи были очень редки, да вообще, если и существовало жестокое обращение с крепостными, то почти всегда только у тех помещиков, которые сами не жили в своих вотчинах и представляли управление ими немцам и полякам или же у выслужившихся из ничтожества дворян. Так как до 1847 года давал права потомственного дворянства не только чин коллежского асессора, но и первый военный офицерский чин, то бывший крепостной крестьянин, дослужившись до прапорщика, поступал затем на гражданскую службу и приобретал себе крестьян. По крайней мере, я на моем веку не знаю еще ни одного выдающего случая жестокости настоящих коренных помещиков, и убийства упомянутых мною выше первых двух помещиков произведены были с целью грабежа, а третий пал жертвой полудиота-пастуха. Что же касается рассказанных мною безобразий на охоте, то охотничий азарт доходил в старые времена до невероятных вольностей даже крепостных охотников относительно своих помещиков. Я помню, как за известным крупным саратовским помещиком стариком С[толыпиним]¹⁶⁹ на моих глазах гнался с арапельником его псарь, и помещик насилу от него усакал. Вечером же, когда начались обычные рассказы его гостей-охотников и псарь был вызван для совета касательно охоты следующего дня, то старик не только не сделал псарю никакого выговора, а, напротив, начал перед ним оправдываться.

— Что ты дурак, — говорил он, — разлетелся на меня! Ведь волк запал в бурьянник, ну, собаки-то и пронеслись. Что же я виноват тут? А ты выпучил глаза, да и драться лезешь.

На это псарь с укоризной ответил:

— Помилуйте, А[фанасий] А[лексеевич], я ведь два раза в рог голос подавал и всей стаей гончих волка вам на опушку вывел, борзые даже у вас на дыбках¹⁷⁰ стояли, а вы закустились в перемычке¹⁷¹ да и дремлете.

— Ну, врешь, врешь дурак! — смеялся С[толыпин].

Относительно же выслуживших коллежских асессоров я для иллюстрации упомяну некоего Ч[есницк]ого¹⁷², который, ранее служа казначеем, был под судом за то, что кладовую в казначействе подломали и выкрали деньги. Когда же при обыске его дома кому-то пришла остроумная мысль заглянуть в цветочные на окнах горшки, то по разрытии их нашли под землей кучи червонцев, по поводу которых жена его под колокольным звоном дала в церкви при массе народа клятву, что нажила эти деньги в молодости своей красотой. После чего Ч[есницк]ий, выкарабкавшись из-под суда, вышел в отставку, купил близ г. Саратова земельный участок и занялся тем, что завязал сношения с управляющими имений крупных помещиков, которые в них

никогда не заглядывали, и скупал крестьянских детей-сирот; выращивал их у себя и, по достижению известного возраста, продавал девок в замужество для крестьян, а мужчин ставил вне очереди в рекруты или представлял в распоряжение правительства для заселения Сибири, за что казна тогда выдавала по 300 рублей за человека.

В 1848 году я оставил гражданскую службу и затем, поступив в войска Кавказской армии, приезжал в Саратов в 1851 году уже офицером, находясь в отпуску после тяжелой раны. Кожевникова я застал еще губернатором, но сильно изменившимся во всех отношениях. За этот период времени он не только усвоил себе все обязанности губернатора, но и узнал людей, почему как правитель канцелярии, так и многие прежние чиновники были заменены другими. Отношения его к дворянству значительно улучшилось, так что из среды последних, и преимущественно людей почтенных, можно было назвать многих дружески к нему расположенных. Но, к сожалению, в это время у Кожевникова уже шли серьезные недоразумения с преосвященным Афанасием¹⁷³, которые возникли вследствие того, что Афанасий, не дав знать, как следовало, ни губернатору, ни полиции, распорядился поднятием колокола у вновь выстроенной церкви Михаила Архангела¹⁷⁴ после обедни, которую он там служил. Почему, когда собралась по этому случаю толпа в несколько тысяч человек, и это было доложено Кожевникову, то он приказал народ разогнать, затруднив, таким образом, поднятие колокола. По поводу этого случая впоследствии много говорилось в печати, и даже некоторые заверяли, что преосвященный Афанасий будто бы официальной бумагой отлучил губернатора Кожевникова от церкви. Но ничего подобного, конечно, не было, и этот слух возник из того, что Афанасий в своих сетованиях за распоряжение Кожевникова высказал ему в письме, что подобных вещей не решится сделать не только православный человек, но и вообще христианин, почему он и затрудняется считать Кожевникова членом своей паствы. Недоразумения эти обострились до такой степени, что преосвященный Афанасий хотя и архиепископом, но был переведен в Астрахань, а Кожевников, спустя некоторое время, вовсе оставил службу, доживая свой век старого холостяка в небольшом имении у своей сестры. Кожевников, несмотря на былые времена, когда существовали винные откупа, оставил Саратов, не имея положительно ни копейки в кармане, и саратовцы, и особенно откупщики, всегда вспоминали его как одного из самых честнейших людей.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО КАВКАЗЦА¹⁷⁵

В 40-х годах я служил юнкером в Куринском полку¹⁷⁶, штаб-квартира которого находилась в крепости Воздвиженской, расположенной на левом фланге Кавказа¹⁷⁷, в 30 верстах впереди крепости Грозной. Воздвиженская была расположена близ Аргунского ущелья на крутом берегу реки Аргун, потоки которого против крепости стремительно неслись несколькими рукавами по ложине в ширину около полверсты, вырывая по временам из ущелья громадные камни, кувыркавшиеся в бурных потоках неглубокой реки.

Девственные леса Кавказа, окружавшие с двух сторон Воздвиженскую, давали возможность горцам обстреливать в ночное время эту крепость, и в особенности с противоположного берега Аргуна, где, в предупреждение этого, была построена укрепленная башня для роты солдат, занимавших в ней караул поочередно, и, кроме того, нижняя часть берега под крепостью Воздвиженской имела также особое укрепление.

Эта могучая крепость, стоя одиноко на рубеже Большой Чечни, имела у себя особого коменданта в лице командира Куринского полка и значительный гарнизон, в состав которого, кроме куринцев и подвижной артиллерии, входили: ракетная команда, взвод сапер и две-три сотни донских казаков. Один батальон нашего полка занимал построенное в 1847 году в 14 верстах от Воздвиженской укрепление Урус-Мартанка¹⁷⁸. На долю гарнизона приходилось еженедельно поочередно участвовать в конвоировании больших обозов во время оказания из Воздвиженской в Грозную, а также в прикрытии рабочих во время фуражировок и заготовки дров для нужд крепости. Командировки эти весьма редко обходились без перестрелки с неприятелем, и особенно во время оказания, где при движении колонны через Ханкальское ущелье горцы часто безнаказанно с высоты гор обстреливали колонну пушечными снарядами, производя переполох в обозе при перепряжке убитых лошадей, тогда как наши войска, находясь в ущелье, лишены были возможности отвечать тем же.

Леса с вековыми чинарами гигантских размеров, переплетенные диким виноградником, с множеством порослей, служили также хорошей засадой

для горцев. Так однажды рота Куринского полка при заготовке дров, едва успев расставить цепь, заняла свои места в лесу, поставив ружья в козлы, а рабочие принялись за вырубку, как запавшая заранее в чаше партия горцев, не замеченная передовыми пикетами, сделала залп по цепи и, напав врасплох на роту, нанесла ей сильный урон, изрубив при этом шашками сидевшего на барабане командира роты капитана Сухецкого¹⁷⁹. Такие хищнические действия неприятеля заставили и куринцев принять свои меры. Была образована охотничья команда с двустольными ружьями, имевшими откидные штыки, и команде этой, в свою очередь, нередко удавалось в ночное время из засады у лесных дорог истреблять шайки немирных горцев.

В крепости Воздвиженской дамское общество ограничивалось семействами четырех офицеров и женившегося впоследствии нашего командира полка барона Меллера-Закомельского¹⁸⁰. Общество же офицеров и юнкеров, людей бесспорно хороших и принадлежавших преимущественно к дворянским фамилиям, было очень значительное¹⁸¹; к последним причислялись также разжалованные офицеры, врачи и другие интеллигентные лица из сосланных на Кавказ поляков, в числе которых были даже и ксендзы.

Появление штатских на передовой линии было в то время большой редкостью, и, за исключением единственного тогда помещика на Кавказе Хасатова¹⁸², как-то еще пришлось видеть в свите заместителя Воронцова¹⁸³ его домашнего казначея, рослого блондина Александровского¹⁸⁴ и затем приезжавшего к нам в Воздвиженское сына Воронцова¹⁸⁵, который, числясь по дипломатическому корпусу, проводил большую часть времени в Англии, имея там влиятельных родственников среди высшей английской аристократии¹⁸⁶. Сенечка Воронцов, как мы его тогда звали, был пресимпатичный малый и страстный охотник, имевший дорогие ружья и породистых подружейных собак. Он явился к нам в первый раз совсем по виду англичанином, в пестром костюме и с длинной шевелюрой до плеч, но затем вскоре совершенно преобразился. За заслуги отца его произвели из титулярных советников в капитаны гвардии с назначением флигель-адъютантом и прикомандированием к нашему Куринскому полку.

Такое необычайное производство сына Воронцова было в те времена не редкостью. Император Николай Павлович любил награждать действительно по-царски, награждая не только самих отличившихся в боях, но и за их заслуги и их детей.

Мужское общество, скучая в свободное от службы время, поневоле развлекалось азартной игрой в карты, ставя последнюю копейку ребром. Дру-

гих развлечений не было, почему даже редкий приезд с виноградом казачек Терской линии представлял для Воздвиженской немалый интерес, и в особенности, когда появлялась гребенская казачка Дунька Догадиха¹⁸⁷. Ей молодежь однажды устроила даже факельное шествие, нося ее с песнями на носилках по уединенной части крепости. Эта в своей ранней молодости знаменитая красавица очаровала не на шутку приезжавшего на Кавказ известного старика генерала графа Ч[ернышева], который снял даже масляными красками с нее портрет, украшавший его петербургские салоны¹⁸⁸.

Такая бесшабашная жизнь молодежи, при которой каждому, как говорится, жизнь была копейка, однако же очень редко порождала ссоры среди офицеров, и за время моей службы, кроме известной дуэли поручика Кабардинского полка Т-ва, я еще помню только один случай дуэли в Воздвиженской, во время карт, между поручиком Никилевым и полковым священником. Последний был тяжело ранен шашкой в голову, и хотя на суде заявил, что отца с сыном никто не может судить без их жалобы, но тем не менее Никилев был разжалован в рядовые, а священник удален.

Набеги на ближайшие немирные аулы барон Меллер-Закомельский делал сравнительно редко, но зато всегда удачно и без больших с нашей стороны потерь убитыми и ранеными. Набеги эти производились преимущественно тогда, когда чеченцы, в свою очередь, делали набеги в других местностях, о чем всегда давали знать падкие до золота лазутчики. Каждый набег давал возможность угонять у горцев скот, необходимый для продовольствия наших войск, и истреблять аулы, которые в большинстве случаев делались после этого покорными и выселялись около наших крепостей. Но эти набеги далеко не удовлетворяли уже привыкшие к бою войска, и каждый нетерпеливо ожидал летней и зимней экспедиций, для которых стягивались войска из разных мест.

В 1849 году на левом фланге были предприняты две экспедиции против горцев. Первая из них, при реке Нефтянке, с мая продолжалась около полутора месяцев.

Отрядом командовал полковник Суслов¹⁸⁹, который ранее был командиром старейшего на Кавказе Гребенского линейного казачьего полка¹⁹⁰. Гребенцы были коренные старообрядцы, к числу которых почему-то причисляли и полковника Сулова, заверяя, что он будто бы был даже у них попом и по временам, облачаясь в ризы, служил обедню в станице Червленной. Но обстоятельство это весьма сомнительно, так как впоследствии, когда Сулов жил в Грозной, мне не раз приходилось у него обедать, и он молился крес-

том, принятым у православных. Гребенские же казаки, и в особенности казачки, хотя и были очень гостеприимны, но угощали православных, подавая им обед в особой посуде, не скрывая своей принадлежности к расколу. В продолжение экспедиции при реке Нефтянке была построена укрепленная башня в нескольких верстах от крепости Грозной. Горцы, как и всегда, мешали работам по постройке башни, обстреливая по временам лагерь из орудий; но так как прямых нападений с их стороны не было и затем около недели царил в лагере полное затишье, то Суслов сделал набег на ближайший немирный аул, получив сведения об отсутствии в нем горцев. Рота, в которой я состоял, не попала в отряд, назначенный для набега, но по моему ходатайству я был прикомандирован к другой роте, капитана Позенковского, с которой и пришлось мне участвовать в чрезвычайно жарком деле. Отряд этот, состоявший только из одной роты пехоты, сотни казаков и двух орудий, тихо вышел на рассвете. Шли лесом по узкой дороге. На редких полянках громадные дикие кошки с пушистыми хвостами, гревшиеся под лучами восходящего солнца, при нашем приближении с необычайной быстротой вспрыгивали на деревья, а золотистые фазаны то и дело выпархивали из диких порослей. Охотникам, скрепя сердце, приходилось только любоваться этой картиной. Наконец перед нами раскрылось большое поле, покрытое кукурузой, за которым виднелись сакли немирного аула. Прежде чем выйти на поляну, нам приказано было перейти у опушки леса вброд небольшую, но топкую речку Шавдонку, для прикрытия моста, который наводили саперы для кавалерии и артиллерии. После этого казаки во главе с Суловым быстро направились к аулу, близ которого паслось неприятельское стадо рогатого скота. Случайно проходившая близ этой местности партия горцев под начальством известного чеченского наиба Талгика¹⁹¹ заметила нашу конницу; казаки должны были ограничиться только угоном значительного количества скота и затем вступили в перестрелку с этой партией. Одновременно с этим началась обратная переправа с артиллерией через мост, вся тяжесть прикрытия которого легла на нашу роту, находившуюся в хвосте. Натиск этой большой партии горцев был настолько силен, что мы должны были залечь в канаву, чтобы дать возможность с другой стороны Шавдонки, через наши головы, обдать неприятеля картечью из орудий. После разборки моста, когда мы стали переходить вброд эту топкую речонку, артиллерия уже была лишена возможности действовать, и вот тут-то спешившиеся горцы вступили с нашей ротой в рукопашный бой. Схватка была отчаянная; она

продолжалась лишь несколько минут, но потери с обеих сторон убитыми и ранеными были весьма значительны. Прежде всего у нас был убит пулей в голову ротный командир капитан Позенковский и фельдфебель, двумя пулями в грудь, в числе тяжелораненых оказались офицер и почти все унтер-офицеры этой роты.

Как только наша рота переправилась на другой берег Шавдонки и для стоявшей там артиллерии представилась возможность снова пустить картечь, горцы были рассеяны с громадным уроном. Отряд наш, под выстрелами подобрав убитых и раненых, вернулся в лагерь по другому, отдаленному, но более удобному пути.

После этого набега жители аула, у которых был угнан скот, хотя и пускали в ход свои винтовки из леса с противоположного берега реки во время водопоя наших лошадей, но до окончания постройки башни никаких особых событий уже не было. Солдаты, скучая в свободное от службы время, развлекались истреблением змей, скорпионов и фалангов, попадавших в соседних с лагерем развалинах бывшего когда-то жилища горцев.

Вторая, гораздо более значительная экспедиция под начальством генерала Нестерова¹⁹² продолжалась с 3 августа по 25 октября, при устройстве Тепликичинского укрепления, в местности далее за Нефтянской башней, по течению реки Сунжи. Войскам пришлось начать эту экспедицию взятием 3 же августа, с бою, правого берега реки Сунжи, против возвышенности, на которой было предположено разбить лагерь и построить укрепление. Нашему батальону не суждено было попасть в эту экспедицию, но я опять был прикомандирован к роте другого батальона Куринского полка, с которым и участвовал в бою. Зорко за всем следившие горцы, видимо, не дремали. Заметив стягивание в крепость Грозную наших войск, а может быть, даже и узнав о предположенной постройке нового укрепления на развалинах бывшего аула Тепликичу, они устроили на противоположном, покрытом лесом берегу завал из срубленных деревьев и хвороста, откуда и встретили наш отряд пушечными и ружейными выстрелами.

Река Сунжа довольно широка и быстра, но в этом месте был брод выше человеческого пояса. Поэтому для облегчения войск при штурме завалов начальником отряда было приказано нашей артиллерии открыть огонь по засевающим за завалами горцам и отдалить неприятельское орудие, а вслед за тем отправлен батальон пехоты для взятия с боя берега. Быстрое течение Сунжи сильно затрудняло переход вброд под градом неприятельских пуль,

с ружьями на плечах и патронташами на шее. Чтобы не быть снесенными водой, нам пришлось держаться друг за друга, убитых же при этом, вырывая из рядов, уносило течением реки.

Конечно, все эти затруднения продолжались только до достижения берега. Самое же взятие его при рукопашном бое для привычных к этому кавказских войск было делом обыкновенным, и горцы были выбиты из-за своих завалов и оттеснены в чашу леса, откуда и продолжалась сильная перестрелка с ними, пока не был наведен весьма длинный мост на высоких козлах и не была переправлена к нам артиллерия.

После этого, хотя часть леса, примыкавшая к мосту, и была расчищена до обширной поляны, но чередовавшимся сторожевым отрядам в продолжение всех трех месяцев стоянки Тепликичинского лагеря приходилось почти ежедневно вести перестрелку с горцами.

Эта трехмесячная экспедиция окончилась с постройкой Тепликичинского укрепления, и в числе представленных к наградам я за 3 августа 1849 года был произведен в офицеры.

Представление к наградам шло по инстанциям. Из полка оно отправлялось к командиру бригады, к начальнику дивизии, к командующему войсками Кавказской линии Завадовскому¹⁹³, к главнокомандующему, который в то же время был наместником Кавказа¹⁹⁴, и затем уже к военному министру для доклада Государю Императору. Железных дорог и телеграфов тогда еще не было, и потому даже для курьера, отправлявшегося в Петербург, путь с Кавказа был далек и затруднителен. Между прочим, назначалась в январе 1850 года одна из самых крупных по числу войск зимняя экспедиция уже в Большой Чечне под начальством того же начальника левого фланга генерала Нестерова; и хотя в то время для юнкеров, представленных в офицеры, не было обязательно участвовать в экспедициях и набегах, я все же не желал оставаться в крепости, так как в этой экспедиции участвовала не только рота, к которой я принадлежал, но и батальоны куринцев с нашим полковым командиром.

Экспедиция эта предназначалась для вырубki Шалинского леса, находившегося в нескольких верстах от Воздвиженской, за рекой Аргуном, в видах постепенного приближения к резиденции Шамиля¹⁹⁵ — Ведины; почему для воспрепятствования этому Шамилем тоже были собраны полчища, которые кроме канонады по лагерю встречали и провожали с ожесточением каждый день наши очередные отряды, отправлявшиеся для вырубki леса, и производили все время с ними перестрелку во время работы. При этом, что-

бы охарактеризовать кавказскую боевую жизнь того времени, которая, причая войска к ежедневным опасностям жизни, заставляла их равнодушно относиться к смерти, я для иллюстрации приведу небольшой случай. Однажды во время этой экспедиции передовая цепь войск в лесу, охранявшая работы, вела, как и каждый день, жаркую перестрелку с горцами, греясь у костра поочередно вследствие мороза, и артиллерия наша отвечала на неприятельские выстрелы. Офицеры же, сидя у костра, читали Лермонтова, беспрестанно оставляя свой кружок для обхода роты, и то и дело слышалась команда «сомкнись», что означало выбытие из рядов раненых и убитых. Но так как неприятельские орудия нельзя было видеть в лесу и приходилось нашей артиллерии отвечать им также навесными выстрелами, то артиллерийский поручик Ож-в влез на высокое дерево, чтобы рассмотреть местность для более верного направления орудий, но едва он успел это сделать, как упал оттуда, быв убит ядром в грудь. Офицеры, конечно, бросились к нему, и при этом подпоручик Андрейченко, хладнокровно вынув у него зажатую в зубах сигару, отбросил ее и продолжал курить со словами:

— Эх, братец, не дали даже и докурить такую хорошую сигару.

После чего убитого приказано было отнести к перевязочному пункту, а чтение Лермонтова снова продолжалось.

По мере вырубki Шалинского леса и углубления просеки в Большую Чечню ожесточенность горцев с каждым днем увеличивалась, а вместе с этим увеличивалась и трудность задачи экспедиции.

Горцы несколько раз, по возвращении очередных отрядов в лагерь, пользуясь продолжительностью зимних ночей, образовывали на произведенной вырубке завалы из хвороста, откуда им было удобнее встречать наши войска, являвшиеся утром для продолжения работ. В один из таких дней колонна под начальством командира Куринского полка барона Меллера-Закомельского, испытал эти затруднения при вступлении в лес и его вырубке, возвращаясь к вечеру в лагерь, подверглась сильному преследованию неприятелем. Горцы, пользуясь обратным движением нашей колонны уже по открытой местности, осыпали нас градом пуль, а затем, выдвинув в опушку леса свои орудия, продолжали преследовать пушечными выстрелами. Колонна должна была возвратиться, с помощью картечи дать отпор неприятелю, и затем только начала отступать с сильной перестрелкой, постоянно останавливаясь. В этот роковой для меня день я был тяжело ранен в присутствии генерала Нестерова, который, ежедневно посещая работы, на этот раз ввиду особенно жаркой перестрелки находился при колонне целый день. Рана

моя оказалась слишком тяжела, и я был доставлен сначала в лагерь, а затем в военно-временную госпиталь в крепости Грозной, где и пролежал двенадцать недель. В палате, куда я был помещен, находилось двое раненых офицеров, а в соседней комнате четверо больных юнкеров, из числа которых маленький и очень красивый брюнет, светлейший князь В—ский, интересовал всех своей загадочной семейной историей, заставившей его экспромтом уехать на Кавказ и определиться рядовым впрямь до получения надлежащих документов и утверждения в звании юнкера Инспекторским департаментом Военного министерства. Князь В. был очень богатый человек, университетского образования, имевший уже чин коллежского асессора и женатый на красавице княжне, фрейлине двора, которую он после свадьбы увез в свои вотчины, но молодая княгиня, привыкшая к столичной жизни, устроила неожиданно для супруга назначение его на штатную придворную должность с званием камер-юнкера, а князь В., в расчете лишить ее возможности осуществить свои желания, сделал ее женой рядового.

Зимняя экспедиция окончилась вырубкой большой просеки, открывшей значительное безлесное пространство, облегчившее возможность дальнейшего движения наших войск вглубь Большой Чечни. Шамиль, озабоченный этим обстоятельством, немедленно образовал во всю ширину просеки глубокие рвы с высокой насыпью, имевшей вид большой односторонней крепости с необходимыми приспособлениями для орудий. В это время начальник левого фланга генерал Нестеров настолько серьезно заболел, что, сдав временно должность генералу Козловскому¹⁹⁶, должен был для излечения отправиться в Тифлис¹⁹⁷. Генерал Козловский, признав необходимым помешать окончательному устройству горцами этой крепости, получившей название Шалинского окопа, двинул к нему войска, рассчитывая взять окоп штурмом; но ров оказался слишком глубоким, а насыпь настолько высокой, что войскам нашим пришлось отступить со значительным уроном, и генерал Козловский отложил штурм до особого распоряжения наместника Кавказа, князя Воронцова. После этого говорили о большой экспедиции для взятия этого окопа, и в крепости Воздвиженской Меллер-Закомельский заготавливал даже какие-то особые щиты со ступенями.

В первых числах мая 1850 года я оставил Грозненский госпиталь и явился к своему полку в Воздвиженскую, где полковой командир поздравил меня с неожиданной наградой. В донесении начальника левого фланга о последствиях Шалинской зимней экспедиции я был помещен как тяжело раненный юнкер, представленный уже за 3 августа 1849 года в офицеры, но, несмотря

на это, Императору Николаю Павловичу благоугодно было пожаловать мне именно солдатский Георгиевский крест, который в то время имел только одну степень, с бантовыми украшениями из орденской ленты (это обстоятельство было поводом к возбуждению вопроса, в каком размере я должен получать пенсию на Георгиевский крест, по званию юнкера или по чину прапорщика, в котором Георгий мне пожалован¹⁹⁸. Переписка эта окончилась лишь после царствования трех императоров: Николая I, Александра II и Александра III и по заключению Военного министерства мне из Саратовской казенной палаты был выдан пенсион на Георгиевский крест сразу за несколько десятков лет по званию юнкера). Затем барон Меллер-Закомельский объявил мне о разрешении отправить меня на казенный счет в Пятигорск для излечения ноги. Так как сезон там еще не начался, то, по совету врачей, мне предложено было испробовать открывшийся в горах недалеко от крепости Грозной Старо-Юртовский минеральный источник, куда я немедленно и отправился. Но там еще не было никакого устройства, и для меня, ходившего на деревяшке со сведенной ногой в колене, не было возможности им воспользоваться. Возвратясь в Грозную, я был обрадован письмом известного кавказского героя, начальника Сунженской линии, Слепцова¹⁹⁹, который, узнав, что я тяжело ранен, приглашал меня до начала сезона в Пятигорск погостить у него на Сунже и, кстати, испробовать вновь открывшийся там Михайловский минеральный источник.

Сунженская линия, принадлежавшая к Владикавказскому отдельному округу, кончалась в то время Михайловской станицей, до которой от Грозной было не более одного дня верховой езды. Это, по-видимому, незначительное расстояние, еще тогда не заселенное, совершенно отделяло Сунженскую линию от Грозной; сообщение было настолько затруднительно, что наш полк, например, никогда не видел ни Слепцова, ни его казаков. По направлению к этой линии по реке Сунже существовало только, недалеко от Грозной, маленькое Закан-Юртовское укрепление с гарнизоном одной роты солдат, куда изредка и ходила из Грозной оказия для доставления в это укрепление провианта.

Получив от генерала Козловского бессрочную командировку для излечения раны на минеральных водах и несколько свидетельств от врачей, я отправился на Сунжу кружным путем, через Терекскую линию на Владикавказ. Крепость Владикавказ была бедна в то время постройками. Для приезжающих имелась лишь одна деревянная гостиница Лебедева²⁰⁰, каменных строений не насчитывалось и десятка. К числу их принадлежал один только дву-

хэтажный дом, в котором жил начальник округа генерал Ильинский²⁰¹, да небольшой, но уютный домик наместника князя Воронцова, где проездом останавливались: он сам и, с его разрешения, Слепцов да посещавший нередко Владикавказ князь Барятинский²⁰². Поездка по Терекской линии для меня, раненого, была мучительна; ямщики не соглашались ехать шагом, потому что почтовая гоньба от станции до станции при редких казачьих кордонах производилась только днем.

От Владикавказа до Сунжи почтовой езды вовсе не было; поездка производилась по особому открытому листу, при конвое, который давался с казачьих пикетов, расставленных по этому пути. К моему благополучию, вскоре затем во Владикавказ приехал Н.П. Слепцов и захватил меня с собой. Слепцов был саратовец, хорошо знакомый с моей матушкой и особенно дружный с мужем моей единственной сестры, почему и ко мне относился как близкий родной. Он оказал мне полное гостеприимство, поместив с собой в своем небольшом деревянном доме в Сунженской станице. Спустя некоторое время я стал пользоваться ваннами Михайловского минерального источника, куда ежедневно за несколько верст ездил в экипаже Слепцова. Затвердение моей сведенной ноги подставляли прямо под горячий кран источника, и уже вскоре я стал чувствовать значительное улучшение. Тогда по совету врачей я переехал в Михайловскую станицу и начал брать ванны по два раза в день. К всеобщему удивлению, после 60 ванн нога моя совершенно распрямилась, оставив навсегда лишь незначительное затвердение в икре и укорочение в пятке. Но, несмотря на это необыкновенное исцеление от Михайловских серных вод, я все-таки на всю жизнь лишился возможности свободно ходить без палки. Понятно, до какой степени я был обрадован таким результатом лечения, а вместе со мной и Слепцов, убедивший меня совсем не ехать ни в Пятигорск, ни в Кисловодск, а переехать к нему и для укрепления после горячих ванн покупаться в Сунже, что я и сделал.

В продолжение этого лета Слепцов казался чем-то особенно озабоченным; в его кунацкую часто являлись лазутчики, которых старший переводчик штабс-капитан Хунга-Мальсагов щедро угощал. Вскоре прибыло в его распоряжение несколько лиц из свиты наместника, в числе которых было два адъютанта: майор, светлейший князь Зейн-Витгенштейн фон Берлебург²⁰³ и штабс-капитан Понсет, и два офицера, состоявшие также при Воронцове, но носившие полковые мундиры: поручик Куринского полка князь Голицын²⁰⁴ и гвардейский штаб-ротмистр князь Дондуков-Корсаков²⁰⁵. Последний поместился у Мезенцева, а прочие поблизости Слепцова. Все каждый день

обедали у него и там же проводили большую часть дня. Однажды вечером Слепцов, получив какой-то доклад от своего переводчика, попросил гостей прогуляться в своих виноградниках, расположенных невдалеке от дома, возле которого был разбит небольшой палисадник с высокими деревьями. Мы поспешно отправились, но любопытство взяло верх, и, подойдя к балкону, мы стали присматриваться к происходившему в зале. Там мы увидели Слепцова; перед ним стоял переводчик Хунга-Мальсагов и чеченец, закутавший свое лицо башлыком. Разговор между ними продолжался около четверти часа, после чего Слепцов, крепко пожав руку горца, отправил их в кунацкую, а сам, оставшись один, сначала быстро заходил по зале, окидывая все окна своими черными, возбужденными глазами, а затем, сделав какой-то пируэт, начал отплясывать мазурку. Дондуков не выдержал и расхохотался, а вслед за ним и остальные. Услышав это, Слепцов бросился к балконной двери, но пока он отпирал ее ключом, мы, зная его вспыльчивый характер, были уже в виноградниках, притаившись на земле. После этого Слепцов долго не ложился спать, отдавая какие-то приказания и рассылая гонцов, а на другое утро к нему начали являться отдельные начальники расположенных на линии войск и сотенные командиры его полка. Лишь к вечеру следующего дня, когда Слепцов остался совершенно один, он сказал мне, что отправляется в набег и, быть может, будет в отсутствии дня три-четыре. Позвав к себе своего бывшего дядьку из крепостных, семидесятилетнего Якова Михайловича, который у него на Кавказе был и метрдотель и повар, он просил его позаботиться обо мне в его отсутствие. Мне сделалось очень грустно провожать в бой Слепцова, к которому я за это короткое время пребывания у него привязался всей душой. Я стал просить позволения сопровождать его. Слепцов сначала сильно протестовал, находя, что мне, не принадлежащему к войскам его линии и вдобавок присланному для излечения, неудобно, да и не к чему пускаться в такие авантюры. Но я так убедительно просил, что наконец он согласился, и я, уже делавший перед тем ежедневные поездки верхом, в черкесском платье, которое носят линейные казаки, присоединился к Михайловской сотне есаула Малецкого, с которым особенно сошелся во время пребывания на водах в Михайловской станице. Тут мне представилась возможность видеть удаль Слепцова и его редкие военные способности.

С рассветом дня потянулись пехотные батальоны с артиллерией и обозом с шанцевым инструментом, а за ними сотни донских казаков с пиками и, наконец, сунженские казаки во главе со Слепцовым и его свитой. Растянутый отряд, казавшийся очень большим, следовал вдоль реки Сунжа по

направлению к Закан-Юрту, недалеко от которого в лесах, по другую сторону реки, существовали еще немирные аулы горцев, имевших вышки для наблюдения за движением наших войск. Ночью по достижении брода через Сунжу отряду приказано было остановиться и, дождавшись утра, вернуться обратно, что, видимо, было замечено немирными горцами с их вышек и их обмануло. Слепцов же, пользуясь темнотой ночи, не останавливаясь, с одними своими сунженскими казаками переправился на другой берег и, углубившись в лес, пошел по направлению к крепости Воздвиженской. Не доходя нескольких верст, он сделал привал и отправил гонца к барону Меллеру-Закомельскому, прося выслать две роты куринцев и два орудия, которые затем и прибыли со старшим отрядным адъютантом Меллера, капитаном Соболевским.

Этот маленький отряд, переправившись через реку Аргун и не замеченный горцами благодаря сильному туману, тихо подошел к Шалинскому окопу, где, по сделанному Слепцовым заранее распоряжению, часть сунженских казаков была спешена и выстроена по флангам окопа, а другая часть верхами обходила его по лесу; сам же Слепцов с шашкой наголо повел куринцев на приступ. Куринцы, воодушевленные присутствием этого кавказского героя, спустившись в ров и вскакивая на плечи один другого, несмотря на открытый по ним огонь сторожевых чеченцев, скоро очутились на крепостном валу, откуда с криком «ура» бросились в штыки на оторопевших горцев, составлявших гарнизон этого укрепления. Смутьившиеся этим неожиданным нападением чеченцы хотя сначала и встретили шашками осаждавших, но, увидев окружавшую их из лесу казачью конницу, обратились в бегство, оставив крепостное знамя и едва успев увести свои орудия. Слепцов же, вскочив на лошадь, в пылу отваги погнался с горстью казаков за неприятелем вглубь леса и только с величайшим трудом был остановлен его приближенными. Но впоследствии он долго не мог успокоиться, узнав, что одно из неприятельских орудий было брошено в лесу по случаю изломавшегося лафета. Тут же уведомленный о взятии Шалинского окопа барон Меллер-Закомельский прибыл с батальонами своего полка, и Слепцов передал ему как командующему войсками ближайшей крепости взятый им Шалинский окоп, который и был затем разрушен с помощью пороха и захваченного отрядом Меллера шанцевого инструмента. Окоп был сильно укреплен, имея бастионы для орудий и на валу туры, наполненные мелким камнем.

Потеря отряда Слепцова при этом деле ограничилась только несколькими ранеными. После взятия окопа, когда Слепцов, обходя роты, благодарил их, послышался свист пули и ее удар во что-то мягкое; Слепцов спросил:

— Кто ранен?

Но ответа не последовало; увидав же, что стоявший около него старый куринский солдат, рядовой Бойко, кончавший 25-летнюю службу на Кавказе, придерживает ногу рукой, из-под которой текла кровь, Слепцов обнял его, а солдат, продолжая стоять, только сказал:

— Не беспокойтесь, ваше высокоблагородие, в кость не попало, до свадьбы заживет!

Но с этими словами старик упал и был доставлен на перевязочный пункт.

По донесению наместника Кавказа государю о взятии Шалинского окопа Император Николай Павлович изволил начертать: «Славно! Полковника Слепцова — в генерал-майоры», а кавалерская дума, с высочайшего утверждения, присудила Слепцову Георгия 4-й степени, о чем его вскоре и уведомил князь Воронцов.

Слепцова мы скоро увидели в генеральских эполетах. При поздравлении его с царской милостью он шуточно говорил:

— Хотя я и генерал теперь, но в душе всегда останусь полковником.

Креста же Георгиевского он долго не хотел надевать, волнуясь, что его соучастники в этом деле не скоро получают награды, так как представление о них пошло обычным путем по инстанциям.

Припоминаю при этом курьезный рассказ о командующем войсками Кавказской линии, малороссе генерале Завадовском, который после экспедиций, получая списки представленных к наградам офицеров и затрудняясь представлять эти большие списки к наместнику Кавказа, имел обыкновение, закрывая глаза, водить по списку карандашом, приговаривая:

— Везе — не везе, везе — не везе — и т.д., зачеркивая таким образом одних и оставляя других. Когда же ему адъютант докладывал, что из числа зачеркнутых есть некоторые офицеры, которые уже не в первый раз лишаются таким образом наград, то старик на это отвечал:

— Ну, як не везе, то уж и не везе!

Конечно, этот способ назначения наград не касался особо отличившихся и раненых, о которых представление делалось особо.

К этому времени относится и посещение Кавказа наследником цесаревичем Александром Николаевичем²⁰⁶. Его высочество, следуя из Воздвиженской на Сунженскую линию вдоль Черных гор, на глазах сопровождавшей его колонны выказал редкую храбрость. Горцы, джигиты вдоль опушки леса, направляли свои выстрелы в экипаж цесаревича. После первых же пуль, пролетевших над головой, его высочество быстро вскочил на свою верховую

лошадь и, обнажив шашку, с небольшим конвоем помчался к горцам. Это произошло так быстро, что конвой, находившийся около коляски, с трудом мог за ним поспеть, чтобы завязать перестрелку с неприятелем. Полученный после этого цесаревичем по присуждению кавалерской думы Георгий 4-й степени затем всегда украшал грудь государя Александра Николаевича.

Встреча цесаревича войсками Сунженской линии и генералом Слепцовым была очень торжественна. Его высочество, пробыв в Сунженской станции в доме Слепцова более суток (тогда я был представлен цесаревичу как раненый, и много лет спустя император Александр Николаевич, обладая необыкновенной памятью, припомнил это во время представления мною его величеству адреса по должности саратовского губернского предводителя дворянства), направился во Владикавказ, охраняемый казаками, во главе которых Слепцов быстро неся на своем коне возле коляски высокого гостя.

Трудности боевой жизни кавказских войск настолько сближали начальство с подчиненными, что цесаревич не мог этого не заметить и высказал по этому поводу свое удовольствие Слепцову, к которому он вообще был очень милостив. Кавказские войска в то время имели совершенно особую форму от прочих войска, нося вместо фрачных мундиров и киверов однобортные со светлыми пуговицами сюртуки, папахи и высокие сапоги, а офицеры к тому же вместо шпаг были вооружены шашками на золотой перевязи, что в общем строю имело особый вид и очень понравилось цесаревичу.

Осенью этого года я уже снова был при своем полку и так как без помощи ручного костыля ходить не мог, то получил право иметь его в строю; но несмотря на это, мне вскоре пришлось окончательно убедиться, что в пехоте я служить не могу, хотя во время набегов и оказии все офицеры пехотных войска Кавказа имели верховых лошадей. Во время первого же набега под начальством также уже произведенного в генералы барона Меллера-Закомельского мне пришлось во время перестрелки быть около своей роты спешенным, и на другой день я вследствие воспаления ноги попал в лазарет, где и пролежал две недели. Это обстоятельство вынудило меня испросить продолжительный отпуск на родину, а до разрешения его Государем возвратившийся после болезни генерал Нестеров дозволил мне снова отправиться на Сунжу, поручив отвезти к Слепцову для Сунженского казачьего полка четыре солдатских Георгия за взятие Шалинского окопа.

В это время начал формироваться второй Сунженский полк. Поселение из отставных солдат в крепости Грозной было обращено в одну из его сотен, и, кроме того, начата была постройка новой станции этого полка между ста-

ницей Михайловской и Закан-Юртовским укреплением. В Закан-Юрте, как я ранее уже упоминал, гарнизон состоял из одной роты. Когда я сюда прибыл, командир роты, он же начальник этого укрепления, передал мне, что по полученным им сведениям генерал Слепцов находится со своим отрядом не далее четырех верст от Закан-Юрта, на другой стороне реки Сунжи, и что если я желаю попасть в его отряд кратчайшим путем, вместо дальней поездки в Сунженскую станицу, то он познакомит меня с поручиком крепостной гарнизонной артиллерии, который, бывая часто в соседних немирных аулах и имея там кунаков, может меня совершенно безопасно провести к Слепцову. Конечно, я с радостью согласился и тут же познакомился с этим офицером, поляком по происхождению. Он носил всегда черкесское платье и среди горцев был известен под фамилией Султан-Гирей.

Оба мы в черкесских платьях, с бурками на плечах и закутанные башлыками переправились, с наступлением ночи, через Сунжу и поехали лесом, где на пути встретилось нам несколько немирных горцев. С этими горцами Султан-Гирей, как знакомый, здоровался, поднимая руку вверх, и говорил что-то по-чеченски, я также машинально поднимал руку к папахе. Дорога лесом была настолько узка, что приходилось при встречах тем или другим осаживать лошадей в сторону.

Наконец завиднелись в чаще огни, и только тут Султан-Гирей объяснил мне, что это небольшой аул немирных горцев, через который нам надо было проезжать, и что Слепцов, находясь вблизи с отрядом, дал им четырехдневный срок для изъявления покорности, ежели они немедленно не переселятся в глубь Чечни. Подъезжая к аулу, мы увидели в нем большую суматоху. При свете костров женщины бегали то и дело в свои сакли, нагружая запряженные арбы своими пожитками, горцев же виднелось очень мало, и Султан-Гирей объяснил это тем, что часть их погнала уже свой скот в Большую Чечню, а другая, вероятно, находится где-нибудь вблизи Слепцовского отряда. Наконец мы подъехали к обширному полю, окруженному этим лесом; в расстоянии не более версты виднелись большие костры, указывающие на стоянку Слепцова; тут Султан-Гирей протиснулся со мной, взяв слово не говорить Слепцову о его со мной поездке, и предупредил, что в ближайшей куртине на этой поляне, быть может, имеется со стороны горцев пикет, и потому, чтобы не навлечь на себя подозрений, советовал мне до этой куртины ехать шагом, а затем, поравнявшись, скакать до отряда во весь опор, добавив, что если и будут по мне выстрелы, то за темнотой ночи не попадут. Конечно, я поблагодарил Султан-Гирея, но в душе послал его ко всем чертям, потому что

никак не предполагал подвергнуться такому риску и вдобавок еще с врученными орденами. Оставшись один, я, следуя совету Султан-Гирея, тихо доехал до указанного места и, не встретив там никого, продолжал ехать шагом, но вдруг услышал сзади конский топот, и едва я успел пустить свою лошадь в карьер, как по мне был сделан выстрел, разбудивший лагерь Слепцова, из которого навстречу уже неслось двое всадников. В них я узнал младших переводчиков Слепцова, поручиков Шамхала и Исаия, которые меня к нему и проводили. Увидев меня, Слепцов сначала был только удивлен и дружески выговаривал за необдуманный поступок, но, узнав, что со мной находятся посланные для его казаков ордена, пришел в неопределенный гнев; грозил меня арестовать, предать суду и даже расстрелять, но, зная его вспыльчивый характер, я все время молчал.

Когда Слепцов успокоился и прочитал полученную через меня бумагу от начальника левого фланга, он просил рассказать подробности моей поездки, а при известии, что горцы покидают аул и переселяются, к нему вернулась обычная доброта и ласковость. Он уже смеясь рассказал обо всем этом собравшимся офицерам и, приказав откупорить несколько бутылок портера, угостил нас. В отряде Слепцова, несмотря на наступившие холодные ночи, не было, однако же, ни одной палатки, и сам он, закутанный в бурку, спал на земле. Это приходилось Слепцову и его отрядам делать нередко, так как его походы, кроме зимних экспедиций с участием начальника Владикавказского округа, преимущественно имели целью замирение горцев и очищение обширной местности по Сунженской линии, необходимой для свободной обработки полей его казаками.

На другой день отряд Слепцова двинулся обратно. Во время его стоянки не было никаких столкновений с горцами, и только подходя к воспетой Лермонтовым местности Валерик²⁰⁷, началась перестрелка, продолжавшаяся до выхода в совершенно открытое поле.

В Сунженской станице Слепцов снова пригласил меня жить у него, объяснив, что ранее трех или четырех месяцев разрешение моего отпуска не может быть получено. Время этого отдыха я вспоминаю с особенным удовольствием, несмотря на то, что рана давала себя чувствовать, так как после каждой продолжительной поездки верхом мне приходилось лежать в постели и ходить на костылях.

В доме Слепцова за это время перебивало много известных кавказских генералов, большинство которых были настолько сравнительно молоды, что

теперь зачастую старше их встретишь даже обер-офицеров, и все эти закаленные в бою генералы представляли собою немалый интерес.

Зимой этой мне с Слепцовым приходилось бывать во Владикавказе, где на вечере у генерала Ильинского он познакомил меня с несколькими кабардинскими князьями, которые, пригласив к себе, дали возможность присмотреться к быту жителей Кабарды. На Сунже же Слепцов не один раз доставлял мне удовольствие участвовать в охоте на кабанов, разрешая для этого известным своим казакам-охотникам отправляться со мной в отъезд суток на двое. Охота происходила между Сунжей и Терекком, в безлесных балках, в которых местами находились родники, поросшие камышом, откуда с помощью двух-трех небольших горских собак-ищеек выгоняли выводки кабанов. Во время не совсем безопасного ночлега казаки, поочередно охраняя отдыхающих товарищей, наблюдали с высоты балок за появлением горцев, а на привале у огня я любил слушать рассказы казаков о возникновении Сунженской линии под начальством Слепцова и формировании им 1-го Сунженского полка; при этом особенно были интересны рассказы страстного охотника есаула Баскакова. Сунженский полк, говорил он, формировался из разного сброда, стекавшегося из всех местностей России; тут были донцы, уральцы, астраханцы, оренбуржцы, сибиряки, отставные солдаты и пр., поэтому первая горсть казаков была в самом разнообразном одеянии и с различным оружием. Все они, конечно, были народ отчаянный, так как оставлять родину и спокойную жизнь для поселения на Сунже, среди немирных горцев, людям хорошо обеспеченным не было никакого резона. Сначала, прибыв без семей, они поставили себе кое-какие землянки и мазанки, и день и ночь находились на бивачном положении. Однажды, когда набралось казаков человек около 60, Слепцов, отправляясь с ними для заготовки сена, в местности, где была теперь у нас охотничья стоянка, завидел появившуюся из соседней балки партию горцев человек в 400. Чеченцы, вероятно, недоумевая, одни ли казаки находились тут или за балкой был еще отряд, остановились, но Слепцов, недолго думая, выстроил своих казаков в одну линию и сказал:

— Что вы хотите — вернуться домой трусами или умереть со славой? Храбрых Бог не оставляет!

Потом, сняв шапку, он перекрестился, а за ним и все, и с шашками наголо эта горсть сунженцев понеслась на неприятеля. Озадаченные такой смелостью, горцы сначала даже не трогались с места, но когда Слепцов с

казаками, врезавшись в партию, стал рубить направо и налево, горцы повернули в тыл, смяли задние ряды и обратились в бегство, оставив на месте убитыми более ста человек; лошадей, оружие и одеяние забрали сунженцы для собственной экипировки. Из казаков же было только несколько раненых. С того времени, добавил Баскаков, началась слава Слепцова и его сунженцев, привлекавшая в этот полк людей уже более состоятельных и оседлых. Существующие теперь большие благоустроенные станицы этого полка обязаны своим процветанием исключительно одному Слепцову, замирившему горцев на всем пространстве Сунженской линии.

Рассказы о славных делах Слепцова шли один за другим, и из них видно было, как с увеличением числа сунженских казаков росли и их подвиги. Сам же Слепцов избегал об этом говорить, хотя, как человек живого характера и обладавший даром слова, любил вести в кругу мужчин оживленную беседу, при дамах же он был очень застенчив. Слепцов имел свои странности, к числу которых принадлежала всем известная его необъяснимая боязнь сверчков. Как теперь помню, какую он поднимал суматоху при первом его звуке.

— Ларька, Ларька, — кричал он своего крепостного лакея, — ты слышишь, ты слышишь, — повторял он, не произнося даже названия этого ничтожного насекомого и не оборачиваясь в ту сторону.

Ларька, вооруженный головным гребнем, присаживался на пол и, посредством гребня подражая звукам сверчка, вызывал его таким образом из-под плинтуса. Слепцов прислушивался, окидывая присутствующих каким-то особенным блуждающим взором и прекратив всякие разговоры. Наконец он спрашивал:

— Поймал ты, поймал?

— Поймал-с, — отвечал ему Ларька.

— Нет, ты врешь, упустил, наверно, — волновался Слепцов.

Когда же на это, приближаясь к нему, плутоватый Ларька отвечал:

— Извольте хоть сами посмотреть, Николай Павлович.

Слепцов, как ужаленный, отскакивал и, оборачиваясь к нему спиной, кричал:

— Пошел вон, каналья, пошел вон!

И эти курьезы повторялись довольно часто. Слепцов, несмотря на свою боевую жизнь, был крайне впечатлителен, и смерть не только офицеров, но и казаков его сильно расстраивала, так что после каждого убитого в бою под его начальством он делался молчалив и мрачен, почему и было его всегдашней заботой обставлять свои военные действия с возможно меньшей поте-

рей. При этом семьи убитых он всегда обеспечивал, истратив большую часть своего состояния на казаков.

Весной 1851 года, получив высочайше разрешенный мне для излечения раны продолжительный отпуск на родину с сохранением содержания, я, отправившись в путь, испытал всю прелесть тогдашних порядков на почтовых станциях. Между Кизляром и Астраханью, в Ногайских степях почтовые сообщения производились на волах, причем ямщики-ногайцы, погоняя волов, шли рядом с ними пешком, и так как станции были по сорок верст, то этот способ передвижения приучал пассажиров к большому терпению, и таким образом от Кавказа до Саратова я ехал 20 дней.

Отпуск мне принес мало пользы. Я почти не оставлял костылей и уже подумывал совсем не возвращаться, но письма полковых товарищей и несколько писем Слепцова, которые я храню до сих пор, ободрили меня надеждою на возможность снова поправиться на кавказских минеральных водах, почему в августе того же года я возвратился к полку и, проезжая через Сунженскую линию, застал Слепцова раненым в первый раз, но рана его, к счастью, была не из серьезных. Он лежал в маленьком деревянном вокзале Михайловского источника и временами был очень весел, часто шутивно говорил, что наконец-то его через десять лет подстрелили.

В крепости Воздвиженской я нашел большие перемены. Командиром Куринского полка назначался, произведенный в полковники, сын наместника Кавказа Воронцов. Дом, который занимал барон Меллер-Закомельский, реставрировался, и большая перед ним площадь превращалась в тенистый парк. Меллер-Закомельский оставался командующим войсками этой крепости.

Послужить мне, однако же, пришлось недолго, и хотя будущее улыбалось, но вследствие открывшейся раны, признанной врачами не уступающей врачебным средствам, я должен был подать в отставку и высочайшим приказом императора Николая I 24 мая 1852 года был уволен от службы с мундиром и полным пенсионом.

Недолго затем пришлось читать в газетах о славных делах Слепцова. Он, получив высшее назначение, не дожил даже до Севастопольской войны и был убит в сражении с горцами пулей в грудь. Падая с лошади, он, желая перекреститься, успел только поднести к голове руку со словами:

— Боже, будь милостив ко мне, грешному!..

Его похороны, как описывал в то время служивший при нем полковник Нейман²⁰⁸, были до крайности трогательны, и когда гроб опускали в моги-

лу, закаленные в бою сунженские казаки навзрыд плакали, а их жены клали своих грудных детей в могилу Слепцова, причитывая с рыданиями, что с его смертью умерло и счастье их детей. При этом Нейман добавлял, что он был предан Слепцову, как собака своему хозяину, и поклонялся ему, как дикие — солнцу. Наместник Воронцов, опечаленный этой утратой, доносил государю, что Слепцов был его правой рукой и что он незаменим на Кавказе.

Государем императором приказано было Сунженскую станицу, где жил Слепцов, именовать Слепцовой, и так как Слепцов не был женат, то дети его двоих братьев²⁰⁹ были определены в высшие учебные заведения на казенный счет, а один из них даже в Пажеский корпус. Кроме того, большая картина, изображающая смерть Слепцова, занимает видное место в покоях Государя в Зимнем дворце²¹⁰.

Не могу не добавить, что Слепцов был крайне религиозен и у него, как известно, была даже дуэль с одним военным, который при нем непочтительно отозвался о святыне.

ЗАМЕТКИ СТАРОГО КАВКАЗЦА²¹¹

В одном из номеров «Нового времени» за 1904 год госпожой Смирновой приведены были выдержки из записок князя Дондукова-Корсакова²¹², которые, к сожалению, я прочел очень поздно, почему, находя в них некоторые неточности, касающиеся таких личностей, как кавказские военачальники Слепцов и Козловский, которых я знал очень, очень близко, я считаю своим долгом сказать о них то, что мне, как старому кавказцу, хорошо известно.

В этих записках Дондуков-Корсаков, начавший службу на Кавказе в 40-х годах, рассказывая о вспыльчивом характере Николая Павловича Слепцова, говорит между прочим: «...дух боевого товарищества соблюдался на Кавказе так свято, что вызывал не только подвиги, но и комические эпизоды. Известный кавказский герой Слепцов поехал раз в отпуск в Саратов и взял с собой несколько казаков. Одного там за буйство забрали в полицию. Слепцов узнал об этом, вскипел, бросился с остальными на выручку с обнаженными шашками, с пистолетными выстрелами, разбил всю саратовскую полицию и, выручив казака, уехал на Кавказ. Об этом набеге на мирный губернский город донесли государю. Дело могло бы кончиться плохо, но Слепцов, не дожив до его окончания, умер».

Все это произошло совершенно не так, и обнаженных шашек и выстрелов не было. Я сам находился в то время в Саратове и, видясь почти каждый день со Слепцовым, хорошо знаю этот случай.

Николай Павлович Слепцов, в половине 40-х годов прославившийся уже своими необычайными подвигами на Кавказе, приезжал в Саратов поклониться могиле своего умершего перед этим отца²¹³. При нем, кроме лакея Ларьки, находились младший переводчик чеченец, прапорщик Исай, и его любимый урядник Сунженского полка, которым Слепцов командовал, состоя в то же время и начальником Сунженской линии.

Лакей Ларька однажды выпросился у Слепцова в нагорную часть Саратова, чтобы отыскать какого-то своего родственника, и так как он, ехав на извозчике, вздумал играть на гармонике, то его и забрали в четвертую часть города и посадили за решетку. Взятка в то время в провинции существовала

в ужасающих размерах, и полиция брала не только деньгами, но всем, чем угодно, но, на беду, у Ларьки, чтобы откупиться, денег не было, почему он и послал извозчика дать знать своему барину о своем аресте.

Слепцов поехал выручать Ларьку, но это было уже ночью, и та часть города была небезопасна вследствие грабежей, почему он и взял с собой своего урядника, а когда вошел в приемную четвертой части, то его встретил спросонок растрепанный дежурный квартальный надзиратель в высоких галошах на босую ногу и в теплой шинели, надетой поверх нижнего белья. Слепцов в высшей степени был деликатен не только с равными себе, но и со своими низшими и имел обыкновение начинать речь чрезвычайно тихо. Комната в это время была тускло освещена ночником, и квартальный, видимо, не узнав Слепцова, грубо отказал ему в его просьбе освободить Ларьку. Вспыльчивый Слепцов быстро поддавался гневу, и тогда его тихий голос становился резким и повелительным. Но так как квартальный и после этого, направляясь в свою комнату и обернувшись к Слепцову, позволил себе сказать: «Вот какая еще птица!», то Слепцов дал ему такую плюху, что он отлетел в сторону и сначала вскочил на стол, но когда в тот же момент на шум вбежал из сеней вооруженный с ног до головы урядник, то квартальный со страху сразу очутился на шкафу, спрятавшись за кипу книг, которые там лежали. Перепуганные сторожа поторопились выпустить Ларьку, причем, пользуясь суматохой, убежали и несколько заарестованных городских обывателей.

Обо всем этом на другой день Слепцов передал губернатору Кожевникову, добавив, что потерпевшему квартальному он готов выдать вознаграждение до 3000 рублей и перед ним извиниться.

Кожевников хотя и имел чин действительного статского советника, но ранее сам был военным и состоял когда-то казачьим атаманом и, кроме того, еще участвовал в неудачном походе Перовского на Хиву. Он принял Слепцова очень холодно и, не сказав на его объяснения ничего положительного, прислал к нему на другой день саратовского полицеймейстера, майора Ф[офан]ова²¹⁴.

Слепцов в Саратове занимал небольшой домик, принадлежавший тогда Нестеровой, на Константиновской улице²¹⁵. Николай Павлович и на этот раз, как и всегда, принял посетителя с большой любезностью, усадив полицеймейстера с собой на диван, но полицеймейстер, не зная характера Слепцова, принял, вероятно, его любезность и тихий голос за робость и в своем разговоре начал забываться, после чего возвышавшийся постепенно голос

Слепцова уже показывал на приближение бури. Когда же на согласие Слепцова, кроме выдачи квартальному 3000 рублей и желания извиниться перед ним при полицеймейстере и самом губернаторе, Ф[офан]ов потребовал для удовлетворения чести полиции сделать извинение в присутствии губернского правления и находившихся при этом случае полицейских сторожей, то Слепцов, понизив свой голос и стараясь сдерживать себя от вспышки, начал объяснять полицеймейстеру, как военному штаб-офицеру, о невозможности этого требования, но Ф[офан]ов, вероятно, вообразил, что Слепцов окончательно струсил, и позволил сказать ему, что, в противном случае, дело это может кончиться для Слепцова серой шинелью²¹⁶. Тут момент был ужасный. Слепцов вскочил, как ужаленный, глаза его страшно засверкали, и после крика: «Вон, негодяй!» — полицеймейстер очутился у подъезда, на снегу, куда ему подали шинель и треуголку с черным султаном.

Конечно, все это завистники постарались страшно раздуть, и составленный по этому делу акт с добавлением, что квартальный надзиратель состоял в те дни исправляющим должность частного пристава, был передан генерал-лейтенанту Левенталю²¹⁷, начальнику округа гарнизона внутренней стражи, каковой до учреждения Казанского военного округа находился тогда в Саратове²¹⁸.

Производимое по этому поводу следствие с искаженными фактами и отобрание от Слепцова подписи о невыезде из Саратова ставило его в крайне затруднительное положение, тем более, что все это произошло, когда отпуск его кончался, почему он о случившемся и поспешил донести наместнику Кавказа, князю Воронцову, который, в свою очередь, доложил обо всем Государю, по повелению которого все следственное дело с подведенными статьями карающего закона было представлено его величеству военным министром Чернышевым и после резолюции Государя Николая Павловича: «Желаю полковника Слепцова видеть полковником русской армии, а не солдатом!» — дело это тут же было прекращено, и Слепцов получил Владимира 3-й степени, к которому был представлен перед своим отпуском²¹⁹.

После этого Слепцов, как известно, еще 6 лет служил на Кавказе²²⁰ и за свои славные подвиги был произведен в генерал-майоры, получил Георгия 4-й степени, Станислава и Анну 1-й степени и даже был назначен начальником Владикавказского военного отдельного округа, но назначение это пришло, когда он уже пал в бою.

Уезжая из Саратова, Слепцов вызвал к себе злополучного квартального, вручил ему значительную сумму и, извинившись перед ним при своих близ-

ких, крепко расцеловал, так что растроганный такой честью квартальный даже плакал навзрыд.

Что же касается замечания в тех же записках Дондукова-Корсакова, где он, ставя Слепцова на высший пьедестал как героя и человека, говорит, между прочим, что Слепцов все состояние свое прожил на хлебосольство, то это также не совсем верно, так как он хотя и был большой хлебосол, но все средства его, как хорошо известно, употреблялись им на покупку лошадей и другие обзаведения сформированного им Сунженского казачьего полка и на обеспечение семейств казаков, павших в бою, для чего даже Слепцов не один раз просил Воронцова о предоставлении ему денежных наград вместо крестов.

Затем нельзя пропустить молчанием насмешливый тон этих записок отнюдь не известного в свое время кавказского генерала Викентия Михайловича Козловского, который хотя и имел свои странности храброго боевого солдата, прослужившего почти всю свою жизнь на Кавказе, но в рассказах о нем не только слишком много утрировки, но и такие недостойные выдумки, которые потомство может принять за правду.

Я, служа в Куринском полку, хорошо знал Викентия Михайловича и, часто посещая его в Грозной, не раз был свидетелем, как он диктовал своим адъютантам различные более важные бумаги, и я никогда не слышал, чтобы о Козловском говорили, что он воспитывался в моздокском университете²²¹, где в то время не было даже и порядочной школы, но при этом хорошо помню, что он недолюбливал штабных, которые к нему приезжали из Тифлиса во время экспедиций для получения наград, о чем даже, не скрывая, высказывался. Особенно же не любил кутил, которые и были за это им недовольны. Что же касается выдумки Дондукова, что Козловский будто бы, прося руки особы, на которой предполагал жениться, писал поэтому к ее родителям на бланках за №, то это недостойная насмешка не заслуживает сама собою даже и опровержения.

У Козловского была только одна известная смешная привычка: прибавлять к каждому слову «как», и в особенности это смешно выходило, когда, бывало, спросишь о здоровье его жены и своячениц, — «Благодарю, — говорил генерал, — Анна Васильевна как, Марья Васильевна как, и Надежда Васильевна как, все они здоровы, как».

Козловский, как известно, последние годы жизни, будучи уже полным генералом, состоял членом Военного совета, пользуясь особенным вниманием императора Александра II.

Что же касается заметки князя Дондукова-Корсакова, что телесные наказания в кавказских войсках почти не применялись и что наказывали только за воровство у товарищей, но на воровство в других, не кунакских частях смотрели снисходительно, то я не знаю, где именно была такая снисходительность, но хорошо помню, что в те времена хотя офицеры на Кавказе волю своим рукам не давали, но розга существовала в избытке, и один из начальников дивизии, Ш[уль]ц²²², был даже предан суду за жестокое наказание солдат розгами в бане. Вообще же секли не только за кражи, но и за пьянство, и я был свидетелем, как командир одной из рот нашего Куринского полка, штабс-капитан Босацкий, высек за пьянство даже георгиевского кавалера фельдфебеля Зубанова, приказав ему снять самому Георгиевский крест и положить во время наказания себе на скамейку под нос, сделав это, не желая передавать Зубанова суду, по которому он мог быть разжалован и лишен Георгия. Это обстоятельство знали все, но даже и запросов у Босацкого по этому поводу не было, так как лишать Георгиевского креста храброго фельдфебеля было нежелательно, тем более, что солдатский Георгий получать тогда было труднее, потому что он имел только одну степень, а не четыре, как теперь.

Вообще же, в те времена дисциплина в нашей местности на Кавказе была очень строгая, так что даже юнкеров, опаздывавших к расчету роты фельдфебелем на рассвете дня, ротные командиры нередко ставили под ружье за рядовых на караул, и все николаевские порядки насчет субординации исполнялись в точности.

Князя Дондукова-Корсакова я на Кавказе хорошо знал и особенно близко познакомился с ним на Сунже, где после тяжелой раны я лечился минеральными водами, пользуясь гостеприимством Слепцова, к которому Дондуков был прислан Воронцовым из Тифлиса в числе нескольких таких же молодых, как он, штабных офицеров для участия в экспедиции, о которой я упоминал ранее в «Разведчике»²²³.

ФЕЛЬДМАРШАЛ КНЯЗЬ БАРЯТИНСКИЙ²²⁴

В 40-х годах XIX столетия во время моей поездки на Кавказ для поступления в военную службу мне пришлось около двух дней за метелью просидеть на астраханской почтовой станции, которая тогда находилась против этого города на противоположном берегу Волги.

Дни я проводил в осмотре этой древней столицы Астраханского царства²²⁵, мрачные строения которой, за исключением зданий губернатора и архиерея, были покрыты черепицей, причем на каменных сводчатых воротах некоторых домов почему-то находились статуи сидящих с поджатыми ногами китайцев, и хотя постройки были все каменные, но неуклюжие и неприглядные, общий же вид Астрахани с Волги с массой по берегу судов и возвышавшимися церквями казался грандиозным.

Два длинных зимних вечера я провел на маленькой почтовой станции, смотрителем которой был старик коллежский регистратор из отставных гвардейских солдат. Бездетная старуха жена его ничем не отличалась по виду от крепостных дворовых, она обогрела и накормила на своей половине моего лакея и рассказала ему, что когда-то они в свою очередь служили в Петербурге у молодого князя Бяратинского, который в это время был уже на Кавказе, что и заставило меня разговориться по этому поводу со стариком смотрителем и узнать от него очень интересную историю Бяратинского.

Князь Бяратинский с молодых лет был любимцем нашего двора, и к нему дружески относился наследник цесаревич Александр Николаевич, что давало ему возможность видаться с его сестрами, последствием чего и было взаимное увлечение молодого гвардейца Бяратинского и великой княжны Ольги Николаевны²²⁶. Увлечение это было настолько велико, что не могло остаться незамеченным окружающими, а после отказа великой княжны несколькими искавшим ее руки иностранным принцам даже обратило внимание и государя Николая Павловича, который запретил великой княжне бывать у брата. Это запрещение и долгая разлука влюбленных, для которых служила единственным утешением лишь переписка, вызвали их наконец на рискованный шаг свидания в Зимнем дворце, когда князь Бяратинский со своей частью занимал там караул.

После декабрьского бунта дворцовый караул не ограничивался, как теперь, занятием известных мест, но часовые расставлялись и в разных пунктах длинных дворцовых коридоров.

Бяратинский был красив и своим высоким статным ростом напоминал фигуру Николая Павловича. Переодевшись солдатом, князь в сумерки занял вместо часового одну из ниш коридора внутренних покоев дворца, где было назначено у них свидание. Но к его ужасу план был разрушен: уведомленный об этом государь увел из ниши Бяратинского и, заперев его в свой кабинет, сам стал на его место. И вот вскоре послышались тихие шаги и шелест платья, и государь очутился в объятиях своей дочери великой княжны Ольги Николаевны. Что затем произошло в царской семье, можно себе представить, но относительно Бяратинского известно лишь только то, что он немедленно был отпущен с караула и дома, не раздеваясь, всю ночь просидел на своей постели, выпивая стакан за стаканом холодную воду, и, по словам бывшего слуги — станционного смотрителя, очень рано утром ему пришлось отпереть двери княжеской квартиры и, к великому изумлению, увидеть перед собой грозного Государя, который с палкой в руке велел проводить себя прямо к князю, и смотритель уверял, что он сам видел, как Государь, ударив несколько раз по спине вскочившего с постели и оторопевшего князя, грозно приказал:

— Сегодня же чтобы ты был на дороге к Кавказу! — а ему, слуге, погрозив пальцем, прибавил:

— Помни, что ты ничего не видел и не слышал!

На Кавказе, поступив в Куринский полк, я застал Бяратинского уже полковником, командовавшим одним из батальонов Кабардинского полка, который вместе с Куринским составлял бригаду, и хотя полки эти стояли в разных местностях, но их частям, кроме экспедиций, нередко приходилось встречаться в крепости Грозной, где была штаб-квартира командиров бригады и дивизии, причем последний был в то же время и начальником левого фланга Кавказского корпуса, и когда вместо генерала Фрейтаг[а]²²⁷ прибыл в Грозную начальником левого фланга генерал Нестеров, то, как знакомый ранее во Владикавказе с его семейством, я посещал его каждый раз по приходе в Грозную колонн Куринского полка из крепости Воздвиженской, причем мне приходилось встречаться в доме Нестерова и с князем Бяратинским.

Красавцем Бяратинского я уже не нашел, особенно в сравнении с П.П. Нестеровым, который был его выше, сильнее и красивее, причиной чего, видимо, была кавказская боевая жизнь Бяратинского в строю, кото-

рую ему пришлось начинать с маленьких чинов, переживая тяжелые раны, а главное, тяготившая его в продолжение царствования Николая I опала, снятая лишь после замужества великой княжны Ольги Николаевны за наследного принца Вюртенбергского. Но и после этого зоркий глаз царя не упускал его из вида, почему князь Барятинский после производства в генералы, получив от наместника отпуск в Петербург, мог доехать только до Тулы и оттуда возвратился обратно будто бы по болезни, хотя до Петербурга ему оставалось езды только полторы суток, а до Кавказа, за неимением тогда железной дороги, около двух недель, и вскоре затем выяснилось, что Барятинского в Туле встретил фельдъегерь с высочайшим приказом вернуться к месту служения. В Петербурге же в это время, как оказалось, гостила принцесса Вюртенбергская Ольга Николаевна.

На боевом Кавказе в те времена вместо водки пили спирт, до которого, однако же, Барятинский не был большим охотником, но хорошее кахетинское, эль и особенно шампанское он пил здорово, и я однажды видел, как он, предложив тост за интересную барыньку, выпил залпом шампанского полный турий рог, обделанный для этого серебром под чернью, но пьяным его никогда и никто не видел. Впоследствии мне также пришлось часто встречаться с Барятинским во Владикавказе, куда он, быв уже генералом и командиром Кабардинского полка, несмотря на дальность расстояния, любил ездить в гости к семейству артиллерийского подполковника Опочинина²²⁸, ухаживая там одновременно за хозяйкой дома и ее сестрами, причем устроил даже замужество одной из них — юной княжны Сопико²²⁹ за поручика своего полка Святополк-Мирского, исхлопотав ему княжеское достоинство²³⁰.

С объявлением Севастопольской войны престарелый наместник Кавказа святлейший князь Воронцов оставил службу и был произведен при этом в фельдмаршалы, и наместничество на Кавказе некоторое время было упразднено, с назначением Реада²³¹ главнокомандующим кавказской армией. В то время много говорили об этом уходе Воронцова и, кроме его старости, указывали также на родственные связи с английской аристократией, так как сестра его была за английским лордом²³², имевшим в то время в Англии большое значение, почему даже будто бы известная в Крыму воронцовская Алука²³³ была не тронута английским флотом.

Со смертью непреклонного Николая I, который не мог перенести последствий этой войны, и воцарением Александра II Барятинский стал быстро возвышаться и впоследствии назначен был наместником Кавказа, подготовленное покорение которого по плану Воронцова, осуществленное Барятинским

ким в 1864 году, дало и ему чин фельдмаршала. Во время своего наместничества Барятинский не забывал близких ему людей, окружая себя теми, которых любил в молодости, и в числе их Опочинин, быв уже генерал-лейтенантом, состоял комендантом Тифлиса, сильно процветавшего в это время.

Князь Барятинский был глубоко привязан к императору Александру II, дружба которого, как известно, не покидала его до последних дней, но, несмотря на это, ревнивое чувство не оставляло Барятинского при появлении новых любимцев этого государя, и когда при покорении Кавказа Шамиль сдался нашему отряду, начальником которого был генерал Евдокимов²³⁴, то Барятинский не без сарказма сказал своим штабным: «Милютин²³⁵ сделал военным министром, а Евдокимова я сделаю графом», что действительно и случилось, хотя генерал Евдокимов далеко не имел еще тех наград, которые предшествуют этому высокому титулу.

Конечно, Барятинскому странно было видеть военным министром Милютин²³⁵, который в небольших чинах состоял начальником отделения при Воронцове, когда Барятинский уже командовал дивизией. При этом нельзя не упомянуть, что хотя Барятинский далеко не пользовался славой героя среди войск и населения Кавказа, как, например, Ермолов²³⁶ или Слепцов, но его ценили за его ровный характер и простоту обращения с подчиненными, и на Кавказе сохранилась о нем хорошая память.

Барятинский, как известно, долго оставался холостяком, но под конец, уже будучи фельдмаршалом, женился настолько оригинально и романтично, что об этом говорила даже европейская печать. Женился он на жене своего адъютанта Давыдова, которая уехала с ним за границу, после чего там между мужьями и была дуэль²³⁷ и Наполеон III²³⁸ присылал своего флигель-адъютанта поздравить Барятинского с благополучным ее окончанием.

Этот любимец царя умер далеко не старым²³⁹, сильно страдая подагрой, и когда он лечился за границей, то посещавшие его рассказывали, что он настолько страдал от прикосновения покрывал к ранам на ногах, что должен был лежать в чем-то вроде кринолина²⁴⁰.

Доказательством же особого расположения Александра II к Барятинскому служит то обстоятельство, что даже брак его с Давыдовой был по высочайшему повелению утвержден, и упорно держался слух, что Барятинскому будто бы приказано было выдать Давыдову 70 000 рублей, но за достоверность этого слуха я не ручаюсь.

ТИПЫ И КАРТИНКИ ПРОШЛОГО²⁴¹

В половине 40-х годов моя мать получила письмо от своей двоюродной вдовой бабушки Фаяны Гавриловны Зварькиной²⁴², которым она настойчиво приглашала приехать к ней и обязательно привезти с собою меня и мою сестру, добавляя, что к ней приедет ее единственный сын Петр Сергеевич, которого уже произвели в полковники. Неведомая для меня дотоле моя прабабка и ее сын, приходившийся мне дедом, крайне меня интересовали, и потому я, несмотря на свою в то время молодость, охотно отправился с матушкой и сестрой в село Мангушево, Сергачевского уезда, Нижегородской губернии²⁴³. Длинный путь от Саратова на своих лошадях и в старинной семейной карете в настоящее время показался бы мучительным, но тогда этот способ переезда не был страшен, и вот недели через две, приехав в село Мангушево, мы радушно были встречены моей прабабушкой Фаяной Гавриловной, которая стояла на террасе своего громадного дома и в золотой лорнет следила, как мы выгружались из нашего дормеза. С первого взгляда она могла бы казаться женщиной не старше 50 лет: маленькая, худенькая, с властным взглядом, изящно одетая по моде того времени; на голове ее был легкий черный чепец, из-под которого спускались по вискам накладные черные букли; зубы у нее были удивительные по белизне и правильности, и только когда я поцеловал ее крошечную ручку, то по костлявым, обтянутым одною кожей пальцам мог поверить, что ей было 84 года. Рядом с ней стоял красивый, высокий штаб-офицер с закрученными в кольцо черными усами, дедушка Петр Сергеевич, из-за которого выглядывал его хорошенький, обстриженный в кружало казачок. Фаяна Гавриловна приказала, было, этому казачку помочь нашей прислуге выгрузить из экипажа вещи, но Петр Сергеевич заботливо отстранил его, послав для этого другую прислугу.

Дом у прабабушки был из сорока комнат, обставленных старинной великолепной мебелью, обитой нарочно вытканными для этого самой тончайшей домашней работы коврами. Громадный, в два света²⁴⁴, зал с хорами и органами наверху, с массивной, спускавшейся с потолка люстрой был заставлен высокими тепличными растениями, сквозь которые местами, в нишах, вырисовывались мраморные статуи. Зал этот несколькими арками соединялся

с комнатой немного меньших размеров, и она, устланная мягкими коврами и с тяжелыми портьерами на окнах, представляла собою гостиную с диванами, на которые нужно было подниматься по ступенькам; стены были украшены громадными зеркалами, портретом во весь рост императора Павла Петровича и многими фамильными портретами времен XVII и XVIII столетий. Большая стеклянная дверь вела из нее в оранжерею. Далее был кабинет ее покойного мужа, увешанный старинным оружием и рыцарскими доспехами, тут же стояли, вдоль одной из стен, столы с ящиками на один скат, под стеклянными крышками которых хранились древние монеты, слитки руды и множество самородков дорогих камней и кристаллов, по углам же на полках лежали черепа и кости допотопных животных. Рядом с ней, почти одинаковой величины с залой, находилась комната с бильярдом посередине и двумя маленькими китайскими бильярдами по бокам; она, ранее служа театральной залой, имела посередине впадину и, кроме того, с одной стороны особый выход на террасу сада, а с другой — дверь, выходящую в коридор, по бокам которого шел целый ряд отдельных комнат для приезда в прежние годы гостей; коридор этот заканчивался широкой лестницей, ведущей в почти заброшенный верхний этаж, где особенное внимание привлекала обширная библиотека. Но вся эта часть дома со смертью мужа Фаяны Гавриловны оставалась нежилой, сама же она занимала другую его половину, с менее причудливой обстановкой, хотя ее спальня и кабинет были также крайне оригинальны, так как комната разделялась перегородкой из цветных стекол, и одна часть ее совсем без окон, составляя спальню, имела стены, сплошь уставленные в богатых ризах иконами, перед которыми теплилось несколько лампад и стоял аналой с евангелием, где она молилась; другая же, о четырех выходивших в сад окнах, служила ей кабинетом, где перед старинным письменным столом, сидя в больших вольтеровских креслах, хозяйка любила беседовать с гостями, причем позади ее кресла в углу, чуть не до потолка, горкой оригинально возвышалась груда писем, указывавшая на ее долговременную и обширную корреспонденцию.

Прожили мы в Мангушево около месяца, ознакомились с соседями прабабушки, которые ее часто посещали, так как она, при ее громадном состоянии, любила принимать гостей, нередко приезжавших даже из Нижнего Новгорода. За обеденным столом лакеи прислуживали в светло-зеленых фраках с длинными фалдами, в красных жилетах с позументом, в чулках и башмаках, напоминая времена прошлого века, причем камердинер покойного мужа Фаяны Гавриловны, семидесятилетний старик, которого она звала

Митькой, прислуживал только ей одной и, стоя за ее стулом, после каждого блюда получал нарочно оставленный Фаяной Гавриловной для него кусочек кушанья, который он, едва передвигая ноги от дряхлости, уносил из столовой. Блюда прежде всего подавались самой Фаяне Гавриловне, а затем уже гостям, и делалось исключение лишь только для двух подруг-соседок: княгини Бабичевой²⁴⁵ и графини Рошфор²⁴⁶. С княгиней Бабичевой у Фаяны Гавриловны было, вероятно, порешено женить Петра Сергеевича на ее внучке, в надежде чего, как оказалось, она, вызвав сына, пригласила и нас в Мангушево. Но, к удивлению этих приятельниц, дело не шло на лад, и Петр Сергеевич под разными предложениями уклонялся от женитьбы на 17-летней прелестной княжне, несмотря на миллионное состояние их обоих, и уже поговаривал о своем отъезде в Оренбург в ожидании там назначения его командиром полка.

Властолюбивая женщина никак не могла примириться с мыслью, что порешенный ею брак не состоится, и потому настойчиво требовала от сына формального предложения внучке княгини Бабичевой, а так как день мы проводили все вместе, то для своих интимных бесед с сыном Фаяна Гавриловна избирала время, когда вечером все уже расходились по своим комнатам. Дедушка Петр Сергеевич имел обыкновение всех раньше уходить на свою половину, и, ложась в постель далеко за полночь, засыпал под мелодичные звуки гитары своего казачка. Фаяна Гавриловна после своей вечерней молитвы всегда отправлялась к нему поговорить о столь интересовавшем ее деле и, благословив сына, уходила каждый раз недовольной и раздраженной. Смутное подозрение, что сын кого-нибудь уже любит, начинало закрадываться ей в душу, как однажды она увидела выглядывавший из-под ворота рубашки на груди Петра Сергеевича медальон; схватив его, Фаяна Гавриловна, несмотря на сопротивление сына, успела открыть и там в портрете женщины узнала любимого его казачка. Только тут Петр Сергеевич решился признаться матери, что это его жена, дочь бедного чиновника. Гордая женщина настолько была поражена этим открытием, что ни мольбы, ни слезы ее детей не могли ее тронуть, и она тут же с проклятием прогнала их из дома.

Трудно себе представить тот переполох в доме Зварыкиной в ночь после этого ужасного происшествия. В усадьбе все проснулось, забегали люди с фонарями, торопливо укладывались вещи в заложенный уже экипаж Петра Сергеевича, но он и юная жена его еще долго, долго не отходили от запертой двери неумолимой матери, тщетно надеясь смягчить ее сердце. Но все

было напрасно, и в полном отчаянии, в тяжелых рыданиях эта любящая друг друга чета навсегда покинула родительский кров.

Весь следующий день Фаяна Гавриловна оставалась запершись в своей комнате и лишь вечером только призвала к себе мою матушку, которой и передала о подробностях случившегося, и тут же, высказав решение лишиться своего сына наследства, предложила ей купить все ее вотчины. Матушка вздумала было просить Фаяну Гавриловну за ее сына, но отказ был так суров и решителен, что далее она уже не смела более говорить об этом; относительно же покупки вотчин отозвалась неимением у себя столь больших денег. Когда же прабабушка затем сказала ей, что это не ее дело и что она заплатит столько, сколько может, так как она не желает умереть, не наказав сына, то матушка решительно отказалась от этого предложения, объяснив, что считает грехом воспользоваться состоянием законного наследника.

Ответ этот, видимо, не понравился Фаяне Гавриловне, и она более уже о том не упоминала. Когда же мы через несколько дней после этого отправились в обратный путь, то отосланный днем ранее наш фургон с поваром и прислугой оказался наполненным множеством ценных вещей и редкостей, уложенных без нашего ведома по приказанию прабабушки. Прошло после этого полгода, в продолжение которого матушка обменялась несколькими письмами с Петром Сергеевичем, результатом чего последовало согласие ее приобрести покупкою все имения Зварыкиной в предположении таким образом хотя часть их передать Петру Сергеевичу, но ответом было то, что все имения уже проданы какому-то С[ергее]ву²⁴⁷, за исключением 260 душ в селе Чирчим²⁴⁸ Саратовской губернии, которые она по духовной завещает матушке.

И вот в следующие четыре года судьба в свою очередь карает жестокосердную мать, проклявшую сына.

Метель и вьюга несколько дней задерживают на станции Мангушево проезжего чиновника С[ергее]ва, где по соседству он находит гостеприимство у престарелого священника, крестника Фаяны Гавриловны. Разговорившись с этим старцем, он узнает о семейной катастрофе Зварыкиных и, ловко выведав о происхождении ее предков, узнает себя как бы дальним ее родственником. Добродушный священник, не подозревая злого умысла, спешит обрадовать одинокую Фаяну Гавриловну этим известием, и новый лжеродственник быстро очаровывает Зварыкину, целует ей руки, называет бабушкой и в несколько дней настолько вкрадывается в ее доверие, что она тут же продает ему Мангушево менее чем за полцены, при условии рассроч-

ки платежа денег и оставлении Мангушева в фактическом владении за Фаяной Гавриловной до ее смерти. С[ергее]в обязался в условленный срок явиться в город Арзамас для совершения в уездном суде запродажной записи и доставить Зварыкиной в задаток 23 000 рублей.

Княгиня Бабичева и графиня Рошфор имели обыкновение ежегодно говеть в Арзамасском монастыре, где для них отводилась особая келья, почему Зварыкина назначила совершение запродажной записи на это время и, приехав, остановилась у них. Является затем С[ергее]в с готовой запродажной записью для подписи Фаяной Гавриловной, но денег привозит лишь только 2300 рублей, хотя в этой записи было обозначено, что Зварыкина от него получила 23 000 руб. Неаккуратность в доставлении денег он сваливает на своего управляющего и при этих трех старухах клянется перед крестом и евангелием, что доставит следуемую сумму в двухнедельный срок и исполнит словесное обещание оставить до смерти Зварыкиной село Мангушево в ее распоряжении. После этого Фаяна Гавриловна подписывает запродажную запись и поручает своему поверенному засвидетельствовать ее в уездном суде и затем в Нижегородской гражданской палате и совершить купчую на имя С[ергее]ва.

По возвращении в Мангушево Фаяна Гавриловна вместо обещанных С[ергее]вым денег получала от него первое время письма с извинениями в дальнейшей его неаккуратности при новых обещаниях привезти лично всю сумму долга сразу после перезалога имения в опекуновом совете; потом письма приходили все реже и реже и, наконец, к концу 1846 года С[ергее]ву село Мангушево было введено во владение, и присланным от него управляющим эта вотчина не только отобрана от Зварыкиной, но даже была им произведена опись самой усадьбы с предупреждением владелицы, что ей разрешается только на непродолжительное время оставаться в ее доме.

Почти одновременно с этим Зварыкина получает известие о смерти своего сына разрывом сердца. Пораженная этим несчастьем и таким дерзким обманом С[ергее]ва, она все-таки не падает духом и заводит процесс с С[ергее]вым подачею прошений в Правительствующий сенат и шефу жандармов графу Орлову²⁴⁹ и вместе с этим шлет письмо императрице Александре Федоровне²⁵⁰ с изложением всех обстоятельств этого дела при удостоверении подписавших его: княгини Бабичевой и графини Рошфор, из которых последняя была хорошо известна императрице.

Немедленно после этого, и именно в декабре 1846 года, последовало высочайшее повеление, в котором говорилось, что хотя дело это и обложено

в законную форму, но ввиду преклонности лет Зварыкиной и необычайных обстоятельств, его сопровождавших, пересмотреть оное в подлежащих присутственных местах.

Но так как в то время сильно процветали подкуп и взятки, то дело Зварыкиной не подвигалось вперед, тем более, что ее поверенные один за другим передавались на сторону С[ергее]ва, допустив даже перезалог имения в опекуновом совете. Между тем в 1848 году было первое покушение на ее жизнь при следующих обстоятельствах. Читатель, вероятно, вспомнит расположение ее спальни и кабинета, в котором она, запираясь на ночь, держала легавую собаку. Этот верный пес был отравлен, и через двое суток в окно из сада тихо пробрался злодей с поленом в руках, которым и нанес спящей Фаяне Гавриловне удар по голове. Но так как она, сильно страдая в эту ночь мигренью, положила себе на голову небольшую подушку и придерживала ее рукой, то ударом и переломлена была только рука. Но прабабушка не потерялась и так грозно кликнула на злодея, что тот, оробев и слыша поднявшуюся уже в доме суматоху, бросился в окно; она же, 87-летняя старуха, со сломанной рукой, выскочила за ним и гналась с криком по аллее сада сажен пятьдесят до реки, отделявшей ее усадьбу от деревни. Крик ее услышан был уличными караульщиками, и преступник, бросившийся в воду, был ими пойман на другом берегу. Это оказался дезертир из отданных ему в солдаты дворовых людей.

Нечего и говорить, как тяжело подействовало это происшествие на здоровье Зварыкиной и на ее душевное состояние, тем более, что перелом правой руки лишил ее последнего утешения: вести привычную переписку. Но этим еще не все кончилось, и в ночь на 3 декабря 1849 года она найдена была на полу возле своей постели мертвой. Дом был разграблен, бумаги, денежные документы и письма С[ергее]ва похищены. Невзирая, однако, на эти обстоятельства, она была торопливо похоронена по распоряжению временного отделения Сергачевского нижнего земского суда. Тогда для С[ергее]ва уже не оставалось никаких преград быть полным хозяином всего, что находилось в Мангушеве, и потому он не замедлил распродавать что только было возможно в барской усадьбе. Кроме этого, он стал давать отпускные прислуге, находившейся при Зварыкиной до ее смерти, хотя эти люди и принадлежали к селу Чирчиму, которое, по утвержденному в 1850 году духовному завещанию, должно было перейти к матушке.

Это обстоятельство вынудило и ее начать процесс со С[ергее]вым, во время которого выяснилось, что С[ергее]в каким-то образом поместил в за-

продажной записи на село Мангушево также и Чирчим Саратовской губернии, чего Зварыкина не заметила, так как сама запись не читала. Купчую же на Чирчим ему не удалось получить, потому что доверенность на совершение ее дана была только на Мангушево.

И вот против матушки начались те же подкупы и взятки. Ее поверенный не только передался на сторону С[ергее]ва, но и подал к взысканию в 2000 руб. безденежный вексель, который получил от матушки в обеспечение окончания им этого процесса.

Дело это неизвестно как и когда бы кончилось, но в это время, после четырехлетней службы на Кавказе, я, вследствие раны, вышел в отставку и, вернувшись домой, взял на себя не только это дело, но, по праву наследия, и продолжение тяжбы Зварыкиной по всем ее имениям. Но дела уже настолько были испорчены и запутаны поверенными, что после моих поездок в село Мангушево и в города Сергач и Нижний, где я прожил всю зиму и на месте убедился в скрытии всех следов безденежной покупки С[ергее]м Мангушева, трудно было бы процесс выиграть, если бы не сообщил мне тайно старик священник села Мангушева, крестник Фаяны Гавриловны, своего подозрения, что Зварыкина умерла неестественной смертью, так как он, хоронив ее, сам видел на ее виске запекающуюся кровь, о чем даже заявлял осматривавшему тело Зварыкиной временному отделению Сергачевского нижнего земского суда.

Тогда я, с божьей помощью, решил раскрыть всю эту темную историю, для чего и отправился в Петербург с твердым намерением лично доложить обо всем этом Государю.

Я был еще очень молод, почему за советом, как приняться за это дело, обратился к только что начинавшему тогда свою карьеру племяннику мужа моей сестры П.И. Соломон²⁵¹, который служил директором канцелярии Опекунского совета. Он составил мне докладную записку на имя Государя, в которой, упоминая о состоявшемся в 1846 году высочайшем повелении по делу Зварыкиной, объяснялось, что это повеление, оставаясь в продолжение пяти лет без движения и невнимания к нему местных властей, повлекло за собою не только новые подлоги, но и убийство прабабки, почему я и просил единственной милости — дать вновь высочайшее повеление. Лично же подать докладную записку государю встречалось большое затруднение, но я вспомнил о приезжавших в Саратов двух знакомых мне молодых офицерах, командированных Военным министерством для наблюдения за поставкой провианта для Кавказского корпуса. Это были граф Строганов²⁵² и Баранов²⁵³, впоследствии тоже граф, которые, будучи в Саратове, нередко прово-

дили время у того же моего beau frere-а, управлявшего провиантской комиссией. Я поспешил быть у них, где и встретил самый радушный прием и живое участие к моему делу и, так как Баранов был близок с молодым Адлербергом²⁵⁴, который в то время состоял адъютантом наследника цесаревича Александра Николаевича, а отец его министром императорского двора²⁵⁵, то через последнего моя докладная записка была предоставлена Государю, и затем я получил возможность лично доложить обо всем его величеству.

Император Николай Павлович, видя меня с костью в руке, милостиво расспрашивал, в каком деле я был ранен, за что получил Георгия и зачислен ли под покровительство Комитета о раненых. Когда же я объяснил, что, получив милостями его величества полный пенсион за рану с правом зачисления под покровительство комитета, я отказался от особого ежегодного пособия этого комитета в пользу более бедных, чем я, офицеров, то Государь с улыбкой осчастливил меня словами, что за столь хороший поступок я буду вознагражден наследством своей прабабки. Слова эти ободрили меня, и те, кому я передавал об этом, предсказывали мне полный успех в моем процессе. И действительно, не прошло и двух недель после возвращения моего в Саратов, как получилось строгое высочайшее повеление немедленно пересмотреть все дело Зварыкиной с расследованием о причинах ее смерти. Наблюдение же о скорейшем и беспристрастном окончании этого дела поручалось, по месту нахождения вотчин, жандармским штаб-офицерам нижегородскому и саратовскому. По разрытии могилы Зварыкиной тело было совершенно истлевшим, но у черепа висок найден пробитым; почему разрешивший ее похоронить чиновный люд поплатился, но, к несчастью, убийцы не были открыты, хотя многие из ее бывших дворовых людей долго сидели в остроге. Жандармские штаб-офицеры — в Нижнем полковник Панютин, а в Саратове полковник Есипов²⁵⁶ — почти ежедневно затем ходили в гражданские палаты, и дело при этих царских адвокатах скоро окончилось вводом во владение моей матери крестьян в селе Чирчим Саратовской губернии. По нижегородскому же имени вслед за мною вступились еще новые наследники: Демидов и Левин²⁵⁷, но С[ергее]в успел в пять лет заложить имение, перезаложить и наделать множество на него долгов и пр., так что в наследство досталась только лишь часть оставшегося разграбленного дома.

ЧУЖОЕ ИМЯ²⁵⁸

I

В половине 40-х годов в Петербурге в трактире Палкина²⁵⁹ сидели за отдельным столом двое офицеров М-го пехотного полка. Один из них — штабс-капитан, довольно высокого роста, полный с легкой проседью и казавшийся на вид лет около сорока; другой — среднего роста молодой худощавый подпоручик. Трактирная прислуга заботливо суетилась около этого стола, подавая кушанья и меняя шампанское одну бутылку за другой. Эти офицеры хотя и были приезжими в столице, но, по-видимому, хорошо с ней знакомыми, потому что лакеи называли их по имени, а штабс-капитана величали «ваше сиятельство».

— Какой я «ваше сиятельство», — говорил он с усмешкой своему товарищу, — правда, отец мой был князь N, а мать француженка С., на мою же долю досталась третья фамилия.

И действительно, бравый штабс-капитан не носил ни той, ни другой фамилии, потому что был незаконнорожденный сын известного богача N, который дал ему блестящее домашнее образование и, оставив в наследство хороший капитал, умер. Смерть N захватила его сына, когда уже он был на последнем курсе университета, и молодой человек, бросив учение, поторопился поступить в военную службу, где к 38 годам и дослужился до чина штабс-капитана, прокутив большую часть своего состояния.

В полку любили его как лихого товарища, участвовавшего во всех пирушках и всегда готового поделиться всем, что имел. Начальство также к нему благоволило, но, несмотря на это, он несколько раз отказывался от командования ротой и, скучая о столичной жизни, нередко пользовался ею, что случилось и в настоящее время, когда эти два офицера, получив полугодовой отпуск, прожигали жизнь в столице.

День подходил к вечеру, и публика трактира несколько раз меняла свою физиономию — одни уходили, другие входили, но эти молодые офицеры, обставленные целой батареей бутылок, продолжали свой кутеж.

— А хорошую штуку вы придумали, — обратившись к подпоручику, сказал штабс-капитан. — В полку, верно, недаром называли меня генералом Анненковым²⁶⁰; хотя он и на двадцать лет меня старше, но сходство у меня с ним действительно необыкновенное, только у него голова седеет. Попробуем изобразить его, а вы как раз и в адъютанты годитесь, а то, право, такая страшная скучища, что впору хоть повеситься.

Перед офицерами этими лежала газета, в которой говорилось о предстоящей ревизии сибирских войск, причем в числе предполагавшихся для того лиц называлась и фамилия генерала Анненкова²⁶¹.

— Ну, уж мы развернемся там вовсю и зададим им жару!

С этими словами молодые люди встали, и штабс-капитан, просмотрев поданный счет, достал из своего кошелька горсть полуимпериалов²⁶² и положил их на стол, сказав прислуге, что один золотой отдается им на водку.

Через несколько дней после этого по Московскому шоссе катилась дорожная карета, в которой самозванные ревизоры спешили в первопрестольную, чтобы сделать все нужные приготовления для придуманной ими отчаянной шалости. И вот из Москвы, преобразившиеся уже в генерала и его адъютанта, офицеры эти в подобающей обстановке продолжали путь в Сибирь, достигнув которой, они, с успехом производя инспекции сибирских линейных батальонов, подвигались все дальше и дальше вглубь, где, всюду встречаемые испуганным начальством, с важностью принимали даваемые в честь их обеды и другие почести. В те времена, при прежних порядках, таким образом, вероятно, им удалось бы затем благополучно вернуться восвояси. Но, на их беду, настоящий, командированный правительством инспектор выехал почти вслед за ними, и можно себе вообразить, какой произвел переполох и смущение этот новый приезд уже настоящего ревизора, который, узнав в первом же обревизованном пункте сибирских войск о такой дерзкой проделке, немедленно послал за ними погоню, и арестованные самозванцы, просидев около года в крепости, затем были приговорены военным судом к разжалованию и заключению в арестантские роты военного ведомства.

II

Около двух лет спустя в г. Саратове появляется некий Андрей Иванович Фадеев в качестве управляющего имением камергера Шахматова²⁶³, который, занимая в Петербурге штатную должность при дворе, поручил Фадееву под

контролем одного из дворян, Григория Яковлевича Тихменева²⁶⁴, управление его крестьянами в селе Хмелевка Саратовского уезда. Фадеев, ознакомившись затем с соседними помещиками, приобрел общие к себе симпатии, так что несколько лет спустя после этого получил приглашение моих ближайших соседей, помещиков Готовицких, управлять их большим имением²⁶⁵, что и дало мне возможность узнать его ближе. Фадеев был женат на молодой дочери чиновника, любил комфорт и был очень религиозен. Встречая его в церкви, мне не раз приходилось видеть его стоящим на коленях и со слезами на глазах. Жена же его не пропускала ни одной обедни и молилась всегда с таким чувством, что невольно обращала на себя общее внимание и заставляла предполагать существование у них какого-то затаенного горя. И, несмотря на их взаимную любовь и полное согласие, она затем вскоре умерла злейшей чахоткой. Бездетный Фадеев был страшно поражен этой потерей, так что одно время поговаривал даже о монастыре, но потом, успокоившись, перебрался в Саратов, где, проживая уже самым скромным образом, был принят в лучших домах как человек до чрезвычайности скромный и любезно предлагавший свои услуги помещикам в их разных делах по присутственным местам и в денежных затруднениях. За хлопоты свои он не только не назначал гонорара, но и стеснялся брать даже должное. Свои же небольшие деньги он раздавал нуждающимся в долг без процентов, почему его все очень любили, так что мне не раз приходилось встречать Андрея Ивановича на званных обедах даже у лиц, занимавших высшие должности в губернии.

Когда же Фадеев оказал мне однажды значительную услугу при покупке мною довольно большой вотчины крестьян деревни Быковки, принадлежавших ранее моим предкам, то, прожив у меня в имении около двух недель, расположил и меня к себе своею необыкновенной деликатностью и порядочностью, так что после этого я уже не раз приглашал его к себе. Но Андрей Иванович при его пятидесятилетнем возрасте был как-то странно почтителен к людям даже вдвое его моложе и всегда искал сближения с полицией, почему в уезде с исправником, а в городе с частными приставами находился в большой дружбе.

И вот однажды, уже в конце 50-х годов, Фадеев, проходя с частным приставом в Саратове по Театральной площади, натолкнулся на партию арестантов, исправлявших мостовую. Вдруг один из них, пристально вглядываясь в Фадеева, отдает ему честь по-военному и называет его «ваше превосходительство». Полицейский чиновник, предполагая, что арестант пьян, приказал ему

замолчать и хотел уже с Фадеевым идти далее, но арестант настойчиво требовал выслушать его и рассказал всю вышеприведенную историю инспекции сибирских войск, объяснив, что Фадеев был генералом, а он его адъютантом.

Конечно, никто не хотел верить рассказам арестанта, так как происшествие это в Саратове не было известно, да и, кроме того, Фадеев пользовался такой солидной репутацией, что участие его в подобной невероятной истории всем казалось невозможным. Но, не менее того, все-таки, по распоряжению местных властей, без огласки, было начато дознание о личности Андрея Ивановича, так как за смертью камергера Шахматова никто из саратовского общества не знал о его происхождении. До времени же окончания этого дела Фадеев был принят на поруки его хорошим приятелем, солидным чиновником Лобановым²⁶⁶.

Вскоре по дознанию было обнаружено, что Фадеев — отпущенник²⁶⁷ генеральши Ч[ихачевой]²⁶⁸, которая, живя постоянно в Петербурге, где имела дома, взяла его как круглого сироту из своих саратовских вотчин к себе еще мальчиком, обучила его и затем после нескольких лет управления ее домами, когда ему было уже лет под 40, отпустила его на волю. После чего он находился некоторое время в той деревне, в которой родился. Когда же понадобился Шахматову управляющий для саратовского имения, то генеральша Ч[ихачева] рекомендовала ему Фадеева. В добавление к этому выяснилось еще следующее обстоятельство, что, получив отпускную, Андрей Иванович, находясь в деревне, отыскал своих дальних родственников и даже старика крестного отца, который по медному кресту на шее признал его за своего крестника. А когда Фадеев, переселившись в Саратов, задумал жениться, то по письменному приказанию генеральши Ч[ихачевой] ему было выдано даже из ее вотчинной конторы в награду 500 рублей на свадьбу.

Такого дознания было вполне достаточно для того, чтобы снять с Фадеева всякое подозрение, и арестанта уже готовились признать сумасшедшим, но последний продолжал настаивать на своем, заверяя, что его самозванный генерал, когда их гнали из крепости по этапу в арестантские роты военного ведомства, бежал, а он, арестант, по восшествии на престол императора Александра II согласно манифеста был перемещен в Саратов в арестантское отделение гражданского ведомства. Почему для вящего удостоверения в несправедливости показаний арестанта начальство и предполагало отправить Фадеева в Петербург для удостоверения его личности самой генеральшей Ч[ихачевой]. Но пока оно обдумывало, стоит ли за всем выяснившимся везти Фадеева еще в Петербург, он бежал и прислал с дороги письмо, в котором

не только подтвердил все заявленное арестантом, но и объяснил, что имя Фадеева принадлежало другому, которого он убил на дороге, встретив после побега своего, когда их гнали в арестантские роты.

К этому нелишним будет прибавить, что когда Фадеев находился на поруках у Лобанова, то последнее время своего пребывания в Саратове начал покушивать. А за несколько дней до своего побега, оставаясь с детьми у одного из соседей, Фадеев обнаружил свои познания в иностранных языках, поправляя детям переводы. А затем однажды сел за фортепиано и сыграл блестящую импровизацию, что, вероятно, и ускорило его побег, так как Лобанов, узнав об этом, не только стал относиться к нему подозрительно, но и передал о том бывшему полицмейстеру полковнику П[озня]ку²⁶⁹. Это мне лично впоследствии передавал Лобанов.

Во время побега близ г. Пензы Фадеева встретил на почтовой станции мой beau-frère, поручик гвардейских улан А.М. Готовицкий²⁷⁰, возвращавшийся из Новгорода в Саратов после нескольких лет отсутствия.

Готовицкий во время своего детства знал Фадеева управляющим именьями своих родителей в селе Поповке²⁷¹ и, не подозревая ничего об этой истории, не только отнесся к Фадееву симпатично, но, вследствие его рассказа о потере будто бы в дороге денег, дал ему заимообразно 100 рублей.

Как затем и куда скрылся мнимый Фадеев и что случилось с его бывшим адъютантом, мне неизвестно. Прошедшие же с лишком 40 лет со времени исчезновения Фадеева из Саратова многое покрыли своей давностью, и покорный своей судьбе адъютант Фадеева, вероятно, уже давно прощенный, доживает где-нибудь на родине покойно остатки дней своей глубокой старости.

РЯД ПОХИЩЕНИЙ И УВЛЕЧЕНИЙ²⁷²

Лет 60—70 назад, при крепостном праве, каждому чиновнику и купцу представлялась возможность иметь дешевую прислугу, нанимавшуюся у помещиков, и в то время трудно было встретить на улицах без лакея или горничной хоть сколько-нибудь порядочных женщин, не говоря уже о девицах. И боже упаси было увидеть в провинции женщину, прогуливающуюся с посторонним мужчиной и без провожатого. Ей сейчас приписывалась безнравственность, и она делалась притчей во языцех. О помещичьих семействах и говорить нечего. Для них существовали кареты, запряженные четвериком цугом с форейторами²⁷³, а во время прогулок верхом были провожатыми жокеи или лакеи в ливреях. И трудно сказать, почему именно, но в те времена стеснения женской свободы случаи оставления мужей женами были большой редкостью, и об них знали даже и в других губерниях. Но зато похищение дочерей было делом заурядным, и на своей памяти я могу их насчитать немало, причем похитителями были преимущественно домашние наставники и другие лица, допускаясь в интимную жизнь семьи.

Тогда при отсутствии в провинции институтов²⁷⁴ и гимназий женское образование было весьма ограниченное, так как не всем было доступно выписывать гувернанток, и в городах преимущественно ограничивались приглашением для учения своих детей недоучек мужских гимназий, ссыльных поляков, которых в Саратове было довольно, французов, застрявших в России после двенадцатого года, и разных других проходимцев-учителей. И эти люди вкрадывались в доверие семьи и, пользуясь обычной близорукостью родителей, сплошь и рядом развивали юных дочерей в дурном направлении, похищая из них более богатых, и были случаи даже совращения жен.

В конце 30-х годов мещанин Вася[т]кин, исключенный из IV класса гимназии, был приглашен давать уроки в весьма почтенный дом богатого помещика генерала, где спустя несколько лет, когда единственная дочь этой семьи достигла 16-летнего возраста, она бежала с ним и обвенчалась. Высшее общество, к которому она принадлежала, заперло свои двери для новобрачной, а вдовья мать не вынесла этого удара и вскоре скончалась, но молодая

супруга, пользуясь пожизненным правом дворянки владеть крестьянами, увезла своего мужа в деревню. Вася[т]кин умер, и жена оплакивала его до тех пор, пока не пришлось ей, внесенной в пятую часть родословной дворянской книги, приписывать своих детей к мещанскому обществу. Тут она страшно возмутилась и долго не хотела покориться этому обстоятельству.

Таких случаев на моей памяти было очень много, и теперь еще живы некоторые почтенные люди, которые вспоминают, как после смерти их матерей у них отбирали крепостных крестьян в казну, так как отцы их не принадлежали к потомственному дворянству.

В 40-х годах был возмутительный случай в семье полковника, носившего голубой мундир²⁷⁵. Жена его была дочерью ветерана двенадцатого года и воспитывалась в одном из столичных институтов; красавица брюнетка была настолько скромна, что, будучи уже замужем, служила примером для всех девиц. Муж ее был великолепный человек, и они были вполне счастливы до тех пор, пока не стали вырастать дети. Тут понадобился для них учитель, для чего и был приглашен находившийся в Саратове под надзором полиции бежавший из своего отечества молодой шведский офицер Генерального штаба Девель²⁷⁶. Он был очень красив, но в высшем обществе не вращался, и его знали только как учителя. Конечно, никому и в голову не приходило, чтобы такая скромная женщина, как жена этого полковника, увлеклась Девелем.

Однажды в Немецком клубе, помещавшемся в доме Челюсткиных²⁷⁷, во время маскарада ко мне подошла неизвестная мне стройная маска в черном домино. Я был тогда еще очень молод и перед поступлением в кавказские войска служил чиновником при губернаторе Кожевникове. С маской, как вообще и водится, я ходил под руку, и она все время смущенно поглядывала на Девеля; когда же мне пришлось с ней танцевать кадрили, Девель бесцеремонно подошел к нам и увел от меня маску. Возмущенный этой дерзостью, я потребовал от Девеля удовлетворения, но он, не обращая на это внимание, хотел насильно увести маску из клуба. Общество было настолько возмущено этим обстоятельством, что даже прекратило танцы и поспешило передать о случившемся жандармскому полковнику, который в это время в гостинной играл в карты. И тот, скрыв, что эта маска оказалась его женой, просил меня проводить ее до кареты, а сам снова сел за карты. Относительно Девеля тут же старшины составили акт, вследствие которого он был торжественно выведен из клуба, и, по порядкам того времени, двое лакеев, идя за ним до выходных дверей с половыми щетками, заметали его след.

Драться на дуэли с Девелем, однако же, мне не пришлось, так как по распоряжению губернатора утром он был арестован и затем вскоре выслан в Вятку за неслыханный поступок: когда жена полковника, воротясь домой, разделась в своей уборной, выходявшей окнами на улицу, то Девель бросил ей в окно камень, обернутый запиской, в которой с угрозами требовал, чтобы она немедленно вышла к нему. Полураздетая женщина, набросив на себя наскоро салоп черно-бурых лисиц, исполнила его требования, умоляя не делать скандала, но Девель, посадив ее в сани, увез к себе на квартиру, где, оставив у себя ее дорогой салоп и бриллиантовые серьги из ушей, выгнал ее на улицу, откуда эта несчастная женщина должна была пройти почти полгорода домой ночью в сильный мороз, в ночной кофте и туфлях. В довершение же своей подлости Девель потребовал от мужа 3000 рублей выкупа за оставленные им у себя дорогие вещи.

Муж был настолько благороден, что, любя жену, простил ей, но сам тут же впал в эпилепсию и через год умер. Жена же его, отвергнутая обществом, долго скиталась по разным губерниям, преследуемая слухом об этой ужасной истории, и лет 20 назад говорилось в столичных газетах, что она кончила жизнь в Одессе содержательницей дома терпимости.

Не стану упоминать здесь об очень многих бывших на моих глазах случаях похищения дочерей богатых семейств, кончившихся свадьбой, хотя некоторые из них были немного лучше женитьбы Вася[т]кина, и расскажу лишь о более выдающихся.

В конце 50-х годов появился в Саратове молодой и далеко не красивый учитель-музыкант, Петров. Он был хороший скрипач и давал, в то же время, уроки на фортепьяно. Очаровывая учениц своей игрой, он два раза неудачно похищал их, так как при первой его попытке беглянку, дочь бывшего командира гарнизонного батальона²⁷⁸, успели захватить в церкви до венчания, а вторую, дочь купца²⁷⁹, вечером задержали с ним на улице по дороге в церковь, но зато третья попытка ему удалась, и он с дочерью вдовы богатого помещика Степанова²⁸⁰ успел повенчаться. Однако же стройная брюнетка reau bronsl²⁸¹ с синими глазами, напоминавшая собой тип креолки, недолго пользовалась своим счастьем и через два месяца своего замужества сбежала от супруга прямо от рояля, где Петров, аккомпанируя ей на скрипке, в экстазе своей игры сломал об голову жены смычок, вследствие чего красавица-креолка, выскочив из окошка в одном платье, в страшном отчаянии прибежала в дом к своей матери. Петров после этого подал заявление о водворении к нему жены, и постановление о приводе ее к мужу по-

лицией уже было составлено губернским правлением, но бывший в то время предводитель дворянства²⁸² вошел в положение молодой женщины и протестовал против этого распоряжения, приняв во внимание, кроме грубого обращения с женой, еще то обстоятельство, что Петров похитил все дорогое приданое жены, не исключая мебели, зеркал и проч., увез его в Воронеж, где под своим управлением составил театральный оркестр; причем он, воспользовавшись выданными его жене долговыми обязательствами на крупную сумму, успел передать их кредиторам за половинную цену.

Предводитель дворянства по этому случаю снесся тогда с воронежским губернатором²⁸³, по распоряжению которого все приданое, почти еще не тронутое, было целым обозом доставлено в Саратов.

18-летняя креолка, получив свое великолепное приданое, которое ей делали в столице, появилась затем на бале в дворянском собрании, хотя этому и предшествовала целая буря в обществе благочестивых дам, так как они находили шокирующим присутствие среди них женщины, бросившей мужа. Три приятные во всех отношениях дамы²⁸⁴, имея влиятельных мужей, которые в то же время состояли старшинами клуба, узнав о намерении г-жи Петровой, настояли, чтобы мужа их вызвали против этого протест членов дворянского клуба. (Эти же самые дамы, полгода перед тем, не считали для себя предосудительным провонять с бокалами шампанского на пароходе одну госпожу²⁸⁵ с князем Киргизской орды²⁸⁶, для которого она внезапно бросила мужа, пользовавшегося высоким положением среди дворянства губернии.)

Это обстоятельство дошло до предводителя, и он, недолго думая, приказал запереть дом дворянства, вывесив на дверях объявление, что клубные вечера, впредь до особого распоряжения, прекращаются по случаю перекладки печей.

Дамское общество было поражено этим обстоятельством неизмеримо, так как для бала уже готовы были роскошные костюмы, выписанные некоторыми из них даже из Петербурга. Записки прелестного пола с мольбами к предводителю отворить дом дворянства посыпались со всех сторон. Приезжали к нему с той же просьбой от жен губернатор, жандармский полковник и другие влиятельные лица, а также и старшины клуба, которые и дали слово, что никаких демонстраций против Петровой не будет.

И вот дамы, следовавшие смешной и странной моде съезжаться на бал после полуночи, собрались на этот раз гораздо раньше. Танцы начались, но шли очень вяло, так как общество, волнуясь, ожидало появления женщины, наделавшей так много шума. Наконец в дверях залы появилась креолка в

бриллиантах, в малиновом бархатном платье с дорогими валансьенскими кружевами²⁸⁷. Предводитель дворянства поспешил ей навстречу и под руку провел через всю залу. Она робко смотрела на незнакомые ей лица, так как, кончив образование, тотчас же вышла замуж, не успев войти в общество. Но дамы, надо отдать им справедливость, сдержали свое слово и не только не проявили никакой демонстрации, но, наоборот, стали даже сами подходить к ней. Несколько уездных предводителей, в числе которых один оказался ее двоюродным дядей²⁸⁸, танцевали с ней *contre-danse*, причем, в виде раскаяния, ее главный недоброжелатель, никогда не танцевавший жандармский полковник Пашенный, также протанцевал с ней кадрили.

Получив такое удовлетворение со стороны общества и от предводителя дворянства — отдельный вид на жительство, г-жа Петрова уехала с матерью из Саратова. Муж же ее, однако, недолго пользовался присвоенным капиталом, так как вскоре затем, возвратившись в Саратов, бросился с баржи в Волгу, где и утонул. Впоследствии Петрова до конца жизни находилась в Саратове, давая уроки музыки.

Курьезно то обстоятельство, что ее мать, ранее в свою очередь увлекшись во вдовстве молодым французом-управляющим, вышла за него замуж, но прожила с мужем также не особенно долго, так как он, промотав значительную часть состояния, ее бросил.

Еще расскажу один курьез: жена одного известного в губернии помещика, композитора С., увлеклась сельским священником²⁸⁹, который, сняв с себя духовный сан, женился на ней с оформлением согласия своей попадьи и покинутого мужа и поступил на гражданскую службу в Западный край. Муж же помещик, скучая в своем одиночестве, нашел впоследствии утешение с покинутой попадьей.

С 60-х годов многое изменилось. Щепетильность дамского общества настолько понизилась, что не только появление в нем соломенных вдов стало делом заурядным, но начали происходить иного рода неслыханные до того времени случаи.

Жена одного очень почтенного и чиновного человека, принадлежавшего к известной в Саратовской и Пензенской губернии фамилии²⁹⁰, прожив несколько лет замужем, увлеклась молодым кучером из бывших своих крепостных людей²⁹¹. Муж ее, далеко не старый и пользовавшийся уважением в губернии, узнав об этой связи, скрывал ее от общества и, лишь умирая в скоротечной чахотке, объявил об этом в последние часы своей жизни некоторым лицам. Я и мой beau-frère Иванов²⁹² были свидетелями его признания,

причем он в присутствии жены указал на своего сына и на сына кучера²⁹³, после чего преступная женщина выбежала из комнаты. Возможность такого позорного случая нам казалась невероятной, и мы готовы были приписать это бреду умирающего, тем более, что эту особу я знал еще прелестной девушкой, вышедшей из Смольного монастыря с шифром. Но когда на другой день смерти ее мужа мне пришлось навестить ее, то, войдя неожиданно, я застал эту барыню сидевшей за самоваром в гостиной с ее кучером, перед которым стояла закуска и бутылка водки. Пораженный этой картиной, я, ни слова не говоря, ушел.

Вскоре затем, по желанию покойного, над его имуществом и сыном была учреждена опека²⁹⁴, и обязанности опекуна принял на себя родной брат этой госпожи, не желавший даже слышать имени сестры, уже обвенчавшейся с кучером.

Три года спустя мне как предводителю дворянства доложили о приезде ко мне этой госпожи, назвавшейся фамилией своего первого мужа. Я был страшно возмущен такой дерзостью, почему и принял ее стоя, высказав свое негодование, что она позволила себе называться честным именем уважаемого человека, но молодая женщина упала в обморок. Мне стало жаль ее, я закрычал женскую прислугу, которая принесла воды и помогла мне привести ее в чувство.

Спустившаяся с ее головы длинная мешанская шаль раскрыла изнуренное лицо когда-то бывшей светской барыни, и я невольно вспомнил в ней молодую девушку богатой помещичьей семьи, гордившейся своей единственной дочерью. Отец ее был предводителем одного из отдаленных уездов губернии²⁹⁵, а братья мировыми посредниками²⁹⁶. Когда эта несчастная женщина очнулась, она в слезах рассказала мне свою горькую участь жены мужика, по требованию которого она продала свое имение и купила на его имя небольшой дом в глухой улице Саратова. Весь же остальной капитал муж забрал в свои руки и прожил в короткое время на извозчицьи аферы.

Желая убедиться, насколько эта женщина заслуживает участия, я в своей обыденной прогулке нашел ее скромное жилище. Это был двухэтажный, в три окна, небольшой флигель, выходящий окнами на улицу²⁹⁷. При отсутствии подъезда с улицы я вошел во двор и затем в отворенную дверь нижнего этажа, где оказалась кухня. Там в русской печи варился в горшках обед. Вдоль стены стоял покрытый грязной скатертью кухонный стол, на котором находилась большая глиняная чашка, блюдечко с солью и несколько деревянных ложек. Сама же хозяйка, подоткнув за пояс ситцевую юбку и со

шлычкой²⁹⁸ на голове, подмывала из лоханки пол. Увидев меня, она с криком бросилась за занавеску, отделявшую кухню от темной комнатки, откуда, оправившись, вышла, пригласила меня в комнату, выходящую окнами на улицу. На мой вопрос, почему она не выйдет из этого положения, не имея даже прислуги, она указала рукой на висевшую люльку, около которой сидела старуха, отгоняя мух от копошившего там ребенка, лежавшего с соской во рту.

— Это матушка моего Ивана, — заметила она, — которая вам объяснит, что немало перебивало у нас молодых работниц, но из-за них вечно происходили неприятности с мужем, который на десять лет меня моложе.

Вся эта обстановка и сама хозяйка произвели на меня крайне тяжелое впечатление. Когда же я собрался уходить, то на двор въехало две извозчицьи пролетки. Это был ее муж Иван и его племянник из бывших крепостных людей. Оказалось, что они стояли на бирже близ моего дома, на Соборной площади, и мне не раз приходилось с ними ездить. Оба они, сняв шапки, предложили довезти меня до дома. Отказавшись на этот раз от их услуг, я все-таки не стеснился подать руку провожавшей меня за ворота хозяйке дома, которую с тех пор я больше никогда не видал.

Затем на моей памяти было еще несколько более прискорбных случаев, где крестьянским парням выпадала роль даже соблазнительей девиц — дочерей благородных семейств, но в этих случаях главная вина, конечно, падает на родителей, которые, гоняясь за чинами и звездами и добиваясь службы в высших учреждениях столицы, оставляли в глухой деревне единственных своих дочерей под предлогом хозяйства.

ВРУНЫ²⁹⁹

В Саратовской губернии лет 30 назад умер один из крупных помещиков, Николай Иванович Е[ршов]³⁰⁰, известный в губернии коннозаводчик, рысистые лошади которого нередко брали первые призы в столицах. Человек красивой наружности, он во время царствования Николая I служил ротмистром в одном из конных полков гвардии и, выйдя в конце 40-х годов в отставку с чином полковника, командовал во время Севастопольской войны дружиной местного ополчения, а затем был камышинским уездным предводителем дворянства.

Николай Иванович, несмотря на свои преклонные годы, всегда молодился и был ужасный, хотя и безуспешный, ухаживатель за женщинами и не пропускал случая участвовать в любительских концертах, шеголяя своим далеко не блестящим баритоном. В обществе любил рассказывать смешные анекдоты, и когда он с особенной серьезностью рассказывал что-либо о себе, то все знали, что он врет, а так как это происходило большею частью, то его и называли государственным вруном.

Я был хорошо с ним знаком и очень уважал его бездетную прекрасную супругу, которая всегда внушала сожаление, когда безмолвно присутствовала при его вранье в обществе, но был случай, что и ей пришлось невольно изобличить его во лжи. Это случилось при мне в доме одной местной вдовой помещицы Т., маленьких детей которой Николай Иванович на этот раз ласкал с особой нежностью, почему хозяйка дома спросила его:

- Вы любите детей?
- Еще бы, — ответил он, — и очень.
- А у вас были когда-нибудь дети?
- Да, как же, как же.
- Значит, вы теряли их?
- Да, да, — ответил он со вздохом, и слезы навернулись на его глазах.

Но в эту минуту лакей доложил о приезде его супруги, которую хозяйка, обнимая, с упреком встретила:

— А я только сейчас, впервые, узнала, что у вас, моя милая, были дети и вы их теряли.

Удивленная этой новостью, его жена спросила:

— Как, у меня были дети?

Но Николай Иванович, нисколько не смущаясь, махнув на нее рукой, сказал:

— Ты, матушка, забыла.

Другой интересный случай рассказа Николая Ивановича был о том, что однажды во время облавы на зверя выводок молодых волков как раз вышел на него, и они, выглянув наполовину из опушки, стояли в шеренгу, как гвардейские солдаты, он стал на колено, и ему одним выстрелом из винтовки удалось сразу убить всех шестерых волков.

В доме же у меня на вечере Е[ршов] рассказывал, что во время службы его в Петербурге, будучи дежурным по полку, ему пришлось явиться по требованию императора Николая Павловича в Зимний дворец и получить лично от государя конверт для передачи бывшему коменданту Петропавловской крепости Скобелеву³⁰¹.

— Ну, — сказал Николай Иванович, — я не могу никогда забыть этого для меня рискованного случая. Едва я верхом подъехал к разводному мосту, как увидел перед собой лишь его остатки, так как он был разобран. Минута была критическая. И мне ничего более не оставалось делать, как дать шпоры своему коню и, с божьей помощью, пуститься вплавь через Неву. Конечно, обстоятельство это обошлось мне не дешево, так как после этого я стал прихварывать и должен был выйти в отставку, лишаясь блестящей карьеры.

Слушатели с иронией спросили:

— Ну, а как Государь посмотрел на ваш подвиг?

— Конечно, конечно, — ответил Николай Иванович, — Государь, узнав об этом, потребовал меня к себе и, похлопав по плечу, сказал: «Молодец ты, большое тебе спасибо».

Из числа бывших в это время у меня гостей приезжий из Пензы мой родственник, старый отставной гусар Сергей Иванович С[абуров]³⁰² стал рассказывать один замечательный с ним случай на глазах того же Государя, который часто приезжал на пожары. Вот однажды близ Казанского моста загорелся большой трехэтажный дом. Полк, к которому был прикомандирован С[абуров], в это время был на дежурстве и явился на место пожара почти в одно время с Государем Николаем Павловичем. Нижний этаж уже был объят пламенем, а в одном из окон верхнего этажа полураздетая молодая женщина с ребенком на руках молила о помощи, и когда Государь, обратившись к толпе, сказал: «Неужели нельзя спасти эту несчастную?» — то он, С[а-

буров], находясь около государя, велел пожарной команде обдать себя водой и через пламя, по лестницам внутренних покоев добрался до верхнего этажа, где, привязав захваченную им веревочную лестницу, заставил погибающую мать по ней спуститься вниз. А сам, как хороший гимнаст, держа в руках ребенка, спустился по водосточной трубе.

Когда С[абуров] кончил этот рассказ, Николай Иванович недоверчиво сказал ему:

— Странно, как это вы, Сергей Иванович, по водосточной-то трубе спустились из третьего этажа с ребенком.

Но С[абуров], не смущаясь, ему ответил:

— Ведь я не мешал вам, Николай Иванович, в Петропавловскую крепость переплывать верхом Неву, позвольте же мне хотя спуститься по водосточной трубе.

Такой остроумный ответ С[абурова] вызвал всеобщий громкий хохот.

ДИТЯ ЛЮБВИ³⁰³

Лет 50 назад в среде помещиков Саратовской губернии находилось двое очень богатых братьев Ж[арских]. Старший, П[авел], женатый на местной дворянке, имел детей и занимал высокое положение в уезде; второй же брат³⁰⁴, сравнительно, жил скромно, женат не был, но, находясь в связи со своей крепостной девушкой, прижил с ней дочь. Девочка эта росла в большой роскоши, и ей давалось хорошее образование, не исключая языков и музыки. При жизни отца она в семье его брата была на правах близкой родной и пользовалась общим расположением. Дядя так много оказывал ей внимания, что вкрался этим в доверие брата, который, завещая ему вотчины, просил передать свой большой капитал незаконной дочери, в чем старший брат и дал клятвенное обещание.

Девочке этой уже было 14 лет, когда отца ее убили крестьяне. После чего дядя взял ее к себе в дом, но, пользуясь тем, что по матери она числилась его крепостной, с первых же дней грубо отделил ее от своей семьи, сажая сначала за особый стол во время обеда, а затем и заставил ее убирать комнаты своей дочери. Несчастливая сирота не вынесла такой резкой перемены и стала чахнуть. Когда же знакомые отца начали интересоваться ее участью, то П[авел] под разными предлогами не допускал возможности ее видеть и наконец решил отдать ее для обучения к известной в то время в Саратове модистке Орловой. Участь этой девушки возбуждала большое любопытство общества, но вследствие распоряжения П[авла] ее около двух лет никто не мог видеть. Лет в 17 Лида впервые показалась за прилавком модного магазина, поражая всех своей наружностью, так как обиженного ребенка судьба наградила замечательной красотой. Вскоре о ней заговорил весь город, но времена крепостного права, к несчастью, налагали тяжелую печать на детей любви, и ввиду этого интересовавшееся общество не приняло в ней никакого серьезного участия. П[авел] же, желая окончательно затереть Лиду, решил выдать ее замуж за своего незаконного сына из крепостных, который в то время находился камердинером у его законного сына, офицера, стоявшего с полком в Варшаве. Обстоятельство это приводило девушку в отчаяние, но

в это время сильно заинтересовавшийся ею молодой помещик, ротмистр гатчинских кирасир³⁰⁵, похитил ее и увез в деревню, о чем модистка Орлова в тот же день дала знать П[авлу], который заявил о том жандармскому штаб-офицеру и прокурору, и по их распоряжению полицией Лида, как крепостная, была водворена к своему помещику. После чего П[авел] велел обрезать ей косу, нарядить в посконный сарафан и лапти и сослал ее на скотный двор своего подгородного имения³⁰⁶. Дело же, возбужденное против ротмистра за похищение крепостной девушки, было прекращено благодаря лишь влиянию бывшего в то время губернатора Кожевникова.

Находясь под сильным присмотром дворовой челяди, несчастная Лида томилась в непривычной для нее ужасной обстановке, которую она вряд ли могла бы долго выдержать. Но энергичный ротмистр, будучи в то время уже уездным предводителем соседнего с Саратовским уезда³⁰⁷, не дремал и с помощью близких ему двоих друзей снова ее похитил, но уже при другой комбинации. Он подыскал отставного из дворян титулярного советника-забудыгу³⁰⁸, который за 3000 рублей должен был на ней жениться и быть ее фиктивным мужем. Свадьба происходила поздно вечером, при закрытых дверях, в Ильинской церкви, где жених, давно не видевший на себе приличного платья, на этот раз был одет в щегольской фрак и белый галстук, а затем в карете привезена была красавица Лида. По окончании свадебного обряда молодая была увезена в дом ротмистра, а мужу в присутствии двоих свидетелей в церковной сторожке, где дождался маклер, заменявший теперешних нотариусов, были выданы 3000 рублей, на которые тут же молодой супруг дал заемное письмо ротмистру и, кроме того, было условлено, что муж Лиды через три года будет получать под письменное обязательство ежегодно по тысяче рублей, а ежели вздумает потребовать к себе жену, то, как несостоятельный должник, будет посажен в тюрьму.

История эта в свое время наделала немало шума, и хотя злосчастного титулярного советника за похищение хотели предать суду, но благодетельный дядюшка П[авел], запуганный влиятельными дворянами возможностью довести о его поступках с Лидой до сведения Государя, сам первый хлопотал о прекращении этого дела.

После этого прошло несколько лет, в продолжение которых нашему ротмистру и Лиде бог дал сына³⁰⁹, а затем, после смерти фиктивного супруга, у них родилась еще дочь и наконец Лида сделалась законной женой ротмистра. Прелестные дети наследовали все лучшее своих родителей, для которых настала новая забота усыновить их. Но так как для усыновления дворянам

из незаконных детей в то время требовалась особая высочайшая милость и после подаваемых по этому поводу всеподданнейших прошений производился главноуправляющим собственной канцелярии его величества конфиденциальный запрос губернатору и губернскому предводителю о том, заслуживают ли родители этой милости, то относительно их дочери устроить усыновление было легко, что же касается сына, то встретилось большое затруднение, так как он оказался юридически законным сыном титулярного советника, почему мне по должности губернского предводителя и пришлось в своем сообщении Долгорукому³¹⁰, для доклада Государю, изложить обстоятельства первого замужества Лиды, после чего повелением Императора Александра II сын ротмистра был усыновлен.

Вся же история, однако же, не прошла бесследно для П[авла], который так ужасно поступил с Лидой, и божья кара лишила его обоих законных сыновей³¹¹, которые окончили жизнь в сумасшедшем доме³¹². П[авел] же до самой смерти своей представлял собою что-то странное и ухаживал всю жизнь за высокопоставленными лицами и преимущественно за губернаторами и полицией.

СТРАНИЧКИ ИЗ ПРОШЛОГО (МАЙОРАТ)³¹³

В 1853 году как-то летом я гостил в деревне Новополе³¹⁴ у семейства бывшего уездного предводителя Ч[елюст]кина³¹⁵, которое меня всегда любило и к которому, в свою очередь, я был очень привязан.

Овдовевшая незадолго перед тем А.Н. Ч[елюстки]на³¹⁶ осталась с довольно многочисленным семейством, а так как она была чрезвычайно гостеприимна и радушна, то у них почти всегда собиралось большое общество. Дочки у нее были прехорошенькие, а одна из них, Елизавета Николаевна, вышедшая замуж за московского богача лейб-гусара³¹⁷, слыла даже красавицей чуть не на всю Россию и на этот раз жила также у матери. Это привлекало к ним в дом много поклонников и вздыхателей; а в этот приезд мой к тому же еще праздновалось рождение четвертой дочери, которой исполнилось 16 лет *. Гостей было более обыкновенного, и в числе их были претенденты на руку Екатерины Николаевны. Из них особенно обращали мое внимание приехавший из Пензы ее кузен Ш[ахматов]³¹⁸, ожидавший со дня на день камер-юнкерского звания, и другой, молодой помещик, также из штатских, Б[ахметь]ев³¹⁹. Последний приехал из своего имения за 100 верст на тройке лихих коней с серебряными бубенцами и привел с собою пару верховых лошадей в расчете устроить кавалькаду и показать свою удаль наездника.

День этот с утра благоприятствовал прогулке, почему и устроилось катанье, как на тройке Б[ахметье]ва, которой он сам сначала правил так, [так] и верхами. На обратном пути, желая объясниться с Екатериной Николаевной, которая ехала со мной верхом, Б[ахметь]ев предложил мне поменяться с ним местами. Я сел на козла, а он верхом, но, на его беду, лошадь моя была с мундштуком, с которым он ездить не привык, и начала выделывать такие аллюры, что он не выдержал и слетел. После чего оседланная лошадь одна ускакала домой, а Б[ахметь]ев, слегка прихрамывая, с разорванным платьем на ногах перебрался к нам в линейку, где веселое общество, потеснившись, усадило его с собой.

* Впоследствии была замужем за сыном президента Швейцарской республики.

Продолжать прогулку после этого не представлялось удобным, тем более, что Б[ахметь]ев жаловался на боль ноги, почему мы и вернулись домой, где на террасе нас встретила хозяйка дома с детьми и прелестная Елизавета Николаевна с молодым вице-губернатором, моим товарищем детства³²⁰, с которым мы вместе приехали из города. Расспросам и сожалению о случившемся не было конца, хотя на лицах мужчин не могла скрыться насмешливая мина насчет богатого жениха-наездника.

Вскоре погода начала меняться, надвигались тучи, и когда гости заняли места за обеденным столом, раздался первый раскат грома. Хозяйка, боявшая грозы, поспешила уйти в соседнюю комнату, где, по обыкновению, в этих случаях окна всегда запирались ставнями, и она, ложась на диван, закрывала свою голову подушкой, а одна из дочерей, сидя около, старалась ее успокоить. В отсутствие ее оставшаяся за столом молодежь шутила на этот счет и особенно оба обожателя Екатерины Николаевны, ее кузен и Б[ахметь]ев, которые сидели с ней рядом. Кузен насмешливо уверял, что это Илья-пророк упал с лошади, а Б[ахметь]ев, — что на небе разыгрались в кегли. Эти насмешки я считал неуместными и потому рассказал случай, которого я был свидетель во время моей службы на Кавказе, где в крепости Грозной, в маленьком ресторане, во время игры на бильярде двоих офицеров один из них также во время грозы вздумал поглумиться, сказав, что Илья-пророк тоже катает шары на бильярде. Но едва он успел это сказать, как в тот же момент на моих глазах молния убила его на месте, и огненный шар, облетев зал и расплавив металлические заслонки, разрушил печь. В момент этого рассказа раздался сильный удар грома и затем порывом ветра уронило вставленную от комаров в окно большую сетку, которая упала на головы сидевших ближе к этому окну; это неожиданное обстоятельство под впечатлением рассказа произвело сильный переполох. Когда же всё успокоилось, то за столом не оказалось ни кузена, ни Б[ахметье]ва: они оба очутились под столом, откуда один с разбитыми очками вылезал на четвереньках, а другого пришлось вытаскивать лакеям, потому что скатерть была завязана по углам, а Б[ахметье]ев был порядочного роста и коренастый. Раздался гомерический хохот. Этот казус несколько охладил пыл влюбленных претендентов и в продолжение остального дня был предметом множества пересудов насчет Б[ахметье]ва, который считался одним из выгодных женихов. Кумушки судачили, что у Б[ахметье]ва ровно ничего нет, так как все имение, обращенное его покойным отцом³²¹ в майорат³²², принадлежит старшему брату³²³ и что он,

второй, живет только средствами своей матери, которая ежегодно гоняет в Петербург не одну тысячу индеек, подковывая их лапы наклепленным варом и следуя сама за ними на своих лошадях до столицы.

Прошло после этого 18 лет, в продолжение которых Б[ахметь]ев как бы канул в воду, но затем впервые явился очень богатым человеком на одно из общественных собраний; в этот раз его уже с трудом можно было узнать: истый брюнет, он значительно поседел, его сизо-багровый приплюснутый нос, мясистые губы, нарумяненные щеки при одутловатой физиономии производили неприятное впечатление, и, несмотря на то, что ему было только 45 лет, походка его была ужасно странная — свои толстые ноги он как-то с трудом передвигал, и руки мотались как параличные; но это не мешало ему в антрактах собрания кормить в буфете кого ему было нужно и угощать шампанским, а под конец собрания получить видное положение.

Губернатором в это время у нас был князь Г[агари]н³²⁴, аристократ в полном смысле слова. Держал себя с большим достоинством, ограничивая знакомства для своей семьи только людьми почтенными, молодежь же совсем не имела доступа к нему в дом, кроме как на даваемые им балы, из чего можно было заключить, что для своих красавиц дочерей он не желал находить партии в провинции. Б[ахметь]ев, имея возможность изредка бывать в семействе губернатора, заданья целью обратить на себя внимание старшей дочери князя, любимицы своего дедушки, который в это время занимал по службе первенствующее место в государстве³²⁵; а так как княгиня была менее горда и притязательна, то Б[ахметь]ев и вообразил, что ухаживанья его будут не напрасны, и он начал сравнительно часто посещать княжескую семью по вечерам, как *jeune-premier*³²⁶, во фраке и белом галстуке. Я был в то время уездным предводителем дворянства и, часто исправляя должность предводителя губернского, сошелся с семейством Г[агари]ных и, пользуясь дружескими отношениями князя-губернатора, бывал там почти каждый день, где нередко меня ожидали к роскошному обеду, так как князь Г[агар]ин имел у себя лучшего повара из Московского Английского клуба и за стол подавались всегда самые дорогие вина.

После обеда мы с князем уходили в его кабинет, где он делился со мной своими проектами, а княгиня с пятью красавицами дочерьми по вечерам принимала на своей половине дамское общество, среди которого изредка появлялось несколько солидных мужчин и между ними иногда Б[ахметь]ев.

Он в это время уже совсем основался в губернском городе, купил дом, завел прекрасную оранжерею и хороший выезд и, упорно стремясь достичь

намеченной цели жениться на красавице-княжне Г[агари]ной, являлся даже к ней с букетами цветов. Князь никогда в это время не заходил на половину своей жены, оставаясь в своем кабинете, где принимал также некоторых из мужчин, почему об ухаживанье Б[ахметь]ева мы узнавали от княжеской семьи лишь после разъезда гостей.

Получив хорошее домашнее образование, ухаживатель знал иностранные языки и хорошо играл на фортепьяно, но, несмотря на все это, всегда упорно отказывался сесть за рояль, опасаясь обнаружить тщательно скрываемую им свою болезненную сонливость, которая являлась каждый раз при игре или чтении. Причем после этого он под разными предлогами всегда поспешно выходил в переднюю и делал себе подкожное впрыскивание морфием. Болезнь расслабленного Б[ахметь]ева была хорошо известна обществу, и слухи о ней уже начали доходить до семейства Г[агари]ных, почему, чтобы удостоверить их в этом, я и предложил им литературные вечера. И вот в первый же такой вечер, едва одна из княжен начала читать, как раздался довольно громкий храп сидевшего в кресле Б[ахметь]ева; все засмеялись, и чтение остановилось, тогда претендент открыл глаза и, сконфузившись, начал уверять дамское общество, что очень утомлен деловыми занятиями, за которыми ему пришлось провести несколько последних ночей. Когда после этого некоторые из гостей предложили продолжать чтение, то хозяйка отклонила это, а Б[ахметь]ев, считая меня виновником своего смешного положения, смущенный уехал домой. Но это, однако, не помешало ему после одного из великолепных балов у Г[агари]ных сделать предложение княжне. Как теперь помню этот бал, во время которого нарумяненный и особенно приглаженный Б[ахметь]ев танцевал *contre-danse* с княжной Мери, которая с улыбкой выслушивала его горячее признание. Руки Б[ахметь]ева в этот раз как-то еще более болтались, и большего контраста между ними нельзя было и придумать, — то были Квазимодо и Эсмеральда³²⁷. Бал кончился, общество разъехалось, но князь и княгиня, отправив дочерей на покой в нижний этаж дома, удержали меня и, передав о сделанном Б[ахметьев]ым предложении их дочери, просили меня как друга дома высказать по этому поводу свое мнение. Конечно, я не мог сочувствовать этому неравному браку, о чем откровенно и высказался. Князь, обрадовавшись такой поддержке с моей стороны, объяснил, что был уверен в этом ответе, так как не мог предположить, чтобы его дочь могла соединить свою жизнь с такой разбитой балалайкой, как Б[ахметь]ев. Но княгиня, видимо недовольная нашим резким мнением, то-

ропливо простилась и ушла на свою половину. Вскоре затем Б[ахметье]в официально просил у князя руки его дочери и получил отказ, после которого князь начал наводить о нем справки, так как стали ходить слухи о какой-то темной истории в прошлом Б[ахметье]ва.

Прошло несколько месяцев, и с наступлением весны я уехал в свое подгородное имение³²⁸, в котором княжеская семья предполагала провести лето, но через несколько времени получил уведомление князя, что вследствие развивающейся его болезни он для совета с врачом отправляется в Петербург, почему и желал бы со мной проститься. Конечно, я поспешил с приездом в Саратов и застал княжескую семью уже на загородной губернаторской даче. Княгиня, относившаяся ко мне с последнего бала несколько холодно, тут же встретила меня особенно радушно, и я услышал от князя удивительную историю.

Справки князя о Б[ахметье]ве привели к неожиданным результатам. Оказалось, что старший брат его, владевший майоратом, умер 20 лет перед этим неестественной смертью при довольно подозрительной обстановке. Труп его был найден в окрестностях Пятигорска, где он в степи лежал с простреленной грудью и выклеванными глазами. Причем след крови показывал, что он, быв тяжело ранен пулей, истекая кровью, прополз несколько сот сажен от опушки леса, и на трупе его сидела стая орлов. Следствием в свое время не могла быть выяснена причина этого ужасного случая, но держался упорный слух, что владелец майората, находясь в Пятигорске со своим братом, поссорился за картами с каким-то офицером. Последствием чего была дуэль без свидетелей и без доктора, и что оба брата перед этим происшествием ездили куда-то за город без кучера с каким-то военным. После же этой истории Б[ахметье]в, уехав поспешно за границу, прожил там безвыездно более десяти лет, в продолжение которых дело это кануло в воду, и Б[ахметье]в сделался богатым владельцем имения брата.

— Какой возмутительный случай, — сказал я князю, — и ужели Б[ахметье]в мог бросить раненого брата на произвол судьбы?

— Да, — ответил князь, — и к тому же, как мне передано, рана брата будто бы была несмертельна, так как иначе он не мог бы проползти такое большое расстояние, и умер он, вероятно, обессиленный от потери крови.

Затем после продолжительного нашего молчания я решился спросить князя, бывает ли у них Б[ахметье]в, но князь мне передал, что он уехал за границу.

Прошло года два, губернатором у нас, за смертью князя Г[агари]на, было уже другое лицо³²⁹. Б[ахметье]в, которому общество никогда не симпатизировало, оставил навсегда нашу губернию и, переселившись в Петербург, открыл там игорный дом, в котором и умер скоропостижно во время азартной игры за картами, оставив состояние своей фаворитке, хорошенькой блондинке, дочери бедного чиновника, которую он взял к себе в дом с 14-летнего возраста.

ДВОРЯНИН-ПОМЕЩИК В КАМИЛАВКЕ³³⁰

До конца 30-х годов XIX столетия Саратовская губерния не имела еще у себя особого архиерея и принадлежала сначала к Астраханской, а потом к Пензенской епархии, почему в сношениях саратовского духовенства с архиереями этих отдаленных губерний происходили нередко недоразумения, а иногда даже и крупные ошибки, к числу которых принадлежит представление В. Попова к камилавке³³¹.

Василий Владимирович Попов, принадлежа к крупным помещикам Саратовской губернии, довольно долго находился на военной службе, но после смерти родителей вышел в отставку и поселился в своих вотчинах, которые управлялись бурмистром из местных крестьян и, находясь без главного надзора, оказались зараженными расколом.

Помещикам старого времени нетрудно было наставлять своих крепостных на путь истинный, что Попов вскоре и постарался сделать и, уведомляя саратовского губернатора о возвращении крестьян в православие, приписал главный успех этого дела назначенному в его вотчины новому священнику, которого и просил не оставить без поощрения, о чем губернатор и сообщил подлежащему архиерею.

По поводу этого началась у духовенства переписка, окончившаяся представлением в Синод как священника, так и помещика к наградам, и из них священник получил орден, а помещик Попов — камилавку.

Недоразумение относительно награждения Попова камилавкой оставалось несколько месяцев невыясненным вследствие его о том молчании, и когда Попов в том же году явился в очередное губернское собрание в дворянском мундире, при шпаге и в камилавке, то был встречен шумными аплодисментами, беспрестанно повторявшимися во все время выборов, в продолжение которых он не снимал со своей головы этого лилового бархатного кивера.

Когда же затем, по донесению губернатора, было доложено об этом недоразумении Государю, то Император Николай Павлович, видимо, уведомленный жандармерией об инциденте в собрании, повелел объявить Попову, что однажды жалованные награды отнимаются лишь за проступки и преступления.

ВО ВРЕМЯ РЕФОРМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II³³²

I

Характеристика дворянских собраний. — Дворянские выборы. — Освобождение крестьян. — Мировые посредники и их деятельность. — Волнение крестьян в Кузнецком уезде. — Губернатор Н.М. Муравьев. — Интриги поляков и старания их возмутить крестьян. — Золотая грамота. — Отношения крестьян к помещикам. — Оригинальный тип помещицы.

Ближайшее перед крестьянской реформой было 19 декабря 1860 года, и дворянство в ожидании этой реформы было особенно озабочено выбором своих представителей. Хотя в Саратовской губернии, как известно, есть несколько уездов, настолько малочисленных различными дворянами, что предводителей и прочих должностных лиц для них избирают другие уезды, но в этот раз в собрании все уезды были самостоятельными.

Губернский город тогда далеко не был так обширен и благоустроен и не имел удобств для приезжающих, как теперь, поэтому не только частные квартиры, но и все номера немногих в то время гостиниц были заранее сняты приезжими дворянами. На улицах города к этому времени беспрестанно тянулись помещицьи обозы с кухнями, лошадьми и дворовой челядью, а к гостиницам подъезжали тройки в больших санях, битком набитых дворянами, — это некоторые предводители везли своих избирателей, доставляя на свой счет в город, где и содержали их до окончания выборов³³³.

У меня с матерью и женой в то время было более тысячи ревизских душ крестьян, и в собрании я участвовал по трем уездам: Саратовскому, Камышинско-Царицынскому и Кузнецкому³³⁴, и так как в этих трех уездах гото-

вилась смена предводителей, то распри и интриги там были в полном ходу. Камышинско-Царицынский уезд раскололся на две партии: Скабиневских³³⁵ и Поповых; вожак первой партии ранее служил несколько трехлетий предводителем этих уездов; Попов же был предводителем в это время³³⁶. Скабиневский, не желая на этот раз снова начинать службу, уговорил меня соперничать с Поповым, но измена одного из близких мне людей³³⁷ была причиной того, что при баллотировке мы с Поповым получили равные шары, кандидатами же были избраны: к Попову — капитан-лейтенант³³⁸ Персидский³³⁹, а ко мне — полковник конной гвардии Ершов³⁴⁰. Нам с Поповым предстояло за губернским столом бросить жребий, но мы решили оба отказаться от предводительства и разделить Камышинско-Царицынский уезд на две самостоятельные единицы, с тем чтобы там остались предводителями наши кандидаты³⁴¹. Пока шла вся эта суতোлка, Кузнецкий уезд, также в борьбе партий, забаллотировал трех старых предводителей, выбрал на эту должность равными шарами меня и Хардина³⁴², которому я, не желая конкурировать и живя постоянно в Саратове, где имел свой дом, уступил без жребия право быть предводителем.

С большинством дворян Кузнецкого уезда я до того времени был знаком очень мало, почему вследствие моего внезапного выбора должен был тут же поближе узнать их. Состав дворян этого уезда, отдаленнейшего от губернского города, далеко не был похож на остальных. Там можно было встретить татар в истертых дворянских мундирах, в расшитых золотых ермолках³⁴³ и с воротниками выше ушей. Присягу они принимали, сидя на корточках перед зеркалом, и мулла в чалме и с Кораном в руках громко отбирал от них клятву — действовать беспристрастно на выборах. Тут же были седовласые, давно вышедшие в отставку усачи, армейские корнеты и поручики, в широчайших шароварах и дедовских дворянских мундирах, не сходящихся им в груди на целую четверть. Они при всяком удобном случае выходили в буфет, чтобы выкурить трубку табаку, чуть не с саженным черешневым чубуком, которую по тогдашнему времени вместе с табачным кисетом помещики всюду возили с собой. Но, несмотря на свой несколько комический вид, это были хорошие, настоящие старые дворяне уезда. Совершенную же противоположность им составляли появившиеся в последние годы щеголеватые петербургские чиновники и заграничные тузы, и был даже из них один очень богатый сын отпущенника канцлера графа Нессельроде³⁴⁴, незадолго перед тем попавший в дворяне, и которому почему-то перешла значительная часть графских имений³⁴⁵. Тут же особенно выделились двое тучных бывших куз-

нецких городничих в отставных мундирах своих прежних полков, несколько приезжих молодых офицеров, один пожилой петербургский чиновник в мундире Военного министерства и генерал в густых эполетах, служивший ранее военным губернатором в Царстве Польском. Затем остальные дворяне хотя и участвовали на выборах по Кузнецкому уезду, но, имея более значительные вотчины в других уездах, находились там, являясь к столу кузнецан только на вызов во время самой баллотировки, и к числу последних принадлежали я и Хардин.

Теперь остановимся на личности нового кузнецкого предводителя Хардина. Ему тогда было, как и мне, с небольшим лет 30. Сойдя с школьной скамьи, он принял наследственные после родителей имения и, поселившись в Петровском уезде, приезжал по зимам в Саратов лишь покутить. Высокий худощавый и далеко не красивый, он имел прекрасную душу. Доброты был необычайной, чем, конечно, многие и пользовались, занимая у него деньги в долг без отдачи. Любил поухаживать, но при его наружности имел мало успеха, и это ему обходилось недешево.

Помню, как он одной хорошенькой гувернантке прислал на именины пирог, начиненный червонцами на 5000 рублей. Но ко времени дворянских выборов он сделался уже солидным, женившись на красивейшей из женщин, дочери бывшего управляющего конторою императорских театров, известного К[ирее]ва³⁴⁶, и перенес свою резиденцию в Кузнецк, где имел также поместье. Хардин не принадлежал к числу людей деловитых, и потому, при его мягком и уклончивом характере, доставшееся на его долю трудное дело — введение крестьянской реформы в Кузнецком уезде — началось для него с первых же шагов неудачами. Едва вступили в должность избранные крестьянами волостные старшины и назначенные мировые посредники: С.С. Иконников, П.П. Галицкий, А.А. Кострицын и З.Н. Жедринский³⁴⁷, как со стороны последних поступило в губернское по крестьянским делам присутствие заявление о необходимости для Кузнецкого уезда увеличить число посредников, вместо четырех на пять. И так как определение числа их зависело по закону от уездного дворянского собрания, то Хардину и предложено было передать это обстоятельство на обсуждение собрания, которое при большинстве 40 человек против 6 осталось при своем прежнем решении — иметь в уезде только четырех посредников. Но бывший в то время губернский предводитель дворянства кн. Щ[ербато]в³⁴⁸, принимая сторону посредников, в числе которых старик Иконников имел, по своей деловитости, на некоторых членов губернского присутствия большое влияние, так что даже

многие проекты присылались к Иконникову на предварительный просмотр, повлиял так, что губернское присутствие и после этого еще два раза возвращало постановление о том же уездного дворянства, настаивая на необходимости принять заявление посредников. Это назойливое действие губернского присутствия сделало то, что дворяне, с одной стороны, утомляясь неоднократно по одному и тому же предмету поездками в город, и с другой, видя бессилие большинства уездного собрания, стали передаваться на сторону посредников, а предводитель Хардин сначала отговорился болезнью, а затем, получив годичный отпуск, заставил меня как кандидата принять должность, что и было началом моей продолжительной общественной деятельности³⁴⁹, при которой мне пришлось в Саратовской губернии впоследствии проводить все прочие реформы царствования императора Александра II, и не только по должности уездного и губернского предводителя, но и председателя земской управы и съезда мировых судей.

Начинать службу кузнецкого предводителя при таких тяжелых обстоятельствах было совсем неинтересно, но так как Хардин, в противном случае, хотел совсем выйти в отставку и, за неимением еще кандидата, пришлось бы делать новые выборы, а дворяне Кузнецкого уезда письменно обратились ко мне с просьбой уладить их недоразумение, то после совещания моего с губернатором Барановским³⁵⁰ я вступил в должность, отправился в Кузнецкий уезд, получив затем последнее распоряжение губернского присутствия созвать дворян для обсуждения еще нового предложения мировых посредников, в котором они соглашались для проектируемого коллеги уделять жалованье из своего содержания.

Кузнецк в то время был настолько плохо обстроен, что в нем даже не было ни одного двухэтажного дома. Улицы были узенькие, немощеные, и кое-где стоявшие на них фонари освещались конопляным маслом. Гостиница на весь город была одна, всего о трех номерах, которые я и снял все для своего помещения, находясь почти рядом с деревянным небольшим домиком Хардина, прожившего безвыездно в Кузнецке все время моего там пребывания.

Через несколько дней мною открыто было дворянское собрание, на которое, устав ранее бесполезно таскаться из своих деревень, многие не явились, и при баллотировке вопроса о прибавке числа посредников мнения разделились пополам, так что мне как председателю пришлось решить вопрос об оставлении по-старому четырех посредников только своим лишним полголосом. Но тут произошло крупное недоразумение: бывший в числе

дворян генерал Р[адищев]³⁵¹, не зная закона, заявил, что Хардин, не выйдя в отставку и находясь в отпуску, не имел будто бы права присутствовать в собрании в качестве простого дворянина, и требовал, чтобы он оставил собрание. Это повело к крупной ссоре между ними, окончившейся вызовом генерала Р[адищева] на дуэль, но так как, не выходя из собрания, я послал с двухконной эстафетой в Петербург донесение министру внутренних дел Валугеву³⁵² о результатах этого последнего собрания с просьбой оградить кузнецкое дворянство от дальнейших притязаний губернского присутствия по вопросу о посредниках и хотел в донесении этом поместить дерзкий поступок генерала Р[адищева], то он тут же извинился как перед собранием, так и перед Хардиным. Вскоре после этого губернское присутствие, получив бумагу от министра внутренних дел, не настаивало уже более на прибавлении числа посредников, но вслед за тем двое из них, Галицкий и Костицын, немедленно вышли в отставку, вместо которых были допущены к этой должности кандидаты их, Мотовилов и Подбельский³⁵³; но так как последний незадолго перед тем имел крупную историю во время распрей дворян с посредниками, то он отказался вступить в должность, и мне пришлось выставить новым кандидатом крупного помещика уезда, штабс-капитана гвардии А.А. Шахматова³⁵⁴; но губернский предводитель дворянства, недовольный исходом прежних своих настояний, заявил протест против назначения Шахматова на том только основании, что последний перед этим женился на своей двоюродной сестре³⁵⁵. Я настойчиво требовал представления о Шахматове в Сенат, и, с поддержкой моего мнения губернатором Барановским, Сенат утвердил Шахматова в должности посредника.

Считаю нелишним объяснить, что к[нязя] Щ[ербато]ва в губернском присутствии сильно поддерживал член этого присутствия известный Апис Саратовской губернии А.А. С[толып]ин, на дочери³⁵⁶ которого к[нязя] Щ[ербато]в был женат. Г-на С[толып]ина знали даже в обеих столицах, и он, быв самым богатым саратовским помещиком и ранее губернским предводителем дворянства, пошел в члены губернского присутствия, заявив, что жалованье свое по этой должности он отдает на поддержку саратовского театра, который по инициативе бывшего перед Барановским губернатора Игнатьева³⁵⁷ находился несколько лет под управлением назначенных директоров из почетных лиц губернии.

После новой формирования посредников дела в Кузнецком уезде пошли нормальным порядком. Приостановившаяся было во время распрей деятельность посредников возобновилась с новой силой и, председательствуя

в их съезде, я не мог нарадоваться общему между ними согласию, которое тогда было особенно дорого ввиду массы дел, поступавших на рассмотрение съезда.

Должности в губернии в то время почти все занимались по выборам дворянства, не исключая исправников, которые назывались земскими исправниками и состояли председателями нижнего земского суда, замененного впоследствии уездным полицейским управлением. И так как не только исправники, но и даже становые пристава, назначаемые от правительства, имея для парадных случаев мундир Министерства внутренних дел, ежедневно носили обыкновенное, как все прочие, платье, то как в исправники, так и в становые шли местные небогатые дворяне. Но что еще удивительнее, что дворяне занимали должности смотрителей общественных запасных магазинов, нося при этом дворянский мундир со шпагой и трехголку. Все эти лица, как равно уездные судьи и члены суда, находились под ближайшим контролем уездного предводителя дворянства, почему крестьяне, сейчас же после их освобождения, стали предводителям подавать различные заявления по поводу прежней деятельности этих лиц. Заявления эти должны были переходить в губернское по крестьянским делам присутствие, которое с жадностью набрасывалось на эти разоблачения, и в Кузнецке за один год были уволены и преданы суду два исправника. Первый — Н[еклюдов], за то, что года за три до эмансипации дал 500 розог полицейскому сотскому, который вслед за тем повесился; а второй — А[латорцев]³⁵⁸, за то, что ранее, когда еще служил непременным заседателем нижнего земского суда, производя однажды дознание, во время отдыха на съезжей стрелял из пистолета в устроенную на двери цель, и пулей, пробившей дверь, попал нечаянно в арестанта, находившегося в сенях. Особенно поплатился за первого из этих исправников его племянник, становой пристав К³⁵⁹, который в акт дознания о повесившемся сотском поместил в числе понятых отсутствовавших, за что этого пристава лишили чинов, дворянства и сослали в Сибирь. Вообще губернское присутствие производило страшную перетасовку, и все это относили, главным образом, влиянию большого защитника крестьян губернского предводителя Щ[ербатова], который задевал даже и мировых посредников. Так, например, в Сердобском уезде одного не поладившего там К[ривского]³⁶⁰ он на первых же порах вытеснил из посредников, за что последний, через несколько лет встретившись с ним как уже с губернатором, публично на бале дворянства не подал ему руки. Зато другой посредник Вольского уезда, М[акаров]³⁶¹, наоборот, находясь в фаворе губернского присутствия, избежал всякой от-

ветственности даже за то, что, наказывая розгами крестьянина, посредник этот ошибся нулем и вместо разрешенных законом двадцати ударов дал двести. Вообще подобные несправедливости повторялись в то время со стороны губернского присутствия нередко, руководствуясь личными симпатиями и антипатиями его членов, что, впрочем, не мешало симпатизировать дому Щ[ербатова], так как супруга губернского председателя пользовалась общими симпатиями саратовцев.

Первый год крестьянской реформы в Кузнецке прошел довольно покойно. Посредники открывали волостные правления и, завершая поземельные сделки помещиков с крестьянами, не встречали при этом особых затруднений. Но год спустя многое изменилось. Тогда губернатором в Саратов вместо Барановского был назначен Н.М. Муравьев³⁶², переведенный с той же должности из Рязанской губернии, откуда он вывез с собой многих чиновников, занявших места исправников уже по определению от правительства. Это тоже была своего рода реформа. Прежние исправники, считая себя вполне подчиненными уездным предводителям, являлись даже к ним с докладами. Новые же, вообразив себя начальниками уезда, на первых же порах стали с ними в контры. И вот новый кузнецкий исправник, отставной майор Ю-в, является ко мне с визитом в карете, в гусарской форме, причем, гремя шпорами, объясняет, что, быв назначенным на эту должность, счел для себя приятным случаем со мной познакомиться. Но знакомство это продолжалось недолго; в этот же первый визит я пригласил его отправиться со мною по тем деревням, в которых, по сообщению мировых посредников, становилось беспокойно, и так как он отказался мне сопутствовать, добавляя, что у него голова не казенная, то я сообщил о том губернатору, прося об увольнении исправника Ю-ва от должности. Сам же на другой день отправился в уезд, где в сопровождении местных мировых посредников и становых приставов исследовал причины начинающихся среди крестьянского населения волнений, причем, объехав многие возмущившиеся селения, дознал, что крестьяне отказываются приступить к засеву своих наделов, ожидая правительственного распоряжения о предоставлении им всей земли, принадлежащей помещикам. Многие селения мне удалось уговорить приняться за свои полевые работы, и после молебствия на площадях крестьяне в моем присутствии принялись за свою пашню. Но так как некоторые селения, как то: Ключи госпожи Панафидиной³⁶³, подгородное имение княгини Белосельской-Белозерской³⁶⁴ и село Старый Чирчим наотрез отказались удовольствоваться своим наделом и не хотели приступить к посеву, то я из опасения

неминуемой голодовки для этих неразумных крестьян просил губернатора поспешить приездом в Кузнецк. Губернатор Муравьев, не мешкая, прибыл в сопровождении жандармского штаб-офицера Глобы³⁶⁵ и члена губернского по крестьянским делам присутствия Киндякова³⁶⁶. Исправник Ю-в доложил губернатору, что в уезде все обстоит благополучно и что возмущение крестьян есть не более как моя фантазия, что было причиной того, что Муравьев шутя отнесся к моему сообщению и по пути в Саратов предложил мне проехаться с ним и сопровождавшими его лицами в село Старый Чирчим, отстоявшее в нескольких верстах от моего имения. Предупрежденные о приезде губернатора крестьяне, собравшись из окружных деревень тысячной толпой, ожидали нас возле старо-чирчимского волостного правления. И когда губернатор именем государя высказал им требования немедленно приступить к обсеменению их наделов под опасением, в противном случае, строгого наказания, то толпа выдвинула из своей среды двоих крестьян, которые, обращаясь к нему с дерзостью, сказали:

— Сатана построил среди нас дома и мешает нам жить, и вот накликал на нас хлын³⁶⁷, цыган и бешеных собак, которые приехали из нас кровь пить.

На вопрос же губернатора, не сумасшедшие [ли] эти двое, крестьяне закричали, что это самые умные ходоки, передавшие их общее мнение. Затем, конечно, губернатору ничего более не оставалось, как арестовать этих ходоков в одном из сараев волостного правления, а станового пристава Мотовилова³⁶⁸ послать за 40 верст в Кузнецк для доставки на подводах роты квартировавшего там стрелкового батальона, в ожидании которой дворные ворота были заперты, и мы расположились обедать в этом волостном правлении. За обедом я разъяснил смысл крестьянской притчи, где, по моему мнению, «сатанами» были помещики, мешавшие крестьянам жить, а «хлынами», «цыганами» и «бешеными собаками» считали нас, приехавших «кровь пить». Припоминаю при этом шутку губернатора Муравьева, который звание «хлына» готов был принять на себя, объяснив, что его предки были уроженцы Вятской губернии, которая будто бы когда-то называлась Хлынъей, цыган же и бешеных собак любезно представил делить между собой нам.

В это время, как сейчас помню, был подан пудинг по-английски, в пылающем роме, как вдруг послышался страшный треск сломанных ворот, и толпа крестьян, ворвавшись во двор, освободила своих арестованных ходоков. Понятно, что нам было тут уже не до обеда и не до шуток, и так как крестьяне продолжали шуметь, то я вышел к ним и, разъяснив, какой ответственности они могут подлежать, продолжая буйствовать, уговорил их, при

помощи случайно находившихся среди толпы моих крестьян, соседних с Старо-Чирчимом, очистить двор. Взволнованный этим происшествием, губернатор тут же написал предложение губернскому присутствию об увольнении исправника Ю-ва, который поставил его в такое опасное положение. Затем до самого вечера толпа продолжала стоять на улице против волостного правления, а мы тревожно ожидали, что будет дальше. Когда же смеркалось, то волостной старшина доложил мне по секрету, что крестьяне, узнав о посылке губернатором за войсками, задумали что-то недоброе, почему я и предложил губернатору переночевать в заброшенном, полуразвалившемся с забитыми окнами доме г-жи Новицкой³⁶⁹, находившемся в конце селения. Пользуясь наступившей темнотой ночи, губернатор и я тихо пробрались по задворкам через плетни к указанному старшиной помещению, куда моими поваром и лакеем перенесена была постель, разостлав которую на полу, мы провели с Муравьевым ночь под одним одеялом; люди же мои — охотники, из которых один и теперь еще жив — с ружьями стояли на пустыре у двери. Ночь эта сблизила меня с Муравьевым, я до сих пор с удовольствием вспоминаю его курьезные рассказы из жизни в Рязанской губернии.

С рассветом следующего дня нам доложили о прибытии роты стрелков, которая и была выстроена впереди толпы, против волостного правления. С появлением губернатора и нас народ обнажил головы, но когда губернатор снова потребовал, чтобы крестьяне немедленно отправлялись засеять свои поля, то те же двое ходоков опять выступили вперед и повторили свою притчу, за что и были тут же наказаны розгами. Наказание было чрезмерно жестокое ввиду упорного отказа покориться требованию власти. Эти двое крестьян, закусив свои руки, не произнесли ни одного звука во время их наказания, почему таковое и прекращено было лишь только после заявления прибывшего с ротой военного врача, что они уже находятся в бессознательном состоянии. Когда же полумертвые тела их были отнесены в сторону, народ начал неистово кричать:

— И нас секите, и нас!..

А несколько женщин с тем же криком выбросили даже за цепь солдат своих грудных детей. Тогда губернатор приказал класть под розги сразу по несколько человек, но крик этот и волнение не стихали, вследствие чего и были наказаны весьма многие.

Вдруг из толпы вышел семидесятилетний старец, это был высокий, седовласый, богатый крестьянин-красноторговец; на нем была шелковая рубаха и длинная, тонкого сукна поддевка. Он обратился к губернатору с

просьбой подвергнуть и его той же пытке, дозволив лишь предварительно исповедаться у священника, вследствие чего губернатор тут же приказал разложить его. Старик стонал под розгами, и из глаз его текли крупные слезы. Расстроенный всеми этими тяжелыми сценами, я не мог выносить его страданий и, опустившись у его изголовья на землю, тихо уговаривал покориться воле царя и образумить толпу. Должно быть, я говорил очень убедительно, так как старик задумался и наконец произнес:

— Да будет воля Божья и царская.

Я дал знак солдатам прекратить наказания и помог старику подняться, после чего он обратился к народу со словами:

— Верно, братцы, правильно, что надел нам дан царской волею. Царю баюшке мы должны покоряться. Выезжайте в поле!

После этих слов толпа стихла, но что было всего поразительнее, это то, что эта бушующая толпа затем, как один человек, пала на колени.

После я узнал, что старик этот был помещичий крестьянин, который, платя 300 рублей в год оброка, был помещиком пожалован почетным кафтаном и правом сидеть при нем в вотчинном правлении.

Чирчимское возмущение изменило маршрут губернатора, и мы поехали в следующее беспокойное имение госпожи Панафидиной, на границе Петровского уезда, где в маленькой деревушке Ключи встретил тот же упорный отказ засеять надел, за что и была наказана розгами значительная часть взрослых крестьян этой деревни. В имении же княгини Белосельской-Белозерской, прослышавшем о наказаниях, нашли уже всех крестьян на полевых работах, спешивших наверстать запоздалый посев хлебов.

Так кончились неурядицы крестьянского населения в Кузнецком уезде, который оставался спокойным и во время попыток польских мятежников произвести возмущение народа, хотя в соседстве кузнецан Городищенский уезд Пензенской губернии поплатился за свои волнения сильным наказанием: туда был вызван целый батальон для усмирения. Кузнецане же избегли этой участи благодаря счастливой случайности открытия пропаганды вначале и энергичных действий в этом случае станового пристава Мотовилова — брата мирового посредника.

Ухищрение поляков произвести тогда бунт в России было изумительное. Они отпечатали золотыми буквами на пергаменте в величину листа грамоты от имени Государя. Грамоты эти были в форме царского манифеста и даже с большой государственной печатью внизу. В них повелевалось крестьянам уничтожать помещиков, не щадя своего живота, за то, что они, будто бы,

мешают правительству отдать крестьянам всю землю. И вот, на счастье, в проезд мой по Кузнецкому уезду в село Могилки³⁷⁰ мне староста из татар доложил, что только что передо мной проскакал на тройке какой-то чиновник в запыленном плаще, в серой шляпе с большими полями, золотых очках, и передал ему грамоту для объявления народу. Прочитав ее, я ужаснулся, какое злостное ухищрение это могло иметь впоследствии. И так как становой пристав Мотовилов был перед этим мною встречен, то я, не теряя ни минуты, вытребовал его и, разузнав путь, по которому скакал пропагандист, направил Мотовилова для отобрания по деревням грамот и преследования злоумышленника. Отобрано было, кажется, около 17 этих золотых грамот, которые, за отсутствием крестьян на полевых работах, злоумышленник преимущественно разбрасывал на главных улицах деревень, оставляя таковые на завалинках и плетнях. Мотовилов, отбирая эти грамоты, следовал по пятам поляка до города Вольска, где, сделав распоряжение о задержке преступника, соображаясь с его приметам, он немедленно на пароходе отправился далее в город Хвалынский и при пересадке на пароход, следовавший до Самары, столкнулся с личностью, похожей по приметам на пропагандиста. Заявив об этом во время пути капитану парохода и показав грамоту, Мотовилов потребовал остановки парохода посреди Волги перед Самарой, откуда и был вытребован полицмейстер. Когда при осмотре вещей подозреваемой личности дошли до чемодана, наполненного золотыми грамотами, то поляк-пропагандист бросился в Волгу, но утонуть ему не дали, и впоследствии по распоряжению правительства он был казнен в г. Пензе³⁷¹.

Такая важная услуга правительству бывшего станового пристава Мотовилова обязывала меня ходатайствовать о его награждении, и я просил о назначении ему ордена Владимира 4-й степени, тем более что он принадлежал к дворянам Кузнецкого уезда и был местным небогатым помещиком, но энергичный и отзывчивый к правде губернатор Муравьев в это время был произведен за заслуги отца из действительных статских советников в генерал-майоры и, к сожалению саратовцев, перемещен губернатором в Ковно, где его отец был начальником Западного края, и столь важная заслуга Мотовилова правительству осталась невознагражденной.

В других уездах Саратовской губернии тоже не обошлось без хлопот, хотя и не было такого крупного возмущения крестьян, как в Кузнецке. И еще в бытность губернатором Барановского, ему не раз приходилось отправляться в имения крупных помещиков для увещевания крестьян, не желавших доволствоваться установленными правительством наделами земли и предьяв-

лявшими свои права на всю землю помещиков. При этом я приведу хотя бы несколько выдающихся случаев: в слободе Рыбушке, Саратовского уезда, состоявшей из 650 дворов, и других смежных с ней деревнях князь Сергей Викторович Кочубей³⁷², подарив своим крестьянам усадебную оседлость при одной десятине земли с садами, огородами, мельницами и проч., желал, чтобы они взяли затем полный надел, при котором, как известно, правительство платило помещикам за удобную десятину только 30 рублей; но, несмотря на все увещания начальства, крестьяне наотрез отказались от всякого надела и упростили Кочубея не настаивать на этом. Почему ныне Рыбушанская волость, бедствуя в безземелии, покупает участки у разночинцев по 80 и даже по 100 рублей за десятину.

В Камышинском уезде в одном из самых крупных селений крестьяне предъявляли те же претензии на всю землю помещика, и Барановскому с губернским и уездным предводителями, а равно и другими должностными лицами пришлось на холоде в одних мундирах провести несколько часов в увещании крестьян. Причем Барановский, самый либеральнейший губернатор, протестовавший всегда против розг, тщетно пытался лаской и добром уговорить их; но, встретив невежественные и грубые возражения мужиков, настолько вышел из себя, что, подскочив, вцепился в бороду огромнейшего мужика и повис на ней, так как сам был очень мал ростом³⁷³.

В Балашовском уезде жил князь Васильчиков³⁷⁴, служивший ранее начальником конвоя в Варшаве, и бросивший блестящую коронную службу, чтобы принять должность мирового посредника, с гуманной целью посвятить себя благосостоянию крестьян. Ввиду чего он желал своим крестьянам, кроме даровой усадьбы, дать двойной надел, причем один из них на выкуп от правительства, а другой — даром. Когда же по случаю этого князем Васильчиковым крестьяне были собраны в церковь для благодарственного молебна за Государя и священник уже вышел в полном облачении, то невежественная крестьянская толпа остановила священника в его служении, сказав:

— Погоди, батя, мы еще подумаем, брать ли нам эту землю. Землемер сказал, что земля от князя нам отойдет вся.

После такой выходки князь Васильчиков, отказавшись от своей гуманности, предоставил правительству дать надел крестьянам, за исключением одного небольшого общества, где под влиянием старосты крестьяне воспользовались такой необыкновенной щедростью князя и теперь благоденствуют.

Конечно, не все помещики сочувствовали крестьянской реформе, которая не только лишала их привычных прав чуть не владетельных князей, но

и сокращала в несколько раз их доходы. Особенно не могли примириться с этим некоторые старые помещицы. В Саратове жила некая Елена Андреевна Иванова³⁷⁵, которую знала вся губерния. Была она очень умна и богата и так сумела поставить себя среди местного общества, что, быв вдовой и бездетной, сама уже ни к кому не ездила, а каждый приезжий из дворян считал себя обязанным посещать ее, и матери привозили женихов своих дочерей представить Ивановой. Приемы у нее гостей в 50-х годах отличались такой пышностью, что съезжавшиеся на выборы помещики, отправляясь к ней, шутя говорили, что едут ко двору. И вот эта Елена Андреевна, в гостинной которой нередко съезжались губернаторы и архиереи, делая при каждом удобном случае крупные пожертвования на благотворительные учреждения и храмы, выстроила даже за свой собственный счет вблизи своего дома известную в Саратове Покровскую церковь³⁷⁶ со всей ее обстановкой, в которую она, несмотря на то что приходилось только перейти улицу, имела обыкновение приезжать к обедне в карете четвериком с фореитором и двумя ливрейными лакеями на запятках. В церкви ею устроено было для себя особое место с большими креслами на богатом ковре. Торжественные посещения ею церкви сопровождалась всегда обильной данью, и по ее приказанию лакеи ставили множество свечей различным святым по рангам — кому толстые, кому тонкие. После освобождения крестьян Иванова вздумала запрещать священникам этой церкви звонить 19 февраля в ее большой колокол, но так как это не было исполнено, то она не только лишила причт ежегодного от себя вспомоществования, но, не считая возможным уничтожить духовное завещание, по которому она отказывала в пользу этой церкви свои городские дома и многое другое, так как завещание было подписано почетными лицами, Елена Андреевна в своем негодовании бросила свой роскошный дом с паркетными полами и бархатными обоями, сдав его даром своему бывшему крепостному под столлярную мастерскую, тогда как, сдавая его под квартиры, она могла получать до полутора тысяч в год.

После чего эта оригинальная помещица хотя и чувствовала значительное сокращение доходов от своих имений, но никак не могла свыкнуться с новым положением и продолжала жить по-старому, оставаясь по-прежнему щедрой на благотворительность, имея кроме различной прислуги еще домашнего секретаря из бывших судебных следователей, которому платила на всем готовом 100 рублей в месяц, затем домашнего врача и казначея. Прожила она довольно долго, и хотя под конец ослепла на оба глаза, но до смерти оставалась очень остроумной и саркастичной, была всегда окружена интел-

лигенцией, которая сильно боялась ее язычка. Причем сама она никогда до самой смерти не упоминала имя Императора, и при ней никто не смел говорить о 19 февраля.

После смерти Елены Андреевны Ивановой оказалось, что ежели бы она прожила хотя бы еще один месяц, то не только ее штату, но и ей самой нечего было бы есть.

II

Введение положения о земских учреждениях. — Характеристика земских собраний. — Покушение Каракозова на жизнь Императора Александра II. — Посылка предводителей Саратовской губернии в Петербург. — Встреча с М.Н. Муравьевым. — Представление депутации Государю. — Комиссия о городской реформе. — Введение в действие судебных учреждений. — Мировые суды и оригинальное отношение некоторых к своим обязанностям. — Рекрутские наборы.

В 1864 году я был предводителем дворянства в Саратовском уезде, и мне приходилось очень часто исправлять должность предводителя губернского и сталкиваться по разным вопросам с губернатором князем Щербатовым. Он, видимо, не забыл моей службы в Кузнецке и особенно эстафеты к министру П.А. Валуеву, о чем, при всей своей врожденной деликатности и мягкости характера, часто напоминал мне, высказывая желание, чтобы между нами впредь существовало согласие, тем более что после крестьянской эмансипации уже готовился ряд других реформ в государстве.

26 мая 1865 года согласно высочайшему повелению в уездах Саратовской губернии были открыты под председательством местных предводителей особые комиссии по введению в действие положения о земских учреждениях. Комиссия по Саратовскому уезду закончила свои работы 8 апреля 1866 года, и в том же году открыты были первые очередные земские собрания. Собра-

ния эти в то время представляли собой необычное зрелище ввиду соединения в них всех сословий в одну группу. Крестьянин не только чувствовал себя неловким, сидя рядом с своим бывшим помещиком, но и, ободряемый ласковым разговором последнего, готов был каждый раз вставать при своих ему ответах; о заявлении же своего мнения крестьянами тогда не могло быть и речи. Это непривычное равенство членов земского собрания наэлектризовало некоторых интеллигентных гласных к игре в парламент, и дарованное земское самоуправление при недостаточном еще знакомстве с его положением беспрестанно порождало неуместные желания и противозаконные требования, так что обязанности предводителя дворянства как председателя собрания были тогда чрезвычайно трудными. Никогда я не забуду бурной сцены в первом саратовском уездном земском собрании по поводу требования гласного И.И. Буковского³⁷⁷, чтобы исправники избирались земством. Этот гласный никак не хотел помириться с мыслью, что права земских собраний тесно обозначены в положении о земских учреждениях и, быв подерживаемым гласным А.А. Исеевым³⁷⁸, вошел в такой азарт, что, размахивая стулом над головами своих соседей, грозил своим оппонентам, на что последние отвечали тем же, и среди гласных поднялся такой шум и гвалт, что я как председатель должен был на некоторое время закрыть собрание.

Годичная смета расходов урезывалась гласными до последней степени и не составляла и десятой части ныне существующих расходов земства. Особого земского врача для Саратовского уезда собрание назначить не пожелало и пригласило для заведования земской медициной уездного врача с добавлением за это к его казенному жалованью лишь нескольких сот рублей. При выборе же первого состава уездной земской управы с трудом могли найти лиц, согласившихся принять на себя обязанности председателя и членов, как за скудным содержанием, которое им было предназначено, так и по боязни принять на себя совершенно новое дело. Первым председателем Саратовской уездной земской управы был избран один из весьма незначительных в то время по состоянию дворян Д.Ю. Лупандин³⁷⁹, который нигде ранее не служил, но впоследствии получил громкую известность при проведении Саратовско-Тамбовской земской железной дороги.

Следующий, 1866 год ознаменовался тяжелым событием первого покушения на жизнь Царя-Освободителя. И особенно тяжело было саратовцам, так как преступление 4 апреля совершено было дворянином Саратовской губернии Каракозовым³⁸⁰. Пораженное этим ужасным происшествием наше дворянство, воспользовавшись тем обстоятельством, что преступник не был

еще утвержден Сенатом дворянином нашей губернии, тут же отреклось от него, но небольшая поземельная собственность семейства преступника в Сердобском уезде и существование его фамилии в Аткарском уезде, где в это время один из его родственников Каракозов был даже предводителем дворянства³⁸¹, ставило всех нас в исключительное печальное положение. Вспоминаю, как вскоре за этим ужасным происшествием с поникшей головой отправлялись по Волге все предводители и депутаты дворянства Саратовской губернии в Петербург бить челом Государю. Поездка эта была очень оригинальна. Впопыхах мы перед отъездом забыли отслужить напутственный молебен и вспомнили об этом, лишь подплывая к городу Вольску, где для того на пароход и был приглашен священник. Затем с благословением Божиим все мы тогда разместились по каютам, и мне пришлось занять каюту с бывшим в то время губернским предводителем Слепцовым³⁸², на долю которого выпадало произнести слово Государю Императору. Речь эту он составил совместно со своим зятем, полковником Генерального штаба Немировичем-Данченко³⁸³, который в качестве депутата дворянства также отправлялся с нами. Последний экзаменовал в каюте нашего губернского предводителя по несколько раз в день, а иногда даже и далеко за полночь, когда мы уже были в постели, что невольно заставило даже и меня выучить речь наизусть. Слепцов как губернский предводитель, конечно, был особенно озабочен исходом нашей поездки, и потому все, что нас касалось, его крайне беспокоило. Сам он не носил ни усов, ни бороды, и так как в то время бороды были еще запрещены дворянам, то он и уговорил остальных предводителей и депутатов обрить их, но бритые физиономии получили затем наполовину синий цвет, что заставило некоторых из нашей делегации поочередно, сидя на корме парохода, коптить на солнышке свои подбородки. Я же, привыкший носить бороду со времени моей службы на Кавказе, где в то время это было дозволено, решил остаться с бородой, что и было причиной волнения Слепцова в продолжение всей дороги.

На половине пути по Волге на наш пароход пересел отозванный в Петербург герой Ташкента генерал Черняев³⁸⁴. В нем мы встретили крайне симпатичного человека, почему остальной путь по Волге и сопровождался поочередно даваемыми ему нами обедами и его ответными завтраками, но в Москве мы с ним расстались. Тут мы растерялись в поездах железной дороги и лишь встретились в Петербурге в заранее приготовленной для нас гостиной «Belle-Vue». Официальными нашими визитами в столице были представления всей делегацией министру внутренних дел Валуеву и прибывшему

из Западного края М.Н. Муравьеву³⁸⁵, которому было высочайше поручено расследование дела Каракозова. Его небольшая довольно полная фигура с пухленькими руками представляла собой далеко не того Муравьева, который слыл грозой Западного края. Совершенно напротив, его приветливость и мягкость в разговоре заставляли сомневаться в рассказах о его жестокостях. В небольшой, но уютной гостиной этого сановника мы провели в беседе около получаса, и, провожая нас, он стоял в дверях зала до тех пор, пока мы оделись и вышли.

Затем через несколько дней нам было дано знать, что Государю угодно принять нас в Царском Селе одновременно с делегацией от города Саратова и от дворянства Буйского уезда Костромской губернии, к среде которого уже принадлежал пожалованный званием дворянина известный Комиссаров³⁸⁶. К предводителям и депутатам дворянства Саратовской губернии присоединились еще двое находившихся в это время в Петербурге наших дворян: Кривский и Аплечеев³⁸⁷, которые, не имея при себе мундиров, представлялись во фраках и белых галстуках.

В Царском в громадных залах дворца мы дожидались окончания обедни, после которой и последовал парадный выход их величеств. Ровно в 11 часов камердинер Государя известил нас, что их величества идут из церкви, и едва делегации стали по местам, как Государь под руку с Императрицей и в сопровождении августейшей семьи вошел в зал. Их величества прежде всего подошли к нам, и Государь взволнованным голосом и со слезами на глазах произнес:

— Вы, предводители, все приехали, благодарю вас. Я понимаю ваше горе и сам как дворянин вполне разделяю его, но семья не без уroda, и потому совершенное злодеяние не должно касаться дворянства, в преданности которого я вполне уверен.

На это мы все единогласно ответили, что между преступником и дворянством Саратовской губернии ничего нет общего и что преданное дворянство готово пожертвовать жизнью для его величества. Затем Государь, выслушав фамилии наших предводителей, милостиво объяснил, подойдя к аткарскому уездному предводителю Каракозову, что согласно ходатайства последнего уже сделано распоряжение по Департаменту герольдии о представлении ему фамилии Михайлова-Рославлева. Далее Государь уже один обошел нашу городскую делегацию и затем принял от буйского дворянства большую икону и, подойдя к Комиссарову, который стоял в конце этой делегации, пожал ему руку. В это время Императрица беседовала с саратовца-

ми, и стоявшие вдали еще совсем юный наследник цесаревич Александр Александрович³⁸⁸ и великие князья пристально вглядывались в нашу депутацию, которая представляла большой контраст с буйцами. Тогда как саратовцы, за исключением двоих, были сильного сложения, очень большого роста, с усами и бакенбардами; буйцы же — наоборот, как нарочно, все были чрезвычайно маленькие и с выбритыми лицами, так что даже не особенно рослый Комисаров стоял выше их на целую голову. После этого представления нам были предоставлены придворные экипажи для осмотра достопримечательностей города, и затем состоялся для депутации обед во дворце. Затем депутация наша пробыла в Петербурге лишь несколько дней и перед отъездом в Саратов еще раз была у министра Валуева, причем он спрашивал меня, намерен ли я воспользоваться его рекомендацией заместителю Царства Польского³⁸⁹ и начальнику Западного края³⁹⁰, от которых мне было предложено через саратовского губернатора занять там правительственную должность, но я ответил, что, быв заинтересован предстоящими реформами, желал бы послужить дворянству.

Вскоре после этого по распоряжению правительства начались подготовительные работы по предполагаемой городской реформе, и 8 июля 1866 года в Саратове была открыта комиссия из представителей всех сословий города с включением городского головы³⁹¹ и полицмейстера³⁹². В составе этой комиссии в числе лиц, назначенных от правительства, находился и известный писатель Д.Л. Мордовцев³⁹³. На обязанности комиссии лежало пересмотреть высочайше утвержденное положение 1839 года о доходах и расходах города Саратова. И так как председательство было возложено на губернского предводителя дворянства, то на мою долю, как исправлявшего в то время эту должность, и выпало открыть комиссию в здании городской думы³⁹⁴.

По произведенному секретно от меня представлению губернатора и губернского предводителя³⁹⁵ министр внутренних дел просил меня письмом продолжать начатые в ней занятия, почему я и председательствовал в комиссии с 8 июля 1866 года по 25 января 1868 года. Занятия комиссии были чрезвычайно сложными и возбуждали много пререканий, и так как в нее входило до 30 лиц, то мною она и разбита была на несколько подкомиссий, занимавшихся отдельно в моей квартире. Правительство, озабоченное скорейшим введением городской реформы, нередко справлялось о ходе и результатах занятий, а затем министр внутренних дел просил даже поспешить окончанием работ. Ввиду этого я, в свою очередь, торопил комиссию, почему даже и вышел курьезный эпизод подачи на меня жалобы членами комиссии от купечества о том, что я не пускаю их на Нижегородскую ярмарку.

Председательство в этой комиссии, предоставив в мое распоряжение все документы городского архива, дало мне возможность начать крайне серьезное и большое дело по производившемуся до того времени обложению городом Саратовом 291-го дворянского имения Саратовского уезда государственным налогом в пользу города, который делал это, основываясь на указе Императора Петра I, пожаловавшего Саратову земли в окружности на 80 верст без меры, что составляло до 200 000 десятин; тогда как последующими указами государей большая часть этой земли была пожалована дворянам, чиновному люду и казакам, а также заселялась государственными и удельными крестьянами. Кроме того, несколько из образовавшихся впоследствии уездов Саратовской губернии подошли к городу Саратову не далее 50-верстного расстояния, и многие из этих дворянских имений уже перешли по продаже лицам других сословий, и при генеральном межевании ясно определено было указом, что и затем у города Саратова остается 84 000 десятин. Но городская дума, составлявшая сметы обложений, и губернское правление, до городской реформы утверждавшее эти сметы, почему-то о том прималчивали. И этот возбужденный мною процесс, невольно затронувший подлежащие власти, обрушил на мою голову целый ряд неудовольствий, а губернатор, князь Щербатов, состоя дворянином Саратовского уезда, продолжал еще три года после того отбывать по своим имениям этот городской налог³⁹⁶. Но, несмотря на все каверзы и интриги против меня и значительные расходы города по ведению этого дела, на которое дворянство не истратило на одной копейки, так как я вел это дело сам, без участия адвоката, указом Сената от 30 октября 1872 года за № 34471 дело это было мною выиграно, и дворянство Саратовского уезда перестало быть данником города Саратова.

Реформы Императора Александра II быстро шли одна за другой. Едва успевала одна комиссия кончать свои работы, как открывалась новая, и с 27 августа по 20 декабря 1868 года уездные предводители Саратовской губернии работали уже по введению в действие судебных учреждений, и председательство по комиссии Саратовского уезда также лежало на мне. В экстренном земском собрании Саратовского уезда 19 мая 1869 года последовал первый выбор мировых судей, как участковых, так и почетных, где в числе прочих и я был избран в почетные судьи, а в июне того же года на первом съезде мировых судей и в председатели этого съезда. Но так как в том же году 6 октября я был избран председателем земской управы, то мне и пришлось занимать одновременно три должности и вдобавок как уездному предводителю губернского города часто и на продолжительные сроки исправлять должность губернского предводителя дворянства.

Чтобы ознакомиться с обязанностями мировых судей и их съезда на практике, мне пришлось побывать в Петербурге, где, присмотревшись к заседаниям столичного мирового съезда, я позаимствовался настольным реестром доктора государственного права мирового судьи Неклюдова³⁹⁷, которого в бытность мою предводителем в Кузнецке я знал там еще молодым студентом.

Сформировать первый состав мировых судей было нелегко, так как дворянство еще не утратило в то время своих традиций, по которым каждый стремился служить в военной службе, а гражданская не была в фаворе, как теперь; поэтому большинство судей оказалось совершенно неподготовленными к этой службе.

Ввиду сокращения при этой реформе наполовину числа мировых посредников, служба которых без особой протекции ничем не награждалась, последние все и пошли в мировые судьи. В городе же заняли эту должность преимущественно отставные офицеры, пережившие на местных дворянках, два учителя, чиновник, бывший прежде уездным судьей, и, наконец, из местных дворян гарнизонный прапорщик, служивший ранее по выборам дворянства председателем уголовной палаты³⁹⁸. Что же касается почетных судей, то затруднения при выборе их не оказалось.

Съезд мировых судей в Саратове как новинка гласного суда в первые годы очень интересовал общество, и судебное зало, в котором тогда заседало не менее 10—15 судей, каждый раз был наполнен публикой, ожидавшей какого-нибудь скандального дельца. Тяжбы крестьян между собой, как и теперь, принадлежали разбору волостного суда и съезда мировых посредников, а потом уездного по крестьянским делам присутствия.

Вскоре затем я, как председатель Саратовского съезда мировых судей, озаботился сам ознакомиться на месте с делопроизводством мировых судей в уезде, тем более что от одного из них вовсе не поступало дел в съезд, и натолкнулся при этом на один удивительный факт. Приезжаю я к одному мировому судье³⁹⁹ и застаю разбор им судебного дела между крестьянами на крыльце; причем он был в халате из термаламы⁴⁰⁰, в туфлях на босую ногу, с папиросой во рту и с судейской цепью на шее. Пораженный такой необычной обстановкой суда, где не было ни стола, ни клочка бумаги, я дождался окончания дела, которое судья, недолго думая, приказал сторонам покончить миром, и, сказав мне с улыбкой, что дела у него всегда так скоро кончаются, пригласил меня затем к себе в дом. Находясь в крайнем недоумении, я объяснил ему о серьезной ответственности, которой он может быть подвергнут, ежели дойдет до

начальства о таких его судебных разборах, и просил показать мне настольный реестр и входящие и исходящие книги, но тут я увидел нечто уже совсем невероятное, — книги оказались совершенно чистыми, и следов судебного делопроизводства никаких не было. Пораженный всем этим до крайности и боясь ответственности съезда за подобные порядки, я указал на неприятные последствия быть за это под судом. После чего этот один из образованнейших мировых судей и не замедлил выйти в отставку.

С некоторыми из городских мировых судей также не обходилось без курьеза. Так, один из них, отставной полковник А[бакумов]⁴⁰¹, имел обыкновение всегда представлять подлежащие разбору съезда свои дела перед самым съездом и всегда забывал подписывать свою фамилию. Он был до невероятности вспыльчив и рассеян. В съезд являлся в парике задом наперед и с обожженными губами от папирос, которые он беспрестанно брал в рот не тем концом. Последствием его вспышек были неоднократные жалобы в съезд от лиц, являвшихся к нему с просьбами и которых он выталкивал в шею, если они приходили с заднего крыльца. Ранее г. А[бакумов] служил в артиллерии, после Крымской войны вел батарею в Саратов и, подходя к деревне Идолге, был встречен у ветхого проселочного моста становым приставом. Непрочность моста взволновала А[бакумова], и он в пылу своего негодования приказал своей команде привязать станового пристава под орудие за шею на веревку и таким образом, с приставом на четвереньках, провел батарею через мост. История эта в свое время наделала много шума и была замята бывшим саратовским губернатором Игнатьевым по просьбе начальника артиллерийской дивизии.

Другой из городских мировых судей, Аристов⁴⁰², кандидат прав университета, служивший перед тем судьей г. Ташкента, держал для порядка в своей камере отставного из моряков унтер-офицера, которого называл Волкодав, и как только кто-либо из публики во время суда нарушал тишину, Аристов кричал:

— Возьми его!

И Волкодав, хватая за шиворот на кого было указано, вытаскивал из камеры и бесцеремонно спускал его с лестницы на улицу. Подобные выходки сходили судье с рук до тех пор, пока он однажды во время суда, рассердившись на адвоката, снял с себя судейскую цепь и при всей публике отдул его, приказав Волкодаву также спустить его с лестницы, а одного мещанина, дозволившего себе громко разговаривать во время суда, поставил тут же на

суде в угол носом. Когда же мировой судья Аристов был предан за это суду, то он сделал для своих товарищей большой обед, на котором, прощаясь, с бокалом в руке, сказал:

— Меня хотят выгнать из службы, но я их надуу, возьму да и умру!

Что действительно через три недели после того и случилось, так как Аристов был в злейшей чахотке.

Земство, забавляясь подобными выходками, продолжало избирать таких лиц на разные серьезные должности, почему тот же подполковник А[бакумов] впоследствии служил еще четыре трехлетия председателем уездной земской управы, и, несмотря на то что во время своей службы роздал крестьянам без особенной надобности почти весь хлеб из общественных запасных магазинов, так что голодный год застал население в ужасном положении, земство выбрало его председателем управы и на пятое трехлетие. Когда же губернатор не утвердил его в этой должности, то земское собрание выдало г. А[бакумову] в награду за доблестную службу 3000 рублей, о чем в свое время писалось очень много даже в столичных газетах.

Второй состав мировых посредников в Саратовском уезде оказался довольно сносным, так как он принадлежал сравнительно к людям также пожилым, но в других уездах назначалась молодежь, вследствие чего встречались крупные истории. Так, в одном из уездов попался в посредники Д. К[остриц]ын⁴⁰³, прямо с университетской скамьи. Этот 25-летний юноша, нахватившись новых веяний и красуясь появившимся тогда нигилизмом, явился перед народом каким-то удалым малым. Участок он свой объезжал в кучерской поддевке верхом, в казачьем седле, с нагайкой в руках, что для непривычных глаз крестьян казалось диким, так как они привыкли видеть в прежних мировых посредниках своих старых помещиков с известным авторитетом и при солидной обстановке. Такая большая власть, дарованная неопытному, нигде еще не служившему юноше, ударила ему в голову, и он, видимо в ненормальном состоянии, обревизовывая однажды подведомственные ему волостные правления и найдя там беспорядки, припечатал своей должностной печатью бороды всех старшин к столам волостных правлений, причем последним и пришлось высидеть в таком неудобном положении более суток, пока г. К[острицы]н не освободил их. А так как об этом обстоятельстве тут же было доведено до сведения губернского начальства, то г. К[острицы]н старался объяснить это сильными приливами к голове и некоторое время действительно находился на излечении в городской больнице.

По освидетельствовании же его в губернском правлении — сумасшедшим не оказался.

Незадолго перед этим в г. Саратове впервые было открыто уездное рекрутское присутствие под председательством также уездного предводителя дворянства. И хотя подобные присутствия до того времени существовали ранее в некоторых уездных городах, но уездных рекрутских присутствий в губернских городах не было, а они состояли там при казенных палатах, где даже существовало особое рекрутское отделение с советником во главе.

И вот вспоминаю я, при каких условиях пришлось открывать мне впервые Саратовское уездное рекрутское присутствие в здании городской думы. Тогда еще брили половину головы со стороны лба тем, кто принимался в рекруты, и брили затылок [тем], кто был забракован, и по зале то и дело раздавался возглас председателя: «Лоб» или «Затылок». В первом случае поступившие в рекруты с бритым лбом брались тут же под надзор находившегося в присутствии военного приемщика, а освобожденные от рекрутчины с бритыми затылками выскакивали на улицу и нередко от радости совершенно нагие бежали зимой по городу, так что полиция нарочно ставилась в большом количестве, чтобы их ловить.

Пока рекрутские присутствия находились при казенных палатах, взятка там доходила до ужасающих размеров, последствием чего и было то обстоятельство, что во время рекрутского присутствия под моим председательством мне каждый день приходилось отправлять к губернатору князю Щербатову для преследования, с составленным актом, стариков-крестьян, приносивших богатые дары по несколько сот рублей, запечатанных в конверты, или целые цибики чая с несколькими штукаами голландского полотна, а также пудами паюсную икру и проч., проч., чтобы только высвободить их сыновей от рекрутства. Затем подобные явные приношения прекратились, но продолжали процветать в среде осматривавших рекрутов врачей, и был такой случай: однажды мне пришлось, в противность заявления врача о болезненном состоянии освидетельствованного крестьянина сильного сложения, принять его в рекруты под моей личной ответственностью как председателя. Когда он был принят, старик, его отец, упав перед присутствующими в ноги, со слезами обратился к этому врачу, прося возвратить ему полученные 600 рублей. Старик был в лаптях и в рубище, объяснив, что он все продал, чтобы собрать эти деньги за сына. Деньги ему были возвращены врачом, который, до того служа в губернском земстве, немедленно навсегда оставил Саратов, избежав

должной ответственности благодаря лишь мягкосердечию князя Щербатова. Но я не мог умолчать об этом и сообщил министру внутренних дел Тимашеву⁴⁰⁴, от которого и было получено распоряжение о передаче мне на следующее время списка всех врачей города, как военных, так и гражданских, с правом назначения их для участия в рекрутском присутствии вне очереди. А так как и после этого было много подозрительных случаев отправления врачами в больницу рекрутов для испытания под видом разных внутренних болезней, то, чтобы рекруты не знали, кто из врачей будет назначен присутствовать, я должен был накануне по ночам сам, когда уже все спало, развозить со своим письмоводителем повестки врачам.

Все эти порядки окончились впоследствии при реформе существующих ныне присутствий по всеобщей воинской повинности. И мне пришлось участвовать при введении этой реформы уже в качестве члена губернского присутствия по должности губернского предводителя дворянства.

Ш

Посредническая комиссия полюбовного размежевания. — Саратовско-Тамбовская железная дорога и история ее постройки. — Административные деятели. — Опекаемая девица С. — Провинциальные интриги. — Губернатор князь Щербатов.

В этот трехлетний период службы губернским предводителем Слепцов, значительную часть последнего года живя в деревне, был не у дел, и должность эту исправлял я. По свойственному мне беспокойному характеру я все время хлопотал с посреднической комиссией. Учреждение это, существовавшее с давних времен, состояло под председательством губернского предводителя из депутатов дворянства с уездным предводителем губернского города, губернского землемера и секретаря с канцелярией, стоявшее правительству и дворянству немало тысяч в год, так как подведомственные этой комиссии особые посредники полюбовного размежевания, избравшиеся дворянством от каждого уезда на шестилетний срок, получали жалованья с разъездными и

на свои канцелярии около 2000 рублей в год и вдобавок, состоя в шестом классе, за прослужение установленных сроков награждались наравне с предводителями орденом св. Владимира. Почему, не желая расставаться с таким приятным положением, посредники эти затягивали дела полюбовного размежевания на целые десятки лет, назначая через известные промежутки времени съезды помещиков, которые по разным причинам никогда не составлялись. Так что даже по моему, например, имени начатое полюбовное размежевание земли моей бабкой⁴⁰⁵ в 40-х годах окончено мною только в начале 60-х годов, и то благодаря тому, что я был тогда уже предводителем дворянства и состоял членом этой комиссии.

Главными заправилами дел посреднической комиссии были всегда губернские землемеры и служивший с давних пор седовласый секретарь, надворный советник Н[иколае]в⁴⁰⁶, к которому не только посредники, но и ожидавшие размежевания помещики по прежнему обычаю ко дню ангела и разным праздникам возили дань. Но в это время, к моему благополучию, губернским землемером был назначен г. Вельтишев⁴⁰⁷, человек умный, дельный и в высшей степени благородный, что даже и выдвинуло его впоследствии на должность директора межевой канцелярии. И вот с помощью Вельтишева я, как хорошо уже познакомившийся с порядками комиссии, порешил тогда положить предел бесконечной проволочке полюбовного размежевания, для чего, желая сначала уладить дело мирно, пригласил к себе повестками в дом дворянства, где помещалось присутствие посреднической комиссии, всех господ посредников; но так как они отказались явиться, то и вынужден был назначить ревизию всех дел этой комиссии, последствием которой было устранение от должности посредников с преданием суду и увольнение от службы секретаря Н[иколае]ва без прошения, по третьему пункту.

Как теперь помню, какой страшный переполох наделала эта история. Губернатор князь Щербатов, узнав об этом, немедленно явился в посредническую комиссию, застав которую в полном составе, умолял меня отменить постановление о предании суду посредников, объявляя, что это наделает шуму на всю Россию и будто бы скомпрометирует всех бывших ранее губернских предводителей. Относительно секретаря Н[иколае]ва просил дать ему возможность прослужить еще три месяца, чтобы получить орден св. Владимира за 35 лет, но я наотрез отказал в последнем князю Щербатову, который через несколько дней снова явился в комиссию, но уже не один, а с посредниками, представившими при этом просьбы об отставках. История с посредниками тем и кончилась. Но, для того чтобы доказать, что они были из-

лишними и что все дела посреднической комиссии могли быть завершены в один год, мною был представлен к утверждению на должность посредника полюбовного размежевания старик Заборовский⁴⁰⁸, который и был утвержден уже от правительства.

Заборовский служил ранее в этой должности и потому прекрасно знал все порядки, при которых она существовала. Ему отпущено было двойное содержание на разъезды и канцелярию и при усиленном комплекте межевых чинов он с успехом закончил все дело полюбовного размежевания в губернии с небольшим в один год. И так как оставалась неразмежеванной только одна Турковская дача Балашовского уезда, где невозможно было согласить до 40 составляющих ее помещиков, то по постановлению Правительствующего сената Саратовская посредническая комиссия была упразднена, а дальнейшие дела по размежеванию Турковской дачи переданы в распоряжение губернского правления.

Едва окончилась история с посреднической комиссией, как наше губернское земство задумало постройку Саратовско-Тамбовской железной дороги, предполагая выхлопотать концессию с правительственной гарантией 4% платежа, а пятый процент брало на себя, для чего и были отправлены в Петербург уполномоченные от Саратовского и Кирсановского земств. В это время после очередного губернского дворянского собрания губернским предводителем уже был сын знаменитого партизана 1812 года Н.Д. Давыдов, а я продолжал служить предводителем в Саратовском уезде, все чаще и чаще исправляя должность губернского предводителя, так как Давыдов ежегодно кроме разрешенной законом для губернских предводителей 4-месячной отлучки брал еще отпуск. Поэтому и в железнодорожном деле мне пришлось принять немалое участие, выразившееся в протестах против земской гарантии всех 5%, так как правительство совершенно отказалось от всяких на этот предмет расходов.

Постройка Саратовско-Тамбовской железной дороги была передана трем лицам, в числе которых купец Г[ладин]⁴⁰⁹ принимал исключительно деятельное участие, и дорога эта обошлась настолько дорого, что земству Саратовской губернии пришлось платить ежегодно гарантии 260 000 рублей, Кирсановскому земству 50 000 рублей и пожелавшему участвовать в этих платежах г. Саратову 75 000 рублей, а всего 385 000 металлических рублей, что с переводом на кредитный рубль одно Саратовское губернское земство должно было платить ежегодно 413 095 руб. 3 коп.

Мои протесты как саратовского уездного предводителя и председателя уездного земского собрания и управы были основаны на весьма крупной

цифре обложения уезда на гарантию в сумме 71 914 руб. 31 коп. в год, тогда как линия этой дороги пролегла по уезду на самом коротком расстоянии и лишала уезд первенствующего значения на саратовском рынке.

При этом не лишним будет прибавить к этому делу маленькую иллюстрацию, а именно первое и последнее знакомство мое с Г[ладиным], который, узнав о моих протестах против гарантии, явился ко мне и, прося моего содействия к осуществлению этого земского предприятия и передаче ему постройки дороги, предложил мне продать ему мой дровяной лес по 300 рублей за десятину, объяснив при этом, что по принятому обычаю железнодорожные строители всегда просят лиц, стоящих во главе учреждений, с которыми они имеют дело, принять на память значительный куш акций. Чем кончился этот наш разговор, знает только один Г[ладин] да швейцар моего дома, отворявший ему двери, кавказский унтер-офицер Козлов. А о таком предложении Г[ладина] в тот же день узнал от меня бывший губернатор и через месяц после того Саратовское уездное земское собрание, записавшее это мое заявление в журнал. Через день после этого гласный Лупандин, о котором я упоминал выше и который затем был избран Саратовским губернским земством в директоры железной дороги, объяснил уездному собранию, что он о заявлении моем телеграфировал строителям в Петербург и что против меня будет возбуждено преследование за клевету. Чего, однако же, не последовало.

В железнодорожную комиссию по постройке линии входила целиком губернская земская управа во главе с ее председателем Михайловым-Рославлёвым и некоторыми другими лицами, избранными от земства, которой вместе с директорами Лупандиным и Болховским⁴¹⁰ и принадлежала вся инициатива осуществления железной дороги от Саратова до Тамбова⁴¹¹.

Как была выстроена эта дорога с ее плохими мостами и страшными уклонами и какие существовали на ней порядки — говорить излишне, так как с первых же лет требовался не только постоянный на нее ремонт, но и новые постройки, ввиду беспрестанных пожаров, так что рассчитывать Саратовско-Кирсановскому ведомству⁴¹² когда-либо и на какой-либо дивиденд от этой дороги было немислимо. Почему ввиду всей этой неурядицы Саратовское уездное земство возбудило процесс против постройки этой дороги губернским земством, а равно и того обстоятельства, что Саратовское губернское земство было введено в заблуждение своими уполномоченными, которые категорический отказ Императора Александра II в правительственной гарантии при словах, что ежели земство желает строить эту дорогу, пусть само

ее гарантирует, объяснили, что Государь будто бы выразил желание, чтобы земство само приняло на себя всю гарантию. Я, как председатель уездного земского собрания и управы, должен был принять непосредственное участие в этом процессе подачею прошений всюду, где следовало, не исключая Сената, и даже под конец на высочайшее имя.

Результатом этого процесса хотя и не было тогда освобождение Саратовского уезда от гарантии, но, не менее того, последовал закон, воспреещающий впредь губернским земским собраниям постройку железных дорог без согласия уездных земств.

Протесты эти, которые, главным образом, приписывали мне, возбудили против меня сильную вражду железнодорожных заправил, имевших на своей стороне бывшего саратовского вице-губернатора Набокова⁴¹³ и прокурора Веселкина⁴¹⁴, которые, чтобы избавить железнодорожное дело от моего влияния, старались всеми способами выжить меня из предводителей дворянства и председателей земской управы. Вследствие чего Набоков, воспользовавшись отпуском губернатора князя Щербатова и исправляя его должность, надумал произвести ревизию Саратовской дворянской опеки. В надежде найти там упущения и составив, в противность закона, особую комиссию из председателя гражданской палаты и представителя контрольной палаты, явился с ними рано утром в казначейство, откуда вытребовав денежный сундучок опеки, вскрыл его без меня и членов в присутственной зале этой опеки, сломав находившуюся на сундучке мою печать. Когда же пересчитанные суммы свыше 100 000 рублей все оказались налицо, то Набоков с комиссией произвели ревизию дел опеки, где, не найдя ничего, кроме полного порядка, остановились на двух неисполненных указах гражданской палаты и затем выкопали еще одно обстоятельство, касавшееся несовершеннолетней дворянки В.А. С[имоновой]⁴¹⁵, которая при жизни родителей с блестящим успехом училась в гимназии, но после их почти одновременной смерти попала в дом дяди со стороны матери, бывшего правителя губернаторской канцелярии Васильева⁴¹⁶. Устроив над ней попечительство с правами опекуна в лице некоего чиновника не из дворян, Васильев взял ее из гимназии и эксплуатировал ее весьма богатое состояние, разъезжая в продолжение лета с ней и своим семейством на ее счет по разным городам и в столицы под предлогом посещения святых мест. А зимою вместо учения для этой 16-летней девушки делались беспрестанно вечера с танцами, с молодежью из мелких чиновников губернского правления и полиции, причем увлекшиеся ею двое квартальных надзирателей даже дрались на дуэли. Кроме сего, Васильевы

возили ее по театрам, маскарадам и другим зрелищам, так что прошел только с небольшим год, и С[имонова] успела схватить сильнейший ревматизм, от чего у нее на руках образовались костоеды. Все это, конечно, вызвало протест родных со стороны ее отца, которые, изложив мне письменно о подробностях, просили устранить дальнейшие растраты ее уже значительно уменьшившегося состояния. Такое выходящее из ряда обыкновенных обстоятельство ставило меня в крайне затруднительное положение, так как С[имоновой], как я сказал выше, было уже 16 лет, и за это время она привыкла не только к модным туалетам, но и к свободной жизни, почему, посоветовавшись с начальницей Саратовского дворянского института Эрнст⁴¹⁷, я просил ее принять С[имонову] для окончания там курса в класс, соответствующий ее возрасту, с тем чтобы она, живя в комнате у классной дамы, имела свою обувь, белье и вообще пользовалась некоторой свободой. Для того же, чтобы поместить ее в институт, я вытребовал полицмейстера⁴¹⁸ и с помощью приглашенной мною институтской классной дамы насильно отправил С[имонову] в карете в институт, так как отец и сын Васильевы сильно противились этому даже с оружием в руках. Вот это-то самое обстоятельство и вызвало со стороны Набокова производство дознания при опросе в моем отсутствии в институтском совете девицы С[имоновой], которая в это время, пробыв в институте около двух лет, кончала уже курс, имея над собою другого попечителя, из потомственных дворян. Когда Набоков потребовал объяснений от С[имоновой] по настоящему делу, сказав, что это нужно для представления в Сенат, то она совершенно неожиданно для меня и комиссии наотрез отказалась что-либо сказать ему, добавив, что сама изложит и отошлет все нужные разъяснения Сенату; после же того, как ей заметили, что учащиеся лишены права самостоятельно подавать вообще в присутственные места просьбы, С[имонова] тут же заявила, что, достигнув уже определенного возраста для самостоятельных действий, она немедленно оставляет институт и уезжает к родным отца, и, несмотря на все увещания начальницы, Набокова и всего совета пробыть последние два месяца, чтобы получить аттестат, С[имонова] распорядилась посылкою за экипажем, заявив, что хотя я и поместил ее в институт против желания, но что она теперь хорошо понимает, как много я этим для нее сделал, почему и считает своим долгом быть там, где ожидает опасность ее благодетеля.

Протокол ревизии этой Набоков поспешил представить к министру внутренних дел для передачи в Сенат, но так как вслед за этим С[имонова] подала оправдательное для меня прошение Сенату, и из моего объяснения ока-

залось, что два упоминаемые указа гражданской палаты не были исполнены опекою, потому что дела, по которым даны были указы, находились более года у самой гражданской палаты, и что ревизию исправлявший должность губернатора Набоков имел право производить только лично, но не составлять для того комиссии, а равно не вскрывать денежного сундука без меня и членов опеки, то все последствия этой ревизии обрушились на Набокова и членов комиссии.

Но обстоятельство этих неудач моих противников хотя после того и ставило их наружно особенно быть со мною любезными, даже извиниться, что они произвели эту ревизию единственно в видах устранения каких-то будто бы неблагоприятных для меня слухов, но тем не менее они тайно все-таки искали случая от меня отделаться, как лица, стоявшего во главе уездного дворянства и земства и весьма часто исправлявшего должность губернского предводителя.

В постройке Саратовско-Тамбовской железной дороги губернатор князь Щербатов принимал самое теплое участие, но совершенно бескорыстно, так как человек он был безукоризненно честный и в высшей степени религиозный, никогда не подозревавший в других ничего дурного, что даже довело его вскоре после этого до необходимости оставить свою должность, почему и будет небезынтересно остановиться на его личности.

Князь Щербатов после непродолжительной службы в 50-х годах в чине поручика саратовского ополчения начал общественную деятельность при выборе его дворянством Саратовской губернии в попечители местной мужской гимназии, а затем вскоре и в качестве саратовского губернского предводителя дворянства. Его старинная княжеская фамилия, громадное состояние его и жены и их родственные связи давали ему возможность пользоваться влиянием в правительственных сферах, и за пять лет его службы губерньским предводителем сменившиеся трое саратовских губернаторов чувствовали это достаточно. Он как губерньский предводитель был самым выдающимся и лучшим из всех, которых я знал. Министр Валуев за эти пять лет несколько раз предлагал ему губернаторство, но он наотрез отказывался принять эту должность в других губерниях, кроме Саратовской, куда наконец и был назначен после кратковременной службы Муравьева.

Князь Щербатов, будучи губернатором, продолжал еще несколько лет пользоваться не только влиянием в министерствах, но и особым к нему царским вниманием, и однажды я был свидетелем, как на петербургской выставке⁴¹⁹ в манеже Император Александр II, проходя среди густой массы на-

рода и заметив во вторых рядах стоявшего со мною князя Щербатова, остановился и протянул ему руку через расступившуюся толпу, сказав:

— А, ты здесь, князь, буду рад тебя видеть.

Но, несмотря на такое исключительное положение, авторитет князя Щербатова как губернатора с каждым годом начал уменьшаться, а при министре внутренних дел Тимашеве дошло даже до того, что он должен был подать в отставку.

Князь Щербатов, как я выше сказал, был образцовый губерньский предводитель дворянства, но, сделавшись губернатором, совершенно неожиданно всю прежнюю свою любовь к дворянству перенес на подведомственную ему полицию и окружающих его должностных лиц, из-за которых он готов был на каждом шагу становиться в контры при малейшем их порицании. Почему чиновный люд и особенно полиция, сильно пользуясь его слабостью, делали, что хотели. Полиция брала взятки чем попало, и никто не смел ему об этом говорить, не исключая даже известных в то время своею честностью саратовского полицеймейстера⁴²⁰ и некоторых исправников, переведенных бывшим губернатором Муравьевым из Рязани. Выбор же самим Щербатовым должностных лиц был крайне неудачный, почему даже в правители его канцелярии попал А[ртёмьев]⁴²¹, хотя и честный человек с университетским образованием, но подверженный запою, о чем Щербатову решились однажды сказать, но больше уже о том не повторяли, так как он не хотел верить, чтобы назначенные им чиновники имели какие-либо пороки. Неизвестно, сколько бы времени продолжались в губернии эти щербатовские порядки, если бы один рельефный случай не положил им конца. Так, губерньским земским собранием было представлено по одному делу через министра ходатайство в Сенат, по которому, не получая целый год ответа, оно в следующем своем собрании запросило министра телеграммой и получило ответ, что распоряжение Сената уже несколько месяцев было сообщено губернатору; но князь Щербатов, не найдя следов поступления к нему этой бумаги, решил наконец поручить полицеймейстеру тайно осмотреть в отсутствии А[ртёмье]ва все помещения его квартиры, где в ящиках его письменного стола и за столом оказались груды растрепанных деловых бумаг и, кроме того, на чердаке целый мешок с несколькими сотнями этих бумаг в распечатанных конвертах, в числе которых оказался и разыскиваемый сенатский указ. Но так как в этом мешке усмотрены были и такие бумаги, при которых препровождались ордена, то по дознанию обнаружилось, что неграмотная содержанка А[ртёмье]ва, принимая во время его запоя пакеты, распечатывала их

и выбирала ордена и медали, употребляя этот благородный металл себе на броши и браслеты, причем бумага на пожалованную золотую медаль старшей городской акушерке Констанции Миллер за 25 лет службы оказалась также валявшейся в этом мешке целых два года, в продолжение которых содержанка наполняла найденный мешок деловыми бумагами.

Вся эта возмутительная история хотя и была замята князем Щербатовым, но тем не менее она дошла до министерства и вызвала командирование в Саратовскую губернию директора Департамента полиции исполнительной Косаговского⁴²², который, обзревая порядки в селениях губернии, нашел повсюду изрытые по распоряжению Щербатова улицы, с построенными перед каждой избой землянками для летнего варева пищи, якобы в видах предупреждения от пожаров, так что местами на улицах трудно было разехаться двум телегам. Землянки эти по приказанию Косаговского тотчас же были полицией уничтожены и ямы зарыты, что, конечно, задело Щербатова, и он вышел в отставку, исхлопотав, между прочим, по своей чрезмерной доброте своему правителю канцелярии А[ртём]еву место ассессора губернского правления в другой губернии.

Интересно еще и то обстоятельство, что за время семилетнего губернаторства князя Щербатова в Саратове перебивало пять вице-губернаторов⁴²³, из которых один только маленький, но уже пожилой N⁴²⁴ сумел снискать его расположение своею фарисейскою набожностью и угодливостью грибоедовского Молчалина. Припоминаю, как он, бывало, в своем виц-мундирном фракке с орденом на шее ползал на четвереньках по ковру в доме Щербатова, забавляя его маленькую дочку; а когда Щербатову приносили от святых мест шапочки, рукавички и пузырьки с деревянным маслом, то N, крестьясь, благоговейно надевал первые на себя и, обмакивая палец в святое масло, делал им на своем лбу крест. N, как известно, еще в бытность губернатором князя Щербатова благодаря связям последнего быстро дошел до степеней известных и получил затем весьма высокое назначение.

Князь же Щербатов хотя и получил после отставки звание гофмейстера высочайшего двора, но тем и закончил свою служебную карьеру и после ряда тяжелых для него обстоятельств начал терять рассудок и умер душевнобольным. К числу этих обстоятельств принадлежала и получившая всеобщую известность тяжба с ним крестьян, домогавшихся отобрать у него наследственные земли в Саратовской губернии под тем предлогом, что земля эта будто бы была куплена крепостными крестьянами на имя отца князя Щербатова. Причем крестьяне, не довольствуясь подачею своей жалобы на

Щербатова Государю и не получив удовлетворения в своем домогательстве, решились на небывалый курьез: обжаловать царский им отказ датскому королю Христиану, прося его за них заступничества перед Императором Александром III и, как тестя, повлиять в их деле на его величество. Упорство крестьян в этом домогательстве дошло до того, что они дозволили себе силой воспретить экономии Щербатова распоряжаться этой землей перед посевом, вследствие чего для усмирения крестьян были посланы войска и многие из них наказаны.

IV

Посещение Саратова наследником цесаревичем с супругою и великим князем Алексеем Александровичем в 1869 году. — Губернатор князь Гагарин. — Железнодорожная эпопея. — Покушение на мою жизнь. — Столкновения с прокурорами. — Следствие и указ Сената. — Губернатор М.Н. Галкин-Врасский и его деятельность. — Пропаганда социалистов.

За все время пребывания князя Щербатова в Саратове губернским предводителем и затем губернатором гостиния его супруги была лучшим салоном в губернии, и балы, даваемые ими зимой сначала каждую неделю, а затем через неделю, соединяли в их доме лучшее общество. Время это для саратовцев было самое веселое и интересное, так как, кроме балов и приемов у княгини, нередко устраивались в дворянском собрании также балы, живые картины, концерты и маскарады, а в период службы Слепцова губернским предводителем его женой⁴²⁵ в том же доме дворянства устраивались и любительские спектакли.

В июле 1869 года дворянство Саратовской губернии, саратовское городское общество и весь чиновный люд с исправлявшим должность губернатора встречали на берегу Волги прибывших на пароходе их высочеств: наследника цесаревича Александра Александровича с супругою и великого князя Алексея Александровича⁴²⁶. Сотни тысяч народа, съехавшегося со всех кон-

цов губернии, оглашали воздух радостными кликами «ура!». И высокие гости, впервые посетившие Саратов, были, видимо, тронуты всеобщим энтузиазмом. Они пробыли в Саратове три дня, в продолжение которых был обед у их высочеств с приглашением к столу предводителей дворянства, местного архиерея, саратовского городского головы⁴²⁷ и высших чинов администрации и военного ведомства. Затем в загородном лагере был смотр войскам, а 24 июля бал дворянства с участием саратовского городского общества.

Бал удался вполне. Улицы, по которым среди ликующего народа следовали их высочества, кроме иллюминации домов горели сплошь разноцветными бенгальскими огнями; дом же дворянства⁴²⁸ положительно утопал в море огней. У раскрытых дверей подъезда дворянство и дамское общество встретили дорогих гостей под неумолкаемые клики народа и могучие звуки гимна хора полковой музыки. Широкая, устланная пурпуровым сукном лестница, ведущая в belle-étage⁴²⁹, имела вид возвышавшейся аллеи тропических покрытых плодами деревьев, а на ступенях ее по обе стороны стоявшие дамы приветствовали их величеств, осыпая путь живыми цветами. Большая проходная гостиная вся была декорирована высокими цветущими рододендрами, азалиями, камелиями и прочими тепличными растениями, под тенью которых за устроенным буфетом дамы в продолжение бала угощали яствами и прохладительными напитками. Зала же собрания имела настолько красивый вид, что даже наследник цесаревич, войдя в нее, выразил мне свое полное удовольствие, сказав:

— Как здесь хорошо, это мне напоминает зало петербургского дворянского собрания.

И действительно, зало, в миниатюре, до некоторой степени было похоже на петербургское, хотя устроенный у нас на этот раз фонтан был почти до потолка и в его бассейне плавали осетры и большие стерляди. В зале, как и повсюду, была масса зелени, среди которой на возвышениях рельефно выделялись задрапированные в малиновый бархат с золотыми украшениями и гербами императорский, во весь рост, портрет и устроенная для их высочеств боковая ложа, где были особо приготовлены различные фрукты и прохладительное питье.

Затем высокие гости оставили Саратов при громадном стечении народа. И когда пароход их высочеств отчалил от пристани, то на другом, ранее заготовленном пароходе дворянство со своими женами и дочерьми провожало высоких гостей несколько верст вниз по течению Волги. При следовании парохода их высочеств мимо расположенного по берегу Волги загородного

лагеря войск 40-я пехотная дивизия была выстроена шпалерой⁴³⁰, а находившаяся впереди ее артиллерийская бригада салютовала пушечными выстрелами; после чего наша дворянская семья, подняв бокалы, послала свои пожелания счастливого пути высоким гостям, причем при уменьшенном ходе парохода в ответ нам наследник цесаревич и великий князь Алексей Александрович махали фуражками, а цесаревна Мария Федоровна⁴³¹ платком; тогда на нашем пароходе хор полковой музыки исполнил гимн, и мы вернулись домой.

Вскоре после этого в Саратов прибыл новый губернатор, переведенный с той же должности из Архангельска, князь Гагарин. Его аристократическое происхождение и большая семья наделали немало хлопот городскому обществу в приискании подходящей квартиры, так как до Гагарина в Саратове особого губернаторского дома не было. Полиция же ожидала его со страхом и трепетом, потому что о строгости и деятельности Гагарина по Архангельской губернии было уже известно.

За отпуском губернского предводителя Давыдова мне пришлось на общем представлении у Гагарина знакомить его как с дворянами, находившимися в Саратове, так и мировыми судьями, представителем которых я состоял. И отношения мои с Гагариным установились с первых же дней самые хорошие, а впоследствии даже и дружеские, почему я не только имел возможность заручиться его сочувствием к моим протестам по поводу творившихся безобразий при постройке Саратовско-Тамбовской железной дороги, но и содействием в этих протестах у министра внутренних дел.

На железнодорожников началось тогда сильное с его стороны гонение. Саратовский городской голова, бывший ранее земцем и членом железнодорожной комиссии, не был им утвержден головой при вторичном выборе, как и многие лица в разных других должностях, причастные к этой истории; вследствие чего железнодорожная лига смотрела на Гагарина как на своего врага, но не смела высказать этого ввиду сильной его поддержки в Петербурге, где бывший в крестьянскую реформу председателем Государственного совета отец его, известный Павел Павлович Гагарин, пользовался особым расположением Императора Александра II.

Не прошло и несколько месяцев, как саратовским городским обществом был впервые приобретен для губернатора один из лучших домов в городе с роскошной обстановкой⁴³², и на заброшенной загородной губернаторской даче уже кипела работа, приготовлявшая достойное помещение для такого аристократа, каким был князь Сергей Павлович. Князь был очень разборчив

в своем знакомстве и, чуждый светских развлечений, мало с кем сближался, употребляя большую часть своего времени для деловых занятий, почему в доме его можно было встретить весьма немногих и только из числа людей солидных, так что даже вице-губернатор являлся к нему лишь в вицмундирном фраке по делам службы.

Гагарин был в высшей степени человек правдивый и отзывчивый на все честное и благородное, но, к сожалению, его пребывание в Саратове было очень непродолжительно, всего около двух лет. Жил он настоящим магнатом, как в частной жизни, так и в общественной. Даваемые им изредка балы отличались роскошью и широким гостеприимством, и на этих балах он, как и вообще в своем доме, никогда не допускал картежной игры.

В это время работы по постройке Саратовско-Тамбовской железной дороги приходили к концу, и преследуемая Гагариным железнодорожная лига, лишенная возможности приобрести его сочувствие, обратила всю злобу на меня, считая меня главным виновником своих неприятностей с губернатором. И так как губернским земским собранием в числе прочих лиц был избран и я для принятия вместе с правительственной комиссией от строителей этой железной дороги, то пушены были в ход всевозможные средства, чтобы устранить мое участие в этом деле, не стесняясь никакими способами.

И вот в продолжение одного месяца следует два необычайных со мной случая: 3 октября, ночью, когда я спал, кто-то сквозь двойную раму моей спальни, выходявшей окнами на улицу, бросил трехфунтовую гирию, которая, пробив стекла, упала на стоявший возле моей головы стол, и так как видевшему это ночному караульщику не удалось задержать барски одетого злоумышленника, который успел ускакать на хорошей лошади в крытом фаэтоне, то произведенное полицией по этому предмету дознание не могло его обнаружить. 16-го числа того же месяца я возвращался из своего имения вместе с управляющим саратовским отделением Государственного банка действительным статским советником Шарбау⁴³³ в своей дорожной коляске, у которой верх был наполовину откинут, и при въезде в город на одной из довольно людных улиц, Константиновской, проследовали два выстрела из пистолета. Лошади понесли, и хотя мы слышали крики «держи, держи его!», но стрелявший, быв в экипаже, успел, пользуясь сумерками, опять ускакать. Остановив лошадей, мы осмотрели коляску и нашли в дуге полукруглого ее верха две маленькие пули, засевшие в дереве, как раз против моего затылка. Расследование этого обстоятельства также не привело ни к чему, но после этого мои знакомые уже избегали мне сопутствовать. По поводу этих проис-

шествий я, конечно, не имел ни на кого подозрений, но могу лишь только добавить, что перед этим я как председатель земской управы, озабоченный возможностью распространения тифа, который свирепствовал среди железнодорожных рабочих, нашел в больничном бараке села Курдюм невозможные беспорядки, где на нарах лежали без всякого призора, рядами по несколько тифозных рабочих с гангренозными ранами, о чем мною своевременно был составлен акт и передан губернатору. И, кроме того, для приема этой дороги я заручился серьезными документами касательно злоупотреблений и массы неправильностей постройки, секретно полученных мною от специалиста, наблюдавшего за работами. С каковыми документами для большего ознакомления себя со всеми неправильностями постройки я и проехал по линии до самого Кирсанова.

Железнодорожная партия была в то время довольно сильна, так как не были окончательно разоблачены причины ее сочувствия к обложению земцев на 80 лет гарантией в 413 095 р. 3 к. в год, почему она и заручилась поддержкой многих лиц, служащих от правительства, в числе которых в Саратове, кроме упомянутого мною ранее вице-губернатора, еще был и губернский прокурор⁴³⁴. Этот последний накануне дворянских выборов при разговоре с ним князя Гагарина о двух на меня покушениях дозволил себе выразиться, что его нисколько не удивляют эти происшествия, так как я человек будто бы способный сам а chacun couper le ventre⁴³⁵, и что как предводитель дворянства я нежелателен, обладая слишком беспокойным характером. Когда же князь Гагарин заметил ему, что он сам рискует быть с распоротым животом, если до меня дойдут эти слова, о которых он, искренно ко мне расположенный, не может умолчать, то прокурор сказал, что это его нисколько не пугает. Вследствие чего на другой же день в зале дворянства во время перерыва заседаний по выборам я и потребовал от прокурора удовлетворение, но получил отказ, после которого прокурор, объявив дворянству, что жизнь его в опасности, оставив собрание, донес телеграммами о том министрам юстиции и внутренних дел, а также и шефу жандармов; почему в ожидании распоряжения о назначении вместо устранившегося прокурора другого лица для присутствия в дворянском собрании последнее целые сутки не могло продолжать свои заседания. И затем история эта по распоряжению министра юстиции повлекла за собою следствие, вместе с которым я обязан был подпиской о невыезде из города Саратова, тогда как все обязанности мои по должности председателя земской управы были в уезде, но это было нужно железнодорожной партии, потому что при этом я лишен был

впоследствии возможности участвовать в приеме дороги, а так как затем отказались принимать дорогу и остальные мои коллеги, то она и была принята лишь одной правительственной комиссией. Эта железнодорожная эпопея в свое время была описана в «Отечественных записках» под заглавием: «Гвельфы и гибеллины»⁴³⁶. Автор этой статьи, видимо, хорошо знакомый с делом постройки Саратовско-Тамбовской железной дороги, назвал меня только одного полной фамилией как предводителя правой стороны, вынесшего на своих плечах всю тяжесть протеста против гарантии этой дороги земством. О лицах же, которые были особенно заинтересованы закабалить земство на 80 лет этой гарантией, он выразился довольно остроумно, сказав, что главный Асмодей получил за это восемьсот тысяч, второй — шестьсот тысяч, третий — триста тысяч рублей, а остальные мелкие духи получили каждый сообразно своему удельному весу.

Следствие по моему делу с прокурором было очень торжественно и производилось особо назначенным лицом в присутственной зале Саратовской соединенной палаты уголовного и гражданского суда и затем было передано на усмотрение 1-го департамента Правительствующего сената. Дело это тянулось около полутора года, в продолжение которых прокурор В[есёлкин], продолжая считать свою жизнь в опасности, не вступал в должность, а я, воспользовавшись пребыванием в Петербурге губернатора князя Гагарина, разъяснившего там, где было нужно, всю подкладку этой истории, отправился туда же. У министра внутренних дел и министра юстиции я встретил сочувственное отношение, причем граф Пален⁴³⁷ был крайне удивлен таким отношением прокурора ко мне как председателю съезда мировых судей и даже не затруднился сказать, что подобные дела между дворянами только и кончаются пулей. Сенат же, получив рапорт саратовского губернатора князя Гагарина, свидетельствующий, что в его доме прокурор В[есёлкин] действительно дозволил себе оскорбительно обо мне отзываться, разобрал дело по пунктам и указом за № 2183 прекратил надо мной следствие.

Князь Гагарин останавливался в Петербурге у своего отца, князя Павла Павловича, которому, как последняя почесть, был Государем предоставлен Елагинский дворец, где благодаря дружеским отношениям ко мне его сына я не только был любезно принят этим маститым сановником, но по его просьбе навещал уже больного в это время Сергея Павловича, бывал у них каждый день, что дало мне возможность познакомиться с весьма многими интересными людьми большого петербургского чиновничьего мира. Столичные врачи определили у князя Сергея Павловича чахотку в последней сте-

пени и отправили его за границу; откуда возвращаясь в Саратов, он на пути в Казани скончался. Преемником ему был назначен Михаил Николаевич Галкин-Врасский. Он отличался от всех его предшественников необычайной вежливостью и умением с первых шагов сойтись с обществом, которое за все время его управления Саратовской губернией отзывчиво помогало ему в различных предприятиях, и надо отдать ему справедливость, что за его время Саратов во многом изменился к лучшему. Полицейские пристава-юсы⁴³⁸, хотя и подтянутые Гагариным, но не пользовавшиеся доверием горожан, были заменены щеголеватыми отставными военными офицерами и, продолжая служить под ближайшим начальством все того же опытного и во всех отношениях достойного полицеймейстера из рязанских помещиков П[опова], сразу облагородили состав полиции. Губернатором Галкиным-Врасским открыто в Саратове отделение Красного Креста, отделение Императорского музыкального общества, отделение Общества спасения на водах, несколько приютов для детей, приют несовершеннолетних преступников и многое другое⁴³⁹. За время его губернаторства в Саратове мне пришлось прослужить с ним по должности губернского предводителя дворянства трехлетие с 1873 года по 1876 год, заступив место Михайлова-Рославлёва, который после одного трехлетия службы губернским предводителем был избран на второе, но по неизвестной причине вскоре вышел в отставку⁴⁴⁰.

Реформы Александра II все еще продолжались, и в Саратовской губернии были открыты новые судебные учреждения с присяжными заседателями, введена всеобщая воинская повинность, за которую на мою долю выпало благодарить Государя поднесением адреса дворянства Саратовской губернии.

Разнообразные новые реформы стали отвлекать массу интеллигентного люда в чиновничий мир, и военная служба мало-помалу начала терять свое прежнее обаяние, тем более что кадетские корпуса, служившие лучшей школой образования военных со спартанским характером, были заменены военными гимназиями.

Вскоре за этим временем уже начало усиленно проявляться на Руси социальное движение, которое быстро распространилось и в провинции, где для пропаганды был широкий простор среди уездного населения, при ничтожном полицейском надзоре исправников с двумя становыми приставами, нередко на расстоянии полутора верст. И так как должность мировых посредников была тогда уже уничтожена, то пропагандисты, пользуясь этим, могли беспрепятственно поселять в народе смуту. Саратовская губерния, где

до сих пор еще живо сохранились предания о Стеньке Разине, и даже о нем и его кургане над Волгой сложена студенческая песня⁴⁴¹, особенно влекла к себе эти темные неразумные силы, и у нас перебивали почти все главные государственные преступники, увлекавшие своими идеями неустановившуюся молодежь: Соловьев⁴⁴², покушавшийся на жизнь императора Александра II, проживал перед тем в Вольском уезде, где был в большом фаворе у местных должностных лиц, за что, как известно, некоторые из них и поплатились; Ширяев⁴⁴³, сын волостного старшины, взрывавший Зимний дворец, был учеником Саратовской гимназии; Фигнер⁴⁴⁴ и Филиппова⁴⁴⁵ проживали: одна в Саратове, имея детский сад, куда многие известные семейства посылали своих детей, а другая была земской акушеркой в Петровском уезде, и ею восхищалось общество, пока она оттуда не скрылась; Гартман⁴⁴⁶ под именем Николая Степанова Лихачева несколько месяцев служил в Поповской волости Саратовского уезда помощником волостного писаря, откуда с фамилией саратовского мещанина Сухорукова и отправился в Москву взрывать с Перовской⁴⁴⁷ императорский поезд. Он, находясь в шести верстах от моего имения, не раз являлся ко мне вместе с волостным старшиной, но пропаганда его тщательно скрывалась крестьянами; только однажды, во время работы у меня на гумне, ко мне подошел живой еще доселе один из моих бывших крепостных крестьян и с улыбкой таинственно заявил, что помещичья земля скоро вся отойдет им, а помещикам, говорят, «будет» — и он выразительно провел пальцем по горлу. Когда же я стал допытываться, откуда они это взяли, то он, успокаивая меня, сказал:

— Ты, барин, у нас хороший, и тебя мы не тронем и даже кое-что из твоего добра тебе оставим!

Конечно, я, имея влияние на своих бывших крепостных, разъяснил им нелепость и опасность всех этих толков, а потом узнал, что в то же время в Саратове начальником дивизии⁴⁴⁸ объявилось по высочайшему повелению войскам о том, что никакого земельного передела у крестьян не будет, так как вследствие этих слухов выслужившие срок солдаты, не оставаясь на вторичную службу, спешили уходить домой.

МНИМОУМЕРШИЙ⁴⁴⁹

Лет сорок назад в Саратовской губернии появился польский дворянин Осип Николаевич Ветвицкий⁴⁵⁰. Прекрасно образованный молодой человек и чуждый политических идей, он скоро сошелся с обществом местного дворянства, которое, видя в нем к тому же ученого агронома заграничной школы, присланного князем Львом Викторовичем Кочубеем⁴⁵¹ управлять его большими вотчинами, спешило позаимствоваться от него сведениями по части сельского хозяйства. Ветвицкий, сын бывшего губернатора⁴⁵² князей Кочубей, с детства известный этому княжескому дому, получил от старшего из братьев полную уверенность на управление его имениями в Саратовской губернии и, поселившись в селе Широком Карамыше как полновластное лицо, завел там хозяйство в широких размерах. Он построил громадный винокуренный завод и мельницы, увеличил овцеводство и запашку, делая все это на средства экономии и не отягощая хозяйского кармана. Вековые же леса и ковыльные степи оставались нетронутыми. Действия Ветвицкого обратили особенное внимание княжеской семьи, так как прежние управляющие, манкируя своими делами, доставляли Льву Кочубею от села Широкого доход в малых размерах; кроме того, управляющий соседним имением сестры князей⁴⁵³ в селе Дмитриевке Каспеерович за жестокость был убит крестьянами, а управляющие второго брата⁴⁵⁴ в селе Рыбушке один за другим обкрадывали доверителя без всякой церемонии, так что один из них даже угнал из Рыбушки более тысячи лучших шленских⁴⁵⁵ овец в имение своего тестя и отказался при этом от должности управляющего. Когда же против него князь Сергей Викторович предполагал возбудить преследование, то управляющий этот, притворившись сумасшедшим и помещенный в саратовскую городскую больницу на излечение, отделался тем, что, при посещении его Кочубеем и начальством, усердно ел мыло. По миновании же этой катастрофы он припеваючи зажил со своим тестем и впоследствии получил даже весьма видное назначение по службе.

Понятно, что такие поступки других соседних управляющих рельефно возвышали Ветвицкого в глазах князя Льва Викторовича Кочубея, который

вместо незначительных сумм, выручавшихся ранее с его саратовских вотчин, года через два после управления Ветвицким получал годового дохода до 80 000 рублей. Об этом князь любил говорить при встречах со знакомыми в Петербурге, а также знала это вся Саратовская губерния.

Положение Ветвицкого также улучшалось с каждым годом, и он, кроме жалованья и полного содержания начав впоследствии получать еще 10% с дохода от княжеских имений, стал вполне жить по-барски: летом в деревне, имея большую псовую охоту, а зимой в губернском городе среди лучшего общества, и под конец купил даже полторы тысячи десятин земли в Аткарском уезде.

Такое положение Ветвицкого продолжалось до крестьянской реформы, после которой начавшиеся преследования против разных лиц за прежнее жестокое обращение с крестьянами не замедлили задеть и его, причем бывший губернский предводитель дворянства и впоследствии губернатор князь Щербатов предложил собранию предводителей и депутатов дворянства обсудить безнравственные поступки Ветвицкого как дворянина, изболничая его в женском насилии и прежних жестокостях с крестьянами. В подтверждение чего представил приговор крестьян села Широкого Карамыша, в котором упоминалось между прочим, что Ветвицкий, кроме совращения с пути несчетного числа крестьянских жен, увлек также до 200 крестьянских девушек. Столь крупное обвинение повлекло за собою формальное следствие, по которому, хотя ни одно из лиц женского пола не только не подтвердило обвинение Ветвицкого в насилии, но так как свидетельские показания крестьян утверждали противное, и что Ветвицкий будто бы многих отдавал в рекруты, чтобы свободнее пользоваться их женами и сестрами, а некоторые даже указали, что за год до того повесившийся на дереве полесовщик лишил себя жизни именно вследствие чрезмерно жестокого обращения Ветвицкого, то сей последний был предан суду местной уголовной палаты и заключен в тюремный замок⁴⁵⁶.

Затем собственное Аткарское имение Ветвицкого было продано под предлогом частных долгов, по разным внезапно явившимся письменным обязательствам, и он, просидев порядочное время в остроге и узнав о приговоре своем к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь, заболел и вскоре умер. Я лично знал покойного как соседа по имению, и хотя не сочувствовал ему при жизни, но после смерти его частью из любопытства, а частью именно потому, что не сочувствовал, поехал в тюремный замок с ним проститься и собственными глазами видел его умершим и лежавшим в гро-

бе, хотя труп его и показался мне до некоторой степени теплым. Похороны Ветвицкого происходили в католическом соборе, в присутствии толпы народа, полиции с полицмейстером во главе и часовых с ружьями, стоявших у гроба умершего арестанта, а гроб по католическому обряду был закрыт. В том же порядке он отвезен на католическое кладбище, где похоронен в особом склепе.

Спустя некоторое время явилась в Саратов вдовая родная сестра Ветвицкого со своей дочерью и каким-то адвокатом из отставных капитанов польской нации, для получения наследства после брата, хотя, по словам ее, и была кем-то предупреждена из Лондона, чтобы за наследством не ездила. Денег после Ветвицкого не оказалось, кроме незначительной суммы по долговому документу; мебель же и кое-какие вещицы, находившиеся в квартире против тюрьмы, покойный завещал жившей там своей городской фаворитке. Сестра Ветвицкого сильно возмущалась отсутствием ценного наследства и, считая письмо из Лондона присланным для отвода, заявляла мне как предводителю дворянства свое подозрение на троих приятелей покойного брата в его отравлении с целью похищения богатства. Но подозрение это, конечно, не имело основания, так как лица эти были всем в Саратове известны за людей честных, зажиточных и вообще вполне порядочных. Один из них, Мер[тен]с⁴⁵⁷, был богатый аптекарь, другой, Мал[инов]ский⁴⁵⁸, врач тюремной больницы и третий, Тен[дзяголь]ский⁴⁵⁹, почтенный старик, имевший лучшую мастерскую мужского платья, и двое последних принадлежали к польскому дворянству. Странно только, что тюремный доктор после смерти Ветвицкого вскоре навсегда оставил Саратов, а аптекарь перебрался в уезд. Сестра Ветвицкого, не довольствуясь репутацией друзей покойного брата, требовала непременно вскрытия его трупа, и когда по распоряжению властей могила Ветвицкого была разрыта, то у находившегося в ней трупа туловище оказалось еще целым, а лицо почему-то настолько почерневшим, что трудно было в нем узнать Ветвицкого, хотя выдающаяся форма носа очень подходила. Желудок этого трупа был отправлен в петербургский физикат, но по исследованию ничего подозрительного не оказалось.

Несколько лет спустя я однажды осенью охотился с собаками на зверя и в соседних с моим имением островах встретился с прибывшим перед тем новым рыбушанским управляющим князя Кочубея, Заборовским⁴⁶⁰. Познакомился с ним, и на привале за бутылкой старого бургонского, разговорившись о прежнем житье-бытье помещиков, упоминал как-то о брудастых гончих покойного Ветвицкого, которому стая этих заграничных собак была

прислана в подарок князем Львом Кочубеем. Управляющий изменился в лице, а затем, пожав плечами, позвал к себе отдельно сидевшего в кружке его свиты своего молодого помощника, представив его мне, и просил подробно рассказать встречу последнего с Ветвицким в Германии. Я сначала не понял, в чем дело, предполагая, что молодой человек ранее знал Ветвицкого, но из его слов услышал, что он прежде никогда его не видел и сам в первый раз недавно прибыл из Пруссии, где, перед отъездом в Россию, в Poznани встретился в ресторане с Ветвицким, который, узнав, что молодой человек отправляется на службу в имение князя Кочубея, пожелал познакомиться с ним и, передав ему все, что знал о нашей местности, добавил, что для России он, Ветвицкий, умер навсегда, и потому возврат туда для него невозможен. Когда же молодой пруссак описал наружность Ветвицкого и даже упомянул о синих крапинах на белках его глаз, которые были обожжены взрывом пороха, то я более уже не сомневался в том, что это был действительно Ветвицкий.

Через несколько дней быв в городе, я передал о слышанном многим знакомым Ветвицкого, все они, конечно, были поражены этим рассказом, а некоторые даже с испуганными лицами крестились. Я же, как человек несусеверный, подумал, что чего не бывает на свете!..

НАЧАЛЬНИК СОКОЛОВОЙ ГОРЫ⁴⁶¹

По должности губернского предводителя мне пришлось открыть и затем два года председательствовать в особой комиссии по пересмотру саратовского городского положения 1839 года, утвержденного Императором Николаем I, и комиссия эта, состоя из представителей от купцов, мещан и цеховых с городским головой и полицеймейстером, имела еще и представителей от правительств, назначенных министерством⁴⁶².

Занятия эти были очень трудные, и в особенности для председателя, которого министр внутренних дел не только торопил окончанием пересмотра положения, но от времени до времени требовал от него представления и личных по этому делу его заключений, при соображении с прежним городским положением; почему мне пришлось заглянуть в городской архив, давно сданный уже в архив при губернском правлении, и хотя архивы прежнего времени большею частью уничтожались, но в оставшейся, пожелтевшей от времени переписке, к моему изумлению, я нашел странный бывший городской расход на квартиру начальника Соколовой горы, у подошвы которой расположен Саратов.

Гора эта, как известно, уже в продолжение всего XIX столетия не имела у себя не только ни одного деревца, но даже и какой-либо травы, между прочим, до 1830 года состоял начальником этой горы полковник М.А. Родионов, получавший по этой должности, кроме квартирных, еще и значительное содержание от правительства.

Это курьезное обстоятельство заинтересовало меня, и я постарался узнать об этом поподробнее, причем оказалось, что Соколовая гора в XVIII столетии на большое пространство была покрыта вековым дремучим лесом, в котором водились сокола, доставлявшиеся для охоты прежним государям, но после нашествия Пугачева, который, расположив там свой стан, обстреливал Саратов через прорубленные просеки, лес этот подвергался пожару и затем окончательно уничтожился. Милые же порядки того времени, зачастую в ущерб казны, сохраняли долгое время подобные мифические правительственные должности, награждавшиеся и чинами и орденами.

Затем мне пришлось встретиться с весьма почтенной дамой, близкой родственницей полковника Родионова; я рассказал ей об этом курьезе, на что она, смеясь, ответила, что, пока был начальник Соколовой горы, она не сползала в Волгу, как это действительно случилось недавно.

ПИКНИК ПОД НИКОЛИН ДЕНЬ⁴⁶³

В 70-х годах прошлого XIX столетия саратовский beau monde⁴⁶⁴, пресыщенный городскими развлечениями, надумал устроить пикник под Николин день⁴⁶⁵, и в полдень 5 декабря вереница троечных саней уносила веселое общество в село Разбойщина⁴⁶⁶, за 12 верст от города.

Дочь моя Вера⁴⁶⁷, которая только что в то время вышла из института⁴⁶⁸, и ее лучшая подруга, сверстница по годам, красавица Л. Набокова⁴⁶⁹, умолили своих матерей отпустить и их на этот пикник, и матери, сами не любя участвовать в подобных удовольствиях, решились дать на это свое согласие только под условием, чтобы они ехали вместе с одним из моих родственников, в санях которого кроме его с женой и этих молодых девушек находились доктор Степанов⁴⁷⁰ и Рус.

Пикник блистательно прошел с танцами и ужином, причем одна из участниц, подойдя к образу Николая-угодника с бокалом в руке, смеясь, сказала:

— С именинами тебя, старик, поздравляю.

И затем далеко за полночь веселое общество возвращалось в город, не обратив внимания на начавшуюся метель.

Не проехали они и нескольких верст, как разыгравшаяся метель перешла вдруг в страшный ураган, так что в двух шагах нельзя было ничего видеть, и занесенная местами дорога и темнота ночи заставили поезд разбиться.

И вот судьба, как бы в наказание за легкомысленное удовольствие накануне дня святого, которого так чтит не только Русь, но и другие народы, послала участникам этого удовольствия печальный конец, доставив и некоторым из их близких тяжелое испытание.

Сбившись с пути и проплутав всю ночь, все перепростудились, пообморозились, и в особенности легко одетое дамское общество, исключая маленькой, юркой барыньки, которая, спустившись на дно саней, прикрылась любимой собакой, большим сенбернаром.

Бойкая и самоуверенная дочь моя отправилась вместе с мужчинами искать дорогу и, попадая беспрестанно в глубокий снег, обморозила себе руки

и ноги, но, на ее счастье, часть общества, среди которого она находилась, набрела на пустые дегтярные сараи, где оказалась кадка с водой. И по совету доктора Степанова пожилой помещик, владелец села Бекова⁴⁷¹ М.А. Устинов⁴⁷², пробив лед в кадке и раздев Веру, опустил ее обледеневшие руки и ноги в воду, где насильно и держал их до тех пор, пока обмороженные члены отошли.

Лидия же Набокова в сопровождении отставного гусара Миллера⁴⁷³ и юного Булыгина*, чиновника особых поручений при губернаторе⁴⁷⁴, рассчитывая добраться до железнодорожной караулки, пошли по рельсам возвышенной насыпи, но так как Набокова была в ротонде⁴⁷⁵ и взять ее под руку не представлялось возможности, то сильным порывом ветра ее снесло вниз, а спутников сбilo с ног, и они, опомнившись после своего падения, отыскать ее не могли.

С рассветом дня 6 декабря, когда мою дочь привезли в город, тотчас же о происшествии этом дано было знать отцу Лидии, исправлявшему в то время должность губернатора Набокову, которым и посланы были казаки для ее розыска, но в это время Лидия была уже найдена по указанию проходившего поезда железной дороги, заметившего лежавшую в снегу женщину, и она от этого случая настолько сильно пострадала, что жизнь ее долго была в опасности, что озабочивало не только ее родителей, но и все любившее ее общество⁴⁷⁶.

Дочь же моя Вера отделалась лишь небольшой горячкой. Обе они впоследствии вышли замуж.

Из мужчин особенно пострадали Миллер и Булыгин, у которых кисти рук долго не приходили в нормальный вид.

КРАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ БАНКОВ⁴⁷⁷

К числу нововведений в царствовании Александра II принадлежит и учреждение земельных банков⁴⁷⁸, которые заменили действовавшие ранее в этом случае Московский опекунский совет и приказы общественного призрения, благотворительно сохранявшие за дворянами их вотчины, взимая незначительный процент, при различных льготах от правительства. При этом самым крупным земельным банком в государстве являлось Общество взаимного поземельного кредита⁴⁷⁹ с главным его правлением в Петербурге, и учредителями этого общества были лица, известные своею честностью и богатством.

Провинциальные дворяне, не успевшие после крестьянской эмансипации заложить все свои имения, спешили сделаться членами этого общества, и ко мне, как служившему тогда в должности губернского предводителя, поступила масса писем от дворян, желавших иметь поверенного этого общества в Саратове для принятия в залог имений. Вследствие чего стремившийся занять эту должность местный дворянин П.И. Митрофанов⁴⁸⁰, получив от меня письмо на имя графа Бобринского⁴⁸¹, отправился в Петербург. Вернувшись оттуда поверенным, он с большим успехом стал вербовать новых заемщиков, завлекая их предстоявшими выгодами их положения. Когда же пришлось оставить мне свою продолжительную службу дворянству, то, как и полагается для безвозмездных служаков, попал в эту золотую паутину и я. И затем недолго спустя двухмиллионная растрата Юханцева⁴⁸² легла тяжелым бременем на членов заемщиков золотого банка.

Кто помнит это время, тот, конечно, не забыл переполох, который наделал этот один из первых банковских крахов. Тут начались его реформы учреждением в губернских городах окружных отделений Общества взаимного поземельного кредита с жалованьем председателю и членам отделения, и на должность председателя был назначен я, но так как я не встретил сочувствия моему предложению, чтобы вообще все должностные лица из членов заемщиков служили обществу до пополнения юханцевской растраты даром, что дало бы возможность достигнуть этого пополнения не далее 6—7 лет, то от председательства я устранился, за что и был осмеян в столичных газетах как же-

* Впоследствии А.Г. Булыгин был министром внутренних дел.

лавший будто бы тремя тысячами в год своего жалованья покрыть двухмиллионную растрату.

Вскоре же затем последовала новая реформа, по которой при окружных отделениях была учреждена на жалованье только должность неперменного члена, председатели же и члены отделения получали жетонное вознаграждение по 25 рублей за каждое заседание, являясь по приглашению неперменного члена для просмотра описаний закладных имений и пр.

Привыкнув к работе и считая службу во взаимном поземельном кредите также общественной, я, задавшись идеей посвятить свои силы исключительно общественной службе, не мог уклониться от занятия места председателя Саратовского окружного отделения, и хотя поездки по осмотру и описанию имений преимущественно возлагались на членов отделения, но по просьбе дворян я почти постоянно сам находился для этого в разъездах, знакомясь с местными условиями, которые в обширной Саратовской губернии представляют большое разнообразие. Но поездки мои в большинстве случаев не удовлетворяли желаний новых заемщиков, которые хотя мои описания имений находили правильными, но с выводами о их доходности не соглашались, особенно недовольны были мною при осмотре заложенных в обществе и самовольно вырубленных лесов крупные титулованные землевладельцы и купцы, окрестившие мои осмотры «погромом», что и было впоследствии причиной приглашения меня занять место председателя правления Саратовско-Симбирского земельного банка после его краха, несмотря на то что я не имел ни одной акции этого банка. Это последнее обстоятельство произошло в 1882 году, когда виновные в этом крахе уже были устранены от должностей и преданы суду.

Как теперь помню, насколько я был удивлен, получив письмо за подписью восьми крупнейших акционеров этого банка, из числа которых я лично знал лишь только одного. В письме этом они, предлагая мне занять место председателя правления, просили в случае моего согласия разрешить им внести от моего имени акций на 6500 руб., чтобы я мог иметь право участия в акционерном собрании. Переговоры эти шли письменно, потому что я на шестом десятке моей жизни заболел гангренозным дифтеритом и выдержал карантин, и мой первый выезд после болезни был прямо в акционерное собрание.

Председателем правления мне пришлось прослужить недолго, так как Министерство финансов решило во что бы [то] ни стало ликвидировать дела банка, затрудняясь тем обстоятельством, что заложенное крупное имение

Оренбургского края в 100 000 десятин леса под названием Конно-Никольской дачи и Уткинская дача в 50 000 десятин оставались за банком. Хотя я и представлял министру доводы о возможности поправления дел этого банка передачей в аренду Конно-Никольской дачи одному из самых крупных лесопромышленников с громадным залогом и ручательством уплаты срочных платежей и того обстоятельства, что Уткинская дача оставалась за банком лишь только потому, что купчая крепость на это имение была уничтожена по распоряжению бывшего оренбургского генерал-губернатора Крыжановского⁴⁸³, и что при укреплении этого последнего имения за банком он мог бы выручить за него уже намеченной продажей гораздо больше лежавшего на имении долга.

Подробный отчет мой по этому банковскому делу был напечатан в «Биржевых ведомостях» 11 марта 1883 года за № 39, где и упоминалось о крупных акционерных совещаниях в это время у меня в Петербурге и о требованиях министра Бунге⁴⁸⁴ немедленного взноса акционерами по 120 руб. на акцию, не допуская возможности рассрочить этот взнос в продолжение полугода, как этого желали съехавшиеся тогда в Петербург из разных мест акционеры-банкиры⁴⁸⁵.

Небезынтересно будет упомянуть, что из числа бывших директоров этого банка А.П. Коваленко⁴⁸⁶ выбран был и на этот раз директором, так как он хотя и находился под судом, как подписавший отчеты и доклады банка, но не только акционеры, но и все общество знало Коваленко как человека, способного, не читая, подписать даже свой смертный приговор, и действительно Коваленко за время службы при мне в банке подписывал как журналы, так и прочие бумаги, никогда не читая, говоря, что он верит своим коллегам.

А.П. Коваленко, владея миллионным состоянием, занимал с молодых лет в своем уезде по выборам разные высшие общественные должности и даже от губернского земства состоял директором Саратовско-Тамбовской железной дороги. Человек он был честный, добрый и отзывчивый, но большой кутила, и в доме его всегда можно было застать общество кутящей молодежи. Свое громадное состояние он все прожил и под конец жизни дошел почти до нищеты, так что квартиру ему уже безвозмездно давало в Балашове городское общество, на нужды которого он в свое время не стеснялся в жертвованиях, содержали же уже бывшие его крепостные на свой счет.

Для характеристики я приведу один случай его необузданных кутежей в г. Балашове, где он, пресыщенный различными выдумками забав, которыми утешал любившее его там общество, однажды летом вздумал потешить со-

бравшуюся у него публику катаньем в санях, для чего он распорядился скупить за баснословную цену лед из погребов жителей города и устлать лучшую там улицу льдом, по которому вереница троек и рысаков потешала этого хотя и хорошего человека, но безумного расточителя.

В Саратове, где по зимам живал Коваленко, у него производилась игра в штос и в банк, и он для своих приятелей устраивал афинские вечера⁴⁸⁷.

Коваленко был также большой театрал и значительную часть своего состояния он истратил, чтобы дать дорогу одной из современных знаменитостей столицы⁴⁸⁸, начавшей свою карьеру в Саратове и которая впоследствии, когда ему не с чем было выехать в Саратов из Петербурга, за все это отплатила ему самой черной неблагодарностью.

НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ⁴⁸⁹

Кто жил в деревне, тот, конечно, хорошо знает, что среди крестьянского люда и доселе существует поверье не только о колдунах, но и ведьмах и оборотнях. В старое же крепостное время это поверье не было чуждо даже и высшему слою деревенских жителей.

Вспоминая 30-е и 40-е года, я как сейчас вижу тот панический страх моих бывших крепостных крестьян деревни Быковки, который охватил их после нескольких представившихся им видений.

В этой деревне до размежевания жило несколько помещиков, из числа которых одинокий Н.Н. Панкратов⁴⁹⁰ был удушен своей любовницей из крепостных дворовых, в соучастии ее брата-кучера, и вскоре после наказания преступников через палача кнутом и ссылки на каторгу сестра убийцы, семнадцатилетняя девушка Мария, утопилась, как сначала предполагали, в пруду, подходившем с одной стороны к дому Панкратова, а с другой — к нашей усадьбе. Пруд этот был с обеих сторон окружен березовой рощей, и усадьба наша и Панкратова отделялась только довольно широкой, сажен в сорок длины, плотиной этого пруда, через которую просачивалась вода, образуя внизу плотины, в глубине оврага большое болото.

Одни говорили, что Марья покончила с собой, мучаясь тем, что она ранее знала о преступном намерении сестры и брата, другие же заверяли, что она сама любила Панкратова и утопилась от тоски.

Найдя на плотине платье и обувь этой девушки, было после тщетных ее поисков в пруду дано знать о том полиции, в ожидании которой со стороны панкратовской усадьбы был поставлен караул.

В первую же ночь этого происшествия очередной караульщик взбудоражил заснувшую деревню заявлением, что он в полночь видел на плотине нагую, с распущенными волосами утопленницу, которая при его приближении бросилась и исчезла в болоте.

Это обстоятельство привлекло на следующую ночь немало любопытных, как баб, так и мужиков, и они, наэлектризованные рассказом караульщика, со страхом, издали, дожидались появления утопленницы и уверяли, что дей-

ствительно в полночь видели ее на плотине и что потом она опять бросилась в болото. А так как по приезде затем в Быковку временного отделения нижнего земского суда, в составе земского исправника, неперменного члена, стряпчего и станowego пристава, утопленница Марья была найдена не в пруду, а в болоте, то достоверность этого явления не только среди крестьян, но и старух помещиц не подлежала никакому сомнению.

В той же деревне Быковке среди наших крестьян 60-летняя старуха Федосья Безрукова слыла за ведьму. Она была старая девка и в конце деревни жила одиноко в своей землянке. А так как она в молодости была у моей бабки в дворовых кружевницей, то под старость ей от барской экономии выдавалась мясчина, да и кроме того носили ей кое-что крестьяне.

Федосью я уже знал сгорбленной старухой, ходившей всегда с подожком⁴⁹¹; она смотрела исподлобья, и ее недобрые глаза, длинные, полуседы брови, крючковатый нос и большая на губе обросшая волосами родинка придавали ей зловещий вид. При встрече суеверные крестьяне почтительно ей кланялись, а дети убегали в сторону и прятались куда попало. Шла молва, что Федосья с наступлением сумерек могла превращаться не только в мужика и молодых девок, но и в разных животных, и потому нередко случалось, что крик спрыгнувшей с ветвей кошки или неожиданно пробежавшая собака разгоняли толпу баб и парней.

В 50-х годах у меня в другой соседней деревне⁴⁹², находящейся в версте от Быковки, сгорела усадьба, и подоспевшие на пожар крестьяне уверили меня, что они видели убежавшего по направлению к Быковке человека, который спрятался в отдельную куртину⁴⁹³ деревьев, но когда они, окружив эту куртину, стали искать его, то вместо человека выбежала оттуда черная свинья, которая и скрылась в темной ночи. Это обстоятельство крестьяне окончательно приписали старухе Федосье, за которой они начали зорко следить.

И вот однажды, проходя ночью по деревне, толпа крестьянских парней увидела бежавшую по улице черную корову, у которой сильно трещали казанки⁴⁹⁴ ног, а так как в эту пору вся скотина была уже по домам, то они, считая ее за оборотень, стали бросать в нее камнями, сильно зашибив ей ногу. Корова эта, хромая, быстро убежала и мгновенно скрылась на пустыре, где жила Федосья. Когда же они подошли к ее землянке и через окошко просили к ним выйти, то старуха Федосья отозвалась нездоровьем, объяснив, что она днем упала в погреб и сломала себе ногу. После чего у окружного населения старуха Федосья до конца жизни значилась ведьмой, и когда она в начале 60-х годов умерла в глубокой старости, то крестьяне самовольно

зарыли ее не на кладбище, а в версте от деревни, у подножья горы, близ большой дороги. И хотя по распоряжению начальства впоследствии на ее могиле была отслужена панихида, но даже и доселе крестьяне осторожно проходят мимо могилы и уверяют, что нередко видят в том месте разные призраки, а в прошлом году целая ватага крестьян являлась ко мне, заявляя, что там же бродит какая-то проклятая девка, которая при приближении народа исчезает бесследно.

Сравнительно же недавно, когда в каждой почти деревне существуют уже школы, был на моих глазах следующий случай с крестьянином той же деревни Быковки Владимиром, также по фамилии Безруковым, который по матери приходился дальним родственником Федосье.

Этот крестьянин был незаконный сын отставного гусарского поручика от крепостной его девушки Дарьи Безруковой, почему и состоял крепостным крестьянином его вотчины. После эмансипации, хотя ему и был вместе с другими однообщественниками дан душевой надел земли, но как человек бедный, хотя и трудящийся, он жил очень плохо, работая на ободранной лошаденке, а жена его для прокормления трех малолетних дочерей ходила по миру. Владимиру шесть лет назад было 52 года; он был очень красив и имел совершенно интеллигентное лицо и несмотря на свою неграмотность мог самоучкой делать все необходимое для домашнего обихода сельского хозяина, почему я и взял его к себе в работники в качестве дворника моей Приютской усадьбы⁴⁹⁵.

Среди крестьян он также слыл колдуном, потому что в силу внушения моментально мог при порезах останавливать кровь, чему я и сам неоднократно был свидетелем. Присмотревшись к Владимиру, я узнал, что он с десятилетнего возраста не исповедовался и не причащался и с того времени один раз только был в церкви, когда его венчали; это обстоятельство заставило меня обратить на него особое внимание, тем более что он не был раскольником и не избегал приезжавшего ко мне для молебнов духовенства.

Однажды Владимир был поднят с земли народом у ворот моего парка, и, придя в сознание, он объяснил им, что его оседлал нечистый, от которого он освободился только после усиленных молитв, а так как затем он мне откровенно рассказал, что ему уже давно лезут в голову дурные мысли, вследствие чего он, даже ложась спать, прячет подальше от себя топор и другие предметы, которыми можно совершить преступление, то я просил местного врача убедиться в его нормальности, а приходского священника настоять, чтобы Владимир хотя бы иногда ходил по праздникам в церковь, тем более что

последнее время он жаловался на боль под ложечкой, которая, по словам врача, была не что иное, как язва в желудке.

После этого прошло более года, и злосчастный колдун не только исповедовался и причащался, но в моей людской избе повесил купленный им образ и жег перед ним лампадку, за неделю же до смерти по собственному его желанию был перевезен к себе домой, в деревню Быковку. По словам его семейных, он настолько страшно страдал перед кончиной, что у него даже глаза выходили из орбит, так что все семейные убежали из избы, и по совету крестьянского схода для прекращения страданий Владимира как колдуна был раскрыт конек избы, открыта печная труба и вбит в передний угол осиновый кол.

Из этого последнего рассказа можно видеть, насколько мало подвинулось в умственном отношении сельское население несмотря на сорокалетнюю свободу от рабства, существующую у нас грамотность и прочие реформы.

В ДНИ КОРОНАЦИИ⁴⁹⁶

О времени, назначенном для коронации 1896 года, было оповещено заранее, и кроме представителей от дворянства, городов и пр. должны были быть назначены к участию в торжестве по одному земскому начальнику от каждой губернии и волостному старшине от каждого уезда. О чем меня уведомил письмом губернатор, добавив, что он желал бы меня, как бывшего в то время земским начальником, видеть представителем от Саратовской губернии, прося при этом откровенно высказаться, если по преклонности моих лет мне это будет затруднительно⁴⁹⁷.

Конечно, в этом случае мне ничего более не оставалось, как отозваться своим полным согласием, но вторичное затем письмо губернатора, в котором уведомлял меня о необходимости быть во время коронации в форме земского начальника, уверяя, что это угодно Государю, поставило меня в крайнее затруднение, так как чиновничьей формы я никогда не носил и имел лишь кроме дворянского мундира на должность губернского предводителя еще военный мундир старой формы, пожалованный мне при отставке за ранами Императором Николаем I, каковой мундир я и носил с добавлением знака и цепи начальника.

Обстоятельство это вынудило меня приобрести непривычную мне чиновничью форму и позаботиться приисканием квартиры в центре Москвы. И как же я был удивлен, когда во время коронации увидел в числе своих сослуживцев из других губерний отставных полковников в военной форме; но делать было нечего, так как со мной ничего, кроме военной фуражки, не было и, на всякий случай, для визитов гражданский чиновничий вицмундирный фрак по бывшей должности предводителя дворянства, который мне, кстати, и очень пригодился впоследствии.

Во время переписки моей с губернатором крестьяне трех волостей моего участка, узнав о моем назначении для присутствования на коронации, представили ко мне приговора, в которых убедительно ходатайствовали испросить особой милости на поднесение от них через своих волостных старшин их величествам иконы. И я, не считая возможным отказать крестьянам в этом

их ходатайстве, честно написал бывшему министру двора графу Воронцову-Дашкову⁴⁹⁸, который, быв крупным помещиком Саратовского уезда, знал меня как бывшего предводителя лично. Письмо это я отослал к графу с одним из старшин и получил в ответ его обещание доложить об этом Государю, добавив, что старшины могут прибыть в Москву с образом одновременно со мной, что и было сделано. Министерство внутренних дел настолько враждебно встретило это обстоятельство, что старшин этих в Москве хотели даже посадить под арест, и буря неудовольствия утихла только тогда, когда по соизволению Государя Императора приказано было не только допустить их к поднесению иконы, но и озаботиться помещением их на все время дней коронавания вместе с прочими волостными старшинами для участия во всех торжествах, так что они также получили и коронационные медали, и царские подарки.

Эти трое моих старшин были люди пожилые и заслуженные, одеты в русское и национальное платье с широкими красными кушаками, обратили на себя некоторое внимание великих князей — и в особенности Мирошников, бывший гвардейский солдат с Георгиевским крестом, который он получил как первый вскочивший на крепость при взятии Горного Дубняка⁴⁹⁹. С ним во время обеда старшин в Петровском дворце даже говорил Государь.

Образ был поднесен их величествам на голубой шелковой пелене и представлял собою довольно большой золотой с эмалью складень в византийском стиле, в середине которого изображен благословляющий Спаситель, в боковых частях складня святые имена их величеств, а вверху Нерукотворный Спас и в маленьких медальонах святые имена родителей Государя. Надпись была вверху: «Мир оставляю вам, мир мой даю вам». А внизу: «Благослови венец, мера благости твоей, Господи, сохраняя в мире помазанника твоего благочестивого Императора Николая Александровича и благочестивую Императрицу Александру Федоровну».

Не стану говорить о великолепии коронационных торжеств, так как о них уже подробно писалось другими. Они превосходили все ранее виденное и представляли чудесное зрелище. Другого разговора в это время не было, как только о царе и царице. Наэлектризованная тем же полиция настолько поддалась общему настроению, что когда однажды во время вечерней поездки по городу для осмотра иллюминации экипаж мой на Троицком мосту не хотели пропускать, несмотря на все просьбы, и даже на просьбу ради бога и Христа, и моя племянница⁵⁰⁰, возмущенная этим, обратилась к полицейским

со словами: «Да дайте же пропуск ради Государя», то после этого только околоточный надзиратель велел пропустить.

Балы, обеды и ужины во дворце сильно меня, старика, переутомили, и назначенный раут в дворянском собрании, где, по заявлению губернского предводителя князя Трубецкого⁵⁰¹, Государь не предполагает быть, так что всем предложено было быть во фраках, я хотел пропустить, но мои семейные, интересуясь каждым обстоятельством того времени, меня уговорили.

И я, облачившись в свой форменный фрак и с костью в руке, приехал в собрание, где князь Трубецкой передал, что на раут предполагает быть генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович с супругой⁵⁰². Там я разговорился с некоторыми знакомыми о моих затруднениях и неудовольствии Министерства внутренних дел по поводу поднесения иконы от крестьян моего участка, за что явившихся старшин хотели даже посадить под арест, как возвещено было о приезде великого князя.

Все присутствующие в зале расступились, дав широкий путь его высочеству, и великий князь, медленно проходя и отвечая на общие поклоны, совершенно неожиданно подошел ко мне и, подав мне руку, стал спрашивать, где я служил, за какое дело получил Георгиевский крест и когда был ранен. Я с улыбкой ответил его высочеству, что все это было недавно, в 40-х годах на Кавказе. Он, в свою очередь, засмеялся, сказав:

— Да, недавно, я еще тогда не родился. И в отставку также вы вышли, верно, недавно?

Когда же я ответил, что в отставку вышел с мундиром и полным пенсией в феврале 1852 года, то великий князь, расспросив подробно, в каком я служил полку, объяснил, что шефом Куринского полка, в котором я служил, состоит его брат великий князь Павел Александрович⁵⁰³, а я в свою очередь сказал, что во время моей службы шефом был наместник Кавказа светлейший князь Воронцов. Рассматривая же надетые мною знаки, полученные за введение различных реформ в царствование Александра II, великий князь спросил, что, вероятно, я долго был мировым посредником, но я ответил, что посредником я не был, а долго служил предводителем дворянства и как уездный предводитель был председателем съезда мировых посредников, добавив, что вместе с тем я по несколько трехлетий был председателем земской управы, председателем съезда мировых судей, а затем служил и в должности губернского предводителя дворянства, так что действительно при моем участии были проведены все реформы, не исключая и городской.

После чего великий князь уже собирался идти дальше, но я сказал:

— Быть может, ваше высочество желает знать, что теперь я собой изображаю?

— Пожалуйста, — ответил он.

И когда я сказал, что я земский начальник Саратовской губернии, он отступил сразу назад и с удивлением спросил, как я решился в мои годы и после почетной службы принять на себя эту должность. Но я объяснил, что сделал это, не стесняясь своей последней должности губернского предводителя, желая отозваться на призыв почившего императора Александра III, который выразил желание, чтобы уездные предводители дворянства хотя бы на первое время приняли на себя обязанности земских начальников. После этого великий князь крепко пожал мне руку и сказал, что так рад меня видеть и что Государю будет приятно узнать обо всем этом, и он вам будет признателен.

Едва только успел отойти от меня великий князь и ко мне стали подходить ранее стоявшие со мной знакомые, заинтригованные этим разговором, особенно смехом его высочества, как издали поспешно подошел ко мне министр внутренних дел Горемыкин⁵⁰⁴, который, пожалв мне руку, выразил сожаление, что я, быв у него, его не застал.

Семь лет спустя, удрученный старческими недугами, я подал в отставку, и бывший в то время министр внутренних дел Плеве⁵⁰⁵, просматривая мой формуляр, представил его Государю Императору, и его величество благоволили пожаловать мне свой большой портрет с собственноручной на нем надписью, в которой, обозначив мое имя, отчество и фамилию, благодарил меня за долголетнюю доблестную службу предводителя дворян и земского начальника⁵⁰⁶. А год спустя, 14 июня 1904 года, в Петергофе во время моего представления Государь пожаловал меня Владимиром 3-й степени, удостоив тут же собственноручно вручить мне эти орденские знаки.

О подробностях милостивого внимания ко мне царской семьи в Петергофе и визит к вдовствующей императрице Марии Федоровне в Гатчине было описано в «Гражданине»⁵⁰⁷.

ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИЕРЕЕВ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ⁵⁰⁸

Саратов, как известно, будучи маленьким поселением, находился в старые времена по другую сторону Волги, выше Покровской слободы, на реке Саратовке, и, перенесенный впоследствии на то место, где он теперь, настолько разросся, что уже в XVIII столетии, при нашествии Пугачева, был губернским городом⁵⁰⁹, хотя духовенство еще долго было подчинено архиереям соседних губерний, почему не буду упоминать об этих епископах, так как мы знали только последнего пензенского — Моисея⁵¹⁰, пребывавшего значительное время в Саратове и затем бывшего экзарха⁵¹¹ Грузии.

При моей жизни Саратов ранее кончался Ильинской улицей⁵¹², и теперешняя Митрофановская площадь, получившая это название вследствие построенного на ней храма во имя Св. Митрофания, была загородной, на которой на большом черном эшафоте наказывали преступников плетью. Центром же города считалась лучшая по постройкам Московская улица, и главной церковью был Старый собор⁵¹³, новый же, ныне существующий кафедральный собор⁵¹⁴ построен только в начале XIX столетия, и крайний дом этой Соборной площади принадлежал моей бабке — Марии Федоровне Дмитриевой⁵¹⁵, которая принимала горячее участие при постройке собора, и не говоря о дорогом престольном одеянии, плащанице с драгоценными камнями, громадных ризах и пр. и пр., она выстроила отдельную колокольню с большим колоколом, и масса серебра в нем дала ему на редкость чудный звук, подобный которому я слышал только в Киеве. А так как, кроме собора, она делала большие пожертвования в церковь мужского монастыря⁵¹⁶, употребив на все это больше 200 000 рублей, то Синод назначил Марию Федоровну Дмитриеву попечительницей кафедрального собора, причислив дом ее к нему приходом, тогда как кафедральные соборы, преимущественно, приходом не имеют, а город назвал улицу, где она жила, Дмитриевской. После же ее смерти улица эта называлась Дворянской, и наконец впоследствии, не знаю, по чьей инициативе, ей дано глупейшее название Большой Кострижной⁵¹⁷.

Эта моя бабка, вдовая и бездетная, не пожелав, чтобы мою единственную сестру отвозили в Смольный монастырь, куда она была зачислена, взяла ее к себе, оставив ей после смерти этот дом, в котором мне и пришлось очень часто видеть посещавших мою бабку, а затем мою мать и сестру местных архиереев, начиная с преосвященного Иакова, о подвижничестве и прозорливости которого я уже ранее говорил в моих записках «Провинциальные типы 40-х годов».

Преосвященный Иаков рассказал моей бабке, что в молодости он был обручен, но невесту его убило громом, что и было причиной его монашества, а так как имя невесты было Варвара, то в память этого бабка сделала в нижней части собора придел Св. великомученицы Варвары, и в день этого престольного праздника как преосвященный Иаков, так и все бывшие затем до последнего времени саратовские архиереи после обедни со всем причтом посещали владелиц этого дома, служа молебен, и делали это также в праздники Св. Пасхи и Рождества Христова.

После Иакова назначен был в Саратов преосвященный Афанасий, бывший ранее ректором Петербургской академии⁵¹⁸, человек с большим образованием, хорошо знавший даже иностранные языки. И скромная обитель Иакова, занимавшего одноэтажный деревянный домик на Царицынской улице, заменена была уже почти дворцом архиерейского дома на Соборной площади⁵¹⁹. Архиерейская служба сделалась особенно торжественной при большом хоре певчих в щегольских одеяниях с золотыми галунами и кистями. Но, к сожалению, преосвященному Афанасию недоставало монашеского смирения, и за его беспокойный характер и частые столкновения с местной администрацией и губернатором Кожевниковым он был перемещен в том же епископском сане в Астраханскую епархию, где впоследствии, уже быв на покое архиепископом, страдал под конец жизни ужаснейшей болезнью, и, как мне передавал наш преосвященный Тихон⁵²⁰, ездивший в Астрахань навестить Афанасия, что он сам видел, как у этого страдальца во время невыносимого зуда тело чесали щетками, и на посланную простыню сыпались из кожи масса мельчайших паразитов, которые обыкновенно у людей водятся только в голове, кисти же рук его, покрытые ранами, были в бинтах.

Следующим после Афанасия назначен был в Саратов преосвященный Иоанникий I⁵²¹ и после него Евфимий⁵²², и оба они оставили по себе хорошую память добрых святителей, заботившихся о церкви и духовенстве, но, к сожалению, болезненному Евфимию не суждено было жить долго, и он похоронен в нижней церкви кафедрального собора. Затем в Саратов был назначен Иоанникий II⁵²³, деятельность которого следует считать вообще

особо выдающейся, так как, помимо его забот как святителя, он был большим администратором и хозяином. При нем умелым способом основан свечной завод и произведена масса построек, не только увеличивших скудное содержание архиерейского дома, но и обеспечивших существование открытого женского епархиального училища⁵²⁴. И кроме того, по его инициативе образована была особая комиссия по улучшению быта духовенства Саратовской губернии, в работах которой и мне пришлось участвовать по должности предводителя дворянства. Этот архипастырь, как известно, был впоследствии экзархом Грузии, затем митрополитом, сначала московским, а потом киевским.

Далее мы видим в Саратове епископа Тихона, который, как замечательный проповедник, ранее был священником одного из самых аристократических кварталов Петербурга, но, лишившись семьи, он принял монашеский сан. Преосвященный Тихон, обладая всеми необходимыми качествами архипастыря и администратора, был в то же время светским человеком, которого любили и общество, и власти.

В своих суждениях о религии он говорил убедительно и просто и, осуждая, например, неверующую молодежь, объяснял, что ежели они отрицают будущую жизнь и вечные муки, то пусть хотя подумают, что ежели действительно все это так, тогда что ждет их? Вера же дает лучшее успокоение человеку.

Он во время своего пребывания в Саратовской губернии неутомимо посещал не только уездные города, но и села, где были церкви, в которых он служил и проповедовал, поэтому его знали как крестьяне, так и помещики. Особенно он любил детей, которых по окончании церковной службы в селениях он отечески ласкал и, благословляя, дарил им крестики и образочки.

Служа много лет предводителем дворянства с конца 50-х годов, я, помимо отношений бабки, матери и сестры к соборному духовенству и архиереям, с последними был в особо хороших отношениях, а с некоторыми из них — почти в дружеских, доказательством чего могут служить сохранившиеся письма ко мне этих архипастырей⁵²⁵; и преосвященный Тихон настолько был хорош со мной, что приезжал ко мне каждое лето в деревню, отдыхая у меня по несколько дней, а однажды даже прожил около двух недель, купался и пил минеральные воды. Когда же он в 1882 году был назначен архиепископом волынским и житомирским, то проводы его в Саратове были необыкновенны: не говоря уже о духовенстве, все и вся с губернатором, предводителями и военным начальством собралось в вокзал, а солдаты, с разрешения своего начальства, выстроились на всем протяжении в две линии от тюремного замка до вокзала и во время проезда его приветствовали громки-

ми криками «ура!»⁵²⁶. Преосвященному Тихону настолько было тяжело расставаться с Саратовом, что, уступая его просьбам, я поехал его проводить до Воронежа, где познакомился с архиепископом Серафимом⁵²⁷, который по желанию преосвященного Тихона поместил нас рядом в комнатах, и благодаря этой поездке я удостоился видеть раскрытые мощи Св. Митрофания и затем в Задонске — Св. Тихона и по совести могу сказать, что видел и поклонился нетленным мощам этих чудотворцев.

После данного Серафимом в честь преосвященного Тихона официального обеда с властями нам до Задонска пришлось ехать на лошадях по шоссе, и в скромном уголке монастырской обители мы провели только сутки, где, поместившись в покоях настоятеля монастыря архимандрита из отставных кавалерийских полковников⁵²⁸, совершенно слепого на оба глаза, и он во время обеда, предварительно принятия пищи, опускал каждый раз палец в кушанье и питье.

Затем, доехав из Задонска до первой железнодорожной станции, мы простились с преосвященным Тихоном. Он до самой своей кончины не переставал писать мне с Волыни, знакомя меня с многими интересными эпизодами своей жизни. Когда же пришлось ему ехать в Киев на бывший там съезд архиепископов, то он настоятельно просил меня туда приехать, что я и исполнил, остановившись у него в келье Киево-Печерской лавры. Высокопреосвященный Тихон в своих письмах обещал мне сюрприз в Киеве, если я туда приеду; и действительно, я нашел там архимандритом и настоятелем лавры моего однокашника по корпусу⁵²⁹. Это был сын помощника инспектора классов Павловского кадетского корпуса — Виктора Андреевича Половцева⁵³⁰.

На этом съезде, под председательством киевского митрополита Платона⁵³¹, присутствовали наши архиепископы разных местностей и бывший тогда обер-прокурор Победоносцев⁵³². Во время же одной литургии мне пришлось видеть в числе наших архипастырей знаменитого сербского митрополита Михаила⁵³³, который в это время жил в Киеве. В этот раз происходило посвящение одного профессора Киевской духовной академии в архимандриты и затем тут же хиротония⁵³⁴ его в епископы⁵³⁵. Церемонию эту нам, светским людям, редко приходится видеть, и она очень интересна во многих отношениях.

В беседах с митрополитом Платоном я находил много интересного, и между прочим он мне рассказал о своем переводе за русофильство из Прибалтийского края на Дон⁵³⁶. В Прибалтийском крае он имел большое содержание, пользуясь которым помог родной своей племяннице-сироте получить хорошее музыкальное образование, и когда на Дону ему пришлось жить на

довольно скудное архиерейское жалованье, то племянница эта Л., сделавшись уже знаменитостью, помогала ему, в свою очередь.

По окончании киевского съезда высокопреосвященный Тихон уговаривал меня ехать с ним в Почаевскую лавру⁵³⁷, где он проводил лето, но я никак не мог по моим служебным обязанностям, и затем это было мое последнее с ним свидание, так как владыка через несколько лет скончался от раны в ногу, отказавшись ее ампутировать.

После преосвященного Тихона в Саратове были епископами Павел, Авраамий, Николай, Иоанн и Гермоген⁵³⁸, — и все они высокочтимые иерархи.

Епископ Авраамий, как и другие, посещал меня в деревне. Он много видел, много знал, и разговор с ним был крайне интересен. Ранее он состоял епископом в Сибири, где не только знал Федора Кузьмича⁵³⁹, на даже и исповедовал его. По наружному виду он казался здоровым, и никак нельзя было предположить, что это будет ненадолго, так как вскоре по приезде моем в город я застал его уже больным, и он умер почти на ногах. За два дня до его смерти я был у него и, отъезжая в деревню, простился и принял благословение, прося обо мне помолиться, но он, в свою очередь, просил помолиться о нем, говоря, что он хотя много моложе меня, но чувствует, что жить ему остается недолго; и действительно, едва я приехал в деревню, как мне дали знать о кончине преосвященного Авраамия, который и похоронен у нас в нижней церкви кафедрального собора.

Епископ Николай был потом назначен архиепископом финляндским, епископ Иоанн переведен членом синодальной канцелярии в Москве, а преосвященный Павел был потом епископом в Пензе и Астрахани и затем жил на покое при Балашовском монастыре Саратовской губернии. Я остановлюсь на нем, так как несколько случаев в Саратове указали на его прозорливость; он, как Иаков, был в полном смысле слова монах-аскет, и только после его перевода в Пензу сделалось известно от его служки, которому он строго запретил говорить, что он носил вериги. Служке же его открылось это обстоятельство, когда преосвященный Павел угорел в бане и находился долго без чувств, почему пришлось выломать дверь, и в белье владыки оказались вериги. Прозорливость же его обнаруживалась часто, и о двух крупных случаях я расскажу, а именно: перед открытием в Саратове Крестьянского банка⁵⁴⁰ было из Петербурга сделано распоряжение, чтобы, до устройства назначенного для него дома, его временно открыли при Саратовском отделении Государственного банка⁵⁴¹, почему бывшие в то время саратовский губернатор Зубов⁵⁴² и управляющий отделением Государственного банка — действительный статский советник Шарбау просили преосвященного Павла отслужить

молебен и освятить это временное помещение, но владыка, закрыв глаза рукой, задумался и затем наотрез отказался, сказав:

— Подождите, а то и сам не поеду, и попа не пришло.

Губернатор и управляющий должны были донести о том, так как без освящения открыть было нельзя, но, не желая, чтобы донесение было похоже на жалобу, составляли целую неделю бумагу, и когда она уже была готова для отправления, то, к общему удивлению, последовала из Петербурга телеграмма о приостановке открытия этого банка впредь до особого распоряжения. Немец Шарбау долго не мог успокоиться, допытываясь, от кого из петербургских властей преосвященный мог узнать о приостановке открытия банка.

Второй случай следующий: в Саратове жил известный старик купец Славин⁵⁴³, который много раз просил преосвященного благословить его дом, и наконец владыка в рождественский пост сказал, что придет к нему есть блины. Вдовая дочь Славина⁵⁴⁴ устроила все, что было возможно для его приема. Уезжая из дома, владыка благословил всех и, положив свои руки на головы маленьких внучат Славина, глубоко вздыхая, грустно говорил:

— Боже мой, Боже мой. Как тяжело вырастить и затем терять таких детей.

А на вопрос Славина, когда он еще осчастливит их своим посещением, ответил, что придет скоро опять на блины. И к общей неожиданности дети эти через несколько дней заболели дифтеритом и умерли.

С преосвященным Павлом я особенно часто виделся — после того, как он прогостил у меня несколько дней в деревне и, проведя это время глаз на глаз, рассказал мне всю свою жизнь с детства, и из всего мною услышанного можно заключить, что редкое смирение присуще было ему с малых лет.

Перед отъездом ко мне в деревню преосвященный Павел предположил побывать в слободе Рыбушке, находившейся от моего имения в двенадцати верстах, где он решил отслужить обедню, для чего и распорядился к воскресному дню отправить туда своих певчих, ключаря, протодиакона и проч. И вот совершенно неожиданно в Рыбушке во всю большую площадь возле церкви его встретили сотни детей в разноцветном хохлацком одеянии, выстроившихся в две линии, а остальная часть площади была запружена религиозным хохлацким населением, так что владыка должен был выйти из кареты и пройти до церкви пешком среди выстроившихся детей, которые посыпали ему путь цветами, что глубоко тронуло владыку. Но это его светлое настроение было омрачено двумя эпизодами, свидетелем которых мне пришлось быть. Первый из них произошел в алтаре, где я находился во время обедни и видел, что владыка много раз делал ключарю знаки головой, заметив, что у него

распахнулась ряса и видно было белье на ногах, а затем, когда владыка, по окончании обедни, уезжая, начал благословлять народ и хотел раздать детям образочки, то таковые, как оказалось, ключарь забыл в Саратове. Это настолько расстроило владыку, что, когда мы сели в карету, уезжая ко мне в имение, он погрозился помогавшему ему сесть ключарю и тихо сказал:

— Отрастил ты себе живот и ничего не видишь и не помнишь.

Ключарь этот действительно был высокого роста и необыкновенно тучный, любивший, как известно, хорошо пожить. Дорогой же владыка вздыхал, на глазах у него были слезы, и он говорил:

— Господи, господи, зачем я так обидел этого человека.

Почему, желая успокоить преосвященного, я без его ведома из деревни послал в Рыбушку за ключарем, и когда он явился, владыка был несказанно рад, благословлял и целовал его.

Как я упоминал ранее, мне пришлось быть в хороших отношениях с архиереями вообще, а с некоторыми в особенности, так что в письмах своих они даже называли меня заветным другом, и преосвященный Павел, будучи на покое, писал, что он мечтает хоть еще один раз обнять меня, своего единственного в жизни друга. Это я и поспешил исполнить, посетив владыку в Балашове, где в расстоянии версты от монастыря находился его домик, окруженный парком. Владыка несказанно был обрадован моим приездом и, выслушав мой рассказ о пожаловании мне Государем Императором большого портрета с собственноручной надписью, в которой он благодарил меня за долголетнюю доблестную службу, и затем о милостивом приеме Государем и государынями, владыка подошел к стоявшему перед иконами у него в гостиную аналою и усердно помолился за Царя и цариц.

После этого мне пришлось преосвященного Павла еще один раз посетить, но я нашел его уже очень слабым, и два года назад он, отслужив обедню, сел отдохнуть в кресло и заснул навеки.

Живя на покое, он немало писал в журнал «Вера и церковь»; и особенно интересна статья его «Несколько слов о судьбе церкви Божьей на земле»⁵⁴⁵.

ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ⁵⁴⁶

Твердое решение почившего Императора Александра III упорядочить жизнь деревни ознаменовалось введением института земских начальников, которые по Саратовской губернии и начали свою деятельность с половины 1891 года.

Небезынтересно будет припомнить это время, когда не только печать, но и многие из высокопоставленных лиц в столице далеко не сочувствовали этой реформе, но непреклонная воля мудрого Государя положила конец всякому в этом случае противодействию, и, желая привлечь к этому серьезному делу более опытных людей, законом представлено предводителям дворянства, послужившим полное трехлетие, занимать эту должность, хотя бы они уже не имели никакого ценза. Такое преимущество дворянским служакам, конечно, было очень лестно, но, тем не менее, весьма немногие из них им воспользовались, так как класс должности земского начальника был ниже уездного предводителя, не говоря уже о лицах, занимавших должность предводителя губернского.

В дни утверждения этого закона мне пришлось быть в Петербурге, где в высших чиновничьих сферах не умолкали толки об этом нововведении, причем часто упоминалось имя князя Мещерского⁵⁴⁷, столбцы газеты которого восторженно возвещали новую эру установления порядков в жизни уездного населения. Когда же я был у министра внутренних дел⁵⁴⁸, то он, рассказав о желании Государя привлечь к этому делу бывших предводителей дворянства, дал мне мысль принять участие и в этой новой реформе, добавив, что класс должности земского начальника для меня не может иметь значения, так как я, желая сохранить свой маленький военный офицерский чин и мундир, полученные при отставке за ранами еще в царствование Императора Николая I, всегда отказывался от гражданских чинов и правительственных должностей, которые мне неоднократно предлагались министрами во время моей продолжительной дворянской службы. После этого я был, в свое время, назначен земским начальником Саратовского уезда.

Губернатором в Саратове служил в то время А.И. Косич⁵⁴⁹; он был моложе меня на шесть лет, и я знал его в Петербурге еще маленьким кадетиком, особенно дружившим в корпусе с таким же карапузом, как он, Косаговским,

которого моя покойная матушка, приезжая в те давние времена в столицу, брала к себе по праздникам в отпуск, почему отношения мои к Косаговскому и оставались всегда дружескими. Он как бывший директор Департамента полиции исполнительной и сохраняя свои отношения к Министерству внутренних дел, знал многое, что там делается, почему и писал мне тогда, что Косич, быв генерал-лейтенантом Генерального штаба, получил место губернатора лишь временно, для ознакомления с гражданскими порядками, как кандидат на должность генерал-губернатора. Косич почему-то считался либералом, но он был до крайности сердечный человек, готовый прийти на помощь каждому в справедливом деле. Он любил молодежь и был прост в обращении, но с членами губернского присутствия и со своим правителем канцелярии обращался как с адъютантами.

По введении у нас земских начальников он установил правильные отношения к ним уездной полиции, которая сначала не могла примириться с мыслью о правах земских начальников направлять урядников и сотских в отсутствие исправника и станového пристава. Во время же начавшейся при нем голодовки он, пригласив земских начальников быть попечителями в своих районах, сделал весьма практичные распоряжения осмотреть у крестьян, просивших правительственное продовольствие, их амбары, закрома, чуланы и погреба, при чем и оказалась масса недобросовестных поступков зажиточных крестьян, запрятавших в мешках свой хлеб, в чем и пришлось мне убедиться лично. Но тут же вскоре А.И. Косич был назначен корпусным командиром, а губернатором в Саратов князь Мещерский⁵⁵⁰.

Порученный мне как земскому начальнику участок, начинавшийся в десяти верстах от Саратова, тянулся на 70 верст и граничил с Камышинскими и Аткарскими уездами. Они состояли из трех волостей, из которых одна, Поповская, заключала в себе 32 сельских общества, кроме мещанских поселков и многих водяных мельниц, принадлежавших разночинцам; затем, не меньшая по числу душ Рыбушанская волость, отказавшаяся у бывшего своего помещика, князя Кочубея⁵⁵¹, взять земельный надел, имела только усадьбную оседлость, и, наконец, Приволжская Синенская волость, расположенная в горах и ущельях, была переполнена раскольниками всевозможных сект, не исключая подпольников⁵⁵². Понятно, что с таким участком справляться было нелегко, и в особенности приняв его в тяжелые годы голодовки и холеры с пустыми запасными общественными магазинами.

Как один из старых помещиков, лично управлявших своими большими вотчинами, я всю дворню свою держал тогда еще на жалованье и, быв во

время эмансипации предводителем дворянства, ратовал за освобождение крестьян, почему та резкая перемена, которая произошла с ними после упразднения мировых посредников, поневоле приводила меня к безотрадным заключениям об их дальнейшей будущности, что было одной из причин отозваться на призыв Императора Александра III и взять на себя в мои преклонные годы обязанность земского начальника.

Дел по этой должности была масса, так как крестьянское население, управлявшееся до того времени одним неперменным членом крестьянского присутствия на уезд, как беспастушное стадо, было распушено до невероятия. Крестьяне выбирали только таких старост и волостных старшин, которые были у них в полном подчинении, и общества держали кабаки или, сдавая их посторонним лицам, пропивали всю выручку, делаясь недоимщиками различных податей, которые, не без разорения для них, при бездействии этих должностных лиц выбивались уездной полицией.

Крестьянская молодежь вытеснила со сходов стариков, и авторитет последних в семействе был совершенно потерян; непечатная ругань не только мужиков, но даже баб и детей постоянно слышалась на улицах. Мужики тех деревень, где не было кабаков, закутив в праздник, нередко продолжали пьянствовать целую неделю, в горячее рабочее время, и длинной вереницей поезда с диким ревом песен неслись вскачь на своих измученных лошаденках, причем бесчувственно пьяные, лежа ничком на телеге со свешенной головой, едва не касались земли своими длинными волосами, и я был однажды свидетелем, как в подобной поездке крестьянин деревни Приют, Леонтий Козуев, осенью прискакав пьяный в деревню, хотел, не выпрягая, взмыленную лошадь загнать для водопоя в речку, и когда менее пьяные крестьяне стали останавливать его, то он, ругаясь, засунул своей единственной лошади под хвост полторааршинный кнутник, поворачивая его в кишках несчастного животного, которое на глазах у всех и сдохло тут же в ужасных мучениях. Вследствие этого началось побоище; жена его со страшной руганью вступилась за мужа и сковородником пробила головы нескольким крестьянам, а муж за то, что баба вмешалась не в свое дело, перерубил топором ей ногу, и чем бы это кончилось, неизвестно, но мне дали знать, и я своим стариковским авторитетом остановил освирепевшую толпу.

Самая нравственность же вообще поколеблена была настолько, что, можно сказать без преувеличения, она до некоторой степени напоминала времена падения Древнего Рима. Что же касается нанесения побоев сыновьями их родителям, то эти случаи часто повторялись и в первые годы при земских

начальниках, которыми за 11 лет сделано очень, очень много для водворения порядка среди населения.

Разврат в хохлацких деревнях, где девчата с 12 лет посещают вечеринки с парубками, уже известен всем, и печать неоднократно затрагивала этот вопрос, но зато родительский деспотизм у хохлов переходит всякие границы, и хотя пьянство у них развито также в ужасающих размерах, но старики в свою компанию молодежь не принимают и держат ее в полном повиновении. Для иллюстрации приведу один из различных случаев во время моей службы: бравый старик, крестьянин слободы Рыбушки, вахмистр кавалергардского полка николаевских времен Запорожцев отдал своего малолетнего сына в учение известному в городе Камышине купцу, в галантерейную лавку, где мальчик этот, обласканный семьей своего хозяина, учился вместе с его детьми грамоте, а возмужав, женился на его богатой дочери. Он лет десять назад явился к своим родителям в Рыбушку совершенно интеллигентным человеком, привезя им значительную дань от своих достатков, так как тесть уже взял его компаньоном в общую торговлю. И что же! Старик Запорожцев настолько освирепел, увидя своего сына полубарином, в бриллиантовых кольцах, что чуть не убил его и, заставляя надеть хохлацкое одеяние, требовал, чтобы он остался у него погонять быков. Сельскому же священнику, который выслал без его ведома сыну метрику для женитьбы, запретил проходить мимо своего дома, а волостному старшине объявил, чтобы впредь не выдавался его сыну вид на жительство. Несчастный интеллигент—крестьянин, оторопев от угроз отца, покорился ему на несколько дней и, переодевшись хохлом, вычистил под родительским надзором двор и хлевы, а затем, воспользовавшись отсутствием отца, прибежал ко мне как к земскому начальнику за 12 верст и просил защиты. Конечно, я сделал все, что в этом случае считал необходимым, вытребовав немедленно для него от волостного правления вид на жительство, с которым он и уехал в Камышин. Усовестить же отца я не мог; он все повторял, что убьет сына, и за дерзкие его выражения пришлось ему посидеть под арестом. После этого недели через две я получил от местного архиерея прошение к нему старика Запорожцева, который, излагая свою жалобу на священника, выдавшего метрику его сыну, между прочим, говорит: «Який это поп? Это — споспешник сатаны. Я родил сына и что хочу с ним, то и делаю».

Властолюбивые хохлы при выборах на разные волостные и сельские должности, не стесняясь сами выходят вперед перед сходом и предлагают себя наперебой с убавкой жалованья, как на торгах, и у них почти никогда и ни-

кого не выбирают более как на одно трехлетие. Старики, несмотря на свое самодурство в семье, очень религиозны, любят грамотность, охотно посещают церковь, выступая в качестве чтецов за обедней Апостола⁵⁵³, но это не мешало им тут же после обедни отправляться в кабаки, которые держали их общества, и предаваться там разгулу. В слободе Рыбушка, например, состоящей из 700 с лишком дворов, о которой я говорю, обществом, до введения земских начальников, пропито кабацких денег около 18 000 рублей кроме всех построек бывшей усадьбы старика князя Кочубея, отданной им под волостное правление, так что затем оставался только один полуразрушенный дом без заборов. Парубки же, которым отцы не дают денег на пьянство, нуждаясь в них для угощения на вечеринках девчат, промышляли средствами иными способами, пробуравивая стены амбаров и выпуская хлеб; что же касается до простых краж, то ими не только переполнен волостной суд, но и на долю мою в первое время приходилось разбирать дел немало. Распушенность такая порождала и тяжкие преступления, как, например, убийство в Рыбушке лавочницы, ограбление местной церкви со взломом дверей, несколько поджогов и еще недавнее убийство одного из самых нравственных и кротких стариков, известного в этой волости Байракова, который был ограблен и с переломанными ребрами брошен в озеро.

Голодовка и холера 1892 года много причинила хлопот земским начальникам, которые, поистине, на первых порах своей деятельности сослужили немалую службу правительству.

В моем участке лучшая доля выпала на Рыбушанскую волость, которая, как безземельная, с пустыми общественными магазинами, очутилась в критическом положении, почему на помощь ей, кроме правительства, пришли еще благотворители: московский купец Сабашников⁵⁵⁴, открывший там даровые столовые, и местный крупный землевладелец, купивший часть кочубеевского имения, Усачев⁵⁵⁵, который не только отпускал каждому нуждающемуся хлеб и даже мясо, но и делал громадные пожертвования крестьянам корма для скота.

Что же касается остальных волостей, Синенской и подгородной Поповской, то им пришлось преимущественно пользоваться лишь ссудой правительственной, которая в самом начале не везде могла прийти своевременно, и помню я, как однажды толпа из сотни человек последней волости, явившись ко мне, галдела за околицей моей усадьбы. Мне доложили об этом, и я, желая узнать, в чем дело, тихо подошел к решетчатому забору моего парка; оказалось, что крестьяне обсуждали вопрос, не разгромить ли им водя-

ную мельницу известного богача мукомола Шмидта⁵⁵⁶, о котором в народе шла молва, что он, будто бы, противозаконно во время таможенной войны⁵⁵⁷ переправлял русский хлеб в Германию.

Толпа уже близка была к исполнению своего намерения и, жестикулируя, злобно посматривала на эту немецкую мельницу, находившуюся вблизи моей усадьбы. Но дело стало за одним: они хотели спросить на это разрешения моего, как начальника, говоря:

— Но подождем, что нам дедушка начальник на это скажет.

Я тут же вышел к народу, разъяснив им нелепость этого преступного намерения, и тотчас же отправил одного из них с бумагой в Саратов, где губернским и уездным земством делалась закупка хлеба для голодающих, так как я как земский начальник отказывался всегда брать на себя денежные операции.

Другой небезынтересный случай был с крестьянами Синенской волости, которые в количестве нескольких человек явились ко мне поздно ночью в сильную метель. Я уже в это время был в постели и, услышав легкий шум на террасе, послал узнать о его причине, а затем, одевшись, позвал крестьян к себе, которые и принесли мне горькую жалобу на жен, что они не дают им ужинать. Это курьезное обстоятельство, конечно, меня рассмешило, и я крестьян велел у себя в кухне обогреть и накормить, но так как причиной такой жалобы являлось недостаточное количество полученного этими семействами хлеба из общественных магазинов, то утром я оказался вынужденным поехать в Синенькие через Рыбушку, за 35 верст, сам, забрав с собой на особой подводе и этих крестьян. Метель была настолько сильна, что мне пришлось в Рыбушке прожить трое суток, пытаюсь каждый день проехать дальше, но, застревая в сугробах, возвращался назад и лишь на четвертый день, с помощью тех же крестьян, которые запаслись уже лопатами и отрывали путь для лошадей, доехал до Синеньких. Там я самовольно распорядился выдачей из общественных магазинов последнего хлеба крайне нуждающимся, не дожидаясь разрешения о том земской управы, и затем, несмотря на свое недомогание, должен был отправиться прямым путем в отдаленные деревни Поповской волости, объезжая которые, узнал от обрадованных крестьян, что они уже получили продовольствие. Тут, прочитав общественные приговоры о новых лицах, нуждающихся в хлебе, мне на старости лет пришлось ползти по подволокам⁵⁵⁸ крестьянских изб, погребам, чуланам и амбарам, осмотреть гумна и скот, для которого доставало корма, который был настолько дорог, что сажень ржаной соломы продавалась от 40 руб. и

дороже. И это нелегкое путешествие меня окончательно свалило, так, что я заболел инфлюэнцей с воспалением легких, почему и лишен был возможности проводить оставлявшего губернию А.И. Косича и даже принять у себя нового губернатора, князя Мещерского, который, вступив в должность, тотчас же делал предварительный обзор губернии. Познакомиться с ним мне пришлось лишь только во время весенней пашни, когда я мог приехать в Саратов. Тут мне дал возможность особо представиться молодому губернатору наш губернский предводитель князь Голицын⁵⁵⁹, с которым ранее одновременно служил дворянству: я в должности губернского предводителя, а он — предводителем в Балашовском уезде.

Эта болезнь моя хотя и имела серьезные последствия, но, благодаря своей крепкой натуре, я пролежал лишь несколько дней и, не желая в такое трудное время обременять своих молодых коллег, должности не сдавал, а, принимая крестьян и должностных лиц, не откладывал даже разбора дел.

Земским врачом в моем участке был в это время доктор Никольский⁵⁶⁰, живший в селе Поповка при только что открытой больнице. Он слыл за социалиста, потому что во время студенческих беспорядков в Петербурге был арестован за то, что, опередив товарищей, догнал карету, в которой везли политических преступников и, переговариваясь, держался за ручку ее двери. Это лестное для некоторых название еще более утвердилось за Никольским, когда к нему съезжались служить с разных концов поднадзорные фельдшерницы, такие интересные во всех отношениях личности, как Стукалич из Белоруссии и Кастели с юга России, а Полянская, дочь землевладельца Смоленской губернии, работала у него в амбулатории даже даром, и эта молодая барышня, усыновив крестьянского мальчика села Поповки, сироту Белова, довела его до университета, где он впоследствии за политическую неблагонадежность сидел в тюрьме. Кроме этих замечательных особ в Рыбушку, его участка, была определена земской фельдшерницей некая барыня Македонова, к которой переехала Полянская. Македонова во время той же голодовки получала по почте из Москвы от какого-то неизвестного комитета крупные суммы для раздачи крестьянам на покупку лошадей, для чего по вечерам она собирала у себя мужиков и вела с ними длинные беседы, направленные против общественного порядка, что не мешало довольно часто посещать ее одному убранному впоследствии из Саратова податному инспектору.

Вскоре после того, как я сделался земским начальником, Никольский, не поладив с земской управой, перешел врачом в другую губернию, а вслед за ним разбрелись и его интересные сотрудницы, и только одна, г-жа Македо-

нова, думала пустить корни в Рыбушке, но, узнав о ее беседах с мужиками, получаемых ею неизвестно откуда крупных суммах, я в первое же мое посещение губернатора передал ему об этом, и князь Мещерский уволил ее в 24 часа. Когда госпожа Македонова получила бумагу о своем увольнении, то она, придя в волостное управление, бросила на пол свой паспорт и тотчас же уехала. По этому паспорту, приложенному к делам моей канцелярии, она значилась мещанкой уездного города Уфимской губернии, хотя выдавала себя за жену члена земской управы Воронежской губернии.

Громадное количество закупленного на стороне земством хлеба при правильной раздаче его, помощь Красного Креста и общественные работы лишали крестьян возможности жаловаться на свои недостатки, но все-таки, несмотря на такую помощь, население не избегло заразных болезней — цинги и тифа, а с весны 1892 года появилась и холера.

Различные инциденты, конечно, все еще продолжались, а непрекращавшееся пьянство в такое тяжелое время заставляло меня несколько раз принимать строгие меры для обуздания разгула и по жалобам баб отбирать у содержателей кабаков приносимый им в мешках последний продовольственный хлеб. В свою же очередь, эта голодовка даже и среди крестьянского населения не отбивала у прекрасного пола страсти к нарядам, и был такой случай, что крестьянин деревни Быковки Тихон, через силу работавший в это время для семьи, повесился в своем хлеве и лишь случайно был спасен от смерти, на которую он решился вследствие настойчивых требований жены сделать ей платье и купить полусапожки со скрипом.

При появлении холеры на совещании при земской управе врачей находился и я, и там были выработаны различные меры против распространения заразы, в числе которых, между прочим, считалось необходимым засыпать известкой в могиле уже забитые гробы, и обряд целования при прощании с умершими признавался нежелательным.

В г. Саратове в это время были сильно озабочены устройством в разных пунктах приемных покоев для холерных, и мне пришлось видеть во время парада войск на Соборной площади крытые фургоны, которые своей особой конструкцией наводили страх на население.

В это время оставалось уже мало стариков, хорошо помнивших холеру 40-х и последующих годов, не говоря уже о холере 1830 года, почему она и наводила вообще панику и особенно на малоразвитую часть населения, чем и воспользовался враждебный к правительству подпольный элемент, подстрекательства которого доводили толпу до преступления.

Холерный бунт в Саратовской губернии в это время, прежде всего, начался в городе Хвалынске вследствие распространения слухов о том, что врачи, будто бы подкупленные правительством, отравляют родники и разносят холеру по домам, почему толпа и начала преследовать городского врача Молчанова и придираться к городскому голове и полиции, намереваясь при этом громить дома чиновников; а так как в это время прибежала какая-то женщина и уверяла толпу, что доктор, быв у нее на дому, побрызгал чем-то стены, после чего и умерла ее дочь, то бывший помощник пристава города Хвалынска Антоновский*, видя, что дело плохо, посоветовал врачу скрыться из толпы, объявил народу, что он дело тотчас же расследует, для чего, взяв с собой эту женщину, он поехал к ней на дом, где, оставив ее, сам, спасаясь, ускакал за 23 версты в село Алентьевку. Доктор же Молчанов, разъяря народ нелепость слухов, продолжал исполнять свой долг, навещая больных по домам, но на другой же день был зверски убит толпой, и труп его оставался на площади до водворения порядка около трех суток, и преосвященный Авраамий рассказывал мне, что будто бы старухи-раскольницы присаживались над трупом и его оскверняли.

Это народное возмущение перешло потом в г. Саратов, где были разгромлены холерные больницы и квартиры врачей, и хотя оно было подавлено вызванными из лагеря войсками, с начальником дивизии Эллисом⁶¹ во главе, но и на этот раз было немало жертв благодаря этой гнусной подпольной агитации.

Мне передавал один студент-медик последнего курса, заведовавший в конце города холерным баракком, тот ужас, который ему пришлось пережить, спасаясь от преследовавшей толпы после разгрома его барака. Он, перепрыгивая через заборы соседних строений, добежал до церкви, в которой и хотел скрыться, но так как церковь была заперта, то, не видя другого спасения и под страхом ежеминутной смерти, быстро влез на приготовленный в колокольне для высокой лестницы в несколько саженей столб, и когда бунтовщики уже послали за ружьем, чтобы ссадить его оттуда, то на помощь ему подоспел местный священник, которому с крестом в руках и удалось образумить толпу и спасти юного медика, приютив его у себя в доме.

Затем волна возмущения передалась уездному населению, и в предупреждении крупных беспорядков, по ходатайству местного начальства, произведе-

* Антоновский, лишившийся этой должности, служил потом полицейским урядником Пристанской волости Саратовского уезда 7-го участка, которым мне приходилось некоторое время заведовать.

дено было в некоторых пунктах прохождение военных команд, а в Сокуре и Корсаковке с помощью войск даже было и наказание крестьян розгами. А так как многие крестьяне моего пригородного участка были участниками саратовского бунта, причем один из них, крестьянин села Сосновки Дмитрий Надеждин, был впоследствии сослан в каторжные работы, то в ближайшей к городу Поповской волости волнение это началось на другой же день.

В деревне Юрьевке крестьяне хотели связать приехавшего из города поохотиться молодого чиновника, в котором они заподозрили доктора, присланного для отравления овощей. Причиной этого подозрения была его охотничья сумка и то обстоятельство, что он, сидя на пороге погреба, смотрел туда, когда баба вынимала ему молоко. Плохо бы пришлось бедняге, если бы в это самое время не проезжал случайно этой деревней полицейский урядник Подчайнов. Он, увидя толпу народа с приготовленными веревками и узнав, в чем дело, стал заверять, что человека этого знает лично и что он совсем не доктор. Тогда крестьяне хотели вместе с ним вязать и урядника, но он как опытный бывший жандармский вахмистр не потерялся и предложил всем вместе привести ко мне этого чиновника. Предложение это понравилось, и мужицкая ватага на нескольких телегах в сопровождении верхового урядника и чиновника на паре почтовых тронулась в путь, но, доехав до большого почтового тракта, перепуганный чинуша велел ударить по своим лошадям и ускакал в Саратов, а крестьяне, не имевшие возможности догнать его, вернулись обратно, отправив ко мне с урядником лишь двух уполномоченных.

Я, выслушав их рассказ, разъяснил им всю глупость их подозрений и ту ответственность, которой они подвергались за насилие, и ограничился лишь этим внушением, отпустив их с миром. После этого как у юрьевских крестьян, так и соседних с ней деревень инцидентов никаких не было, но они почти каждый день появлялись в других местах этой обширной волости. Тут же вскоре мне доложено было о распространяемом слухе, что местный земский врач дал крестьянской женщине внутреннее ядовитое лекарство, которое разорвало бутылку и сожгло ей платье и ногу. Женщина эта тотчас же была ко мне вызвана вместе со старостой и крестьянами той деревни, и так как при осмотре ее никаких ожогов не оказалось, а лишь только пятно на платье от этого лекарства, и бутылка, которую она сама нечаянно разбила о телегу, возвращаясь из больницы, то виновник распространения этих слухов был мною без замедления присужден к аресту.

На другой день вечером полицейский сотский Матусевич, разносивший повестки для вызова на волостной суд, был приведен ко мне толпой разно-

чинцев хутора Трековки, заподозривших его в отравлении родника, из которого он вздумал напиться. В числе разночинцев были колонисты, и только по их уговорам сотский не был избит и связан.

Едва я успел побывать сам в этой Трековке и успокоить ее разношерстное население, как ко мне явились крестьяне деревни Неклюдовки с заявлением, что их пастухи видели, как проезжавшие без кучера двое хорошо одетых молодых людей останавливались у Неклюдовского большого родника, из которого население берет воду, и что-то в него высыпали. Я сейчас же отправился на место происшествия и произвел дознание, по которому и оказалось, что, действительно, какие-то двое неизвестных проезжали по направлению из Саратова в Дмитриевку и, соскочив с маленького экипажа, высыпали что-то белое в родник, что подтвердили не только неклюдовские пастухи, но и двое немцев, пасших шмидтовский скот и видевших это с другой стороны реки Латрык, причем около родника даже остались следы просыпанного порошка, похожего на соду. Что затем было делать при таких обстоятельствах?! Я объяснил им, что эти проезжавшие были не что иное, как злонамеренные люди, старавшиеся всюду вызвать народное возмущение, и что родник отравить довольно трудно, и в доказательство велел принести стакан, из которого при народе и выпил воду. Насколько же крестьяне были напуганы этим случаем, видно из того, что они не брали воду из родника до другого дня, пока не удостоверились, что я жив и невредим.

С появлением холеры в Саратове я сделал распоряжение волостным правлениям зорко следить за эпидемией в участке и доносить мне о каждом холерном случае, для чего они постоянно и объезжали деревни. Частые поездки старшин до этого времени были делом обыкновенным, но тут и это показалось крестьянам подозрительным, и среди населения был распушен слух, что местный земский врач в сопровождении поповского старшины Григорьева и волостного писаря Крюкова ездят по деревням для отравления и уничтожения на огородах капусты. И вот является ко мне перепуганный Григорьев с докладом, что накануне крестьяне деревни Сосновки в количестве более 200 человек мужиков и баб, вооружившись кольями и вилами, ждали его в полуверсте от Сосновки на дороге в Злобовку.

Немедленно отправившись туда, я обнаружил, что когда Григорьев с волостным писарем проезжал через Злобовку, то там у местного землевладельца⁵⁶² в его обширном хозяйстве садоводства и огородничества рабочие продергивали разные рассады, вспрыскивая некоторые из них табачным раствором, что и видел проезжавший мимо этой усадьбы в Сосновку крестья-

нин деревни Вязовки Василий Глухов, который и взбулгачил⁵⁶³ крестьян нелепыми рассказами, придумав, что вместе с старшиной был там и доктор. Крестьянина этого я вытребовал и в присутствии старост и уполномоченных села Сосновки, слышавших от него эту чепуху, присудил его за распускание ложных слухов к 30 дням ареста.

Тут же я узнал, что две бабы этого села, находившиеся в Саратове во время бунта, набрали на улицах при погроме холерных больниц два мешка разного больничного имущества. Я вытребовал их на площадь, и мешки эти с солдатскими кителями и холщовыми занавесками от окон были при народе сожжены, а бабы эти сидели три дня под арестом.

Холера появилась наконец и у меня в участке, но крестьяне, скрывая заболевших, избегали врача и фельдшеров и, обращаясь к духовенству лишь после смерти, почему после доклада о том старшины и заявления земского врача г. Ерихова, который только что перед этим временно принял участок и по-бывающему, без семьи, жил при поповской больнице, пришлось на всякий случай приготовить в разных пунктах помещения для холерных, и, за неимением в это время достаточного количества фельдшеров, взят был даже для деревни Золотой Горы Рыбушанской волости уволенный земством за пьянство отставной военный фельдшер Соловьев, который в это время занимался только кладкой из дикаря⁵⁶⁴ на глине заборов. Причем в Золотой Горе, не найдя подходящего помещения, я под личной денежной ответственностью велел отпереть назначенный к продажам пустовавший дом одного почетного гражданина⁵⁶⁵, находившегося в г. Баку.

Тут, к несчастью, в ближайшем земском участке крестьянами Вязовской волости сожжена была земская больница, что сейчас же и отразилось на Поповской волости: мужики, из боязни отравления тайно поставив караул к большому больничному роднику, из которого пользуется водой вся Поповка, пришли к доктору и потребовали, чтобы он, если желает остаться живым, немедленно уехал. Доктор на другой день, приехав, заявил мне об этом неприятном случае, и хотя я предлагал ему переехать из больницы ко мне, но он, стесняясь поставить меня в затруднительное положение, поневоле на время отбыл в Саратов. Дознать же, какие именно приходили к нему мужики, я не мог, потому что доктор, как человек новый, их не знал.

После этого мне пришлось остаться в участке совершенно одному, так как лучший в губернии саратовский уездный исправник Гребенчуков⁵⁶⁶, болевший ранее, получил еще до холеры отпуск и был на водах, пристав же, к счастью, не показывал и носа, и я, постоянно получая от земской управы

письменные уполномочия нанимать санитаров, которых достать было на этот раз очень трудно, вытребовал наконец из города в свое личное распоряжение фельдшера с медикаментами, которого и поместил в деревню Быковку, находившуюся в одной версте от моей усадьбы; но и этот последний, не успев начать своей деятельности, был с такими же угрозами оттуда прогнан крестьянами. Перепуганный фельдшер с котомкой на плечах тут же явился ко мне в сопровождении всей деревни, которая, упав на колени, убедительно просила меня, во избежание несчастья, убрать его от них, что сделали и крестьяне деревни Приют, где моя усадьба, когда я фельдшера хотел оставить при себе, и не удовлетворить это ходатайство при существующем брожении среди населения я не находил возможным.

Но ввиду доклада о том, что в Сосновке сильно распространяется холера, я счел нужным поехать туда лично, посадив к себе на козлы старшину и взяв полицейского урядника Подчайнова и земского фельдшера Зубова. Подчайнов, в это время не успев еще сам вполне оправиться от холеры, явился верхом, с шашкой через плечо и с закутанным животом большой шалью сверх полицейской формы. Находившиеся на площади крестьяне, увидев издали мое появление, попрятались на этот раз по домам, и оставались только староста и полицейский сотский, которых я и стал расспрашивать о больных и вновь умерших, но добиться толку у них мне не удалось, так как и полицейский сотский был также из местных крестьян. К счастью, в это время подошел ко мне старик и, под видом просьбы подавая мне свернутый лист чистой бумаги, моргнул глазами в сторону своего сельского начальства; я понял и отошел с ним подальше, где он и назвал мне многих холерных больных, и я, чтобы не выдать старика, объявил, что буду обходить все дворы подряд.

Обходя деревню, я в одном дворе нашел лежащего в избе лет 30 мужика в ужасных судорогах, и подостланный под ним войлок был весь в его извержениях. Мужик так страшен был в своих мучениях, что бабы и дети даже выбежали на двор, и возле него оставались только двое его старших братьев.

Фельдшер Зубов, 20-летний юноша, незадолго перед этим кончивший Голицынский школу при воспитательном доме⁵⁶⁷, сбросил с себя свой опрятный сюртучок и, засучив рукава, стал оттирать больного, а я поехал в другой конец селения, где в это время старшина Григорьев нашел лежавшую под навесом умирающую 15-летнюю девочку, окруженную толпой подростков. Ее родные старались меня заверить, что она хворает давно и холерой не болела, хотя посторонние удостоверили, что у нее была рвота, почему я и по-

слал свой экипаж за фельдшером, но посланный вернулся, не достучавшись, и объявил, что там в избе происходит что-то неладное. Тогда я тотчас же поехал сам, и только после приказания моего ломать дверь ее отворили, и глазам моим представилась следующая картина: смертельно бледный Зубов, дрожа, поднимался с колен, а двое здоровенных мужиков стояли в угрожающих позах, и около них валялся топор. Оказалось, что обморок, в который впал больной, они приняли за смерть и хотели расправиться с фельдшером, если их брат не оживет. Тут, по своей вспыльчивости, я сам не помнил себя и разразился на этих безумцев до невероятной степени, так что они, опешившие, сами стали на колени. Крестьяне эти, однако же, у меня в тюрьме не сидели, хотя Зубова тут я уже более по избам не посылал, выдав этому бедняку из собственного кошелька в награду 10 рублей.

Видя такое отношение темной массы населения к врачебной помощи и имея факты о действии на него злонамеренных людей, я, стараясь воздержаться от строгих мер, потому что смотрел на крестьян в этом случае не как на преступников, но как на неразумных детей, решил собрать волостные сходы, чтобы разъяснить все то, что, по моему мнению, было необходимо.

И вот через несколько дней, оправившись от холеры, в которой меня самого едва оттерли, приехав в село Поповку, нашел там полный волостной сход. Тут я разъяснил крестьянам о их заблуждениях, сказав между прочим, что я — старик, и смерть мне вовсе не страшна, почему и буду постоянно объезжать деревни несмотря на народное возмущение, и если даже крестьяне меня в своем безумстве убьют, то я буду очень рад положить голову на службе Царю и Отечеству, чем в старчестве сгнить на постели. «Вас, дураков, лечить заставлять не буду, умирайте, коли хотите, но я должен вам разъяснить, что доктора и фельдшера, кроме добра и пользы, ничего вам не желают и не делают, родников не отравляют, а вся эта смута исходит от подпольных врагов Царя и правительства, что холера есть наслание Божие за наши грехи». После этого из толпы раздались голоса:

— Верим тебе, батюшка, верим: ты обманывать не будешь, потому что сам одной ногой стоишь в гробу; как еще тебе, старику, Бог помог от холеры оправиться?

Тут же я распорядился поднять иконы, пригласить священника и отслужить на площади молебен с коленапреклонением об избавлении от этого наслания.

После чего крестьяне доверчиво начали обращаться ко мне с разными вопросами и рассказали, что когда накануне бунта были в Саратове, то в

трактире сами слышали от каких-то приезжих чиновников, из которых один был даже с медалью в петлице, что правительство, будто бы, тайно отдало распоряжение врачам отравлять воду и изводить крестьян, так как их расплодилось много, а земли на них становится мало, причем начальству и, особенно, полиции велено врачам содействовать. Я разъяснил им, что это-то и есть те самые злонамеренные люди, которые бунтуют народ и убивают царей, при этом разрешил каждого, который будет говорить такие вещи, хоть бы на нем были не только медали, но и ордена, связывать и представлять в городе к губернатору, а в участке — ко мне.

В этот же день в Поповке, посещая некоторые дома заболевших, я увидел двух осиротевших малюток, которые ползали как щенята, около завалинки избы, где только что умерли их мать, отец и тетка. Сирот этих тут же урядник Подчайнов одел в рубашонки своих детей, а старшина Григорьев взял их к себе до прибытия из Самарской губернии их деда, которому, по моему приказанию, сейчас же дано было знать. Умерший отец этих крошек был нанят в пастухи поповским обществом.

Холерного возмущения в двух остальных волостях моего участка не было, хотя в мой приезд в слободу Рыбушку, 20 июля, в один этот день заболело холерой 52 человека. Больные валялись где попало: на дворе, в погребцах⁵⁶⁸ и под навесами, и, обходя дворы, я заставлял сотских отправлять их в особое для холерных помещение, которое на этот раз было настолько переполнено, что фельдшер Вельминецкий с трудом мог отворить для меня дверь, так как и за нею в корчах, даже на полу валялись больные.

Это мое путешествие не прошло мне даром, и я вторично был болен холерой, но, пролежав несколько дней, должен был поехать в Синенькие.

Синенская волость в крепостное право принадлежала в большинстве к помещичьим крестьянам и вся вообще была православная, но в 30-летний период до введения института земских начальников обратилась в раскол всевозможных сект, не исключая подпольников, называемых в народе странствующими и душителами, религиозный фанатизм которых доходит до того, что они, желая умирать мучениками, дозволяют во время болезни прекращать свою жизнь задушением, накладывая на лицо подушку, когда, по их мнению, больному при слабом дыхании остается недолго жить.

Операция эта тайно производится в подпольных помещениях, откуда исполнители этого обряда, покончив с жертвой, выходят наверх к семейным и объявляют, что больной преставился; тогда все спускаются вниз и начинают кадить покойника ладаном, но где затем хоронят этих подпольников, найти

не представлялось никакой возможности, и предположение, что их зарывают в садах под яблонями, в больших подбитых кругах, при исследовании не оправдалось. Лет же 20 назад в Царицынском уезде в весенний разлив Волги найден был гроб, примерзший к льдине; при вскрытии гроб оказался весь набит гвоздями, которыми находящийся в нем труп был сильно изранен, и это, говорят, будто бы способ смерти подпольника великомученика.

Когда я, в качестве земского начальника, принял участок и в Синенской волости производил выборы волостных судей, то церковь там оказалась запертой около двух лет, и уже для треб немногих православных приглашался священник из соседней волости, почему и на этот раз в Синеньках был вызван рыбушанский священник. Пустовавший храм, когда его отперли, поражал своим запустением, сырой, затхлый воздух, несмотря на летнее время, вызывал дрожь, а пыль, паутина и обгнившие подоконники в алтаре производили тяжелое впечатление. В числе вновь избранных судей оказался один старообрядец австрийской секты⁵⁶⁹, о чем и было мне заявлено, но тот, сказав, что хотя он и австриец, но такой же православный, тут же принял присягу и поцеловал не только крест и Евангелие, но и руку священника, что всегда делали и другие австрийцы при выборе их на должности. Крестьяне же, принадлежавшие к прочим вредным сектам, мною в выборных должностях вообще не утверждались.

Странно мне, старику, было видеть Синенскую волость раскольничьей, которую я, как старый помещик знал православной, и ввиду того, что эти новые раскольники не принадлежали к отписным⁵⁷⁰, я решил попытаться привлечь их снова к православию, почему, узнав о существовании хорошего миссионера из простолюдинов Саратовской губернии, Ледовского, который, испытав всевозможные секты и быв начетчиком воскресных молокан⁵⁷¹ и священников австрийской секты, принял, наконец, православие, затем долго миссионерствовал и потом был посвящен в священники, я просил преосвященного Авраамия назначить его в Синенькие. Из разговоров со стариками раскольниками я понял, что главное их неудовольствие против нашего духовенства заключалось в курении последними табаку и в поборах за всякие требы, почему, переговорив об этом с отцом Ледовским, я добился согласия всей волости назначить ему и причту достаточное, по его мнению, жалованье с обязательством уже не брать ничего за требы.

Ввиду же того, что подпольники скрывали своих умерших, для чего предварительно брали для заболевших паспорта на отлучку, нередко действительно отправляясь в бега от появившегося антихриста, я распорядился впослед-

ствии составлением подробного списка этих сектантов, приказав волостному правлению при каждой их просьбе о паспорте удостоверяться о состоянии здоровья, где просители окажутся труднобольными, ставить караул до их выздоровления или смерти, что само собой препятствовало устраивать мучеников и великомучеников и волей-неволей заставляло хоронить умерших в особо отведенном для них кладбище. Распоряжение это было вызвано, кроме того, еще и тем обстоятельством, что до моего назначения исчезли бесследно из числа подпольников прямо со службы волостные старшины Иван Кузьмин Иноземцев и Григорий Яковлев и волостной судья Сергей Андреев Иноземцев. При мне же, во время дифтерийной эпидемии 1894—1895 годов, исчезло бесследно около сотни детей, и, несмотря на зимнее холодное время, подпольники брали паспорта на такую же вечную отлучку как для малолетних, так и для дряхлых стариков и старух.

Раскол в безначальное время проник и в другие волости моего участка, и в деревне Злобовка была при мне обнаружена тайная раскольничья школа беспоповской секты⁵⁷², душой которой оказался местный сельский староста Кузьмичев, человек настолько порядочный, что даже допускался мною к исправлению должности поповского волостного старшины. Он тайно собирал к себе крестьянских детей под видом обучения их грамоте, пригласив для этого учителем ярого раскольника этой секты из Хвалынска. Вследствие этого и были приняты все меры к открытию в Злобовке земской школы, а устраненный от должности Кузьмичев вскоре с семейством переселился на Кавказ.

Другой не менее серьезный случай произошел в Рыбушанской волости, где деревня Сергеевка, находясь в 20 верстах от Рыбушки и в трех верстах от большой немецкой колонии Норки, настолько затруднена была посещать свой храм в слободе Рыбушке, что начала ходить в норкинскую кирку и, понимая до некоторой степени язык колонистов, слушала иногда проповеди пастора, последствием чего и было появление в Сергеевке, в лице местного крестьянина Головкова, ярого проповедника учения баптистов. Головков еще мальчиком был отдан в Норки для обучения слесарному мастерству и так пропитался там неметчиной, что даже по наружному виду совершенно преобразился в колониста.

Узнав, что этот проповедник собирает в Сергеевке по субботам крестьян для объяснения им, по-своему, Священного Писания, я вызвал его к себе и, лично убедившись в извращенном толковании им Библии и в его упорном фанатизме баптиста, прочел ему закон о наказании, которому он мог

подвергнуться за соращение православных. После этого Головков навсегда уехал в Америку, а я стал хлопотать перед Синодом о постройке в Сергеевке церкви-школы⁵⁷³, тем более что хохлацкое безземельное население Большой Сергеевки, будучи в душе религиозным, посещает, за дальностью расстояния, свой храм большею частью только два раза в жизни: при крещении и венчании.

В это же время по той же Рыбушанской волости мною приняты меры к постройке церкви-школы в деревне Золотой Горе, которая находится от Рыбушки в 12 верстах, а от немецкой колонии Студенки в полуверсте, и церковь-школа там, при небольшой денежной помощи местного епархиального начальства и при горячем участии священника отца Владыкина⁵⁷⁴, уже выстроена из кирпича и имеет грандиозный вид настоящего храма.

Незадолго до оставления мною этой службы в соседнем уезде появилась совершенно новая секта «ротозеев», которые, исповедуя сами себя, становятся затем на открытом воздухе и, смотря на небо и раскрыв рот, ожидают сошествия в них духа святого, что заменяет им причастие.

Затем возвращаясь к порядкам, которые до земских начальников велись в крестьянских обществах, где преимущественно выбирались старшины и старосты совершенно безличные и слабые люди, мирволившие мужикам, и даже пьяницы, я хочу указать, как трудно было более энергичным из этих должностных лиц исполнять свои законные обязанности. У них жгли дома и пр. и даже покушались на их жизнь, как, например, в селе Сосновка у бывшего волостного старшины Пяткина три раза были сожжены дома, а у старосты Волкова два раза молотильный сарай с хлебом. В старшину же Григорьева, когда он ночью проезжал из Сосновки в Поповку, стреляли из ружья, а затем, уже при мне, в первое время, однажды облили керосином стены его большого амбара, наполненного пшеницей, и также сожгли. В Синенской волости сожгли дом старосты Андреева, а в Рыбушанской несколько раз поджигали строения бывшего волостного старшины и председателя волостного суда Байракова. Подобное разорение потерпели и многие другие должностные лица, и все они были трезвые и вполне честные и порядочные люди. За время же земских начальников, когда пьянство на сходах и волостных судах почти прекратилось, подобные преступления стали очень редки.

Ради курьеза приведу пример, какие старшины также были желательны для крестьян. В Синенской волости при вступлении моем в должность старшиной был Патрикеев, человек хотя честный и даже до некоторой степени трезвый, но совершенно безграмотный и бессловесный. Когда ему приходи-

лось отправляться ко мне с разными приговорами и прочими бумагами, то все эти бумаги писаря клали в сумку и, чтобы он не растерял их дорогой в поездке на волостных лошадях с колокольчиком, сумку эту крепко привязали к поясу Патрикеева, так что мои служащие с трудом могли освободить его от этой ноши, и Патрикеев, не помня хорошенько содержания бумаг, которые ему прочитывали в волостном правлении, каждый раз изображал при докладах мне какого-то из себя шута.

Хотя все бесполезные и вредные должностные лица были устранены и новый выбор их крестьянами производился потом более правильно, но для земских начальников все еще оставался нелегкий труд укрепить в народе чувство законности и должного отношения к бережливости их же собственного общественного добра, которое, главным образом, заключалось в запасах магазинах хлеба на черный день.

Едва крестьянам удавалось в урожайный год пополнить сколько-нибудь общественные амбары, как они тотчас же при посевах торопились снова их разбирать, составляя о том приговоры, и с помощью заинтересованных в том ходатаев, у которых они снимали землю, получали на это разрешение земской управы; такой случай даже имел однажды очень серьезные последствия.

В 1898 году я получил от губернского присутствия бумагу за подписью вице-губернатора⁵⁷⁵, который, за отпуском князя Мещерского, исправлял должность губернатора. В этой бумаге говорилось, что до сведения губернского присутствия дошло, что я будто бы задержал общественный приговор деревни Злобовки о ходатайстве крестьян получить из общественного магазина необходимый хлеб для ярового обсеменения полей и на посыпку лошадям во время весенней пашни, причем было добавлено, что подобного рода ходатайство могло быть разрешено только губернской земской управой, которой земские начальники и должны предоставлять приговоры.

Конечно, я не замедлил исполнить это предложение, разъяснив в то же время как в заключении моем на полученных затем общественных приговорах, так и в особом представлении губернскому присутствию, что последний урожай злобовских крестьян был настолько обилен, что с десятины взято ими более 80 пудов овса и ржи и до 120 пудов пшеницы и что это разрешение злобовским крестьянам может повлечь за собой ходатайства о том же других деревень, где урожай был немного хуже, а главное, что до этого предложения губернского присутствия я никаких приговоров не получил, но разъяснил лишь старостам, в числе которых был и злобовский, что вследствие обильного последнего урожая они не могут рассчитывать на мою поддерж-

ку в их ходатайствах получить хлеб из магазинов. Отпуск же хлеба из этих магазинов на посыпку лошадям законом не был предусмотрен, так как магазины эти предназначены были исключительно для народного продовольствия.

Несмотря на это, однако же, земской управой ходатайство злобовского общества было удовлетворено, а равно также и двух других обществ: юрловского и отрадинского, после чего, как я предвидел, посыпались о том же приговоры от всех крестьянских обществ трех волостей моего участка; но в это время вернулся из отпуска губернатор, князь Мещерский, который, рассмотрев мою переписку с губернским присутствием, уведомил меня, что мои действия по этому поводу были вполне правильными и согласными с постановлением губернского земского собрания, и, по его настоянию, все прочие ходатайства крестьян моего участка о выдаче им из магазинов хлеба удовлетворены не были.

Но несправедливая выдача злобовскому обществу хлеба повлекла за собой ропот крестьянского населения и привела к тому, что большое, богатое и беспокойное общество села Сосновки сбilo замки у своих общественных амбаров и разобрало хлеб, кому сколько хотелось, несмотря на то что некоторые из крестьян сами перед этим продавали до 1000 пудов пшеницы, а один, более других взявший хлеба, продал даже излишнюю, своего завода, лошадь за 300 руб.

Обстоятельство это было настолько серьезно, что я должен был поехать в город и переговорить об этом с губернатором и прокурором окружного суда, после чего во избежание крутых мер решено было подействовать на крестьян сначала увещанием, для чего, возвратившись в участок, я велел собрать сход сосновского общества, и так как губернатор разрешил мне в случае неуспеха водворить порядок, прислать к нему одного из главарей для заключения в тюрьму, то я распорядился нарядить в Сосновку из волостного правления парную подводу с полицейскими сотскими.

И вот на площади, где я всегда говорил с народом, я нашел полный сход крестьян, за которыми толпилась масса баб и старух. Мужики хотя и встретили меня, по обыкновению, без шапок, но их вызывающий вид лишил надежды окончить это дело с ними так же благополучно, как это мне удавалось ранее, что и оправдалось тут же полным их отказом возвратить немедленно в магазины разобранный хлеб. Тогда я одного из более дерзких, крестьянина Комарова, велел сотским отвести к приготовленной подводе, находившейся в отдалении на той же площади, объяснив, что он, по распоряжению гу-

бернатора, отправляется в город для заключения в тюрьму. Но сельский сход, не допустив Комарова подойти к подводе, бросился за ним с криком, что они не дадут его и что пусть их всех сажают в острог.

Такое необычное для меня отношение ко мне крестьян вызвало твердое намерение оставить службу земского начальника, и так как крестьяне не знали, что я получил заграничный отпуск, отложенный лишь временно, по моему ходатайству, министром, ввиду необходимости уладить это дело, я подошел к возбужденной толпе, окружавшей Комарова, и объявил, что более к ним как начальник не возвращусь, добавив, что вместо благодарности за все сделанное для них во время моей службы, в продолжение которой я не только не допускал телесных наказаний по приговорам волостных судов, но даже и не ударил ни одного крестьянина по карману денежным, по 61—62-й ст[атьям], штрафом, заменяя каждый раз штраф арестом в свободные от крестьянских работ дни, они, крестьяне, оплатили мне неповиновением закону, даже возмущением. Затем, сев в поданный мне экипаж, я с ними простился, но едва лошади тронулись с места, как образумившаяся толпа бросилась вперед и, остановив лошадей, просила не оставлять их, а так как я долго на это не соглашался, то они, отворив дверцы моей старинной дорожной коляски, почти насильно заставили меня из нее выйти, причем некоторые крестьяне даже целовали мои руки, а Комаров со слезами, став передо мной на колени, громко заявил, что он немедленно отправляется в тюрьму, лишь бы я не уходил из начальников. Все это настолько тронуло меня, старика, что я, наконец, снова подошел к тому месту, где всегда ставились на площади для меня стол и кресло. Тут я твердо объявил, что разобравшие самовольно хлеб обязаны по закону засыпать его в общественный магазин в двойном против взятого количестве и что, кроме того, все присутствовавшие на сходе за неповиновение подвергаются мною трехдневному аресту, по поводу чего я и составил постановление. Крестьяне постановление мое выслушали безропотно и, провожая меня, кричали, что будут молиться Николаю-угоднику, чтобы я вернулся из-за границы живым и здоровым. (Крестьяне знали, что я собирался за границу для поклонения мощам Св. Николая в Барах⁵⁷⁶.)

Комарова, конечно, я в Саратов не отправил, а по возвращении из-за границы отменил и назначенный сосновскому обществу арест, так как разобраный хлеб был пополнен в указанном количестве.

Такие хорошие отношения крестьян к земским начальникам, много сделавшим для населения, хотя иногда и нарушались временно, как, например,

тем же сосновским обществом, которое несправедливо было недовольно мною за протест против их приговора относительно лишения надельной земли стариков солдат царствования Николая I, прослуживших за это общество 25 лет, или рыбушанскими крестьянами за мое настоятельное требование выстроить, по распоряжению правительства, волостную тюрьму, вместо простой крестьянской избы, хотя тюрьма эта строилась без всяких сборов с рыбушан, а на деньги, полученные ими от сдачи питейного заведения, но все эти недоразумения со временем стухевались, и честная душа русского крестьянина отзывчиво спешила высказать благодарность своим уходившим со службы, начальникам.

В сентябре 1902 года, удрученный преклонным возрастом, я вышел в отставку, после чего и получил несколько приговоров крестьян и должностных лиц, в которых крестьяне перечисляли все сделанное в участке за время моей службы, как то: постройку везде, где было нужно, прекрасных зданий, земских школ, открытие почти во всех деревнях школ грамоты, устройство общественных магазинов, переполненных запасным хлебом, доходившим в некоторых деревнях свыше двойного количества против установленной нормы даже по наличным душам обоего пола, постройку амбулатории, пожарных сараев, при полном обзаведении пожарным обозом, и прочее, прочее, причем везде упоминалось о недопущении мною в продолжение 11-летней службы земским начальником ни одного случая телесного наказания и о неналожении административно ни на одного из крестьян и должностных лиц столь обременительного для них денежного штрафа⁵⁷⁷. Кроме этого, мне поднесены были иконы с надписью благодарности мне крестьянского населения за отеческие к нему отношения.

А духовенство Синенской волости с благочинным во главе благодарило меня в адресе за попечения о нуждах его и церкви, в лоно которой за это время вернулась масса раскольников, так что приглашен был даже второй священник с причтом, которому крестьянами также положено жалованье, и выстроены дома, и, кроме того, была собрана значительная сумма на постройку новой каменной церкви.

Вся же вообще служба моя увенчалась затем особой ко мне царской милостью при нижеследующих обстоятельствах: когда я после 11 лет моей последней службы в должности земского начальника подал в отставку, то бывший саратовский губернатор Энгельдардт⁵⁷⁸ ввиду вообще моей продолжительной службы счел нужным уведомить об этом министра внутренних дел с представлением моего формулярного списка, в котором значилось, что я вступил

в военную службу на Кавказе в 40-х годах, где получил Георгиевский крест и был тяжело ранен, почему в мае 1852 года указом Императора Николая I пожалован при отставке мундиром и полным пенсионом, и что затем, с конца 50-х годов по 1877 год, нес общественную службу в должности предводителя дворянства, сначала уездного, а затем и губернского, был одновременно по несколько трехлетий председателем земской управы и председателем съезда мировых судей. При этом губернатор добавил, что я имею все ордена, которые может получить земский начальник, и что от гражданских чинов я отказывался, желая сохранить свой маленький военный чин подпоручика, пожалованный Николаем I, хотя еще в 1872 году должен был за прослужение узаконенных сроков по выборам получить чин статского советника. А так как за время моей службы предводителем дворянства при моем участии проведены были все реформы царствования Александра II, не исключая городской, где под моим председательством работала два года особая правительственная комиссия по пересмотру Саратовского городского положения, высочайше утвержденного в 1839 году Императором Николаем I, то министр внутренних дел, потребовав, вместе с тем, второй экземпляр моего формулярного списка, доложил обо всем вышеизложенном Государю Императору, вследствие чего его величество в своем милостивом внимании пожаловал мне свой портрет с собственноручной надписью, в которой благодарил меня за долготелю доблестную службу предводителя и земского начальника.

После этой необычайной царской милости я решился ехать благодарить Государя, но болезнь, при моей старости, задержала меня, о чем я тогда же письмом просил министра внутренних дел доложить его величеству, объяснив, что, несмотря на мои преклонные годы, я, однако же, не теряю надежды иметь еще это счастье.

Спустя год, оправившись от болезни, я приехал в Петербург⁵⁷⁹, где никого не застал из моих родных и знакомых, кроме члена Государственного совета М.Н. Галкина-Врасского, плодотворная деятельность которого в Саратовской губернии сроднила с ним каждого саратовца, и беседы с ним, как и всегда, доставили мне большую отраду. Тут я узнал, что со дня на день ожидается отъезд Государя в Пензу и в другие губернии для осмотра войск, отправляющихся на Дальний Восток, почему и поспешил быть 8 июня у министра внутренних дел для исходатайствования мне представления у Государя Императора.

Вячеслав Константинович Плеве жил в это время на министерской даче на Аптекарском острове, и я попал к нему как раз в то время, когда он толь-

ко что вернулся с похорон генерал-губернатора Бобрикова⁵⁸⁰, и мне объявлено было, что у министра в этот день приема не будет. Озадаченный этим обстоятельством, я уже терял надежду представиться Государю, но пожилой дежурный чиновник, узнав мою фамилию и то, что я приехал благодарить Государя за пожалованный портрет, тотчас же доложил министру, который меня и принял.

Плеве я ранее не знал и даже никогда не видел, но слышал ото всех, что он самый сухой и неприветливый человек, почему и решил ограничить это наше свидание кратким ходатайством испросить для меня представление Государю.

Но, к моему крайнему удивлению, Вячеслав Константинович принял меня не только любезно, но даже с какой-то теплотой и сердечностью. Усадив меня, старика, и сев возле меня, он вспоминал по формуляру мою службу и расспрашивал о ее подробностях, особенно удивляясь тому, что после моей прежней службы я пошел в мои годы в земские начальники; и когда я сказал ему, что ранее Кавказа я еще два года нес гражданскую службу, поступив в 1846 году в канцелярию саратовского губернатора по уголовному столу, то он, улыбаясь, заметил, что он только еще в этом году родился и что Государю об этой моей службе неизвестно, так как она не значится в формуляре. Он сказал, что его доклад Государю по четвергам и, следовательно, 10-го он доложит обо мне, и, может быть, в понедельник я буду принят, хотя по этим дням его величество принимает только губернаторов и губернских предводителей. Прощаясь со мной после довольно долгой беседы о делах Саратова, о местной администрации, о земстве и пр. и пр., министр выразил удовольствие, что я попал к нему в неприемный день. Затем он, взяв меня под руку, проводил до той комнаты, где сидел дежурный чиновник, и хотя я просил его не беспокоиться, но он, смеясь, говорил, что хотя он вполне уверен, что я еще, несмотря на палку, на которую опираюсь, могу ходить без провожатого, но он все-таки меня проводит.

Возвращаясь в гостиницу «Версаль», где остановился, я после этой беседы с министром чувствовал себя более покойно и в следующие затем дни отправил письмо к гофмейстеру двора князю Шервашидзе⁵⁸¹ с просьбой также исходатайствовать мне представление у императрицы Марии Федоровны, которая в это время находилась в Гатчине.

12 июня я получил извещение от Министерства внутренних дел, что Государь Император всемилостивейше разрешил мне представиться его величеству в понедельник 14-го числа с объяснением, что ближайшие указания относительно часа и места, назначенных для представления, будут мне со-

общены Экспедицией церемониальных дел, каковое сообщение и последовало от Министерства двора на другой день, 13-го числа, где сказано было, что Государь соизволит меня принять 14 июня в 12 часов дня в Петергофе, на даче ее величества Александрия⁵⁸², и что к известному часу на петергофский вокзал за мной будет выслан придворный экипаж.

Вечером того же дня, когда я уже был в постели, мне доложили, что директор Департамента общих дел Штюрмер⁵⁸³, с которым я также ранее не встречался, желает говорить со мною по телефону; причиной этого была озабоченность Министерства внутренних дел о том, получил ли я извещение от Экспедиции церемониальных дел о подробностях разрешенного мне представления. В назначенный день, то есть 14 июня, я по железной дороге отправился в Петергоф, познакомившись в вагоне с губернатором Папковым⁵⁸⁴, который, быв в полной парадной форме, ехал также представляться Государю, и, как оказалось, каждого из нас на петергофском вокзале ожидала отдельная карета с придворными лакеями.

Сначала нас доставили в один из Петергофских дворцов, где ожидал нас кофе и чай, а затем, снова в тех же экипажах, мы приехали во дворец, где имела пребывание царская семья. Тут в одной из соседних с кабинетом Государя комнат нас встретил дежурный флигель-адъютант князь Оболенский⁵⁸⁵, и здесь дожидались с портфелями министр Ермолов и Авелан⁵⁸⁶, которые любезно подошли ко мне и познакомились, интересуясь моей продолжительной разнообразной службой.

Комната эта была небольшая, с мягкой мебелью, и в приятной беседе с этими сановниками время шло незаметно. Минут через двадцать от Государя вышел в адмиральской форме высокий худошавый старик, в котором я бы никогда не узнал, видевши его в молодости, бывшего европейского красавца великого князя Алексея Александровича; мы все встали, и он, проходя, сделал общий поклон. После этого поочередно были приняты Государем Ермолов и Авелан, в отсутствие которых к нам присоединился наш посланник при турецком султанине Зиновьев⁵⁸⁷; он назвал меня по имени и отчеству, но его я также совсем не узнал, так как мы встречались с ним около 35 лет назад. Мы разговаривали, и я узнал, что императрица Александра Федоровна⁵⁸⁸ по случаю нездоровья уже не принимает, тем не менее князь Оболенский доложил обо мне, старике, через кого следует ее величеству, но ответ получился тот же самый. Затем был принят губернатор Папков и после него я.

Его величество принял меня, пожав мне руку, и, вопреки всем рассказам, я нашел вид Государя вполне здоровым, и, сравнительно с тем, как я

видел его на коронации, он сильно возмужал и в своей военной тужурке показался мне даже значительно пополневшим.

Поклонившись, я сказал Государю, что боялся умереть, не поблагодарив его величество за милостивое внимание к моей долголетней общественной службе; на это Государь мне ответил:

— Еще раз благодарю вас.

Когда я упомянул, что мне пришлось служить в период царствования четырех государей, его величество, подойдя к письменному столу, взял орденские знаки Владимира 3-й степени, которые тут же лично и пожаловал мне. Когда же я, глубоко тронутый этой новой неожиданной для меня царской милостью, взволнованно благодарил Государя и поцеловал ему руку, то его величество обнял меня и поцеловал.

После этого Государь милостиво расспрашивал меня о кавказской службе 40-х годов, о Георгиевском кресте, о деле, в котором я был ранен, и когда коснулся о времени моей отставки из военной службы, в начале 1852 года, то, улыбаясь, заметил, что это было давно. Тут он с любопытством спросил, видел ли я Николая I. Я доложил его величеству, что последний раз я представлялся Императору Николаю Павловичу в том же 1852 году, ходатайствуя о раскрытии преступления в Нижегородской губернии по убийству моей прабабки Зварыкиной, при участии лица, которому она продала свои большие вотчины, и что по приказанию Государя она была вырыта из могилы и, вследствие улик ее неестественной смерти, делу был дан законный ход. Я упомянул, между прочим, что происшествие это подробно описано в «Записках старого помещика» в «Русской старине»⁵⁸⁹, и когда на вопрос Государя, кто это Старый помещик, мною было доложено, что записки принадлежат мне, то Государь, улыбаясь, показал рукой на кипу книг этого журнала, лежавших возле, на особом столике.

Затем я доложил Государю о настроении населения Саратовской губернии по случаю войны, сказав, что хотя все и были удручены вероломным нападением японцев и нашими первыми неудачами, но это самое подняло до такой степени дух населения, что ничего подобного не было во время прежних пережитых мною войн, и общее негодование на врага даже и среди крестьян вызвало небывалое рвение, и они охотно провожают своих сыновей в действующую армию; при этом я рассказал Государю, как перед моим отъездом в Петербург приходил мой бывший крепостной крестьянин Матвей Евдокимов, у которого двое сыновей из нижних чинов состоят в запасе, и на мой вопрос, что не будет ему жалко расстаться с ними, когда их

призовут в войска, старик Матвей ответил, что не только их двоих, но даже и третьего, который не попал в солдаты, он с богом отправит на японца, а коли понадобится царю-батюшке, то и сами старики пойдут туда же. Когда я шутливо спросил его, как же он будет сражаться, когда в солдатах не был и стрелять не умеет, он с горячностью ответил, что когда француз приходил на Россию, то деды с вилами и колыями его из России выгнали. Что же касается дворянства, то я добавил, что оно положительно готово жертвовать всем для спокойствия его величества и что я первый, несмотря на мои годы, был бы счастлив положить голову за царя и отечество; на это Государь, сказав, что он совершенно покоен и уверен в благополучном исходе войны, обнял меня вторично и поцеловал.

После этого, вероятно, ввиду такого продолжительного приема Государь, взглянув на палку, на которую я опирался, сказал мне:

— Вам трудно стоять?

Но я ответил, что, слушая милостивые речи своего Государя, я забываю и свою старость, и свои раны, и хотя его величество и осчастливил меня, старика, своей милостью и вниманием, но все же чувствую себя не вполне счастливым, потому что лишен возможности видеть свою молодую Государыню за болезнью ее величества.

Государь, подумав немного, вышел в соседнюю комнату и, возвратясь, пожал мне руку, сказав, что Государыня собирается в церковь и меня сейчас примет. Тем и окончилось мое представление.

Возвратившись в комнату, где находились князь Оболенский и посланник Зиновьев, я им сообщил, что буду принят Государыней, для чего и остался с Оболенским, так как Зиновьев вслед за тем был принят Государем.

Через несколько минут камердинер их величеств передал мне, что Государыня Александра Федоровна ожидает меня на своей половине, куда он меня и проводил.

Императрица милостиво приняла меня, подав мне руку, когда я благодарил ее за предоставленное мне счастье ей представиться, то ее величество сказала, что Государь ей передал обо мне и что ей приятно меня видеть. После этого она расспрашивала о действии Красного Креста в нашей губернии, почему я и передал подробно обо всем, что было сделано у нас заботами губернатора Столыпина⁵⁹⁰ и его семьи.

Императрица была в легком шерстяном пеньюаре цвета крем, и, несмотря на ее высокий рост и царственную осанку, полнота ее за 6 недель перед рождением наследника цесаревича Алексея Николаевича⁵⁹¹ была весьма за-

метна. По-русски она говорила совершенно правильно, но с иностранным акцентом, и хотя Государыня и имеет красивые черты лица, но главная ее прелесть, по-моему, заключалась в том удивительно духовном выражении, которое у нее было в этот раз, и, видя это, я невольно высказался, что мы просим ее величество успокоить Государя в благополучном исходе этой тяжелой войны, так как в сердце русского народа еще сильна любовь к престолу и отечеству; на это Императрица мне ответила, что Государь совершенно уверен в этом и покоен.

Затем я еще раз благодарил Императрицу, что она доставила мне счастье ее видеть, хотя, по словам Государя, она предполагает ехать в церковь; но Государыня, отворив дверь, вызвала из следующей комнаты своих чудных детишек, и эти крошки, быв в платьицах из одинаковой материи с Государыней, все четыре⁵⁹², став в шеренгу, как солдатики, слегка наклонив головки, протянули мне поочередно свои ручонки, которые я перещеловал, и, обращаясь к Государыне, не выдержав, сказал:

— Что за ангелочки ваши дети, Государыня!

А так как она, улыбаясь, показала на третью дочку, объяснив, что сегодня день ее рождения, почему именно они и собираются в церковь, то я, взяв ручку великой княжны Марии, сказал, что у новорожденной еще раз и поцелую. После этого Государыня, приветливо кланяясь мне, с улыбкой подала руку, поцеловав которую и сделав общий поклон великим княжнам, я удалился.

В той же придворной карете я был доставлен в знакомый отдаленный дворец, где губернатор Папков, довольно долго ожидая меня, похаживал возле накрытых для закуски и обеда столов, и я был крайне удивлен, что мне весь обед отдельно подавался холодным, потому только, что ранее представления Государю я просил дворцовую прислугу остудить мне чай, объяснив, что я уже 20 лет все ем и пью холодное по случаю болезни сердца.

Папков очень интересовался моим представлением Государю и Государыне, и я подробно ему все рассказал. За обедом мы с ним выпили за здоровье всей царской семьи и за успех нашего оружия на Дальнем Востоке и потом, тем же порядком, были доставлены на вокзал, где на обратном пути в придворном вагоне я познакомился с протопресвитером⁵⁹³ Янышевым⁵⁹⁴. Это — высокий, худощавый, но очень бодрый старик.

Янышев дорогой имел продолжительный и горячий разговор с Папковым на религиозную тему, где, между прочим, упоминая о монастырских общинах, высказывалось мнение, что религиозно-нравственные люди, живя в

миру, могли бы своим примером гораздо больше приносить пользы и что настоящее подвижничество может быть признано за теми, кто, как Серафим Саровский⁵⁹⁵, подвергаясь всем лишениям, вполне отрешился от мира.

15-го я снова был на Аптекарском острове у министра Плеве и, приехав туда в 10 часов утра, должен был до 11 просидеть в зале, где застал высший чиновный мир этого министерства. Все они были в виц-мундирах с орденами и звездами. Отправляясь с портфелями поочередно к министру в его кабинет, они возвращались затем с какими-то озабоченными физиономиями, и это, как оказалось, были директора департаментов, с некоторыми из которых я тут же познакомился, так как они сами любезно ко мне подходили. Наконец вышел оттуда и директор Департамента общих дел Штюмер, который все время происходившего доклада находился при министре. Гофмейстер двора, тайный советник Штюмер, выдается своей статной высокой фигурой; он также был в виц-мундире со звездами; подойдя ко мне, он назвал свою фамилию и сказал, что очень желал со мной познакомиться. Тут я, указав на Владимирский крест, который уже висел у меня на шее, сообщил подробности его мне пожалования и вообще передал о приеме Государем и Императрицей. Штюмер говорил со мной довольно долго, пока от Плеве не вышел один из товарищей министра в военной форме, и, прощаясь со мной, он сказал, что, вероятно, когда мы встретимся снова, то он надеется, что будем знакомы. (Со Штюмером впоследствии мы обменялись визитами, и так как это было в день моего отъезда, то Штюмер с изысканной вежливостью придворного отдал мне, старику, визит в тот же день.)

Вслед затем я приглашен был в кабинет министра, и Плеве с большим интересом слушал мой рассказ о приеме меня царской четой, когда я сказал, что пожалованием Владимира я, вероятно, обязан ему, то Плеве, вскочив, как ужаленный, горячо протестовал против такого моего предположения, сказав:

— Помилуйте, да разве мы смеем предлагать Государю такие вещи, да нам это запрещено, и если нам дано право представлять к наградам подведомственных лиц, то для этого установлены особое время и форма. Вы же, к тому, человек уже не служащий, о котором мы ни в каком случае не имеем право беспокоить Царя. Год же тому назад, как вам известно, я докладывал Государю о вашей службе, и его величеству угодно было ее рассмотреть подробно, и вы теперь видите, как Государь милостив и внимателен к своим верноподанным вообще, а к послужившим так много в особенности, и получить царский портрет с собственноручной надписью, равняющейся реск-

рипту, каждый из нас был бы счастлив, так как это превышает всяких обычных похвал; Владимир же 3-й степени после этого имеет особую цену потому только, что пожалован вам не обычным путем, а лично Государем, и что такого случая в последние два царствования не было.

Затем министр добавил, что с удовольствием поздравляет меня с таким царским вниманием и удивляется, что я не хочу служить:

— Так как с вашим опытом вы были бы для нас немалой находкой, и если вас затрудняет гражданская форма, то вы бы могли бы вместе с тем получить придворное звание шталмейстера.

Когда же я поблагодарил его и сказал, что уже два года по зимам не выхожу по несколько месяцев из комнаты, он, смеясь, заметил, что он знает некоторых, которые не показываются по целому году. Затем, крепко пожав мне руку и поцеловав меня, он пожелал мне долго жить и проводил до приемного зала.

Услыхав же от Плеве, что рассчитывать на скорый прием Императрицы Марии Федоровны трудно, я, сильно утомленный предыдущими днями, решил 16 июня поехать в Гатчину, чтобы узнать от Шервашидзе, могу ли надеяться быть принятым Императрицей и когда именно, причем, на всякий случай, надел полную форму.

В Гатчину я попал только в первый раз в моей жизни и совсем не ожидал, чтобы она оказалась таким опрятным и красивым городком с чудным парком, по которому мне пришлось ехать все время от вокзала до дворца. Сам же дворец был настолько обширен, что придворной прислуги в нем находилось едва ли не в десять раз более, чем в Петергофе.

Князь Шервашидзе меня любезно встретил, но с первых же слов обескуражил, объяснив, что не может определить время, когда Императрица соблаговолит меня принять, ввиду массы дел по Красному Кресту и, действительно, не прошло нескольких минут, как в моем присутствии по телефону давалось знать о переводе из Парижа на имя Императрицы 100 000 франков, собранных там на Красный Крест.

Тут мы разговорились с Шервашидзе о Кавказе, где он, как местный уроженец, знал в Тифлисе многих, уже умерших, больших генералов: Святополк-Мирского, Геймана, Иванова, Оглобжи и пр.⁵⁹⁶, которые при мне в 40-х годах были еще совсем молодыми офицерами, а сам бывший впоследствии наместником Барятинский командовал тогда сначала батальоном, а потом Кабардинским полком, и все это его очень заинтересовало. Узнав же о полученном мною портрете Государя и о подробностях моего ему представ-

ления по этому случаю, а главное, о том, что лет 30 назад мне по должности предводителя дворянства пришлось принимать Императрицу Марию Федоровну вместе с почившим ее супругом в Саратове, когда Александр III был еще цесаревичем, князь Шервашидзе задумался и затем, исписав большой лист почтовой бумаги, вызвал к себе скорохода, которому и приказал передать эту бумагу, через кого следует, Государыне Марии Федоровне, повторив ему несколько раз, чтобы доложили ее величеству, что я приехал не представляться Государыне, а лишь только узнать от него, Шервашидзе, когда я могу быть ею принят.

Я уже совсем смирился с мыслью пробыть в Петербурге еще несколько дней, но, к нашему общему удивлению, вернувшийся скороход доложил, что Императрица ныне же изволит меня принять.

Вскоре затем тот же самый скороход явился сказать нам, что Императрица ожидает меня в своих покоях, и в его сопровождении мне пришлось совершить длинный путь по царским хоромам Гатчинского дворца, оригинальные комнаты которого соединялись широкими коридорами, имевшими вид картинных галерей с хорошими статуями. Тут, то поднимаясь, то опускаясь по лестницам, устланым красным сукном, я проходил и через комнаты, наполненные шкурами и искусно сделанными чучелами разных зверей охоты высочайших особ. И путь по дворцу был настолько продолжительным, что мне два раза пришлось садиться отдыхать, и вот после долгого странствования я наконец очутился в гостиной Императрицы, где сидели в шляпах пожилая дама и против нее другая особа с фрейлинским знаком, поклонившись которым, я был крайне удивлен, увидев появившегося из соседней двери князя Шервашидзе, который теперь уже был не в пиджаке и в башмаках, как перед этим, а во фраке со звездами.

Тут же я был приглашен Императрицей в ее кабинет, где Государыня встретила меня настолько милостиво, что я никак не мог ожидать этого, думая, что за 30 с лишком лет можно было и забыть раз виденного человека, но ее величество, взяв меня за руку, посадила в кресло рядом с собой, и я, поцеловав ее руку, благодарил Государыню за милостивый прием, сказав, что ее величество видела меня 30 лет назад в дворянской форме предводителя, когда я не был еще седой, и потому, вероятно, теперь, в военной форме, узнать меня трудно, но Государыня Мария Федоровна, улыбаясь, на это ответила:

— Так вам лучше, и я хорошо помню вас и наше пребывание с покойным мужем в Саратове, о чем мы неоднократно с ним вспоминали, и это было не

тридцать а тридцать пять лет назад, так как сыну моему, который в то время оставался в Петербурге, был один год.

Далее Государыня вспоминала о дворянском бале и как мне, так как я был распорядителем приема их величества, пришлось несколько верст по Волге провожать их с дворянами и их женами и дочерьми на пароходе. В свою очередь, я сказал Императрице, что хотя с того времени и прошло 35 лет, но я всегда бы узнал ее величество, и действительно, Государыне далеко нельзя было дать даже и 40 лет.

Когда затем я передал Императрице, что ее народ очень любит, и пожелал ей долго-долго жить и быть здоровой, то ее величество мне ответила, что она сама любит народ, но жить долго не желает.

— Почему же, Государыня? — сказал я, — у вас такой чудный сын, наш Государь, который тоже вас сильно любит.

На это Государыня ответила:

— Да, он очень добр.

После этого я подробно передал Императрице о том, что было сделано в Саратове нашим губернатором Столыпиным и его семьей по Красному Кресту, и Государыня выслушала это с интересом, сказав, что в настоящее время это составляет ее главную заботу.

Затем, боясь злоупотребить милостивым вниманием ко мне Царицы, которую в это время в гостиной ожидали другие лица, я передал об этом ее величеству и, встав, еще раз благодарил Государыню за столь милостивое внимание и, главное, что ее величество меня еще не забыла. И Императрица Мария Федоровна, протянув мне руку, которую я поцеловал, сказала, что она меня помнит и не забудет.

Выходя из кабинета Государыни, куда тут же в сопровождении князя Шервашидзе вошли ожидавшая в гостиной вдова графа Шувалова с дочерью⁵⁹⁷, я затем был остановлен возвратившимся ко мне князем, который, по поручению Императрицы, передал, что я буду гостем ее величества и что для меня приказано тотчас приготовить обед.

После этого меня проводили в отведенные мне в том же дворце комнаты, заключающиеся из большой гостиной, рядом с которой была спальня, а возле спальни — маленькая уборная, где я мог освежиться и, пользуясь этими удобствами, отдохнуть.

Через час с небольшим для меня приготовлена была закуска, а затем подан и роскошный обед со старыми винами.

Затем, после чашки кофе, мне было доложено придворной прислугой, что ко времени моего отъезда на вокзал для меня приказано приготовить придворную коляску и что мой извозчик отпущен.

Эти счастливые дни моего пребывания в Петербурге настолько переполнили мою душу, что я на другой же день утром помолился за царскую семью в Казанском соборе и затем уже уехал домой.

Приложение

БЫЛЬ ИЗ ПРОШЛОГО¹

В конце 40-х годов прошлого XIX столетия, когда по воле императора Николая I, защищая престол Габсбургов, войска наши дрались с венграми², а русское общество с лихорадочным интересом следило за ходом военных действий, дамское общество в одном из губернских городов заготавливало для раненых корпию³, собираясь для этого на семейные вечера в доме дворянства. Расставленные за колоннами большого зала столы, служившие всегда для игр в карты, были на этот раз завалены грудой материала для корпии, и к маменькам и дочкам, усердно занимавшимся этой работой, то и дело присаживалась молодежь, шутиво стараясь им помогать.

— Ну куда вам братья за наше дело, — сказала пожилая дама подсевшему к ним молодому советнику Кочетову, — распорядитесь лучше, чтобы нам подали чай, а то от корпии одолевает кашель.

Дама эта была Александра Матвеевна Радомина⁴, которую за глаза называли Александрой Медвевой. Это была вдова, имевшая взрослых очень умных дочек. Жила она открыто, и у нее бывал весь город. Когда же кто-нибудь из мужчин долго не заезжал к ней, то, увидев его из окна, она грозила кулаком, заставляя его повернуть оглобли к ней в ворота.

Не успел советник исполнить это поручение, как к Радоминым подошел губернатор Кожухов⁵. Это был человек среднего роста, на кривых ногах, с большим хохлом на голове и с зачесанными висками вперед. Он был в фраке и со звездой.

— Что новенького скажете нам, Матвей Львович, — обратилась к нему Радомина, — как наши дела за границей? И скоро ли к нам вернут артиллеристов, а то уж кавалеров-то у нас много поубавилось.

Старый холостяк Кожухов, глядя на ее дочек, улыбнулся и, подсев к ним, рассказал об успешном деле венгров под начальством Гергея⁶.

— Ну, вот и так, — сказала старуха Радомина, язычка которой все боялись, — воображаю, как обрадованы будут Гиргеевы; ведь его дед, говорят, был венгр.

Выходка эта губернатору не понравилась, так как молодой Гергеев, выйдя из кадетского корпуса с гражданским чином, служил при нем чиновником. И он рассказал тут же о намерении Александра Сергеевича Гиргеева⁷ отправиться в действующую армию, шутливо добавив, чтобы Радомина его чиновников не затрагивала, а то и у него самого язык как бритва.

Но Медвенна, нисколько не смущаясь, ответила:

— Очень жаль, что не из татар, а то бы язык вашего превосходительства употребила в дело.

Вокруг раздался громкий хохот.

Не прошло и полчаса, как обществу уже было известно намерение Гиргеева отправиться на войну, и пересудам не было конца. Одни говорили, что он поссорился с матерью из-за сестры⁸, которую мать принуждала выйти замуж за богатого оренбургского полковника Фабра, а другие, улыбаясь, намекали на свадьбу хорошенькой Яковлевой, которую мать насильно отдает за гусара Коновалова⁹. А ведь как Гиргеев порхал с ней на балах и вечерах; положит, бывало, она свою головку ему на плечо во время вальса и, улыбаясь, что-то шепчет. Сделают тура три по большой зале дворянского собрания, да потом столько же, так что, посадив ее на стул, оба едва отдышатся. Что же касается до мазурки, то они почти всегда танцевали ее в первой паре, и чтобы разрознить эту парочку, коварные подруги нередко заранее брали слово у Александра Сергеевича танцевать с ними кадрили или мазурку.

Гиргеев в эти его юные годы еще не считался женихом, и маменьки только охали, что он был молод для их дочек, хотя он благодаря своей наружности при его высоком росте всем нравился, а хорошее состояние его еще более возбуждало к нему интерес. Это был веселый жизнерадостный юноша, который хорошо танцевал и пел, аккомпанируя себе на рояле. Ни один из вечеров, ни кавалькады, ни пикники не обходились без его участия, и он как единственный сын у своей богатой вдовой матери широко пользовался и свободой, и средствами.

Губернский город С[аратов] отличался тогда своими оригинальными постройками, представляя собою дворянское гнездо. Целые улицы и даже кварталы были застроены дворянскими домами, обнесенными с улицы чугунными решетками, и парадные подъезды, большею частью, находились со двора.

Весело жилось в былое время семьям помещиков, оставлявшим в С[аратове] почти все доходы со своих имений. Зимой и в особенности во время выборов дворянство буквально наполняло город. Кто же не имел собственно-

го дома, тот заранее нанимал квартиру или несколько номеров в гостинице, которые достать в половине сезона не всегда представлялось возможным.

Хлеб-соль и радушие старых помещиков были заветом их предков и нередко привлекали в провинцию столичного гостя, несмотря на отсутствие в то время железнодорожного сообщения и столь трудный переезд на почтовых. Министерский чиновник добивался в С[аратов] казенного поручения, а поступающая на службу молодежь стремилась туда же на немногие в то время бывшие должности от правительства. Вечера, обеды, рауты давались наперебой радушными семействами, а многолюдные балы и маскарады переполняли залы дворянского собрания, в котором с особенной торжественностью всегда встречался Новый год.

Петербургский гость, не скрывая отрадных впечатлений от простоты провинциальных нравов и теплоты приветия, неохотно возвращался к натянутой жизни холодной северной столицы.

Дворянство любило щеголять выездом, и редкое семейство не имело в городе двух карет и десятка ценных лошадей, тем более, что пешая прогулка дам по городу без сопровождения лакея считалась в провинции предосудительной. Рысаки и лихие тройки подобранных под масть коней служили выездом дворянской молодежи и предметом частых пикников и катаний с женским персоналом. Нередко целые поезда таких троек уносили престарелых маменек с красивыми дочками в загородные дачи, где, в сопровождении молодежи, происходили пиры и танцы. Быстрота удалых коней давала знать о себе прохожим сотнями серебряных бубенчиков, которыми украшалась троечная сбруя лошадей прежних помещиков, причем главный шик этого украшения заключался в подборе тона голосов бубенчиков, которые, не раздражая слуха, как пчелки, жужжали в массе снежной пыли, сопровождавшей несущийся поезд.

И хотя в это время все удовольствия были прекращены, но общество, тем не менее, не могло не заметить отсутствия Гиргеева, и разгадка причины этого дала повод дамам со следующего же дня посещать его мать. Одни приезжали для выражения сочувствия и сожаления, что их дочки лишаются приятного кавалера, а другие из любопытства узнать действительную причину этого отъезда. Но, к общему удивлению, никто их не заставлял дома. Все спрашивали друг друга:

— Видели вы Александра Сергеевича или его сестру? — и отрицательный ответ сильно возбуждал общее любопытство.

В семействе же Гиргеевых в это время происходили важные события. У Анны Семеновны¹⁰ просил руки ее дочери местный богатый помещик Ива-

ницкий¹¹, которого тайно любила Катрин и ждала переезда его из Петербурга в С[аратов]. Александр Сергеевич, обрадованный предстоящей свадьбой сестры и огорченный, что вследствие этого должен был отложить поездку в действующую армию, проводил дни и вечера в семействе Яковлевых, где также готовились к свадьбе и ждали жениха. Юный Гиргеев и Катенька Яковлева любили друг друга, как дети, которым нравилось вместе танцевать, скакать верхом или кататься в кабриолете. Он не жалел, что она выходит замуж, но им только жаль было расставаться, так как после свадьбы она должна была уехать в другую губернию. Когда приехал гусар Коновалов и юные друзья заметили, что ему не нравились частые посещения Александра Сергеевича, то последний у Яковлевых перестал бывать. Но зато день свадьбы Гиргеев весь провел у них и перед венцом сам надевал белый атласный башмачок на Катеньку и, убрав ее головку живыми цветами, крепко при матери ее поцеловал. Встретился он с Катенькой затем через двадцать лет, когда она выдавала замуж такую же свою хорошенькую дочку, какой была сама.

Гиргеев, получив спартанское воспитание того времени в корпусе, сохранил чистоту и, проведя после этого год подле сестры и матери, не успел еще окунуться в омут чувственных развлечений молодежи, почему ему и не раз приходилось выслушивать насмешки кокетливых барынь, которые называли его в глаза Иосифом Прекрасным.

Свадьба Катрин Гиргеевой состоялась в конце зимы при роскошной обстановке, а с наступлением лета проводили и Александра Сергеевича вместе Венгрии на Кавказ.

В доме Иваницких в день отъезда Александра Сергеевича многолюдное общество было приглашено на завтрак, после которого начались трогательные сцены его прощания с матерью и Иваницкими, и не только они, но и многие дамы его благословляли и целовали. К подъезду был подан дормез¹², запряженный четвериком почтовых лошадей, с лакеем на козлах, и Гиргеев, крестясь и напутствуемый крестным знаменем вслед отъезжавшего экипажа, взволнованный и растроганный, быстро уносился на новую жизнь и неизвестное будущее.

Через три недели безостановочной езды Гиргеев был уже во Владикавказе, где, остановившись в единственной гостинице, сделал визиты нескольким военным начальникам, и так как некоторые из них были семейные, то, познакомившись с ними, стал у них бывать. Особенно он был обласкан начальником Владикавказского военного округа¹³, который пригласил Гиргеева во все время пребывания его во Владикавказе у него обедать. Семейство

его заключалось из жены и двух своячениц, из которых младшая Любочка была очаровательная блондинка, стройная, высокого роста и с кудрявой головкой. Другое семейство, командира артиллерийской батареи Апачинина¹⁴, было также не менее интересно, и он, женатый на грузинской княжне, был гостеприимен до крайности, почему Гиргееву и приходилось бывать у них поочередно.

Дамское общество во Владикавказе было в то время очень малое и заключалось, кроме семейств этих начальников, еще из двух-трех военных барынь.

Жена этого батареиноного командира Варвара Яковлевна, по-грузински Бабали, маленькая, худенькая брюнетка, хотя и не была красавицей, но до крайности интересной. Сядет, бывало, она в своей уборной перед камином и, протянув крошечные ножки на решетку, заставит горничную расчесывать свои до полу длинные волосы, а милейший супруг ее Алексей Петрович в своей неизменной черной ермолочке, похаживая, покуливает трубку с длинным черешневым чубуком.

Тепло и уютно всегда чувствовалось в этой семье. К обеду собирались офицеры его батареи, и появлялась жившая у них юная и чрезвычайно скромная сестра хозяйки, совершенная блондинка княжна Сопико; а иногда приходила и другая сестра, Като, жена инженерного капитана. В это же время приехал во Владикавказ командир Кабардинского полка полковник князь Барятинский, человек высокого роста и сильного сложения. Он одевался шеголевато, носил лаковые щиблеты и воротнички снежной белизны. За Бабали он сильно ухаживал и вообще в семействе Алексея Петровича держал себя очень просто. Встанет, бывало, на стул и займется исправлением стальных часов, а в день рождения хозяйки помогал ей расставлять столы и сортировать закуски и вина. Во время же обеда уприсил Бабалу снять с ножки атласный башмачок, из которого и выпил шампанское за ее здоровье. Примеру Барятинского последовали все офицеры, но когда очередь дошла до Гиргеева, то он с юношеской непринужденностью просил разрешения хозяйки выпить шампанское из бокала. Разрешение, конечно, последовало, но Барятинский заметил ему, что это не любезно, а смущенная Бабаля хотя и улыбалась, но, видимо, осталась недовольна, и только одна сидевшая с ним рядом Сопико своим взглядом одобрила этот поступок.

Обед кончился, и с наступлением вечера офицеры начали расходиться, что намерен был сделать и Гиргеев, взяв в руки непривычный глазу военных шапокляк, но Бабаля и ее муж просили его провести у них вечер, сказав с

улыбкой, что Барятинский с Алексеем Петровичем и двумя пожилыми офицерами сядут за карты, а Гиргеев в наказание за свой проступок перед Баба-лей должен занимать дам.

После этого Бабаля, сев на козетку и показав возле себя стул Гиргееву, кокетливо спросила:

— Ведь вы, наверное, думаете, что я на вас сердита? Ошибаетесь, напротив, мне очень понравился ваш маленький каприз: — И, протянув ему руку, добавила: — Мы будем друзьями.

Гиргеев поцеловал протянутую ручку и старался заверить, что он не выпил из башмачка только потому, что пили все из него.

— А если бы вам одному пришлось выпить?

— Заранее ничего не могу сказать вам, но, может быть, и выпил бы один глоток, так как вина по молодости своих лет я пить еще не научился.

И действительно, Александр Сергеевич вина никогда не пил, почему за обедом кавказские барыни, смотря на него, как на юношу, из шалости представляли пить кахетинское из чайной ложки, сами вливая ему в рот.

Александр Сергеевич в этот раз провел во Владикавказе более месяца и, несмотря на такой короткий срок, сделался почти домашним человеком как в семье Апачиных, так и начальника округа. Они оба предлагали ему поступить к ним на военную службу, но Гиргеев под предлогом желанья посмотреть дальний Кавказ простился с ними и определился юнкером в один из пехотных полков¹⁵, квартировавших на рубеже Большой Чечни.

Командир этого полка был немецкий барон¹⁶, и в полку его не любили, кроме весьма немногих избранных, которых он и приглашал к себе обедать; в числе последних было двое разжалованных в солдаты поляков: один — часовой мастер, наблюдавший постоянно за часами в его доме, а другой — оберегавший его здоровье врач.

Барон, как человек корыстный, чрезмерно пользовался предоставленным тогда офицерам правом брать солдат для заготовки фуража для лошадей, отпуская каждому рабочему по пяти копеек в день и по две чарки водки; но офицеры могли брать для этого на работы не более двоих. Барон же под предлогом заготовки войскам для экспедиций брал солдат сколько хотел и, припасая сена по несколько десятков тысяч пудов, делал поставку его по справочным ценам, нажив таким образом в бытность свою командиром полка не одну сотню тысяч рублей, получая еще за это и благодарность.

С первых же дней поступления Гиргеева в полк он приобрел симпатии не только юнкеров и офицеров, но даже и командира полка, который удос-

тоил его приглашением к себе приходиться обедать; но Гиргеев, избегая еще не заслуженного внимания, воспользовался этим только один раз и, удаляясь даже от офицерских пирушек, всецело отдался службе, поступив в роту старого капитана, от которого все бегали, как от чумы, несмотря на то, что его все предупреждали о личности этого капитана. Но Гиргеев из молодечества хотел испытать все трудности солдатской жизни.

Капитан Марцелин Семенович, поляк по происхождению, был в 1831 году разжалован из офицеров во время Польского восстания и сослан на Кавказ, где почти в 20 лет и дослужился вновь, уже седой, до чина капитана. В роте его не было не только ни одного младшего офицера, но даже и юнкеров, кроме Гиргеева, почему эта добровольная кабала последнего настолько польстила Марцелину Семеновичу, что он, продержав его месяц в казармах, сам предложил перейти на квартиру. Гиргеев был этим доволен, так как это избавляло его от ужасной казарменной атмосферы и дало возможность перейти на устроенную заранее квартиру в отдельной избе отставного семейного солдата, где до того времени жил крепостной лакей Гиргеева.

Служба в этой роте считалась образцовой вследствие педантичности капитана. Он как зимой, так и летом с рассветом дня являлся в цитадель, где помещалась рота, которая к его приходу всегда была выстроена и первая выходила за крепостные ворота, чтобы отправляться на рубку леса, фуражировку и проч.

Батальоном этим командовал шестидесятилетний полковник Фома Фомич К[остырко]¹⁷, начавший службу на Кавказе вольноопределяющимся дивизионным писарем. Он был совсем седой, широкоплечий, высокого роста и говорил с сильным малороссийским акцентом. Бесстрашный во время экспедиций, он гарцевал на коне перед фронтом своего батальона, вынимая то и дело из кармана фляжку с горячительным и даже нередко мешая перестрелке. О нем рассказывали, что несколько лет назад он ездил на родину, женился там на какой-то молодой богатой купчихе и, возвращаясь в полк без жены, два раза записывал в свой формуляр родившихся без него детей. Причем каждый раз приглашал офицеров на пирушку и со смехом говорил, что его молодая жена после каждого ребенка присылает ему на зубок по 5000 рублей.

Гиргеев, чуждый развлечениям, которыми пользовались его товарищи, не упускал случая участвовать в набегах и экспедициях, и когда его рота должна была остаться в крепости, то он, пользуясь протекцией Фомы Фомича, прикомандировывался к другим ротам. Во время же весенней экспедиции

после трудности батальона при взятии завалов на долю Гиргеева выпал случай оказать особое отличие при отступлении роты, командир которой и поручик Е[врейнов] были тяжело ранены, а фельдфебель убит. И Гиргеев как портупей-юнкер¹⁸, несмотря на контузию в голову, вывел под сильным огнем роту, подобрав всех убитых и раненых; за что, однако же, не получил никакой награды вследствие недоброжелательных отношений начальника отряда, генерала из гребенских казаков¹⁹. Генерал этот был старый холостяк и не мог простить Гиргееву того обстоятельства, что из Грозной в лагерь приезжало навестить этого юношу дамское общество двух его старших начальников, остановившихся у его, Гиргеева, солдатской палатки.

Эта несправедливость возмутила не только Фому Фомича, но и полкового командира, которые затем и старались осыпать Гиргеева своим вниманием, хотя барон не мог не заметить с усмешкой, что начальнику отряда Гиргеев не понравился, вероятно, за то, что плохо ценит расположение к себе старших, удаляясь от всех под предлогом службы.

Вскоре после этого сделалось известно о назначении начальника Владикавказского военного округа начальником левого фланга и командующим дивизии, в ожидании которого в крепости для инспекторского смотра полк стал готовиться, и барон, привыкший наживаться чем только было можно, спешил на этот раз привести в порядок обмундирование своих солдат.

Закаленные в бою кавказские войска того времени преимущественно хорошо знали те ружейные приемы, с которыми приходилось метко стрелять и драться врукопашную. Заряжение же ружья на 12 темпов и маршировка тихим шагом в программу не входили, чего юнкера и разжалованные совсем не знали, почему полковой командир и озаботился немедленным обучением последних, пригласив для того поручика, только что переведенного в полк из прапорщиков гвардии. Молодой поручик, оказавшись корпусным товарищем Гиргеева, объяснил барону, что Гиргеев был в корпусе известным фронтовиком, подходившим всегда в качестве ординарца к императору Николаю I и великому князю Михаилу Павловичу, почему полковой командир, назначив Гиргеева в помощь офицеру, высказал свое намерение особо представить его начальнику дивизии.

Не прошло и месяца, как полк, выстроенный с знаменами, громко приветствовал дивизионного начальника, сорокапятилетнего красавца генерала-лейтенанта. Его исполинский рост, сильное сложение и громкий приятный голос во время команды делали его величественным.

Генерал Петр Петрович Н[естеров] сам был гвардеец и, приняв дивизию, обратил главное внимание на одежду, пищу и помещение войск, почему, не

приказав даже пройти мимо себя церемониальным маршем, вызвал от каждой роты по несколько солдат и осмотрел их нижнюю одежду, в числе которых оказалось несколько разжалованных. Среди этих очутились любимцы барона часовой мастер и врач в разноцветных канаусовых²⁰. Барон, думая поправить дело, вызвал вперед и всех юнкеров, заставив их также снять верхнее платье, причем и они также все оказались в тонком цветном белье, исключая Гиргеева, у которого все было сшито из солдатских дачек²¹, и даже на ногах были портянки. Обстоятельство это чрезвычайно удивило всех и особенно барона, который знал, что Гиргеев, хотя и не носил, как все юнкера, тонкого мундира, но в обыкновенное время под солдатским сукном имел шелковую подкладку.

После этого инспекторского смотра как батальонный, так и ротный командир удвоили свое внимание к Гиргееву, и в следующую затем экспедицию ему даже разрешено было жить в палате с батальонным адъютантом подпоручиком Шуйским.

Шуйский был человек средних лет, высокого роста, худощавый, с большим открытым лбом и орлиным носом. Он был поляк, но в характере его не было и тени польской заносчивости, и вообще он держал себя с таким достоинством, что возбуждал к себе общие симпатии и, живя в крепости особняком, всегда уклонялся от разговоров о своем происхождении. Ранее Шуйский служил офицером в артиллерии и, имея у себя какие-то документы польского сената о происхождении его предков от наших князей Шуйских, отказался их выдать правительству, за что был разжалован в солдаты и дослужился затем до чина подпоручика; но Шуйского все-таки называли в полку все офицеры князем, а солдаты говорили ему «ваше сиятельство». Офицеры и даже полковой командир, указывая на только что пожалованный титул князя поручику Кабардинского полка Святополк-Мирскому, советовали и Шуйскому обратиться к государю с ходатайством о предоставлении и ему княжеского достоинства, но он стеснялся сделать это, боясь подвергнуть ответственности своих родственников, спрятавших его документы.

Экспедиция эта, как затем и следующая, дали возможность Гиргееву оказать новые отличия, за которые он не только был произведен в офицеры, но и получил Георгиевский крест. Тяжелая же рана в ногу заставила его сначала долго лечиться, а затем быть прикомандированным к одному из кавказских линейных казачьих полков, где удалая казачья жизнь пришлась Гиргееву по сердцу.

Наняв отдельный домик у одного отставного есаула, он в нем прекрасно устроился, познакомившись с офицерами как этого полка, так и квартиро-

вавших в станице линейного батальона и донской сотни. Чуждый картежной азартной игры, которая была в большом ходу на Кавказе, Гиргеев начал посещать хороводы, на которые по вечерам собирались дочери казаков.

Тут молодые красивые девушки, держа в руках цветные фонари, пели песни и танцевали, и фамильярное обращение офицеров указывало на короткое со многими из них отношение. Офицеры стеснялись только подойти близко к дочери есаула Фросе, которая при приближении ухаживатель оставляла хоровод и, как серна, исчезала быстро в темноте ночи. Фрося была дочерью хозяина дома, где квартировал Гиргеев, но видеть ее в этой семье ему не приходилось.

Ей было только 15 лет, но она казалась старше. Среднего роста, с гибким станом и жгучими черными глазами она слыла среди своих подруг красавицей и обращала на себя общее внимание офицеров, но говорить с ней никому из них не удавалось. Эта нелюдимость Фроси заинтересовала Гиргеева и возбудила в нем сильное желание узнать ее ближе, что, однако, случилось не скоро. Но вот однажды он был на охоте на кабанов; карабахский конь²² его, запутавшись в камышах, упал, и Гиргеев настолько сильно был зашиблен, что его на руках принесли в станицу. Хозяева приняли в нем самое теплое участие, и Фрося, прикладывая на разбитый бок больного компрессы и давая по указанию врача лекарства, целые ночи просиживала у изголовья Гиргеева. Тут он узнал причину ее отчужденности от общества мужчин. Оказалось, что когда ей было еще только 13 лет, живший у них на квартире офицер, из армян, воспользовавшись ее детским возрастом, обесчестил ее, а через три дня был убит в сражении. Об этом несчастье она тогда же передала родителям, и они были сильно озабочены, так как по достижении 16 лет обязаны были по письменному условию отдать ее замуж за сына станичного начальника, с которым по обычаю они в детстве были засватаны, с неустойкой в 500 рублей.

Гиргеев хотя наружно и возмужал под кавказским солнцем, но женщин близко еще не знал, и влечение его к Фросе перешло в сильное чувство. Они настолько полюбили друг друга, что скрывать это перед родителями ее не представлялось более возможным; перед тем же, как Фросе исполнилось 16 лет, Гиргеев передал им сумму неустойки и на время переговоров с семейством ее жениха сам уехал во Владикавказ.

Но не прошло и двух недель после этого, как он получил письмо от сотенного командира о том, что Фрося была повенчана, хотя и сказала в церкви священнику, что ее замуж отдадут насильно.

Известие это удручающе действовало на душу Александра Сергеевича, и он нескорю мог собраться с мыслями. «Вот она, первая любовь, — думал он, — любить так я больше уже никого не буду, и зачем меня занесло в эту станицу, где дикие нравы казаков заставляют их смотреть на женщину, как на вещь». Но дела нельзя было поправить, почему волей-неволей пришлось покориться обстоятельствам, и он решил избегать каких бы то ни было объяснений с родителями Фроси, которые так вероломно с ним поступили, почему и отдал письменное распоряжение своему лакею перевезти вещи в соседнюю станицу, где была штаб-квартира этого казачьего полка, найдя там предварительно помещение.

Этот приезд Гиргеева во Владикавказ был первым после того, как его видели там штатским, и все его знакомые, и особенно Апачинины, были удивлены той переменой, которая произошла в нем в эти три года. Вместо веселого беспечного юноши они встретили возмужалого, загорелого, обросшего уже бородой раненого офицера.

В семействе Апачининых произошли перемены: Сопико вышла замуж, и Бабаля сильно чувствовала ее отсутствие. Вечера приходилось проводить более монотонно, выслушивая рассказы хозяина и офицеров о военных делах в округе за это время, о переменах, которые произошли среди начальства и проч.

«Как много значит, когда недостает одного человека в семье, — размышлял Гиргеев, сидя в пасмурном настроении около хозяйки, — не стало Сонечки, и вместе с ее чудной белокурой головкой совсем исчезла веселость в доме».

Он невольно перенесся в грубую семью Фроси и ужаснулся мысли, что мог бы когда-нибудь назвать ее родителей родными, и эта мысль настолько отрезвила его, что он вскочил, как ужаленный, испугав этим движением не только соседку, но даже и хозяина. Последовал общий вопрос, что с ним случилось, и Гиргееву пришлось выпутываться.

— Вот видите ли, — сказал он, — я вспомнил Владикавказ моего первого приезда, затем странствования свои за эти три года по дремучим лесам, немирным аулам и диким казачьим станицам и теперь, пригревшись снова в вашей радушной семье, почувствовал впервые такую тоску по родине, что готов был бы хоть сейчас бросить службу и без оглядки бежать домой.

Вскоре после этого Гиргеев уже был на линии, где, кое-как устроившись в своей новой квартире, начал хлопотать об отставке. Но не прошло и нескольких дней, как, проходя вечером по станице, он совершенно неожидан-

но встретил на мосту мужа Фроси, который, не сказав ни слова, выстрелил в него почти в упор из пистолета, и, видя, что Гиргеев остался невредим, он на него бросился с обнаженной шашкой. Гиргеев, хорошо дравшийся на эскадронах²³, отпарировал удар и своей шашкой выбил шашку хорунжего Вьючного и, направив в него дуло своего пистолета, приказал ему не трогаться с места.

— Что я тебе сделал? — спросил Гиргеев. — И за что ты меня хотел убить? Обезоруженный хорунжий, отступив назад, угрюмо ответил:

— За что же вы обесчестили мою жену, с которой я был сосватан в детстве?

— Но разве она не рассказала тебе о Карганове и о том, что случилось с ней, когда ей было 13 лет?

— Ничего не знаю, — ответил смущенный Вьючный.

— А добровольно Фрося шла за тебя замуж?

— Нет, она сказала в церкви, что любит другого, и я просил освободить меня от этого брака, но так как ее родители тут же потребовали неустойку, то я волей-неволей должен был жениться.

Гиргеев после этих слов опустил пистолет и, подойдя к хорунжему, протянул ему руку, сказав:

— Теперь понятна мне эта злоба, и я охотно прощаю вам ваш ужасный поступок, убежденный, что когда вы расспросите жену, то между нами более не будет столкновений.

Молодые люди расстались. Вьючный ехал в свою станицу и, поглаживая гриву верхового коня, раздумывал о том, что он чуть было не убил человека, который далеко не был виновен в его семейном несчастье. Он решил не говорить ни слова своим о случившемся, но расспросить жену обо всем, что было с ней.

Гиргеев же, вернувшись к себе, долго не мог успокоиться, и возможность быть убитым не в сражении, где он готов был положить свою голову, но разбойничьим выстрелом своего же из злобы за казачку, его возмущала. В первый раз близко сошелся он с женщиной и так неудачно, и это отбило у него охоту к дальнейшим увлечениям.

На другой день, обедая у начальника линии, он передал об отправленной им в свой полк отставке, до получения которой просил оставить его при казачьем полку, рассчитывая еще хоть один раз понюхать пороху.

Желание Гиргеева сбылось скоро, и казакам вместе с пехотным батальоном пришлось участвовать в набеге на немирный аул.

Темнота ночи позволила тихо подойти отряду и обложить аул, в котором все спало, а для преграждения неприятелю возможности уйти в горы артиллерия под прикрытием войска была расставлена в разных пунктах. С рассветом дня в аул был отправлен парламентар с предложением о сдаче, но так как он не возвращался и со всех сторон появились горцы, с которыми началась перестрелка, то начальником отряда было послано для взятия аула две роты линейного батальона и с Гиргеевым часть спешенных казаков. В ауле солдатам и казакам пришлось сакли брать с боя, так как оставшиеся в них горцы заперли двери и отстреливались из окон.

На площадке близ мечети стояла большая сакля, принадлежавшая, по видимому, старшине аула. Гиргеев с несколькими солдатами и казаками после сделанного по ним выстрела проникли в саклю. Сначала в ней ничего не оказалось, когда же был поднят ковер, отделявший вместо двери другую комнату, то в ней увидели в углу присевшего на пятки седого старика горца; он, вооруженный, молился перед Кораном, лежавшим на низеньком столике. Русский воин не решился нарушить этой молитвы, и они остановились, но старик мгновенно вскочил и, сделав выстрел, тяжело ранил одного из солдат, после чего, конечно, был убит. Осмотрев все закоулки сакли и не найдя более никого, они выходили наружу, но в сенях из открытой западни последовал новый выстрел, которым был убит казак, озлобленные его товарищи бросились в выход, откуда затем раздались страшные крики женщины, заставившие Гиргеева спуститься туда, где он и освободил молодую черкешенку от освирепевших солдат; при этом один из них, держа за ноги найденного там двухлетнего ребенка, хотел об стену разломить ему голову, говоря, что, когда вырастет, будет такой же злодей. Но мальчик этот, оказавшийся братом черкешенки, был также освобожден Гиргеевым и оставлен в сакле, жечь которую он запретил.

По возвращении отряда на линию в числе нескольких пленных, к удивлению начальников, оказалась захваченная казаками и 14-летняя Хейкла, спасенная Гиргеевым от смерти.

Обстоятельство это главным образом ставило его в затруднение, так как захватили Хейклу те самые казаки, которые находились с ним при разгроме аула, почему волей-неволей и пришлось ему поместить ее у себя, рассчитывая как можно скорее вернуть Хейклу в ее семью.

Появление Хейклы у Гиргеева составило целое событие, и каждому хотелось посмотреть пленницу, так что первое время ему приходилось видеть у себя группы любопытных, но хорошенькая дикарка пряталась в свою комнату, и видеть ее посторонним удавалось редко.

Командир казачьего полка, известный того времени генерал²⁴, принял большое участие в Хейкле и поручил своим переводчикам передать жителям ближайших мирных аулов о желании возратить Хейклу ее семейству, после чего многие из мирных черкесов и предлагали в этом случае свои услуги, но Хейкла следовать за ними отказалась наотрез, боясь попасть им в жены, так как по обычаю горцев они всегда похищают для себя невест.

При таком обстоятельстве Хейкла находилась около трех месяцев, в продолжение которых она научилась немного говорить по-русски и настолько перестала дичиться, что даже однажды согласилась быть на вечере у командира полка к большому удовольствию молодежи. Гиргеев к этому дню постарался одеть ее в роскошный костюм черкешенки, подарив при этом маленький под чернью кривой кинжал, который был заткнут у нее за пояс.

Хорошенькая пленница, привязавшаяся за это время к Гиргееву, не отходила от него на вечере ни на шаг, и когда командир полка шутя отвел его в другую комнату, то Хейкла ухватила за его рукав, говоря, что она без него не останется, что и подало повод тут же переговорить серьезно о ее участи, так как Гиргеев со дня на день ждал отставки и должен был уехать на родину.

— Что мы будем делать с Хейклой? — говорил Александр Сергеевич командиру и нескольким окружавшим их офицерам. — Не сегодня, так завтра я должен совсем уехать и оставлять в таком положении нашу дикарку, которая, заверяю вас честью, господа, была для меня не более как сестрой, очень тяжело.

Услышав это, Хейкла опустила свою головку на плечо Гиргееву, и из-под темных ее ресниц блеснули слезы.

— Я не оставлю тебя, урус, — шептала она, — возьми меня к себе, и я буду твоей рабой.

Эта неоднократно происходившая в квартире Гиргеева, но неожиданная для окружающих сцена обнаружила симпатии к Хейкле двух офицеров: штабс-капитана Генерального штаба Кидяева и незадолго перед этим поступившего в полк гусарского поручика Хомятова, желание которых взять к себе Хейклу настолько было сильно, что они даже заявили о своем намерении на ней жениться. Такое проявление чувств молодых людей объяснили сначала излишне выпитым кахетинским, большие медные кувшины с которым уже несколько раз были опорожнены гостями, но состоявшаяся на другой день между ними дуэль указала на действительно пылкое чувство обоих, и за Кидяевым, как первым, выразившим желание сделать Хейклу своей женой, и было признано это право.

Узнав о дуэли, командир полка был сильно недоволен и высказал, что самоуправное решение относительно Хейклы не может быть им допущено без ее на то согласия, объяснив при этом Кидяеву, что хотя за отъездом Гиргеева он может взять к себе Хейклу, но при ответственности за нее до тех пор, пока не явятся за ней ее родные. Тем дело и было решено.

Гиргеев, прожив около трех месяцев под одной кровлей с Хейклой, чувствовал себя далеко не хорошо, опасаясь перед концом своей службы какой-либо новой неприятности, так как история с Фросей была еще слишком свежа. Почему, не получая все еще отставки, он решил как можно скорее развязаться с казачьей службой и тут же вскоре отправился в штаб-квартиру своего пехотного полка.

Что происходило с Хейклой в назначенный день отъезда Гиргеева, описать трудно; она, обвинив его ноги руками и не пуская от себя, плакала, как ребенок, говоря, что никогда не примет русской веры и не будет женой Кидяева. Эти сцены заставили Александра Сергеевича отложить свою поездку на несколько дней, в продолжение которых вещи его исподволь укладывались для дороги, а Кидяев заблаговременно перебрался в его квартиру.

Когда же Александр Сергеевич наконец уехал, то Хейкла, как дикий зверек, металась из угла в угол, несколько раз выбегала на улицу и успокоилась только после того, как ее убедили, что она останется жить у Кидяева лишь до приезда ее родных.

Так прошло несколько дней, в продолжение которых Кидяев тщетно всеми силами старался приучить к себе этого дикого зверька, но Хейкла, как рассказывает он, не говорила с ним ни слова и, прижавшись в угол своей комнатки, даже отказывалась принимать пищу.

И вот однажды утром станица была сильно взволнована ужасным происшествием: Кидяев был найден у себя в квартире с перерезанным горлом. Он лежал на полу около письменного стола, на котором стояло зеркало и валялась окровавленная бритва.

Хейклу немедленно арестовали, посадив в мешок, которым называлось подвальное помещение для преступников.

Но, к счастью Хейклы, вскоре была найдена при осмотре квартиры упавшая за стол собственноручная записка Кидяева к матери; в ней он писал, что жизнь ему уже давно настолько тяжела, что он решил покончить с собой и просит простить его и за него помолиться.

Освобожденную пленницу тут же взял к себе Хомятов, и она, напуганная этим кровавым происшествием, пошла уже без сопротивления, но в ту

же ночь, задумав бежать, была найдена с расшибленной ногой в глубоком рву, окружавшем станицу, после чего и пролежала около месяца больной в квартире Хомятова.

Хомятов, избалованный единственный сын у знатных родителей и большой кутила в гусарском полку, не оставил своих привычек и на Кавказе. Он относился ко всему легко и не был способен на серьезное чувство, почему во время болезни Хейклы ухаживавшая за ней хозяйка квартиры нередко была свидетельницей его неприятных для больной шуток, кончавшихся ее негодованием и угрозами. Когда же Хейкла совершенно выздоровела, то, воспользовавшись отсутствием Хомятова, бежала лишь в том одеянии, в котором была взята в плен.

Прошло несколько месяцев, и во время зимней экспедиции, предназначавшейся для вырубки широких просек в глубь Чечни, начальником отряда часть войск была отправлена для взятия близ находившегося немирного аула. После разгрома аула, когда отряд вышел на большую поляну и начальством делались распоряжения о распределении войск к отступлению, в небольшой перемычке леса было замечено несколько пеших горцев. Хомятов бросился туда со своей сотней, но тут же был сражен двумя пулями. Оторопевшие казаки, сделав в свою очередь по ним залп, положили всех на месте. Когда же с убитых горцев стали снимать оружие, то среди них нашли вооруженную женщину, которая, по заверению очевидцев, была Хейклой, но так как тела убитых горцев войсками нашими не подбирались, то это последнее обстоятельство не могло быть тщательно проверено.

БЫЛЬ²⁵

I

В марте 1852 года к заставе одного из приволжских городов подъезжало две перекладных тройки. На одной из них сидел загорелый молодой офицер, видимо, утомленный после продолжительной поездки; другая же тройка ехала с его вещами и крепостным лакеем. Дежурный при заставе, осматривая подорожную офицера, громко закричал отмечавшему в книге проезжающих:

— Поручик Владимир Александрович Зарежский!²⁶

После чего шлагбаум был поднят, и тройка двинулась по не мощенным еще в то время улицам этого губернского города. Зарежский рассеянно смотрел на знакомые ему дома, не замечая даже перемен, происшедших за пять лет его отсутствия, и лишь только подъезжая к главной городской площади²⁷, на углу которой и доселе существует старинный дворянский дом, стал пристально всматриваться в его окна. Это было его родовое гнездо, где жила вдовая мать Зарежского²⁸ с семьей замужней дочери. Они не ожидали так скоро его увидеть, зная, что он тяжело был ранен на Кавказе и не рассчитывал вернуться домой прежде, чем совершенно оправится от болезни. Зарежский боялся, чтобы радость свидания с ним не повлияла дурно на здоровье матери, которая его безгранично любила и была некоторое время поражена параличом после известия о тяжелой ране сына. В нерешительности Владимир Александрович не знал, что делать, но пока он раздумывал, тройка тихо въезжала уже в ворота, и дворовая челядь, узнав своего молодого барина, бросилась ему помогать сойти с высокой почтовой телеги, а из дома раздавались громкие возгласы, и Александра Степановна, выбежав на встречу сына, в обмороке упала ему на руки. Сестры и ее мужа в это время не было дома, и они вернулись уже тогда, когда Александра Степановна, оправившись от обморока, любовалась могучей наружностью своего сына. И действительно, ее Володя, уехавший на Кавказ красивым безусым юношей, вернулся теперь совершенно возмужалым. Это был молодой человек, шатен, высокого роста и сильного сложения, красивое открытое лицо которого было

крайне симпатично, а военный сюртук с Георгием в петлице придавал ему еще больше интереса.

Для Владимира Александровича на другой же день был приготовлен особый каменный двухэтажный флигель на дворе, где он и поместился до переезда в деревню. Зарежские принадлежали к старой дворянской фамилии и имели большие поместья, и потому их знали не только горожане, но и вообще в губернии. Почему приезд выгодного жениха оживил надежды маманек, которые по этому случаю удвоили свои посещения дома Зарежских, но Владимир Александрович, ограничившись только необходимыми визитами, переехал ранней весной в ближайшее к городу поместье.

Деревня Отрада²⁹, пожалованная предкам Зарежского, славилась красотой своего местоположения. Громадный дом с несколькими флигелями для гостей, расположенный на возвышенной местности, находился в тенистом парке с широкими аллеями из тополей, соединявшими эту усадьбу с другим в двух верстах от нее поместьем Зарежских, где были водяная мельница, большой скотный и псарный двор и разные мастерские³⁰. Глубокая река³¹, извиристо протекавшая вдоль парка, отделяла усадьбу от заливных лугов, известных в окрестностях ружейной охотой, а за лугами тянулся ряд лесистых гор с ущельями, из которых местами быстро текли родники. Различные мостики и киоски, разбросанные в разных местах парка, служили причудливой затеей предков Зарежского, и Александра Степановна заботливо поддерживала их для своего единственного сына.

По приезду в деревню Зарежский был встречен крестьянами обеих вотчин хлебом-солью и земными поклонами, как это делалось в старое крепостное время, а им в свою очередь были розданы подарки и приготовленное угощение брагой и разными яствами. Освобожденные в тот день от барщины крестьяне по-своему веселились, распевая собственное сочинение песни, а молодые девушки водили хороводы.

Приезд молодого помещика во многом изменил прежние порядки между крестьянами. Дворовым людям, которых насчитывалось около 80 человек обоего пола, всем было назначено небольшое жалованье, а управляющему и бурмистрам было запрещено впредь отдавать крестьянских девок замуж без их согласия. В тех же случаях, когда крестьяне не могли сосвататься в своих вотчинах, им разрешалось приискивать невест в деревнях других помещиков, и для них жены покупались. Александре Степановне хотя и казались странными эти новые порядки, но она не мешала сыну в его распоряжениях, выказывая соседям, что для нее теперь настал отдых от помещичьих забот; пос-

ле чего она даже передала сыну и третью большую вотчину в отдаленном уезде³² той же губернии.

Это первое лето после отставки Зарежский преимущественно посвятил хозяйственным заботам, объезжая вотчины и довольствуясь только любимым развлечением — ружейной охотой. Зимой же он провел в Петербурге в хлопотах по получению большого наследства в Нижегородской губернии после умершей прабабки. В столице у него были высокопоставленные родственники, из числа которых Соловой, близко стоящий к князю Петру³³, значительно помог ему в этом крайне запутанном деле. У Солового на родственном обеде он встретил сестру его фон Джексон³⁴, которую перед отъездом на Кавказ Зарежский знал еще смолянкой, и за эти годы она успела быть замужем за командиром одного из гвардейских полков и уже овдоветь. Ольга Петровна была очень симпатичная женщина, фрейлина двора, светская и кокетливая, вращавшаяся в высшем обществе, она сразу произвела впечатление на Зарежского. Они скоро сделались друзьями, посещали вместе оперу, маскарады, концерты и пр. Зима подходила к концу, и Зарежский чувствовал что-то странное, расставаясь со столицей, хотя и не сознавал, что именно. Прощаясь с семейством Солового, он разговорился об открывающемся в его губернии женском институте и шутил советовал устроить там Ольгу Петровну начальницей, заметив, что князь Петр, вероятно, в этом охотно поможет. Но Соловой, смеясь, сказал, что сестра слишком молода, и получить назначение начальницей института в 28 лет очень трудно, даже имея шифр и придворное звание. Этот шуточный разговор, однако, произвел впечатление на Ольгу Петровну, и, прощаясь с Зарежским, она, улыбаясь, сказала:

— А может быть, и до свидания!

Железная дорога в то время шла только до Москвы, и приволжскому жителю приходилось около 10 дней ехать на почтовых. После чего Владимир Александрович, не заглядывая в город, проехал в Отраду, где уже находилась Александра Степановна. Этой весной у них появились новые соседи, семейство Готовцевых. Живя постоянно зиму в Москве, а лето в подмосковной деревне, после смерти самого Готовцева³⁵ они продали подмосковное имение и переехали в С[аратовскую] губернию. Отец Татьяны Васильевны³⁶ был известный купец-старообрядец, золотопромышленник³⁷, который, выдав свою дочь замуж за гусарского ротмистра М.А. Готовцева, купил в приданое в разных губерниях около 4000 душ крестьян, а после своей смерти оставил не один миллион денег. Старший из сыновей Готовцевой, Владимир³⁸, в это время был офицером гвардейской кавалерии и женатый на графине Головкиной³⁹, второй, Ардалион⁴⁰, еще учился в кадетском корпусе, а третий,

Митрофан⁴¹, совсем еще маленький. Кроме сыновей у Готовцевой были еще две дочери: Елизавета⁴² и Мария⁴³. Все они в это время собрались в селе Дьяковка⁴⁴, в семи верстах от Отрады. Старший Готовцев вскоре приехал к Зарежским, вызвав таким образом визит Владимира Александровича, который, познакомившись с хозяйкой дома и ее старшей дочерью, говорил потом матери, что он не знал, с какой из них был любезнее, так как сорокалетняя вдовушка была крайне пикантной и интересной. С Владимиром Готовцевым он вскоре сошелся и, бывая у них нередко, увидел наконец и младшую сестру, которая по наружному виду хотя и казалась взрослой, но в душе была совершенный ребенок.

Среднего роста, изящная блондинка, с маленькими ручками и ножками, Мари обладала очень красивыми глазами — серыми с поволокой. Имея живой характер, она в то же время избегала общества. Это лето многие из соседей, бывая у них, совсем ее не видели, разве только издали, когда она промелькнет где-нибудь в цветниках, или убегающей с книгой из сада при появлении посторонних, что нередко случалось видеть и Зарежскому.

Однажды он как-то застал ее на качелях, высоко летающей в воздухе, и когда Владимир Александрович стал к ней подходить, то Мари, желая придержать свое платье, которое раздувало ветром, опустила руки и, не удержавшись, полетела с большой высоты. Одним прыжком Зарежский успел подхватить ее на воздухе, но после падения Мари ему на грудь у него пошла кровь горлом.

Испуганная девушка, видя побледневшего Зарежского, бросилась в дом, произвела суматоху и, забыв свою нелюдимость, первая прибежала к нему с водой и спиртом.

Этот случай сблизил соседей, так как Татьяна Васильевна поспешила с дочерьми сделать визит Александре Степановне, и затем, навещая заболевшего Зарежского, Готовцевы стали бывать довольно часто в Отраде. По мере его выздоровления нелюдимость Мари снова возвращалась, и в то же время, когда сестра с братом и его женой делали всевозможные экскурсии в сопровождении Зарежского, она отказывалась от общества прогулок и одиноко оставалась в парке.

Лиза же Готовцева не скрывала своих симпатий к Зарежскому и, восхищаясь Отрадой, даже говорила ему, что ничего не желала бы более, как жить в таком чудном уголке, а ее маменька, не стесняясь, рассказывала о большом приданом, которое она готовила старшей дочери.

— Вот видишь, — говорила она Александре Степановне, — моей Лизе уже исполнилось 18 лет, и хотя в Москве представлялись ей выгодные партии,

да ведь женится и завезет куда-нибудь от меня, а мне хотелось бы, чтобы она вышла за помещика нашей губернии. Дьяковка с пятьюстами душ пойдет ей в приданое, да столько же душ в Пыльновке⁴⁵. Свадьбу сделала бы в Москве, где в банке уже на нее положено 300 000 рублей.

Александра Степановна, улыбаясь, слушала эти рассказы и, зная бескорыстие своего сына, делала вид, что не понимает, к чему все это говорилось.

В конце осени Готовцевы перебрались в С[аратов], где, несмотря на свое огромное состояние, они, однако, жили очень скромно⁴⁶, посещая лишь театр и концерты. Круг их знакомых ограничивался семействами родных по матери⁴⁷ да еще немногими молодыми людьми, которые успели познакомиться с Владимиром Михайловичем Готовцевым.

Зарежский бывал у них изредка, так как, имея обширное знакомство, он был везде желанным гостем. Красавиц в это время в С[аратове] было много как в помещичьих семьях, так и в высшем чиновничьем кругу, и кумушки то и дело приписывали Зарежскому невест. Но молодой человек не думал жениться так скоро, говоря матери, что ему и так хорошо живется и что он лет десять воспользуется свободой.

Готовцева под конец зимы проводила своего старшего сына в гвардейский полк⁴⁸, куда он вновь поступил по случаю Крымской войны, и, предполагая до наступления весны переехать в Дьяковку, выговаривала Зарежскому, что он редко их посещает, почему Владимир Александрович стал бывать у них чаще. Посещения эти Лиза приняла на свой счет, стараясь занимать Зарежского tête-à-tête⁴⁹, а Мари, поздоровавшись с гостем, вскоре уходила на свою половину, откуда доносились только мелодичные звуки рояля или едва слышный грустный напев ее небольшого голоса.

Перед отъездом Готовцевых в деревню Зарежский зашел к ним как-то вечером и застал в гостиной только хозяйку дома и вице-губернатора Кузьмичева⁵⁰. Это был богатый молодой человек, помещик С[аратовской] губернии. Приход Зарежского, видимо, помешал их беседе, и после некоторого молчания Кузьмичев, вставая, обратился к хозяйке дома со словами:

— Итак, я смею надеяться на счастье получить руку вашей дочери?

— Конечно, — ответила Готовцева, — ей не останется ничего более, как благодарить вас за честь, которую вы делаете нашему семейству.

И с этими словами отворила дверь во внутренние покои дома и громко позвала Мари.

Молодая девушка, ничего не подозревая, быстро вбежала в гостиную и, сделав им низкий реверанс, остановилась перед матерью. Татьяна Васильев-

на объяснила ей, что Кузьмичев просил ее руки, добавив, что она дала свое согласие, но Мари, гордо повернувшись к Кузьмичеву, сказала:

— Какое вы имели право, не зная моих чувств, просить моей руки у матери?

Когда же растерявшийся жених заметил:

— Ваше сердце, быть может, занято, тогда я извиняюсь.

— Да, оно занято! — ответила Мари и, протянув руку Зарежскому, добавила: — Вот человек, которого я люблю и буду замужем за ним, или в монастырь!

Эта неожиданность как громом поразила Владимира Александровича, и, поцеловав протянутую руку девушки, он обратился к матери, сказав, что хотя ему и не приходило в голову жениться, но теперь, узнав чувства ее дочери, он, в свою очередь, просит ее руки.

Взбешенная мать, рассчитывая за Зарежского выдать свою старшую дочь, тут же отказала ему под предлогом молодости Мари. После чего оба претендента раскланялись, и когда они уходили, то Мари, в присутствии матери крепко поцеловав Зарежского, отдала ему свое кольцо. Освирепевшая мать бросилась к ней, но та уже успела скрыться.

На другой день семейство Готовцевых вместо Дьяковки уехало в губернский город близ Петербурга, где стояли лейб-драгунский и уланский полк, в котором служил Владимир Готовцев³¹.

Зарежский передал все случившееся матери и сестре, чувствуя себя крайне неловко, так как женитьба не входила в его планы, и неожиданное происшествие у Готовцевых стесняло его во многом, но чудное личико Мари в минуты признания и ее отчаяние после отказа матери Зарежскому произвели на него сильное впечатление. Он сделался задумчив и, перестав бывать в обществе, торопливо перебрался в деревню.

Гуляя по своему парку, он останавливался в тех уголках и гротах, где Мари любила уединяться во время общих прогулок, и, вспоминая наивернувшиеся однажды у нее на глаза слезы, когда он вдвоем гулял с ее сестрой, Зарежский тут понял причину грусти этого чистого ребенка. Ему сильно защемило сердце, и тоскливое чувство еще больше им овладело.

Прошло два весенних месяца. Зарежский не получал никаких известий о том, что делается у Готовцевых, но, зная, что они живут вместе со старшим сыном, которого всегда посещал большой круг гвардейских товарищей, к нему сначала закралось чувство ревности, перешедшее постепенно в равнодушные.

«И в самом деле, — думал Зарежский, — можно ли полагаться на постоянство такого ребенка, как Мари, которой хоть еще 16 лет. Блеск мундиров и лоск гвардейской молодежи, наверно, вскружат ей голову, и она только будет сожалеть о случившемся».

Владимир Александрович уже начал приходить в обычную колею, — стал посещать соседей, ходить на охоту и делать по-прежнему обычные еженедельные поездки в город. Как вдруг однажды он получает письмо от m-me Готовцевой. Сердце его екнуло, предполагая, что идет речь о Мари, но как-то же было разочарование, когда о ней даже не упоминалось ни слова.

Татьяна Васильевна описывала свое безвыходное положение вследствие дерзкого с ней поступка управляющего Протопопова, который, вздумав устроить шантаж и угрожая ей мстью за измену, намеревался за это удержать для себя крупную цифру дохода с ее имения. При этом Готовцева прилагала подлинное письмо Протопопова и просила ее защитить.

Владимир Александрович хотя и был раздражен умалчиванием матери о Мари, но, тем не менее, поспешил на другой же день пригласить к себе Протопопова из Дьяковки и после бурной сцены заставил его возвратить письма Татьяны Васильевны и удержанные им деньги, сделав затем распоряжение о передаче временно заведование Дьяковкой старшему бурмистру Готовцевых.

Затем, не получая более от них никакого известия, Зарежский с негодованием взглянул последний раз на кольцо Мари, которое он постоянно носил на руке, снял его и, запятив в бюро, предал забвению всю эту странную историю.

Неожиданности, однако, преследовали Зарежского. Проезжая вскоре после этого через город, он был несказанно удивлен, увидев у сестры Ольгу Петровну фон Джексон; Зарежский даже ахнул от удивления. Оказалось, что она была назначена начальницей дворянского института и до открытия его поселилась у сестры Зарежского Екатерины Александровны Иваницкой, муж которой занимал видную правительственную должность и приходился Ольге Петровне дядей³².

Дружба Зарежского и Ольги Петровны перешла вскоре в более сердечные отношения, и хотя Ольга Петровна была на пять лет старше, но его искренне полюбила. Узнав об истории с Мари, она не только не противодействовала в этом случае, но, напротив, высказывала симпатии к этой девушке и желала Зарежскому полного с ней счастья.

Интересуясь Мари, она часто заставляла рассказывать о ней и невольно пробуждала в Зарежском его прежнее к ней чувство.

Положение Ольги Петровны, как молодой начальницы с придворным званием, было блестящее. Дети сформированного ею института обожали свою молодую Матан, а родители при всяком удобном случае оказывали ей всевозможное внимание. В обществе она держала себя с таким достоинством, что, несмотря на свою молодость, с первых же дней приобрела всеобщее уважение.

Осенью этого года Зарежский снова получил письмо Готовцевой. На этот раз она уведомляла, что старшая дочь вышла замуж за полковника Голикова, а Мари исполнилось 16 лет. И что, несмотря на все старания заставить ее забыть Зарежского, Мари отказывала всем, кто делал ей предложения, хотя это были все люди достойные и с видным положением, в числе которых она называла одного молодого флигель-адъютанта, а также ротмистра Голиковского и 38-летнего генерала, командира полка⁵³, в котором служили ее сыновья. В конце письма Татьяна Васильевна добавляла, что если его мысли не изменились относительно Мари, то она охотно назовет его своим зятем.

Прочитав это письмо, Зарежский долго не мог собраться со своими мыслями, и, полный различных сомнений, он написал самый уклончивый ответ, выражая удивление, почему ничего не написала сама Мари, если она его помнит. И затем он оставался в полном убеждении, что дело этим и кончится.

Но вскоре он получил новое письмо, уже от Мари, которое было переполнено выражениями сердечных мук в пережитое ею время разлуки с Владимиром Александровичем, и [она] просила как можно скорее приехать к ним в Москву, предупреждая, что Заряжский уже не найдет ее прежней и цветущей и беззаботной девочкой, а исхудалым зеленчуком.

Письмо это, как и надо было ожидать от впечатлительного человека, загло в нем с новой силой угасшее чувство, и Зарежский, передав все это матери и сестре, уже на третий день, напутствуемый их благословением, спешил к своей невесте.

Продолжительная поездка на почтовых через Пензу и Нижний заставила Зарежского передумать многое, и так как в своих отношениях с будущей тещей он не предвидел ничего хорошего, то и решил как можно скорее вырвать Мари из их семьи, от которой не мог ожидать теплых, родственных отношений. С такими тяжелыми чувствами Зарежский въехал в Москву, где заранее решил остановиться в лучшей тогда гостинице Шевалдышева⁵⁴, чтобы после свадьбы не оставаться в доме тещи. Но, несмотря на это настроение, он в тот же день поехал к Готовцевым.

Мари, видимо, ожидая своего жениха, выбежала к нему на подъезд и со слезами радости несколько минут оставалась в его объятиях. Она действи-

тельно страшно похудела, и ее милое личико носило следы пережитых страданий. Особенно бросилась в глаза ее поразительная бледность, так что даже на висках были видны синие жилки.

Взволнованный этим Зарежский вошел вслед за ней в гостиную, где хотя и встретили его любезно замужняя сестра и невестка, но невольно чувствовалась с их стороны некоторая принужденность. Свидание же с будущей тещей последовало не так скоро. Татьяна Васильевна под предлогом нездоровья оставалась продолжительное время в своей комнате, где и приняла потом Зарежского. Она грациозно лежала на кушетке, выставив свои маленькие ножки в золотых туфлях, и кокетливо куталась в малиновую бархатную, подбитую соболем душегрейку. Необычайная для ее лет свежесть лица и ненатуральный блеск глаз довершали красоту этой миниатюрной вдовушки.

Владимир Александрович в первый раз поцеловал ее руку, но Татьяна Васильевна вместо обычных приветствий стала с усмешкой рассказывать о своих неудачных попытках заставить Мари забыть его и выйти замуж за другого, добавляя, что она не была уверена в постоянстве Зарежского и рассчитывала встретиться с ним в Дьяковке лишь добрыми соседями. Владимир Александрович, помня историю с Протопоповым, молча выслушал это странное вступление и просил только поспешить своей свадьбой, так как до Рождественского поста оставалось не более трех недель.

На другой же день для Зарежского начались хлопоты. И так как в Москве тогда разрешалось венчать только в том случае, когда жених и невеста находились там не менее двух месяцев, то и решение было уехать в какой-нибудь уездный город, и, к вящему неудовольствию Татьяны Васильевны, ей пришлось расстаться со своими напускными недугами и предпринять неожиданное путешествие.

По московскому шоссе быстро катили две дорожные кареты. В одной из них была Готовцева с замужней дочерью и невесткой, а в другой Зарежский и Мари. Здесь в первый раз пришлось им на свободе высказать свои чувства и заглянуть в далекое будущее, которое, как и всегда в таких случаях, рисовалось им в розовом цвете. Они любили друг друга и были счастливы, что теперь уже никто не разлучит их более. Расстояние до Серпухова им показалось очень коротким, и они очнулись от своих мечтаний лишь тогда, когда экипажи остановились у подъезда гостиницы.

Но с этого времени начался ряд неудач. Заштатному священнику, который хотел их повенчать, благочинный, узнав, что они приехали из Москвы, запретил. Ехать же дальше не представлялось возможности, так как Ока по-

крылась салом⁵⁵, и существовавший тогда для сообщения с другим берегом только паром был снят, а между тем до поста оставалось всего несколько дней.

После этого решено было ехать в имение Готовцевых в Тульской губернии⁵⁶, но надо было дожидаться, пока на Оке станет лед. Зарежский и Мари по несколько раз в день смотрели на реку и, увидев, как на лодке с опасностью для жизни перевозили курьера, посланного Государю из Севастополя⁵⁷, готовы были последовать его примеру, но Татьяна Васильевна не хотела о том и слышать. И лишь на третий день после этого представилась возможность путешественникам перейти Оку по доскам, положенным на едва образовавшийся лед. Зарежский и Мари, близко прижавшись друг к другу и не думая об опасности, шли впереди. После них вереницей на большом расстоянии один от другого следовали остальные. Татьяна Васильевна горизонтально держала в руках длинный шест и, волнуясь за целостность шкатулки с ее драгоценностями, которую сзади нес провожатый, то и дело оборачивалась назад, возбуждая смех толпившегося у речки народа.

После благополучной переправы на другой берег, где находилась почтовая станция, путешественники в двух санях торопливо держали путь в село Гритчано Тульской губернии, и там наконец 14 ноября 1855 года Зарежский и Мари были повенчаны⁵⁸. Маленькая каменная церковь и старичок священник были единственными свидетелями глубоких чувств жениха и невесты. Слезы умиления Мари беспрестанно падали на ее чудный подвенечный наряд, который, видимо, готовился не для деревенской церкви, а Зарежский был настолько углублен в молитву, что несколько раз на вопрос священника о свободе выбора жены отвечал невпопад, и когда пришлось меняться кольцами, уронил кольцо. Счастливая пара, чуждая разным предрассудкам, вздохнув свободно после разных перипетий, стремилась как можно скорее вернуться в Москву, где для молодых Зарежских была приготовлена особая квартира.

Татьяна Васильевна с Лизой и невесткой Ириной Григорьевной⁵⁹ вернулись в Москву несколько позже, и, встреченная своими сыновьями-гвардейцами, занялась устройством обеда для новобрачных, на который были приглашены и другие жившие в Москве родственники Готовцевых.

Обед начался довольно оживленно, но едва успели выпить за здоровье молодых, как подана была телеграмма из Финляндии от полковника Голикова, которой он извещал жену, что его товарищ Поликовский, узнав о замужестве Мари, застрелился. О телеграмме этой Лизавета Михайловна хотела умолчать, но по требованию матери она была прочитана и, конечно, на всех произвела тяжелое впечатление. В довершение всего милая теща не

стеснилась добавить, что Поликовский действительно искренне любил ее дочь, а Владимир Александрович женился только из каприза. Заряжский был сильно возмущен этой выходкой, но умоляющий взор Мари сдержал его гнев и предотвратил готовящуюся разыграться семейную сцену. Таково было начало семейной жизни Зарежских.

Через несколько дней Зарежские готовы были уехать в С[арато]в, но Татьяна Васильевна, задумав произвести раздел рязанских имений ее покойного мужа⁶⁰ между своих детей, просила Владимира Александровича принять вместо нее на себя звание попечителя над детьми, из числа которых только один старший сын был совершеннолетним⁶¹. И, кроме того, привезла ему доверенность на управление ее собственными вотчинами в несколько тысяч душ крестьян и для ведения тяжбы с мужем ее сестры Тельпуновым⁶² по синеморским рыбным промыслам Астраханской губернии⁶³, где на долю Готовцевой приходилось получить свыше двух миллионов рублей. Зарежский как дворянин в душе был далек от всяких коммерческих дел, и так как купеческое родство его тещи всегда его шокировало, то, несмотря на миллионы, он вовсе не расположен был принимать участие в их торговых делах. Но Готовцева пустила в ход все свои женские уловки и добилась того, что Зарежский согласился на все это. И через месяц после женитьбы он должен был отправиться в Рязань, где в Егорьевском уезде принял в свое хозяйственное управление около 1000 душ крестьян.

Поездка эта окончилась серьезной болезнью Зарежского. Он, простудившись, получил воспаление легких и был доставлен в Москву едва живым. Заботливая теща привезла его в квартиру молодого домашнего врача Тушинского, своего ami de la maison, во время лечения которого положение Владимира Александровича ухудшалось с каждым днем. Тушинский почему-то находил необходимым для больного оставаться совершенно одному, вследствие чего теща, у которой жили старшая дочь и свояченица, беспрестанно увозила Мари или в театр, или к себе, устраивая в это время рауты с молодежью, в числе которых особенно часто приглашался бывший жених Мари Гонецкий и отставной кавалергард Петр Кириллович Рыжкин, ухаживавший за старшей дочерью в отсутствие ее мужа. И хотя мать запрещала о том говорить больному, но Мари не выдержала этого и, рассказав мужу, просила не отпускать ее более от себя.

За это время у Зарежского к воспалению легких присоединилось страшное нервное расстройство, и по его требованию были приглашены тогдашние знаменитости Овер и Иноземцев⁶⁴, после лечения которых он только через три месяца был в состоянии переехать в свое Отрадинское имение.

Александра Степановна была счастлива, видя сына женатым на любимой девушке, но в то же время была сильно поражена его болезненной наружностью. Здоровье Зарежского настолько подорвалось, что он в продолжение целого лета не мог заниматься хозяйством, и приглашенный с того времени домашний врач, согласно писем Иноземцева, все время следил за его здоровьем. И только в конце осени рассеялись опасения родных за жизнь Владимира Александровича.

Зимой Зарежский с женой и матерью переехал в город, в роскошно реставрированный для молодых дом⁶⁵, в ближайшем соседстве с домом его сестры. Этот оригинальный одноэтажный барский дом был переполнен мебелью известных в то время петербургских мастеров Гамбса и Тура⁶⁶, приложивших все старание, чтобы показать свое искусство в провинции. Тяжелые драпри из дорогих материй украшали окна и двери парадных комнат, устланных ценными коврами. Особенно причудливо было обставлено большое столовое зало с массой высоких экзотических растений, между которыми порхали настоящие колибри, а в одной из ниш этой залы была задрапирована только что появившаяся в то время музыкальная машина.

Второй же достопримечательностью была купальная комната в два света с круглыми окнами из цветных стекол, и в ней вместо пола во всю величину комнаты был устроен бассейн из белого мрамора, ежедневно наполнявшийся свежей водой. Внутренние же покои также отличались роскошью и изяществом.

Этой роскошной обстановке гармонировал и богатый выезд Зарежского, для которого были выписаны из Вены лучшие экипажи и приобретено известных заводов более двадцати кровных лошадей.

Вскоре молодые сделали визиты своим родным и знакомым Зарежского, которым Владимир Александрович с гордостью представлял свою юную жену. Обмен визитов продолжался довольно долго, и по мере того, как они подходили к концу, Зарежский становился все мрачней и мрачней. Его тяготила мысль, что он должен представить свою жену Ольге Петровне фон Джексон. Та же самая мысль беспокоила и Александру Степановну, которая знала о глубокой привязанности Джексон к ее сыну и искренне ее любила, переписываясь постоянно с ней из деревни и навещая ее, больную, каждый день в городе, умалчивая о том сыну. От него скрывали об ее серьезной болезни, начавшейся вскоре после его отъезда в Москву. И Зарежский был страшно поражен, увидев Ольгу Петровну безнадежно больной, в чахотке.

И хотя Ольга Петровна никогда не останавливалась на мысли быть женой Зарежского, высказывая ему, что разница лет между ними неминуемо должна

поколебать со временем счастье супружества, но этот последний визит был началом новых мучений Зарежского, счастье которого было омрачено воспоминанием о безграничной привязанности к нему этой женщины.

При таких условиях началась жизнь молодых Зарежских, но Мари, ничего не зная о прошлом мужа, боялась лишь новых неприятностей со стороны своей матери, которая вскоре затем приехала в С[аратов] в сопровождении старшей дочери с больным мужем.

Константин Дмитриевич Голиков⁶⁷ по окончании Крымской войны тотчас же подал в отставку и поселился в Дьяковке, которая была отдана в приданое жены.

Спустя некоторое время съехались и прочие члены семьи: старший Готовцев с женой и второй его брат, также вышедший в отставку.

Начатый раздел был кончен, и рязанские имения с миллионными капиталами перешли к сыновьям, а Мари получила несколько деревень⁶⁸ С[аратовской] губернии, хотя всего около восьмисот душ крестьян, но доходность их доходила не более половины, полученной старшей дочерью⁶⁹. Тяжба с Тельпуновым по синеморским промыслам была начата Зарежским, который, забывая все неприятности с тещей и ввиду малой опытности прочих членов семьи, принял заведование всеми ее вотчинами, а так как в ее подгородней Ивановской ферме⁷⁰ производились постройки, то Готовцева и отправилась вместе с зятем их осматривать. Не совсем отстроенный небольшой для приказчика флигель был еще без мебели и дверей, почему для ночлега в двух соседних комнатах вместо кроватей им пришлось довольствоваться сеном и коврами.

Бедовая теща долго не могла заснуть, переговариваясь с Зарежским, и уже далеко за полночь, как бы в полусне, просила Владимира Александровича погасить свечку в ее комнате.

Зарежский, видимо, недовольный этой выходкой, совершенно оделся и исполнил желание тещи, которая в это время, полузакрыв глаза и соблазнительно потягиваясь, как кошка, прикрывала простыней свои полуобнаженные плечи.

На другой день, возвратясь в город, Готовцева, несмотря на свою неудачу, как ни в чем не бывало болтала с Зарежским, посвящая его в тайны семейных отношений своей старшей дочери, муж которой, полковник Голиков, при своей рыцарской честности, как оказалось, был алкоголиком. Он это тщательно скрывал не только от посторонних, но даже от своей жены. Бывая в гостях и дома, он ни за что не соглашался даже выпить целую рюмку столового вина, но неожиданный случай его обнаружил. Ложась спать, он

имел обыкновение ставить под постель бутылку, объясняя жене, что держит в ней воду для того, чтобы во время сна, не раскрывая глаз, утолять жажду, после чего, однако, курил. Лизавета же Михайловна как-то ночью тоже захотела пить и, вспомнив о бутылке с водой, не раскрывая глаз глотнула такого крепкого сарептского бальзама⁷¹, что чуть не задохнулась. С того времени это обстоятельство перестало быть тайной, но бедный Голиков настолько уже разрушил свое здоровье, что вскоре затем скончался в злейшей чахотке, и жена его, любимица матери, снова переехала к ней в дом.

Со времени женитьбы Зарежский, видимо, желал посвятить себя семейному очагу. Почему, ограничиваясь самыми необходимыми посещениями знакомых, проводил все время дома.

Дружеские отношения Владимира Александровича к старшему брату жены перешли вскоре почти в обожание, и Зарежский для того только, чтобы видеть близ себя Готовцева, не задумываясь, согласился продать ему за бесценок находившуюся в версте от Отрады деревню Бековку⁷². После чего различные мастерские и псарный двор были переведены в Отраду, где тесно связанные дружескими отношениями оба семейства и прожили в деревне даже целую зиму.

Деревенский кабинет Зарежского представлял собою арсенал охотничьих принадлежностей и ружей различных мастеров Европы. О большой же его псовой охоте знали даже и за пределами С[аратовской] губернии, почему, при широком его гостеприимстве, деревенская жизнь далеко не сокращала расходов, а так как и в городском доме Зарежских всегда оставалось полное хозяйство, то 50 000 годового дохода всегда были для них недостаточными.

Кроме годового врача, приезжавшего еженедельно из города, в Отраде находился постоянно ветеринарный врач Михей Максимович Буркин⁷³.

Это был человек лет 45, высокого роста, с природным умом, но со странными манерами⁷⁴. Родителей своих он не знал, так как на другой день после его рождения его передали в Московский воспитательный дом⁷⁵, где, достигнув известного возраста, он был выпущен в фельдшера с назначением на казенную должность в Иркутскую губернию. Там при его недюжинных способностях во время оспенной эпидемии он оказал особое отличие, за которое был произведен в первый гражданский чин с наименованием подлекаря⁷⁶.

В Сибири Буркин женился на какой-то сиротке, дочери чиновника, получив в приданое 3000 рублей. На эти деньги он с женой отправился в Петербург и поступил в ветеринарную академию⁷⁷, где блестяще кончил курс, но так бедствовал, что жена его и двое детей умерли там с голода. Затем Буркин получил в С[аратовской] губернии правительственную должность в

земледельческом училище⁷⁸ по соседству с имением Иваницких, но, не сойдясь со своим начальством, вышел в отставку и поступил домашним ветеринаром в экономии Иваницкого⁷⁹ и Зарежского на 50 рублей в месяц. Буркин был очень религиозен и, живя в городе, каждый день ходил к заутрене, а дома нередко по целым ночам молился богу. Принципалы⁸⁰ ценили его как дельного человека, но, получая особое содержание, он к столу никогда не приглашался.

Зарежский и Иваницкий, хотя и имели значительное скотоводство и много лошадей, но, как страстные охотники, щеголяли один перед другим своими псарнями. До двухсот собак Зарежского помещались в обширном псарном дворе, где в большом флигеле жили доезжачий⁸¹, псари и охотники. Из этого флигеля выходила дверь в длинный, освещаемый ночью всяческими лампами коридор, где по обеим сторонам, отделенные невысокими барьерами, находились открытые закуты для борзых собак, наполненные соломой. Закуты же гончих отделялись высокими решетками.

В эту осень съезд гостей у Зарежского был особенно большой, и в числе прочих даже приезжали со своими охотами из Пензы А.Н. Арапов⁸² и из Симбирска П.М. Мачевариани⁸³. Так что запасные флигеля и закуты псарного двора и конюшни с трудом могли поместить все охоты.

Каждый день с вечера посылались очередные псари подвывать⁸⁴ зверя в намеченных островах, куда до рассвета отправлялись охота и собаки; в более дальние острова перевозились в фургонах. Затем, спустя некоторое время, в линейках, на лихих тройках вереницей подъезжали к этим островам гости Зарежского.

Борзятники со сворами собак, закустившись, уже стояли на лозах, гости же охотники расставлялись на лучшие мыса по отрожинам. Стремной⁸⁵ хозяина подавал сигнал в рог, и стая из сорока смычков⁸⁶ гончих псарями и выжлятниками⁸⁷ запускалась в остров.

С этой минуты мыс оживал: гиканье псарей и звуки рожков, извещавших о поднятом звере, смешивались с чудным концертом подобранных голосов стаи гончих, травля борзыми выгнанного в чистое поле зверя довершала роскошную картину охоты.

Наконец остров взят. Псари, выехав из опушки леса, вызывают оставшихся в резерве гончих, а борзятники направляются к стоявшим в отдалении экипажам на привал. Более счастливые из них самодовольно оглядываются на свои седла, где в тараках виднеются волки или лисы.

На разложенных коврах у привала стоит батарея бутылок с винами и различными яствами, быстро уничтожаемая большим обществом барей-охотни-

ков. Подается разогретый борщ и тут же изготовленный на вертеле вкусно пахнущий шашлык. Разговорам нет конца! Каждый рассказывает о своем успехе или неудаче, объясняя, как сворой борзых был взят старый волк прямо в горло или как ловкими прыжками обозрена⁸⁸ в бурьянник запавшая лисица. Тут же подводят раненых зверем собак, которым делают перевязки или примачивают укушенные места арникой⁸⁹, их ласкают и подкармливают. Вызывается старший доезжачий, который докладывает, какие из гончих первыми напали на след зверя и сколько понорилось⁹⁰ лис. Ему дается двойная чарка водки, и затем разносят борзятникам, прочим псарям и выжлятникам вместе с остатками завтрака.

На обратном пути к дому, по желанию Мачаварьянова, охотники идут с борзыми в ровняшку, любуясь резвостью его полухортых⁹¹ собак, которые без угонки ловили русака.

Дома гостей ожидал обильный ужин, приготовленный крепостными поварами под руководством старшего подмастерья московского Английского клуба, известного в то время Михайла Максимовича, которого вывез к себе Зарежский.

Во время дневок иногда под навесами псарного двора устраивался завтрак для гостей, которые, соперничая своими собаками, показывали их друг другу, и однажды Мачаварьянов держал даже пари, ставя червонец за каждую блоху, которая будет найдена в псовине его полухортных собак. Их выводили одетыми в попоны или шерстяные куртки и настолько холили, что после кормежки щипец⁹² у них вытирали полотенцами.

Молодой Зарежской далеко не нравились эти гости, и потому она никогда не принимала участия в охотах, проводя большую часть этого времени в обществе своей вдовой сестры и жены старшего брата Ирины Григорьевны, которая, в свою очередь, пользуясь отсутствием мужа, особенно дружила с его меньшим братом Ардалионом. Этот двадцатилетний юноша, красивый гвардеец, однако же часто прихварывал, и заботливая Ирина Григорьевна проводила нередко целые ночи у его постели. Такое внимание жены его к брату доверчивый Владимир Михайлович ценил особенно.

С наступлением холодного времени гости разъезжались. По пороше Зарежский никогда не ездил с собаками, но любил вместе со старшим Готовцевым и Иваницким охотиться с подъезда на тетеревов. Причем Мари, любившая троечную езду на санях, иногда сопутствовала мужу, доставляя этим ему большое удовольствие, хотя для прочих охотников присутствие всякой женщины далеко не нравилось ввиду предрассудка, что женское общество всегда приносит в охоты неудачу. Кроме того, Зарежский в этих поездках с

женой вдобавок разбирал малейшие раскаты и ухабы, потому что Мари уже чувствовала себя матерью.

В это время Татьяна Васильевна гостила у вдовой дочери в Дьяковке, куда по случаю падежа рогатого скота ветеринар Буркин часто ездил по приказанию Зарежского. Татьяна Васильевна, в противоречие ее наклонностям, была очень набожна, тратила много на церковь, жгла неугасимые лампы, любила принимать различных странниц и, по целым дням увлекаясь романами, обязательно перед сном прочитывала главу из Евангелия. Встречая часто Буркина в церкви и видя его религиозность, она пригласила его в дом, где, беседуя о божественном, они подружились не на шутку.

Весной, против обыкновения, Заряжские должны были переехать в город, где готовилось все необходимое для ожидавшегося первенца. И затем вскоре у них родился сын. Роды Мари настолько были тяжелы и она так страдала, что Зарежский в отчаянии поскакал ночью к священнику и просил его помолиться в церкви. Раздались редкие удары большого соборного колокола, и во время молитвы священника при открытых царских дверях Зарежский на коленях со слезами молился за страдальцу. Мари едва осталась живой, и это обстоятельство с появлением первенца сделало большой переворот в жизни Зарежского. Он дни и ночи просиживал у изголовья больной жены, любуясь своим сыном.

После родов Мари Татьяна Васильевна была извещена об этом, и, приехав на третий день, к всеобщему изумлению привезла к Зарежским Буркина, рекомендуя его своим мужем.

Обстоятельство это поразило все семейство. Мари, находившаяся еще в постели, заболела нервной горячкой, при которой оглохла, и едва не потеряла рассудок от молока, бросившегося в голову. Зарежский же, не будучи в состоянии примириться с мыслью видеть в Буркине своего beau-frère⁹³, который незадолго перед тем у него в бане толк лекарства для собак, прервал всякие отношения со своей тещей.

После этого Буркины хотя и не бывали у Зарежских, но Мари изредка навещала мать.

Вскоре затем Зарежскому пришлось пережить еще тяжелые минуты. Он узнал от сестры, что Ольга Петровна Джексон тает как воск, доживая последние дни в чахотке, и что она желала бы с ним проститься. Поздно сожалея, что он за это время совсем у нее не бывал, он поспешил исполнить ее просьбу.

В большой гостиной молодой начальницы института стояла за ширмами кровать, на которой лежала больная. Мертвенная бледность Ольги Петров-

ны еще больше оттеняла величину ее больших темных глаз, потухающий кроткий взор которых с любовью был устремлен на Владимира Александровича. Зарежский не выдержал и упал на колени перед ее постелью и крепко поцеловал ее протянутую руку.

— Ольга, Ольга! — произнес он с отчаянием. — Что с тобой? Прости меня, ведь я люблю тебя все так же!

Больная печально улынулась.

— Поздно, друг мой, — сказала и, показав на сердце, добавила, — здесь моя смертельная рана.

На другой день не стало больше Ольги Петровны⁹⁴. Она тихо скончалась на руках своей сестры⁹⁵. Ее хоронил весь город с высшим духовенством и властями, оплакивая эту безвременно погибшую молодую жизнь.

Смерть Джексона особенно удручающе подействовала на Зарежского, так как он узнал от сестры, что Ольга Петровна часто жаловалась на бесцельность своей жизни и однажды, во время пребывания его в Москве после женитьбы, возвращаясь зимой с официального бала у губернатора⁹⁶ и выйдя из кареты, умышленно простояла долгое время в снегу в открытых бальных башмачках, отчего и получила воспаление легких, перешедшее затем в чахотку.

После всего этого Зарежский, задавшись мыслью посвятить себя семье, совершенно изменил свой образ жизни. Он редко бывал у посторонних, проводя целые дни в заботах о своем первенце. Сам купал его в отрубях и каждый день, сажая с собой кормилицу, катался с ним в карете. Зимой не посещал ни клуба, ни театра, где у них была всегда абонированная ложа, до дверей которой он только провожал Мари, оставляя ее там в обществе ее вдовой сестры и свояченицы.

Последовавшая затем смерть его первенца довела его до нервной горячки. Оправившись от болезни, Зарежский долго никуда не показывался, и любимым его занятием в это время были только цветы, за которыми он ухаживал, выращивая редкие экземпляры тюльпанных деревьев, камелий и прочих растений. Особенно его занимали цветущие лилии, которыми он украдкой осыпал дорогие ему могилы.

С переездом Зарежских в деревню Владимир Александрович стал постепенно возвращаться к обычной жизни. Но псовую охоту он сократил до минимума, отправив в подарок несколько стай гончих и много борзых собак своим добрым знакомым. Его дорогие ружья служили лишь украшением кабинета, а лучшие оставшиеся на псовом дворе собаки и комнатные подружейные довольствовались только ласками своего хозяина.

Зарежский часто упрекал Мари, что она ни разу со времени их женитьбы не заглянула в его псарный двор и не погладила ни одной его любимой собаки; но упреки эти молодая женщина оставляла без внимания и, в свою очередь, высказывала сожаление, что муж ее никогда не служил. Это несогласие начало порождать между ними неудовольствие.

В семействе Владимира Михайловича Готовцева тоже начало замечаться некоторое охлаждение, и прежние их поездки вдвоем с женой в шарабанах или верхом в Отраду к Зарежским или в Дьяковку, когда жила там вдовая сестра, становились все реже и реже. После же появления у них второго ребенка⁹⁷ Ирина Григорьевна особенно его полюбила, хотя первая у них чудная девочка была совершенно портретом отца.

Готовцев был очень красив и симпатичен. Небольшого роста худощавый брюнет, он имел настолько уклончивый характер, что никогда и ни с кем не ссорился. В гвардейском полку, где он служил, его любили все товарищи и особенно те, которые имели одинаковую с ним страсть меняться чем ни попало, начиная с дорогих запонок, колец, часов и пр. Все эти вещи видели на нем самое большее две недели, и рассказывают, что в полку у них до того доходила эта страсть, что, не имея ничего заветного, однажды кто-то поменялся даже своими женами.

Владимир Михайлович получил за женой значительное состояние и, имея сам богатые вотчины в разных губерниях, скоро их прожил, так что Бековка, купленная у Зарежского, была последней. Владея капиталом, Готовцев в городе подобрал себе несколько любителей меняться из местной аристократии, с которыми и проводил все вечера, играя в штос⁹⁸ на разные вещицы, экипажи, лошадей и пр. В деревне же, скучая без партнеров, покупал лошадей разных заводов, выезжал их под верх⁹⁹, как хороший кавалерист, затем натаскивал подружейных собак и при первом удобном случае все это спускал меной за бесценки. Но, несмотря на эту странную склонность, противоречащую характеру Зарежского, последний всю жизнь продолжал его настолько любить, что, достаточно было Готовцеву что-либо похвалить, Зарежский тут же это дарил ему. А однажды, когда Владимир Михайлович, купаясь в глубокой реке около Дьяковки, начал вследствие обморока тонуть, то Зарежский, прибежав на его крик, бросился в воду и с опасностью для жизни вытащил его со дна реки. При этом состоянии утопавшего было настолько серьезно, что он с трудом был приведен в сознание лишь после всевозможных средств, принятых подоспевшими женой и сестрами.

Отношения Мари и Ирины Григорьевны становились с каждым годом теснее, чему много способствовала большая дружба Мари с ее вторым бра-

том Ардалионом, с которым Зарежский, напротив, был в крайне натянутых отношениях с самого начала своей женитьбы. Ардалион Готовцев, приезжая в имение своего брата, был в Отраде не более двух раз и то в отсутствие Зарежского, который со своей обычной наблюдательностью скоро понял, что Ардалион внес разлад в семью старшего брата. Это ему особенно стало понятно после однажды сорвавшихся слов Владимира Михайловича, что он жалеет, что Зарежский не дал ему утонуть.

Такое положение двух близких семей тянулось несколько лет, в продолжение которых Зарежский, утешаясь вновь родившимися у них детьми¹⁰⁰, принадлежал всецело семье, а Мари, не любившая общества и вообще выезды и посещавшая только один театр, постоянно выражала неудовольствие, что муж стал не таким, каким она его знала до замужества, и, главное, что он нигде не служит.

II

Наступил 1860 год. Дворянство, озабоченное предстоящей крестьянской реформой, съезжалось зимой в губернский город, где происходили его совещания, и двери дома Зарежского снова открылись. Владимир Александрович, которого в губернии знали как крупного помещика нескольких уездов, должен был волей-неволей опять погрузиться в водоворот жизни. Реформа эта не могла не интересовать его, хотя в продолжение шести лет своего затворничества он не показывался на выборах, но в этот раз, уступая желанию дворянства, был блестяще выбран предводителем отдаленного от губернского города Кузьминского уезда¹⁰¹, куда вскоре и должен был отправиться. Мари же не считала возможным совсем переезжать туда с детьми.

Зарежский не рассчитывал жить постоянно в Кузьминске, так как в то время почти все уездные предводители имели обыкновение зиму проводить с семействами в губернском городе, почему он и ограничился там наймом квартиры и лишь необходимой обстановкой для временного пребывания.

Приняв дела и посетив всех помещиков в уезде, он некоторое время пробыл в уездном городе, где пришлось ему немало поработать по делам опеки.

Дамское общество, знавшее Зарежского еще неженатым и затем слышавшее о его затворничестве, настолько было им заинтересовано, что взбунтовало своих мужей и заставило вне очереди назначить в честь его вечер в клубе, пригласив для того бальный оркестр. Зарежский хотя и отказался от

танцев, но настолько был польщен вниманием, что счел обязанностью пройти польский с каждой из дам. За ужином беспрестанно пили за его здоровье и говорили речи, выражая надежду, что он уничтожит рознь и соединит дворянство уезда, среди которого уже несколько лет существовал раздор благодаря соперничеству четырех бывших ранее предводителей¹⁰².

После этого вечера, возвратившись к себе, Зарежский долго не мог уснуть. В его голове теснились мысли одна за другой. Он вспомнил свою прежнюю привольную холостую жизнь, немногие счастливые дни супружества, омраченные семейным разладом под влиянием тещи, и затем продолжительное затворничество, на которое он обрек себя, желая оставаться верным любимым жене.

«И к чему, — думал он, — было Мари заставлять его бросить семью и ту жизнь в стенах своего дома, к которой он уже привык. Неужели она, сказавшая ему первое слово любви, не стесняясь гнева матери и присутствия постороннего человека, и отвергнувшая привязанность другого, который в день ее свадьбы даже лишил себя жизни, теперь ради тщеславия готова была, не задумываясь, разъединить свою семью».

— Ах, Мари, Мари! — добавил он вслух. — Зачем тебе было нужно столько лет настаивать на моей службе и особенно предводителем дворянства, который обязан посвятить себя дворянской семье, а вместе с тем и окупаться снова в омут общественной жизни.

Зарежский провел рукой по лбу, как бы отгоняя тяжелые мысли, и со словами:

— Пусть будет так, чему суждено быть, — закрыл глаза и крепко уснул.

На другой день уже было 10 часов утра, когда Зарежский, привыкший вообще вставать рано, на этот раз был разбужен камердинером, доложившим о приходе разных подведомственных ему лиц. Он поспешно оделся и любезно принял их в зале. Выслушал исправника¹⁰³, который, служа тогда по выборам дворянства, имел обыкновение докладывать предводителю о происшествиях. Затем, занявшись в своем кабинете делами опеки и личными уездного предводителя, прочел между прочим полученное письмо от губернского предводителя, который просил поторопиться возвращением в С[аратов], где спешно оканчивались работы губернского комитета по крестьянскому вопросу.

Этот исторический комитет, состоя из уездных предводителей и особо избранных от каждого уезда дворян, находился под председательством губернского предводителя. Обсуждение при закрытых дверях предложенных вопросов и различные о них мнения имели большой интерес, потому что дво-

ряне, желая, с одной стороны, исполнить волю Государя, предвидели, в то же время, свое будущее оскудение. Причем те из них, у которых было много земли и мало крестьян, смотрели более хладнокровно на предстоящую эмансипацию, но владевшие малоземельными вотчинами относились к этому иначе, так как, лишаясь нескольких сот душ крестьян при наделении их землей, сами нередко должны были оставаться при двух— или трехстах десятинах. Самая же лучшая доля выпадала мелкопоместным, имевшим менее двадцати душ, за которые правительство выплачивало деньгами, а земля оставалась у владельца, почему некоторые ввиду этого поспешили даже выдать своим крестьянам отпускные.

Губернский предводитель князь Ущербов¹⁰⁴ сильно волновался на этих заседаниях, и каждое мнение против освобождения крестьян настолько приводило его в отчаяние, что он под конец пришел даже в ненормальное состояние. Возвращаясь домой, он колотился затылком в стену и с холодными компрессами на голове, несмотря на зимнее время, ночевал в карете, подвезенной к окнам его спальни.

В губернском комитете Зарежскому пришлось столкнуться с совершенно неизвестной личностью, Скорбутовым¹⁰⁵, с которым его познакомил Скибнев¹⁰⁶, один из немногих друзей Зарежского, также уездный предводитель.

Скорбутов был довольно высокого роста, недурно сложенный, худощавый, с маленькими рыжеватыми усами и длинной шевелюрой серого цвета. Его крючковатый нос и выпуклые светло-серые глаза далеко не производили приятного впечатления. И наружность его показалась Зарежскому знакомой; когда же он разговорился о нем со Скибневым, то оказалось, что Скорбутов несколько лет ранее служил у Скибнева письмоводителем, где Зарежский и видел его однажды разносившим на подносе шампанское.

После этого Скорбутов служил членом дворянской опеки, получая жалованья 400 рублей в год. И так как в том уезде дворян почти не было¹⁰⁷ (даже и все выборы в нем производились соседним уездом), то по протекции предводителя Скибнева Скорбутов был назначен в комиссию по крестьянскому вопросу с ассигновкой 300 рублей в год на проживание в губернском городе. Сам Скорбутов не имел никакого состояния, получив по разделу лишь 5000 рублей от братьев¹⁰⁸, за которыми осталось все их небольшое имение¹⁰⁹.

С возвращением к семье у Зарежского каждый день обедал кто-нибудь из приезжих дворян, и, кроме того, были роскошно обставленные званые обеды, на которые приглашались наиболее почетные дворяне и губернские власти. И хотя Мари, не любившая общество, редко показывалась в этих слу-

чаях, уезжая всегда к своей матери, Зарежский по этому поводу уже не делал ей никаких замечаний. И Мари, к своему удивлению, вскоре увидела мужа в театре, где им абонировано было кресло первого ряда помимо ее ложи.

Ни балов, ни званых вечеров Зарежский не пропускал, и Мари, ожидавшая его далеко за полночь, только тут поняла, как тяжело было одиночество мужу, когда ему почти каждый день приходилось ждать ее из театра во время его шестилетнего затворничества. Когда же во время *folle-journée*¹¹⁰ в доме дворянского собрания были отправлены туда Зарежским несколько троек в санях, то, после продолжительного его с дамами катания за городом, Мари окончательно растерялась и решила, наконец, высказать свое неудовольствие. Но Зарежский был уже глух к этим упрекам, свободно отдаваясь волне, которая несла его в водоворот жизненных искушений.

Скорбутов, познакомившись с Зарежским, не замедлил сделать визит не только ему, но и Буркиной, зная, что у нее живет вдовья дочь, которой, недолго думая, и решил сделать предложение.

Оскорбленная этим предложением Татьяна Васильевна не велела Скорбутова более принимать, рассчитывая, что для ее богатой дочери всегда найдется лучшая партия. И когда через некоторое время приехал к Буркиной старший брат¹¹¹ Скорбутова, отставной гусарский офицер, то она сожалела, что не он первый стал бывать у них в доме.

Неудачное сватовство Скорбутова не обескуражило, и, продолжая бывать у Зарежских, где он часто встречал вдовую Голикову, он старался достичь своей цели, надоедая Зарежскому просьбами устроить его счастье.

Елизавета Михайловна Голикова, со времени своего вдовства пользуясь постоянными советами Зарежского по делам ее имения, была с ним настолько в хороших отношениях, что даже, не скрывая, рассказывала ему и сестре о разных претендентах на ее руку, и, сожалея, что все они были очень мизерные, добавила, смеясь, что если бы Скорбутову приставить другую голову, то с его туловищем она бы, пожалуй, примирилась, и затем полушутя сказала Зарежскому:

— Присмотрись, пожалуйста, к этому Скорбутову, и если найдешь, что он не особенно будет противен, то дай ему за меня слово.

Зарежский, дружески относясь к своей вдовой *belle-soeur*¹¹², с которой он был даже «на ты», отнесся к этой шутке серьезно и, разузнав от Скибина, что у Скорбутова кроме бедности и некрасивой физиономии других недостатков не было и что он был даже человек далеко не глупый, как-то весной перед отъездом в деревню после новых просьб Скорбутова дал ему согласие от имени Голиковой. Скорбутов чуть не сошел с ума от радости и, бросившись цело-

вать Зарежского, едва не выколол ему глаз своим носом, так что Владимиру Александровичу пришлось несколько дней ходить с подвязанным глазом.

В этот же вечер Голикова, узнав эту неожиданную новость, сначала сильно смутилась, но затем, видимо, скучая своим вдовством, покорилась недобдуманно сказанному поручению, утешая себя пословицей, что стерпится — слюбится.

Решение Голиковой привело в страшное негодование ее мать, и она, обвиняя в том Зарежского и придумывая различные предлоги, чтобы расстроить этот брак, уговаривала дочь отказать Скорбутову и уехать с ней на некоторое время в Москву. Но Голикова осталась при своем решении и переехала к Зарежским в Отраду, где после своего венчания в Дьяковке прожила с мужем у них половину лета.

На свадьбе, конечно, ни ее мать, ни отчим не были, но зато Зарежским были приглашены из отдаленного уезда все родные Скорбутова, которым в Отраде было оказано всевозможное внимание.

Тысячи плошек, фейерверки и бенгальские огни, устроенные Зарежским в честь новобрачных, рассеяли до некоторой степени неприятное впечатление молодой Скорбутовой, которой на этот раз пришлось выходить замуж без благословения матери.

Недели через две после свадьбы Зарежский, проводив родных Скорбутова, уехал в Кузьминский уезд, где был предводителем.

По возвращении оттуда, когда Скорбутовы собирались переехать в губернский город, Зарежский предложил им до приискания квартиры остановиться у него в доме, и в их распоряжение не только были предоставлены повара, прислуга и выезд, но даже он просил их все время проживания там быть его гостями.

И что же! В минуту отъезда из Отрады Скорбутов решил заплатить за все родственное внимание деньгами, вручая Зарежскому 300 рублей. Это настолько возмутило Владимира Александровича, что поданная ему пачка ассигнаций полетела в догорающий камин, но испуганный Скорбутов успел их выхватить, хотя заплатился ожогом руки.

Такая выходка Скорбутова, однако же, не изменила их родственных отношений, так как вспыльчивый Зарежский, высказав негодование, тут же снизошел к своему новому родственнику ради своей свояченицы, которая сделалась его женой, и приписал это непониманием бескорыстия родственных отношений.

19 февраля 1861 года, положив конец крепостному праву помещиков, доставило много хлопот уездным предводителям, на обязанности которых

лежало не только открытие в уезде волостных и сельских правлений, но и председательство в съезде мировых посредников, а также председательство в особых правительственных комиссиях для разбора различных дел по жалобам крестьян на станowych приставов, исправников, служивших по выборам дворянства, и даже помещиков. А к тому же в отдаленном Кузьминском уезде начались и крестьянские беспорядки, вследствие чего Зарежский весь этот год до зимы провел в этом уезде, и деятельность его там была настолько выдающейся, что о ней узнала вся губерния. В Кузьминском же уезде дворяне, сплотившись около Зарежского, при всяком удобном случае давали ему овации.

Но, несмотря на все это, Мари, прожившая почти год без мужа, уже чувствовала себя несчастливой, и ее далеко не утешали частые посещения матери, пользовавшейся отсутствием Зарежского и старавшейся все более и более восстановить дочь против мужа. Письма Владимира Александровича к семье за это время хотя и были по обыкновению очень нежными, но Мари всегда чувствовала, что в них чего-то недостает, и большая теплота всегда проглядывала к детям.

Зарежский вернулся в губернский город в разгар зимнего сезона, и после обмена визитами с начальством и знакомыми снова начались у него завтраки, обеды и пр. Он никогда не любил участвовать в кутежах, почему на этот раз особенно сошелся с тремя известными в губернии стариками-театралами¹¹³. Один из них, семидесятилетний Столпин¹¹⁴, прозванный под старость Аписом¹¹⁵, был когда-то губернским предводителем и, выиграв тогда в карты несколько тысяч душ крестьян, сделался в то же время откупщиком. В молодости он любил покутить и однажды, на первой неделе великого поста, празднуя с цыганками в ресторане немецкую масленицу¹¹⁶, заплатился за это высочайшей немилостью, лишившей его возможности продолжать дворянскую службу при запрещении являться в Петербург. После чего богач Столпин, имея дочерей, жил открыто в Москве, давая знаменитые балы, на которые съезжалась не только петербургская знать, но и некоторые высокопоставленные лица.

В 60-х годах, под старость, Столпин уже жил в провинции и пользовался всеобщим уважением. Он почти всем мужчинам, и иногда даже немолодым, говорил «ты», и те сносили это подобострастно, но самолюбивый Зарежский на первых же порах осадил его, что умному Столпину понравилось, и они после этого, несмотря на разницу лет, сделались большими друзьями.

Второй приятель Зарежского, декабрист Зонтов¹¹⁷, во время бунта командовал ротой лейб-гвардии Семеновского полка и был сослан в Сибирь, но

впоследствии ему возвратили чины, и даже был дан в отставке мундир, который он и носил до самой смерти. Зонтов принадлежал также к числу богатых помещиков в губернии и имел знаменитый завод рысистых лошадей.

Третий же приятель Зарежского, старый отставной лейб-гусарский офицер Кротов¹¹⁸, состоял в то время попечителем местной мужской гимназии и был также богатый помещик.

Все они были люди семейные и имели взрослых дочерей, что не мешало им, однако же, быть страстными театрами и дежурить во время антрактов за кулисами.

В этот сезон публика особенно обращала внимание на молодую талантливую актрису Алексееву, которая принадлежала к бедной дворянской семье¹¹⁹ и, получив достаточное образование, поступила после смерти отца на московскую сцену, откуда и была приглашена на этот раз в С[аратов] в драматическую труппу.

Алексеева, несмотря на свою молодость и кокетливость, была очень хитра и как умная девушка задалась мыслью приобрести себе исключительное положение не только в труппе, но и в обществе. Держа себя неприступно, она достигла того, что ее принимали во многих дворянских семействах, а театралы, бесплодно ухаживая за ней, не смели ей в бенефис передавать деньги иначе, как в кассе или лично в запечатанных конвертах, где вместо нескольких рублей оказывались сотни.

Триумвират вышеназванных стариков положительно млел перед Алексеевой и, не стесняясь своими преклонными годами и посторонними лицами, при каждом удобном случае с обожанием целовал ее руки, а Апис Столпин на коленях вымаливал у нее согласие прокатиться в его открытом экипаже, наслаждаясь тем, что его видят с ней вместе.

Был бенефис Алексеевой. Шла «Гроза» Островского, где роль Екатерины она сыграла неподражаемо. Масса букетов на бенефициантку сыпалось из лож, и под неумолкаемые аплодисменты ей поднесен был роскошный несессер с серебряными вещами, а под конец спектакля передали ей на сцене много бриллиантовых вещей, и триумвират стариков, млея перед своим кумиром, под конец охрип и чуть не отколотил себе руки.

Публика разъезжалась, но старики и молодежь, отправившись за кулисы, долго ожидали артистку, пока она покажется из уборной, и затем чуть не на руках с триумфом проводили ее до экипажа.

Зарежский хотя и был в душе театралом и щедро вносил свою лепту в пользу артистов, но был настолько горд, что никогда не появлялся за кули-

сами. И это обстоятельство интриговало Алексееву, которая старалась с ним познакомиться.

После этого бенефиса триумвират беззубых стариков пропел у нее в доме маленький романс, сочиненный по их просьбе Зарежским и положенный на музыку Кротовым. Старики, шамкая, пели:

В ней не искал я развлеченья
И не ухаживал за ней,
Одну тоску, одно мученье
Я испытал, когда был с ней!
Красавицей ее назвать не смею
И так же гением ума,
Но от чего ж при ней я так робею,
А без нее — чуть не схожу с ума?
Бывал я в операх, в балете,
В кругу прелестных дам,
Но нет милей ее на свете,
Я в том сознаюсь вам.
Но кто ж она, вы знать хотите?
Артистка ... чудная для света.
Назвать ее вы не просите,
Любовь моя, другого нет ответа.

Алексеева, избалованная своими поклонниками, шаловливо погладила по голове Зонтова и Кротова, а Столпина поцеловала в лысину, причем они, конечно, ловили ее руки и целовали ее пальчики. Когда же ей сказали, что автор стихов Зарежский, то она смутилась, и после этого каждый раз во время игры в самых патетических ее сценах не спускала глаз с Зарежского, что и было замечено не только ее ревнивыми стариками, но и публикой.

Театр перед этим только что выстроили новый¹²⁰, и по своей величине и внутренней отделке он был несравненно лучше малых театров столицы. Губернатор, тайный советник Игонин¹²¹, учредив под своим председательством театральную дирекцию¹²², в составе которой был триумвират стариков, особенно позаботился об укромных уголках своей ложи, позади которой и ныне осталась для забавы губернаторов маленькая гостиная с потайной дверкой за кулисы. В этой гостиной, отделенной от ложи сплошной драпировкой, Игонин приятно проводил время с той или другой из актрис, и чаще всего был с балериной Никитиной, сделавшейся вскоре его помпадуршей. Это знала вся губерния и особенно полиция, которая при всяком случае отдавала ей честь и, дожидаясь ее у бокового крыльца, подобострастно усаживала

в экипаж. Когда же Игонин уезжал по губернии, то он всегда говорил полицеймейстеру:

— Не забывайте Армянскую улицу!^{123!}

И тот аккуратно являлся каждый день к балерине справляться об ее здоровье, а ворота ее дома тщательно охранялись полицейской стражей.

Игонин был человек семейный, имея прекраснейшую, всеми уважаемую, но далеко не молодую жену¹²⁴, которая сквозь пальцы смотрела на проказы своего мужа и даже, после того как выдала свою единственную дочь¹²⁵ замуж за сына бывшего в то время военного министра¹²⁶, иногда приглашала к себе по вечерам по желанию мужа некоторых актрис. И хотя в это время у них, кроме стариков, никто не бывал, однажды Игонин пригласил и Зарежского.

Владимир Александрович всегда любил дамское общество, но сближения с актрисами избегал, находя, что они остаются актрисами и вне сцены. Ему пришлось на этот раз впервые очутиться в обществе, где он чувствовал себя далеко не в ударе и потому большую часть вечера провел возле хозяйки. Когда же сели за ужин, то Игонин, переглядываясь со своими директорами, с улыбкой усадил Зарежского рядом с Алексеевой, которая и пустила в ход все свои чары, чтобы заинтересовать своего соседа.

Гости разъезжались, и у подъезда дождалась артисток губернаторская карета, но так как на этот раз кроме Алексеевой и Никитиной была приглашена еще очень молодая актриса Лиза Мишина¹²⁷, то Алексеева, к удивлению стариков, просила Зарежского довести ее до дома.

Эта неожиданная выходка Алексеевой, которая никогда не позволяла даже старикам отвозить себя по ночам из театра, удивила Владимира Александровича, и ему ничего не оставалось более, как усадить ее в свою карету и почти молча довести до дома. Но это было еще не все. Подъезжая к своей квартире, окна которой были ярко освещены, Алексеева просила Зарежского зайти к ним, говоря, что она и мать давно хотели заманить его к себе. И этот случай был началом его знакомства с Алексеевой и ее вдовой матерью, титулярной советницей Дубасовой, игравшей в той же труппе первые роли старух.

В начале весны небогатым казанским помещиком Аверковичем в С[аратове] была сформирована новая труппа для загородного театра¹²⁸, в состав которой вошли Алексеева и Никитина. И так как Аверкович желал блеснуть, то им приглашены были известный в то время оперный певец Климовский¹²⁹ и многие драматические артисты императорских театров и даже европейская знаменитость Олдридж¹³⁰.

Хотя загородный театр и был всегда полон, но содержание такой блестящей труппы превышало доходы, и Аверкович, находясь в безвыходном

положении, обратился к Зарежскому как известному того времени театралу, который, имея постоянную ложу, очень часто приезжал из своего имения за 40 верст от города, просиживая до конца спектакля, и уезжал прямо из театра обратно в деревню. Владимир Александрович, всегда называвший деньги бранным металлом, передал тут же несколько тысяч Аверковичу.

Такая щедрость Зарежского не могла не остаться без пересуд, и общество, стараясь найти этому причину, остановилось в этом случае на Алексеевой, которая, не скрывая, высказывалась при всяком удобном случае о своих к нему симпатиях.

Осень того же года Зарежский последний раз провел в Кузьминске и оставил службу там предводителя и более туда не возвращался. В то же самое время Владимир Александрович лишился своего соседа, брата жены Готовцева, который продал Бековку пензенскому помещику Сальникову¹³¹, переехав с семейством в город.

Павел Васильевич Сальников, отставной гусарский поручик, только что перед этим женился на дочери генерала Бугаева Вере Ивановне, большой музыкантше, обладавшей замечательным голосом.

Они не замедлили познакомиться с Зарежским, и знакомство это перешло в дружеские отношения, которые продолжались и по переезде зимой обоих семейств в губернский город, где Сальников даже снял квартиру рядом с домом Зарежских.

Вера Ивановна, имея большое влияние на обожавшего ее мужа, делала все, что хотела, и, перезнакомившись с обществом, устраивала у себя обеды, рауты и музыкальные вечера. Ей было около 25 лет, и хотя она была далеко не красавицей, но при ее кокетливости воспринималась чрезвычайно интересной. Черные жгучие глаза Веры Ивановны и реал bronze¹³² напоминали обитательниц киргизских степей, но главное ее очарование заключалось в ее сильном, богатом контральто. Участие ее в благотворительных концертах привлекало всегда много публики и особенно мужчин.

Сальников, богатый человек, бывший гусар, любил покутить и сорил деньгами, проигрывая в банке¹³³ солидные суммы. Но Вера Ивановна никогда не выражала своего недовольства, хотя муж почти каждый день возвращался из клуба далеко за полночь, так как сама безгранично пользовалась свободой и была довольна отсутствием мужа во время ее вечеров, потому что Павел Васильевич, будучи человеком в высшей степени честным и симпатичным, в то же время был весьма недалекий. И нередко случалось, что он, покутивший на своих вечерах, становился на колени перед женой и, целуя ее пальчики, рассказывал гостям о своей безумной к ней любви, намекая и

о каких-то особенных ее качествах как женщины. Тут Вера Ивановна вышла из себя и со сверкающими глазами тигрицы убежала от него в другую комнату, прося гостей засадить мужа за карты, что только и избавляло ее от этих страстных супружеских излияний.

Мари Зарежская на вечерах Сальниковой в эту зиму была не более двух раз, хотя Вера Ивановна, пользуясь и в городе ближайшим соседством, часто приходила к ним по нескольку раз в день, советуясь и показывая свои беспрестанно менявшиеся туалеты перед визитами, балами, концертами и пр., и проводила у Зарежских все свои свободные вечера.

Когда же Мари заболела страшнейшим ревматизмом, то Вера Ивановна, несмотря на ее светскость, не только перестала появляться в обществе, но и целые ночи проводила у изголовья больной и, отбросив свои причуды избалованной роскошью женщины, даже нередко спала на постланном тюфяке на полу у кровати больной.

III

У Буркиных, с которыми Зарежский не виделся семь лет, произошли за это время большие перемены. Миллионный процесс по синеморским промыслам был ими выигран, и Михей Максимович ежегодно по нескольку месяцев путешествовал по святым местам, отдавая тайно от жены по нескольку десятков тысяч монастырям.

Узнав об этом, Татьяна Васильевна просила старших сыновей и зятя Скорбутова урезонить Михей Максимовича, но они посоветовали ей разойтись с мужем, чего, однако же, эта бесхарактерная женщина не сделала и, примирившись с супругом, ставила им же этот недружелюбный совет в упрек.

Такой оборот дел смутил будущих наследников миллиона, и они, желая заглядеть свой промах, стали подобострастно смотреть на дальнейшие поступки Михей Максимовича. Так что следующая поездка Буркина на богомолье вызвала самое нежное внимание этих родственников. Старшая дочь со своим мужем Скорбутовым и жена Владимира Готовцева Ирина Григорьевна заботливо сами укладывали в чемодан его вещи, а при расставании все они даже прослезились.

Буркин отсутствовал несколько месяцев. Побывал на Афоне, в Иерусалиме и, наконец, пожертвовав от имени жены 50 000 рублей на вновь открыв-

шуюся отдаленную женскую обитель¹³⁴, записал там в религиозном экстазе ее настоятельницей.

По возвращении мужа Татьяна Васильевна получила от высшего духовенства той местности, где открывалась обитель, форменную бумагу с выражением благодарности за это пожертвование и извещение о утверждении ее в этом звании.

Этот курьезный случай вызвал целую семейную бурю, и так как наученные опытом сыновья и Скорбутов уклонились от резкого вмешательства в это дело, то Татьяна Васильевна решила собрать у себя в доме полный семейный совет. Для чего после многолетнего разрыва с Зарежскими она приехала к нему и, сознаваясь в опрометчивости своего замужества, со слезами просила Владимира Александровича подать ей в этом случае руку помощи.

Впечатлительный Зарежский, несмотря на прежнее недоброжелательство тещи, отнесся к ней в этом случае с полным почтением и не замедлил приехать в ее дом с женой в назначенное время. Там он застал всех ее родных.

Буркин, не зная, чему приписать появление Зарежского, бросился к неожиданному гостю с распростертыми объятиями, и Владимир Александрович, относясь к нему до его женитьбы на теще всегда симпатично, не оттолкнул его. Татьяна Васильевна, возмущенная таким обхождением с ее мужем, начала за это упрекать Зарежского и обвинять мужа в ограблении ее в пользу монахинь. Сцена эта казалась сначала смешной, так как Буркин, улыбаясь, только отмалчивался, но когда Татьяна Васильевна в своем азарте плюнула ему в лицо, то он, взяв ее за руку, хотел вывести в соседнюю комнату. Нареченная игуменья, сопротивляясь, упала на пол, крича о помощи. Но освирепевший, в свою очередь, супруг протащил ее по паркету через всю комнату и, бросив в зале, затворил за ней дверь. Нежные родственники поспешили уходить из дома, но Зарежский не выдержал этой недостойной сцены и позвал прислугу, с помощью которой и удалил Буркина со двора, а Татьяну Васильевну с ее малолетним сыном на другой же день перевел в меблированные комнаты, сдав дом ее под открывшийся коммерческий клуб¹³⁵.

В городе в это время известны были двое юридов: Антонюшка, парень лет 30, появившийся неизвестно откуда с детства¹³⁶, и пятидесятилетняя Настя, которая каждый день являлась на базар кормить голубей. Она была всегда одна, Христа ради, в изношенных дамских платьях не по росту и в старомодной шляпе с целой оранжереей на ней ярких цветов. Верстах в пяти от города, за мужским монастырем, в горах у них была пещера, украшенная иконами с лампадами и даже паникадилом. Тут они жили и молились.

Буркин, как оказалось, часто посещал их и значительно способствовал их обстановке, почему, после того как он был удален из дома жены, он отправился прямо туда, где, поселившись, тоже начал юродствовать и, надев на себя подряник и скуфью¹³⁷, посыпал улицы города овсом, окруженный стайей голубей. Узнав об этом, Зарежский настоял, чтобы теща выдавала Буркину определенное ежемесячное содержание.

Татьяна Васильевна, успокоившись, наконец, насчет целостности своих оставшихся капиталов и отделившись от чести быть настоятельницей монастыря, стала снова посещать дом Зарежских и, прогостив затем у них в деревне лето, снова принялась сеять раздор в семье дочери, возбуждая на этот раз ее ревность к соседке Сальниковой.

Мари при ее скрытом характере хотя и не показывала своих сомнений в верности мужа, но становилась задумчивой и печальной, чего не мог, конечно, не заметить муж и сильно любившая ее Александра Степановна.

Зима 1862 года была не менее оживленна при вторичных дворянских выборах С[аратовской] губернии во время реформ, и многим из предводителей пришлось уступить свои места новым лицам, причем самым значительным по числу дворян уездом при губернском городе был избран в уездные предводители Зарежский заочно, так как он в это время был сильно болен, страдая ревматизмом головы с воспалением мозговой оболочки.

Этот заочный почетный выбор Зарежского, который до утверждения губернского предводителя государем должен был заступить его место, дал повод его врагам начать против него злобный поход. Губернатор князь Ущербов, задержав утверждение Зарежского в должности, отправился с избранным в губернские предводители Слепуховым¹³⁸ в Петербург, где объяснили министру внутренних дел¹³⁹, что Зарежский находился накануне сумасшествия. Слух об этом дошел до города С[аратова]. Воспользовавшись этим, родственники жены Зарежского с ее матерью и Скорбутовым во главе подали о том же заявлении управляющему в это время губернией вице-губернатору Перешникову¹⁴⁰, ходатайствуя о назначении опеки над именем Зарежского. Причем Татьяна Васильевна, найдя, что это самый подходящий момент для осуществления давно таившегося в ее голове желания развести дочь с мужем, пустила в ход всю свою хитрость, которая и удалась ей.

Владимир Александрович в это время совсем уже выздоравливал, но еще не выходил на воздух и, ослабевший после болезни, большую часть времени проводил в вольтеровском кресле, а Мари читала ему вслух, сидя у его ног на полу на вышитой ей подушке. Зарежский, хотя и знал, что мать и род-

ственники жены, кроме старшего брата, относятся к нему неприязненно, потому что Мари не раз просила не отпускать ее к ним, так как она слышит там о муже одно только дурное; тем не менее он уговорил ее навестить Татьяну Васильевну, так как Мари уже несколько недель ее не видела.

На этот раз Мари отослала карету домой. обстоятельство это хотя показалось Зарежскому странным, потому что жена его последние годы не оставалась нигде без него долго, а тем более теперь, когда он не выходил из дома, но тем не менее Зарежский просил гувернантку не ждать жену к обеду и накормить детей. Прождав же Мари до вечера, он послал за ней лошадей и был удивлен докладом лакея, что у Татьяны Васильевны он барыни не нашел, и где она, ему не было сказано.

Объясняя этот ответ только раздражением тещи, от которой Мари могла уехать к сестре или старшему брату, Владимир Александрович все еще ее дождался и взволнованный ходил по комнатам, не заметив в нервном возбуждении даже наступления утра следующего дня. Когда же приехал домашний врач, ежедневно посещавший его семейство, то измученный всевозможными предположениями Зарежский, с согласия доктора, поспешил сам к теще узнать, в чем дело, и был поражен ее словами, что Мари больше к нему не вернется, так как она узнала, что Зарежский будто бы уже два года находится в самых близких интимных отношениях с Сальниковой. Узнав причину отсутствия жены и убежденный, что это не более как происки тещи, Зарежский с улыбкой простился с ней и поехал к старшему брату Мари Владимиру Готовцеву, жена которого дружила с Мари, но тоже неприязненно относилась к нему, вторя в этом случае младшему брату Мари Ардалиону. И едва он вошел в залу Готовцевых, как из будуара Ирины Григорьевны выбежала Мари и, рыдая, бросилась на шею к мужу со словами:

— Володя, Володя, зачем нас хотят разлучить, мы так любим друг друга! Ведь я просила тебя не пускать меня...

Но не успела она кончить этой фразы, как из той же комнаты явилась Ирина Григорьевна и Милица Михайловна, которые увели едва стоявшую на ногах Мари, сказав, что ей надо успокоиться и что она скоро выйдет. Но это скоро оказалось очень долгим, и слышны были только рыдания Мари и крупный разговор ее утешительниц.

Наконец, совершенно оправившись, Мари медленно вышла к мужу и, наэлектризованная советами этих своих родственниц, докторальным тоном начала излагать условия, на которых она может вернуться домой. Первым требованием ее было избавить ее от всяких женских знакомств. Потом, что-

бы муж сложил с себя заведование не только ее именьями, но даже своим собственным, чтобы он выдал ей с детьми отдельный вид, как получила ее невестка. На все эти требования Зарежский улыбался, целуя ее и изъявляя полное свое согласие. А когда Мари с надменностью предупредила мужа, что затем она вернется к нему не прежней покорной женой Машей, но самостоятельной Марьей Михайловной, Зарежский вспыхнул от гнева и, сказав, что двери его дома откроются только для прежней покорной жены Маши, поспешно удалился, и это было последними минутами их девятилетней супружеской жизни.

Характер Зарежского был таков, что он любил только тогда, когда его любили, и потому последние слова жены, к которой он был безгранично привязан, сразу погасили в нем его сильное чувство, и он, вернувшись домой только обиженным, тут же отослал жене с дворецким все, что ей принадлежало.

Двор загроможден был отправляемой к ней мебелью, экипажами, прочими вещами, в числе которых был изящно сделанный сундучок красного сафьяна с серебряными угольниками и гербом на середине крышки. Он переполнен был массой серебряного чайного и столового сервиза, вместе с которыми лежали ее драгоценности и пакет с несколькими десятками тысяч денег в процентных бумагах. И, забыв в своей запальчивости, что он с четырьмя детьми остается без копейки, Владимир Александрович должен был даже на расход следующего дня занять у своего родственника.

На другой же день весь город уже знал об этом происшествии, так как подобные случаи в то время были очень редки.

Затем Владимир Александрович, измученный различными думами, не выходил несколько дней из дома, утешаясь лишь только ласками своих малюток детей, из числа которых Марусе было только еще два года¹⁴¹. Они беспрестанно терзали его душу вопросами, где мама и когда она приедет. После каждого звонка в передней бежали встречать ее, а так как в это время не приказано было никого принимать, то они в недоумении забрасывали отца новыми вопросами. Особенно же интересовала их пустота комнат, так как Владимир Александрович большую часть мебели отослал жене.

Когда же гувернантка со старшими дочерьми отправлялась на прогулку по городу, то маленькая Маруся спрашивала, почему же ее не катают в карете, и на ответ отца, что все отослано маме, которая ушла от них, Маруся плакала и звала мать. Но звать ее долго не пришлось, так как тут же вскоре Маруся была похищена матерью с помощью своей любимой горничной.

В эти дни в числе приезжавших был два раза управляющий губернией Перешников и, узнав, что Зарежский не принимает никого, уведомил его, что ему нужно переговорить с ним по делу. На следующий день, долго просидев у Зарежского, который передал ему подробности своей семейной драмы, Перешников, убедившись в нормальном состоянии его ума, показал ему заявление родственников жены, требовавших установления над ним и его имуществом опеки.

Владимир Александрович, возмущенный такой низостью тещи и Скорбутова, который к тому же был ему обязан своей женитьбой и своим положением, мысленно поклялся добиться власти и показать им себя.

На другой же день Зарежский письменно ходатайствовал у управляющего губернией о немедленном назначении подлежащей комиссии для освидетельствования его в умственных способностях, что тут же вскоре и сделано было в губернском правлении врачебным отделением в присутствии Перешникова и исправлявшего должность губернского предводителя дворянства. Все присутствующие были возмущены наглой выходкой родственников жены Зарежского, желавших сделать его сумасшедшим, и советовали ему начать против них процесс, а также и привлечь к ответственности за похищение ребенка.

Но Зарежский поступил иначе и, получив от управляющего губернией копии его освидетельствования и баллотировочного списка о выборе его в уездные дворянские предводители, отправил их по двуконной эстафете в 1-й департамент Правительствующего сената, подробно изложив в прошении все эти каверзы и интриги.

Сенат не замедлил рассмотреть это дело и, утвердив Зарежского в должности уездного предводителя, прислал о том управляющему губернией указ.

Извещенный об этом, Зарежский поспешил вступить не только в должность уездного, но и исполняющего должность губернского предводителя, так как Слепухов все еще не возвращался из Петербурга, дожидаясь утверждения его государем.

Но интрига родственников продолжалась, и Скорбутов, получив ранее благодаря Зарежскому должность члена от правительства съезда мировых посредников, так настроил своих коллег, что когда они получили повестки от Зарежского о назначенном съезде, то прислали к нему секретаря сказать, что не желают заниматься под его председательством. В ответ на это Зарежский послал ко всем мировым посредникам, в числе пяти лиц, секунданта, вызывая их на дуэль.

Мировые посредники, предполагая, что этот вызов на дуэль, ввиду ее запрещения, поможет им отделаться от Зарежского, заявили о том Перешникову, и он должен был послать по поводу всего случившегося подробную телеграмму министру внутренних дел, но тот, в свою очередь, обязал управляющего губернией ввести в должность Зарежского. После чего уездный съезд мировых посредников был назначен уже самим управляющим губернии, который, прибыв на съезд вместе с Зарежским, объявил мировым посредникам распоряжение и просил Зарежского занять председательское кресло.

При таких тяжелых условиях началась общественная служба Владимира Александровича, но он решил побороть все препятствия, что ему впоследствии и удалось.

Вскоре возвратился из Петербурга губернатор, князь Ущербов, который, видимо, желая загладить свои неудавшиеся попытки против Зарежского, первый сделал ему визит, высказывая удовольствие, что видит его предводителем. Отплачивая визит, Владимир Александрович счел своей обязанностью явиться к губернатору в мундире предводителя. И как исправляющий должность губернского предводителя Зарежский, подписав отдельный вид на жительство своей жене со всеми детьми, просил засвидетельствовать свою подпись губернатора, и на другой же день, благословив каждого из детей особой иконой, отвез их к жене. Прощание его с детьми было очень трогательно, держа в своих рученьках образочки, малютки плакали и просили папу оставить их у себя, но Зарежский, любивший когда-то жену, хотел этим отплатить ей за ее прежнюю к нему привязанность. Об этой встрече супругов говорить много нечего, можно лишь упомянуть, что Владимир Александрович, поклонившись только, уже называл жену по имени и отчеству.

В июне день своего рождения¹⁴² Зарежский пожелал, как и всегда, пробыть в своей деревне и был грустно настроен, что в первый раз ему придется провести этот день как мужу без жены и отцу без детей.

К этому дню в Отраду приехали его мать и семейство сестры¹⁴³, а так как тут же явился к нему с поздравлением исправник Кочетков¹⁴⁴, то вновь подъехавшая к дому тройка и была принята за приезд кого-нибудь из служащих. Но радостный крик детей Зарежского, которых гувернантка выгружала из дорожной коляски, заставил всех поспешить на подъезд. Детишки обнимали отца и целовали его ручки, а малыши повисли к нему на шею и, перебивая друг друга, все разом торопились рассказывать, что мама всего, всего прислала с ними.

Вскоре подъехал и сосед Сальников и, объяснив, что жена не совсем здорова, передал ее поздравление. Он, всегда веселый, был на этот раз расстроенным и поторопился уехать домой, ссылаясь на какие-то дела, захватив даже с собой исправника.

Сальников, пообедав у себя с исправником, порядочно подпил и, когда проводил своего гостя, начал подсмеиваться над женой, что ей не пришлось этот день провести у Зарежского, как бывало прежде, добавляя, что недаром его жена оставила из ревности к ней. Вера Ивановна хотя и была женщина интересная, но во время раздражения становилась похожей на тигрицу и, сверкая глазами, всегда давала сильный отпор своему супругу. Так как перебранка их на этот раз имела подкладкой ревность, то сцена эта закончилась и для них полным разрывом, тем более что Сальников, не стесняясь присутствием прислуги, наговорил ей много дерзостей, разорвал бывшую в альбоме карточку Зарежского и, в довершение ко всему, отправился в ее спальню, осквернил там камин, велел заложить лошадей и уехал в город. Ссоры у Сальниковых происходили нередко, но кончались всегда примирением, так как Павел Сергеевич возвращался к жене с покорной головой и, становясь на колени, целовал ей руки и ноги. Но ссора на этот раз настолько с его стороны была грубой, что возврата к прежним отношениям не могло быть. И Вера Ивановна, как владелица Бековки, осталась в деревне, куда ее богатый муж не подумал даже прислать ее вещей из городской квартиры.

Зарежский, получив тут же уведомление от Слепухова о вступлении им в должность губернского предводителя, оставался также некоторое время в деревне, отдыхая после всех передыг в кругу семьи своей сестры и матери, дети же, напутствуемые его благословением, вскоре должны были уехать к своей матери.

Недели же через две после этого, когда Зарежскому пришлось остаться уже одному в деревне, он получил письмо от Веры Ивановны, которая, передав о своем разрыве с мужем, просила Владимира Александровича приехать к ней в Бековку, где он и застал только что прибывшего из Западного края ее брата, начальника корпусного штаба. Вера Ивановна и ее брат, некогда на родных Мари, замешавших Сальникова в свою распрю, причиной чего произошло два семейных разрыва, решили, что для Веры Ивановны не представляется возможным далее находиться в этой губернии, почему тут же послали публикацию о продаже имения. Оба они, утешая Владимира Александровича в его одиночестве, предложили ему остаться у них в Бековке. И так как после этого они делали почти ежедневные прогулки в Отраду, ко-

торая была всего в полуверсте, и встречали знакомых, приехавших к Зарежскому как предводителю дворянства, то мнение о близости отношений Владимира Александровича с Верой Ивановной укоренилось в обществе.

Когда брат Сальниковой уехал к месту своего служения, то двоим покинутым соседям не оставалось ничего более, как утешать друг друга. Вера Ивановна, которая вскоре затем переехала к этому женатому брату, настаивала, чтобы и Зарежский нашел способ перебраться к ним в Западный край. Но Владимир Александрович, потерпевший крушение в своей семейной жизни, далек был от мысли связывать себя какими бы то ни было новыми узами. Поэтому даже на интимные письма женщин, у которых впоследствии он имел большой успех, Владимир Александрович отвечал также осторожно, что при всем желании нельзя было уловить какой-либо интимности.

Возвратившись в губернский город, Владимир Александрович, одинокий, погрузился всецело в дела и в службу и, мало-помалу успокаиваясь со своим семейным горем, терял свою прежнюю привязанность к Мари. Глубокое чувство к ней его обожания настолько перешло в неприязнь, что когда через несколько месяцев у них родился сын, то он не видел его и детей своих около года. Мари, удрученная этим обстоятельством, решила, оставив детей, на неделю уехать с Ириной Григорьевной в Новгород, рассчитывая, что в ее отсутствие смягчится отцовское сердце. Действительно, как только Владимир Александрович узнал об отъезде Мари, как поспешил обнять своих детей.

Свидание это было очень трогательно. Малютки со слезами радости бросились в объятия отца. Когда же к нему няня поднесла крошечного Володю и ребенок протянул к нему свои ручки, то отец не выдержал, и по его лицу скатилась слеза. Он взял ребенка к себе на руки и крепко-крепко его целовал.

Около месяца Владимир Александрович все свободное от служебных занятий время проводил со своими детьми. И когда гувернантка, которой были поручены дети, сообщила ему о скором возвращении Мари, то он, простившись с детьми, благословил Володю фамильным образком, надел ему на шею большой медальон с портретом матери и всунул в его ручки указ о причислении его к дворянскому роду Зарежских¹⁴⁵.

В это время уже начинались реформы царствования Александра II, и на долю Зарежского выпал нелегкий труд: введение в действие различных положений. При открытии же первого земского собрания он как председатель настолько действовал умиротворяюще в самый разгар страстей различных партий и так умело способствовал установлению новых порядков, что по окончании работ этого собрания ему дан был обед, сначала гласными, а за-

тем и дворянством уезда с речами и различными овациями. И прежние враги Зарежского, не стесняясь, говорили, что они становятся под его знамена. При таких условиях и шла затем вся остальная его общественная служба.

Затем Зарежский почти всю свою жизнь нес общественную службу и много лет был предводителем дворянства, уездным и губернским, и одновременно с этим был и председателем земской управы и председателем съезда мировых судей. Но, несмотря на трудности работ сразу по всем этим должностям, он не чувствовал себя утомленным и охотно соединял общество в доме дворянства, устраивая там балы и маскарады, что способствовало его успехам среди женщин¹⁴⁶.

Ряд губернаторов, которые переменялись за время долгой общественной службы Зарежского, дорожили хорошим с ним отношением, всегда исполняя малейшие его просьбы. Поэтому дворянство видело в нем твердую опору. Все это вместе заставило Мари и ее родных почувствовать свои ошибки, и после неудачных попыток соединить супругов мать Мари Татьяна Васильевна, не посещая ранее никогда своей дальней большой вотчины Пыльновки, даже поселилась там, выстроив женский монастырь, где впоследствии и была похоронена вместе со своим вторым мужем Буркиным, который под конец своей жизни несколько раз был выслан из Петербурга, где добивался свидания с императором Александром II, желая предупредить его о надвигающихся на Россию несчастьях. И когда затем Буркин был освидетельствован вследствие религиозного помешательства, то он здраво отвечал на все вопросы, но, подписывая их, назывался посланником божьим, а в мире коллежским асессором Минном Максимовичем Буркиным.

Зарежский, совершенно сроднившись с мыслью никогда более не сходить с Мари, однако же не мог жить вполне на холостую ногу, так как и в ранней молодости никогда не участвовал в кутежах и был слишком брезглив, чтобы близко сходить с неинтеллигентными женщинами. Это придавало ему интерес в глазах прекрасного пола вообще, и, как преданье говорит, немного милых барынь устояло от этого соблазна. Но так как его успех не ограничивался замужними женщинами и вдовушками, то были даже два случая, когда он был не против снова попытать счастья в семейной жизни. Первый случай — это когда местным губернатором был князь Дамарин¹⁴⁷, старшая дочь которого Мери заставила задуматься Владимира Александровича. Он в семействе князя был почти своим человеком, но жена Зарежского не хотела дать своего согласия на развод. Другой, более интересный случай был много позже и выпал на его долю в Москве.

Владимир Александрович вскоре должен был поехать в Петербург по делам дворянства и zemства. Побывав в министерских сферах и благополучно окончив все, что следовало, он заехал там к матери Веры Ивановны Салтыковой, от которой, узнав, что ее дочь должна в этот день с вечерним поездом приехать из Вильно, отправился на вокзал ее встретить. Каково же было его удивление, когда Вера Ивановна вышла из вагона под руку с каким-то кавалергардским молодым офицером. Зарежский, сидя в тени недалеко от входной двери, хорошо слышал, как они говорили друг другу «ты», и видел, как, прощаясь, крепко расцеловались. Тут Зарежский поспешно подошел к ней и с усмешкой приветствовал ее новую дружбу.

Понятно, как сконфужена и ошеломлена была Вера Ивановна этой неожиданной встречей, хорошо понимая, что после этого дальнейшее домогательство ее о переходе Зарежского в Вильно уже не могло иметь места. Но как женщины вообще изобилуют слезами, она в этот момент пролила их немало в радостной встрече тоже с любимым человеком и даже не затруднилась броситься к нему на грудь, высказывая свое счастье при этой неожиданной встрече. Затем, отправившись с Зарежским в отель «Belle-vue», где он остановился, чистосердечно покаялась ему в своих грехах, сваливая их на неуверенность в том, что Владимир Александрович ее не забыл.

Впоследствии, когда муж ее уже умер, Вера Ивановна вышла замуж за этого кавалергарда Ромахина, который, получив затем гражданские чины, имел видную штатную должность при дворе.

Возвратясь в свою губернию значительно облегченным в своих отношениях к Вере Ивановне, Зарежский чувствовал себя вполне свободным, и, при его манере не ухаживать ни за кем особенно, а быть со всеми только любезным, он за этот значительный период времени своего одиночества приобрел благосклонность очень многих барынь высшего круга, из числа которых хотя он и давал преимущество молодым вдовушкам, но, грешным делом, не отталкивал от себя и замужних.

Одна из последних, Анна Михайловна Мидевиль, девятнадцатилетняя супруга артиллерийского полковника¹⁴⁸, маленькая стройная брюнетка, обращала на себя общее внимание своей наружностью и своими туалетами, являясь на балы то в костюме Марии Антуанетты¹⁴⁹, то полькой в оранжевой конфедератке¹⁵⁰. Особенно она была интересна во время мазурки, и прочие барыньки с завистью смотрели, как кавалеры ее приглашали нарасхват, но она, не довольствуясь этими своими успехами, задумала во что бы то ни стало заставить протанцевать с собой мазурку распорядителя дворянских

балов Зарежского, который под предлогом раненой ноги отказывался от танцев, исключая редких случаев посещения города высочайшими особами.

И вот Мидевиль, приглашавшая не раз Зарежского, как и другие барыни, только посидеть с ней во время кадрили, добилась, наконец, того, что Владимир Александрович во время мазурки прошелся с ней один тур, сделав это после ее шутивного обещания беспрекословно исполнить все, что бы он ни потребовал. Конечно, эта мазурка не прошла даром для Зарежского, и ревнивые замечания на этот счет милых барынек, как предание говорит, ускорили с ним их сближение. Что же касается бравого артиллерийского полковника, то женская хитрость Анны Михайловны усыпила его ревность, и их знакомство сделалось настолько коротким, что он с полной верой в непогрешимость Зарежского просил его приютить в деревне жену с подругой во время ухода артиллерии в лагерную стоянку.

На этом балу в дворянском собрании Зарежскому как хозяину пришлось уделить немало внимания супругам Полозовым¹⁵¹. Сам превосходительный Полозов был командирован министерством в губернию для расследования громкого жидовского дела об умерщвлении христианских мальчиков, которые были найдены не только на окрестных островах на Волге, но даже и в городской квартире скорняка-еврея, где обнаженный зарезанный шестилетний ребенок был найден повешенным за ноги над шайкой, в которую стекла его кровь¹⁵². Кровь эта, как тогда выяснилось, была рассылаема в разные части света для религиозных обрядов особой еврейской секты.

Юная супруга Полозова, в противоположность Мидевиль, обращала на себя внимание необычайной скромностью так, что маменьки ставили ее в пример своим дочерям, а общество чуть на нее не молилось, видя ее среди себя мягкой, деликатной и недоступной для ухаживания мужчин красавицей. В соборе, где она бывала с мужем в торжественные дни, ее взор не отрывался от алтаря, и большую часть обедни она стояла на коленях.

В собрании же во время танцев мужчины обращались с ней как с нежным цветком, боясь, что излишним прикосновением они уронят себя в глаза этого неземного создания. Даже Зарежский, избалованный успехами у женщин, смотрел на нее как на особое чудо, почему на этом последнем балу, не услышав только от нее одной замечания о его мазурке с Мидевиль, сам хотел вызвать хотя ее улыбку по этому поводу. Но скромная Елизавета Дмитриевна, едва улыбнувшись, перевела разговор свой на назначенный отъезд их на другой день в Петербург, озабочиваясь о здоровье своего утомленного делами мужа ввиду трудного в то время десятидневного переезда до Москвы на

почтовых по ухабам. При этом она как-то особенно выразила надежду еще увидеться с Владимиром Александровичем перед отъездом.

На другой день в гостинице «Россия»¹⁵³ собралось на проводы Полозовых лучшее общество и чиновный люд с губернатором во главе. Престарелые маменьки со своими прелестными дочками также не упустили случая еще раз посмотреть на отъезжающую скромную красавицу, а молодые барыньки явились на те же проводы, плохо скрывая свое удовольствие, что, наконец, они избавятся от этой опасной соперницы.

Начало уже вечереть, когда камердинер Полозовых, подав поднос с бокалами шампанского, громко доложил, что почтовые лошади заложены, и хозяева, напутствуемые различными пожеланиями, вместе с провожающими направилась к экипажам. Причем Елизавета Дмитриевна, уже совсем одетая по-дорожному, под предлогом забытого ей своего маленького образа вернулась в одну из комнат занимавшихся ими номеров гостиницы, и так как Зарежский, видимо, не желавший усаживать ее в возок, еще оставался в это время один в комнате, то она, неожиданно крепко обняв его за шею и поцеловав, шепнула ему два слова:

— Жду в Москве, гостиница Шевалдышева!

Понятно, как Зарежский был ошеломлен этим пассажем почти святой женщины, и, возвратясь к себе, он долго не мог решиться на эту авантюру, которая, помимо длинной и холодной поездки по ухабам, сильно задевала его самолюбие — скакать в такую даль ради женской прихоти.

Так прошла целая неделя, и Владимир Александрович, углубленный в текущие дела по службе, готов был забыть об этом неожиданном происшествии, но, получив с почтой письмо без подписи, где снова говорилось: «Я вас жду в гостинице у Шевалдышева, одна без мужа», он наконец решился взять отпуск и отправился в путь¹⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАПИСКИ СТАРОГО ПОМЕЩИКА

¹ Печатается по: Рус. старина. 1897. № 9. С. 535—540.

² *Быковка* — деревня в Поповской волости Саратовского уезда (ныне в Саратовском районе Саратовской области). В «Ведомости состоящим по Саратовской губернии казенным и владельческим землям, обмежеванным в бывшее опекуновское межевание» в деревне Быковка у Федора Быкова с братом Иваном и его детьми указано, что по 4-й ревизии (1782) числилось 30 душ и 8270 десятин земли, из которых удобной пашни 5500 десятин А на 1800 г. за семьей Быковых крепостных числилось уже 119 человек (см.: Труды СУАК. 1894. Т. 4. Вып. 3 (19). С. 84).

³ Быков Автоном (Артамон) — прапрадед В.А. Шомпулева. Получил дворянство в 1739 г., будучи секунд-майором астраханского гарнизона, входившие в который подразделения квартировали и в Саратове (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 2). В документах он упоминается и как городничий Саратова. *Федор Артамонович Быков* определением губернского дворянского собрания от 4 ноября 1791 г. внесен в родословную книгу дворян Саратовской губернии (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1088. Л. 37). С 1781 по 1786 г. он числится казначеем казенной палаты (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1463. Л. 1). Позже служил по выбору в верхнем земском суде (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на 1796 год. СПб., 1796. С. 299). В конце XIX в. в Саратовской губернии проживали только потомки Ивана Артамоновича Быкова (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 63, 64, 72—79).

⁴ В документах ГАСО и книге А.С. Пушкина «История Пугачевского бунта» сведений о погибших детях Быкова нет. Маловероятно, что у 35-летнего Федора Артамоновича были взрослые дети. Согласно архивным данным, в Саратове были убиты отставной прапорщик Григорий Автономович Быков и секунд-майор Василий Быков, переведенный в Саратовский гарнизонный батальон сверх комплекта в феврале 1770 г. (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1360. Л. 182 об., 190).

⁵ *Быкова Наталья Ивановна* — дочь дворян села Старый Чирчим Кузнецкого уезда (ныне Пензенская область) Ивана Федоровича и Марии Герасимовны Бободовых. Сохранилось описание приданого Марии, датированное 1744 годом, подписанное ее отцом — поручиком Герасимом Савичем Левиным (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1169. Л. 1).

⁶ К Саратову Пугачев со своим войском шел от Петровска, с северо-запада. Через Быковку повстанцы могли пройти, уходя на юг, на Камышин по дороге вдоль реки Латрык.

⁷ Александра — старшая из дочерей Быковых — родилась около 1773 г.

⁸ Ошибка. Капитан С.Г. Долгово-Сабуров вышел в отставку в 1781 г. с награждением чином секунд-майора (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1663. Л. 1).

⁹ Долгово-Сабуров Степан Григорьевич (1752—1809) — из дворян Санкт-Петербургской губернии, из-под Старой Ладogi. Он женился на А.Ф. Быковой в 1788 г., когда ей было 15—16 лет (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1456. Л. 1). Служил городничим Царицына, с 1786 по 1799 г. жил в Саратове. Земля была получена уже его вдовой в Кузнецком уезде в количестве 800 десятин в 1809 г. (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 3).

¹⁰ Создан в 1731 г. как Сухопутный шляхетский кадетский корпус и преобразован в 1800 г. в Первый кадетский корпус, принимавший детей штаб-офицеров, преимущественно из малоимущих семей. Выпускники получали звание прапорщика или корнета, лучшие — поручика.

¹¹ Возможно, это Андрей Иванович Алфимов, который в 1788 г. обращался в Саратовское губернское дворянское собрание за свидетельством о дворянстве (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 5. Л. 288).

¹² События относятся к 1802 г. В начале царствования Александра I были выпущены монеты новой чеканки (см.: *Узденков В.В.* Монеты России 1700—1917. М., 1985. С. 210).

¹³ Одесса не являлась губернским городом. Речь идет о генерале Фоме (Томасе) Александровиче Кобле — англичанине, служившем в то время военным комендантом Одессы, «замещающим место градоначальника». До того он был военным комендантом Царицына, где Степан Григорьевич состоял городничим. Ф.А. Кобле был крестным отцом одной из дочерей своего сослуживца, ставшей впоследствии матерью Шомпулева (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1456. Л. 2—3 об.).

¹⁴ Сохранилось два письма А.В. Суворова С.Г. Долгово-Сабурову. Одно из них (1773) опубликовано: *Суворов А.В.* Письма. М., 1986. С. 33. Вот текст второго:

«Кинбурн мая 21 дня 1788 году.

Государь мой Степан Григорьевич!

За писание Вашего высокоблагородия и уведомления во оном покорь благодарю. Поздравляю вас с новым семейством, желаю жить в спокойствии. Брату вашему я писал, чтоб он естли желает переписался бы в здешню дивизию.

Пребываю с истинным моим почтением.

Государь мой Вашего высокоблагородия покорный слуга Александр Суворов» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1456. Л. 1—1об.).

¹⁵ Имеется в виду Антон Васильевич фон Моллер (1764—1848) — контр-адмирал, главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта (1809—1826), начальник Морского штаба с управлением Морским министерством (1821), морской министр (1828—1836), адмирал (1829).

¹⁶ Вероятно, дочь Александра Андреевича Попова (1788—1859), известного кораблестроителя, который с 1814 по 1820 г. находился при Астраханском порту, за-

ведую строением судов, а с 1821 г. служил в Петербурге. Другого Александра Попова — крупного помещика в губернии не было.

¹⁷ Быкова Мария Федоровна (1776—1848) — младшая из четырех дочерей Ф.А. Быкова.

¹⁸ Мария Федоровна (1759—1828), принцесса Вюртембергская — супруга императора Павла I. Учредительница и покровительница ряда благотворительных организаций, позже объединенных в Маринское ведомство.

¹⁹ Степан Григорьевич умер в 1809 г., а описываемые события относятся к 1817 г.

²⁰ Речь идет про Елисаветградский полк. С ноября 1821 по декабрь 1826 г. в Саратовской губернии квартировала 2-я гусарская дивизия: «...в Саратовской губернии стояла дивизия гусар, четыре полка: иркутский, павлоградский, изюмский и елисаветградский. В это же время в Саратове жил граф Бобринский с семейством; служил он в гусарах или жил, по другому какому случаю, не знаю; только во время парадов и разводов его никогда не видно было между офицерами, а встречался он в частных домах и не в военном мундире <...>. Сколько рассказывали про офицерские проказы! Кто у кого дочь увез или у мужа жену отбил; такие-то офицеры часто были в гостях в деревне у такой-то помещицы; из них один офицер сосватал у ней дочь...» (*Попов К.И.* Записки о Саратове // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 173).

²¹ Бобринский Павел Алексеевич (1801—1830), граф — внук Екатерины II и Г.Г. Орлова. Служил в лейб-гвардии Гусарском полку, за тайный брак на графине Ю.С. Белинской, от которой имел пятерых детей, в 1822 г. переведен в Елисаветградский полк. Вышел в отставку в 1827 г. в чине штаб-ротмистра. Умер во Флоренции (Рус. старина. 1890. № 4. С. 222).

²² С.Г. Долгово-Сабуров скончался в 1809 г.; когда умерла Александра Федоровна, точно неизвестно. В 1817 г. их дочери разделили родительское имение (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1702. Л. 1).

²³ К концу 1850-х гг. прошло почти двадцать лет со дня кончины графа.

²⁴ Студенка находилась недалеко от Быковки вниз по реке Латрык. Ныне не существует.

²⁵ Завещание сохранилось (см.: ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 243. Л. 1—4).

²⁶ Печатается по: Рус. старина. 1897. № 5. С. 261—269.

²⁷ Голицын Александр Борисович (1792—1865), князь — участник Отечественной войны 1812 г. и последующих зарубежных походов, полковник в отставке. Губернатор Саратовской губернии (1826—1830). Пост этот получил, по-видимому, благодаря протекции отца жены министра внутренних дел В.С. Ланского. «Это был еще человек молодых лет, весьма приятной наружности, гордомеренный и властолюбивый». Жена его Анна Васильевна, урожденная Ланская, «более гостила в Петербурге, но князь и один не отказывал себе в удовольствиях <...>» (*Попов К.И.* Указ. соч. С. 183, 191).

²⁸ Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф — шеф Корпуса жандармов и главный начальник III отделения.

²⁹ Занимавший этот пост Василий Сергеевич Симановский (1792 — ?) «имел грубый и крутой нрав, но человек был умный, честный и справедливый» (*Попов К.И.* Указ. соч. С. 171—172). Он занимал должность правителя губернской канцелярии с 1818 по 1838 г.

³⁰ А.Б. Голицын имел откупа в Иркутской губернии.

³¹ Во время описываемых событий А.Б. Голицын был молодым человеком, о чем см. далее.

³² О распутном поведении Голицына см.: *Чернышевский Н.Г.* Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 563.

³³ *Неклюдова* Фаяна (Фаина) Николаевна (1801 — ?) — двоюродная сестра матери В.А. Шомпулева от брака П.Ф. Быковой и Н.А. Неклюдова (см. о нем в очерке «Провинциальные типы сороковых годов»).

³⁴ 16 лет Ф.Н. Неклюдовой было в 1817 г.; в то время А.Б. Голицыну было только 25 лет и он еще не стал губернатором.

³⁵ *Неклюдова* Прасковья Федоровна (урожд. Быкова; ок. 1773 — ?) — родная сестра Александры Федоровны — бабушки по матери В.А. Шомпулева — была почти на 20 лет старше А.Б. Голицына.

³⁶ *Хрещатицкий* Павел Степанович (1787—1864) — генерал Войска Донского, саратовский помещик.

³⁷ Брак был зарегистрирован в 1818 г., когда будущему генералу был 31 год. Он действительно уже был вдовцом и имел пятерых детей: Марью (1805), Анну (1807), Екатерину (1813); Александра (1808) и Константина (1812) (см.: *Савелов Л.М.* Несколько родословий [оттиск из «Дворянского календаря» за 1899 г.]. СПб., 1899. С. 27, 28).

³⁸ Имеется в виду Донское казачье войско, где проходила служба П.С. Хрещатицкого.

³⁹ В связи с революционными событиями в Европе Александр I весной 1821 г. отправил армию к западным границам. Войска находились там до мая 1822 г.

⁴⁰ Сын Михаил родился у Хрещатицких в 1820 г.

⁴¹ Дом Неклюдова сохранился и находится на пересечении современных улиц Мичурина и Некрасова.

⁴² Имеется в виду Антон Иванович Шомпулев (1786—1830) — штабс-капитан, начальник саратовской жандармской команды в 1819—1830 гг. Он происходил из дворян Елисаветградской губернии, был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 780. Л. 4 об. — 5 об.).

⁴³ Первое деревянное здание театра в Саратове было построено в 1815 г. губернатором А.Д. Панчулидзевым на месте, ставшем впоследствии Театральной площадью.

⁴⁴ Ныне это площадь Чернышевского и городской сад Липки, тогда еще не существовавший.

⁴⁵ Имеется в виду Анна Степановна Шомпулева (урожд. Долгово-Сабурова; 1803—1873) — дочь С.Г. Долгово-Сабурова, мать В.А. Шомпулева и двоюродная сестра Ф.Н. Неклюдовой.

⁴⁶ Этот пост занимал в 1822—1831 гг. Александр Алексеевич Панчулидзе (1790—1867) — полковник лейб-гвардии полка, впоследствии пензенский губернатор (1831—1859). Сын саратовского губернатора в 1808—1826 гг. А.Д. Панчулидзева.

⁴⁷ Неклюдовка — деревня в версте севернее Быковки — часть поместья Ф.А. Быкова, унаследованная Прасковьей Федоровной. Ныне не существует.

⁴⁸ Имеется в виду граф Арсений Андреевич Закревский (1786—1865).

⁴⁹ Выше шла речь о событиях 1818—1821 гг., а тут упоминается 1830 г. Можно сделать вывод, что в своем очерке Шомпулев контаминирует рассказы и документы, касающиеся разных периодов времени.

⁵⁰ На военную службу поступил унтер-офицером в 1806 г. и участвовал в военных действиях в Турции, юнкером — в войне 1812 г., в заграничных походах — прапорщиком Митавского драгунского полка (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 780. Л. 4 об. — 5 об.).

⁵¹ Имеется в виду С.Г. Долгово-Сабуров.

⁵² В саратовскую жандармскую команду Антон Иванович был переведен из таковой же елисаветградской в 1819 г. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 780. Л. 4 об.).

⁵³ Холерное кладбище находилось южнее Саратова, который заканчивался в то время Ильинской площадью, на высоком берегу Волги (см.: *Духовников Ф.* К истории топографии Саратова // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. С. 149).

⁵⁴ А.Б. Голицын весной покинул Саратов, уехав в отпуск в Петербург, и более не возвращался. Официально он был отстранен от должности 8 августа 1830 г. Во время эпидемии холеры в Саратове его не было. Обязанности губернатора в это время выполнял В.Я. Рославец, официально утвержденный в этой должности 26 сентября 1830 г. (см.: *Попов К.И.* Указ. соч. С. 192, 201).

⁵⁵ Речь идет о В.А. Шомпулеве.

⁵⁶ Должность командира Саратовского внутреннего гарнизонного батальона в 1830 г. занимал майор Чабовский, обязанности которого периодически исполнял майор Костецкий.

⁵⁷ Кафедральный собор Александра Невского, был построен в 1826 г. на средства горожан в честь победы над Францией в войне 1812 г., разрушен в 1935 г.

⁵⁸ Спасо-Преображенский мужской монастырь был построен у подошвы Лысой горы в 1820 г. Ныне его территорию занимает Саратовский военный институт радиологической, химической и биологической защиты. Семейный склеп мог быть сооружен для бабушки Шомпулева А.Ф. Долгово-Сабуровой. В него был положен и сам Виктор Антонович.

⁵⁹ Гребеньков Алексей.

⁶⁰ Быков Петр Иванович (1785 — ?). В 1830—1837 гг. штаб-офицер Отдельного жандармского корпуса в Саратовской губернии, позднее в отставке с чином полковника. Участник войны 1812 г., служил городничим в Петровске 1813—1818 гг. и Царицыне в 1820-е гг. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 438. Л. 6 об.—7).

⁶¹ Маслов Александр Петрович. В 1830 г. начальник пятого (Поволжского) округа Корпуса жандармов в чине полковника. В 1834 г. переведен начальником седьмого (Сибирского) округа Корпуса жандармов и оставался в этой должности около тридцати лет, в 1836 г. произведен в генерал-майоры.

⁶² В Саратовской губернии землями владели несколько главных участников восстания: Н.М. Муравьев (с. Колокольцовка и Федоровка Аткарского уезда); М.С. Лунин (с. Аннино Вольского уезда); С.Г. Волконский (с. Перевесинка Балашовского уезда).

⁶³ Это произошло в 1837 г., см. следующий мемуарный очерк.

⁶⁴ Александровский корпус для малолетних сирот в Царском Селе (для подготовки их к поступлению в кадетские корпуса) был открыт в 1830 г.; там воспитывались 400 детей в возрасте от 7 до 10 лет со сроком обучения до 3 лет.

⁶⁵ Так называли Петербургский институт благородных девиц, в который на казенный счет принимали девочек из небогатых дворянских семей. Однако Екатерина Антоновна (1825—1912) — сестра Виктора Антоновича — получила домашнее образование в Саратове.

⁶⁶ Печатается по: Рус. старина. 1909. № 7. С. 44—46.

⁶⁷ В 1838 г. прошел мимо Саратова по Волге первый пароход астраханского купца-армянина Углева (см.: *Фадеев А.М.* Воспоминания // Рус. архив. 1891. Кн. 4. С. 493). Цесаревич приехал в Саратов на лодке из находившейся напротив города Покровской слободы (ныне г. Энгельс Саратовской обл.) в час пополудни 26 июня. Экипаж проследовал в город с пристани по Кабановскому взвозу. На следующий день великий князь Александр Николаевич принял участие в торжественной литургии и молебне в память победы Петра I под Полтавой (см.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8832. Л. 5 об.).

⁶⁸ 5 декабря 1830 г. Николай I повелел «просьбы об определении в Александровский кадетский корпус и о зачислении кандидатами оного принимать о таких только детях, кои остались совершенными сиротами <...> без средств к первоначальному даже воспитанию» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. V. Отд. 2. № 4170). Виктор Шомпулев не относился к этой категории. С этим была связана подача прошения с просьбой сделать для него.

⁶⁹ Это был В.А. Жуковский. Визит в Саратов описан в дневнике писателя: «27, воскресенье. Пребывание в Саратове. Представление. Вице-губернатор [Н.Г.] Попов. [И.К.] Арнольди. [П.И.] Быков жандарм. Преосвященный Иаков. [Г.Я.] Тихменев. У обедни. В артиллерийскую и городскую больницы. В гимназии. <...> Дом умалишенных. Клетка. Выставки. Келии. Изделия колонистов. <...> После

обеда у губернатора. <...> Бал. Прекрасная зала с колоннами белого фальшивого мрамора. Дочь Мавры Алексеевны. [А.П.] Быкова монастырка. Устинова, жена [А.И.] Свечина, милая кокеточка» (*Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 63). Цесаревич писал Николаю I: «В Саратов мы приехали в 11 часов и переправились опять на правый берег Волги (путешествие проходило вдоль Волги, до Вольска по правому берегу, далее по левому. — А.К.). Вчера 27-го числа день Полтавский, поутру я принял представление, был в соборе у обедни, церковь странная снаружи, совсем не в русском роде, наподобие мавзолея, внутренне хороша. <...> Я живу в доме вице-губернатора — весьма хорошем строении <...>. Здесь я в первый раз видел казаков Астраханского Войска, люди довольно видные и порядочно одеты <...> вечером я был на дворянском балу в чудесной зале, лучше казанской, общество большое, и много хороших. <...> У меня обедали артиллерийские батарейные командиры и Корпуса жандармов подполковник Быков, от которого я получил записку, он просит о помещении 2-х сыновей в Александровский или в Тверской» (Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тюнтоник. М., 1999. С. 78).

⁷⁰ Сестра наследника великая княжна Ольга Николаевна описывает внешность Александра в 1837 г. так: «В то время ему было 19 лет. Он был высок и строен. Лицо его было более красивым, чем повелительным. В нем преобладала мягкость и в глазах светилась доброта его души» (цит. по: Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 169).

⁷¹ Ср.: «Знал отец другого современного Никитушке богатыря, саратовца дьякона Ивлича. Отец рассказывал, что это был факт, что на Ильинском мосту Ивлич, попав в стадо коров, чтобы разогнать их, так рывкнул, что несколько ближайших метнулись через невысокие перила и сломали себе ноги в глубоком овраге. При провозглашении Ивличем многолетий в Крестовой церкви явственно для всех дрожали стекла в окнах. Окончил Ивлич печально: он на пари взялся выпить зараз ведро водки и выпил его, но тут же упал мертвым» (см.: *Жеребцов В.И.* Страницы из прошлого Саратова // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. С. 89).

⁷² Иванов Петр Иванович (1748—1820) — советник соляной конторы, получил по выходе в отставку с военной службы 3000 десятин в Саратовской губернии (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 422, 490). Вел широкий образ жизни. Построил в Саратове приблизительно в 1810 г. каменный дом в 30 комнат, который современники называли дворцом (см.: *Шенк К.Х.Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7 сентября 1812 г., его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Доклады Академии военных наук. 2004. № 12. С. 89). После смерти П.И. Иванова по залоговым документам дом отошел казне (см.: ГАСО. Д. 407. Оп. 2. Д. 661. Л. 4). В 1837 г. в нем проживал вице-губернатор Н.Г. Попов. Ныне принадлежит Государственному банку, находится на углу улиц Радищева и Советской.

⁷³ Открытие начальных и подготовительных классов гимназии состоялось 9 ноября 1819 г. (Записки дневные о делах и вещах достопамятных. Протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. 1. С. 557).

⁷⁴ *Шифр* — знак отличия в виде вензеля императрицы, высшая награда отлично окончившим курс институткам.

⁷⁵ *Свечин* Иван Васильевич (1796 — ?) — из дворян Тверской губернии. Полковник гвардии, действительный статский советник, с 1834 г. управляющий саратовской удельной конторой. Участник сражений при Бородино и Малоярославце. Жена — Анна Ивановна (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 39).

⁷⁶ *Контраданс* (*фр.*) — от *англ.* country dance, букв. деревенский танец, народный английский танец.

⁷⁷ *Мердер* Надежда Ивановна (псевд. Северин; урожд. Свечина; 1839—1906) — писательница и драматург.

⁷⁸ Печатается по: Рус. старина. 1911. № 7. С. 117—118.

⁷⁹ *Важи* — ящики для поклажи, большие дорожные сундуки.

⁸⁰ *Хатов* Иван Ильич (1784—1875) — генерал-лейтенант с 1845 г., с 1834 г. директор Александровского малолетнего кадетского корпуса.

⁸¹ *Рекреационный зал* — зал, предназначенный для отдыха и игр учащихся.

⁸² *Михаил Павлович*, великий князь (1798—1849) — четвертый сын Павла I.

⁸³ Сорокалетний великий князь казался мальчику пожилым.

⁸⁴ В 1839 г. Шамиль дал русским властям в качестве аманата (заложника) своего сына Джамалуддина (1829—1858).

⁸⁵ Этого же мальчика вспоминает и другой воспитанник корпуса. Разбойниками были горцы, напавшие на казачью станицу, мужчины которой отправились в поход против горцев (см.: *Жемчужников Л.М.* От кадетского корпуса до академии художеств. М., 1929. С. 35—36).

⁸⁶ Шомпулев находился в корпусе 1837—1839 гг.

⁸⁷ Печатается по: Рус. старина. 1913. № 2. С. 431—435.

⁸⁸ Павловский кадетский корпус был образован в 1829 г. Шомпулев находился там в 1839—1845 гг.

⁸⁹ *Клиненберг* Карл Федорович (1772—1849) — генерал от инфантерии. С 1829 г. директор Павловского кадетского корпуса, с 1835 г. — главный директор кадетских корпусов, с управлением специально Павловским. На этом месте прослужил до конца жизни.

⁹⁰ *Рынди* Михаил Кириллович — подполковник, потомственный дворянин, вологодский помещик, где за ним от отца числилось 70 душ мужского пола крепостных (см.: ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 59. Л. 899).

⁹¹ Речь идет об Александре Федоровиче Шенине (1803—1855) — литераторе, инспекторе классов Павловского кадетского корпуса.

⁹² *Половцов* Виктор Андреевич (1803—1866) — педагог, преподавал русский язык и словесность в военно-учебных заведениях. Составил ряд учебников, получивших

широкое распространение: «Русская грамматика для русских» выдержала до 1857 г. 17 изданий. С 1852 г. генерал-майор.

⁹³ Орден Св. Станислава I-й степени — высшая степень низшего в иерархии ордена.

⁹⁴ В 1845 г. Шенин был уволен от службы с полным пенсионом и выслан из Петербурга. Это было сделано, чтобы скрыть его гомосексуальные наклонности (см.: *Жемчужников Л.М.* Указ. соч. С. 60). Шенин известен как автор эротической поэмы «Похождения паж», опубликованной в сборнике «Egos Russe: Русский Эрот не для дам» (Женева, 1879).

⁹⁵ *Конно-пионеры* — специалисты по земляным работам; их обязанность — пролагать дороги.

⁹⁶ *Вьюшка* — разновидность крышки, закрывающая печную трубу для прекращения тяги воздуха.

⁹⁷ *Субалтерн-офицеры* — младшие обер-офицеры, ниже ротных начальников.

⁹⁸ *Попов* Иван Михайлович.

⁹⁹ *Павловский* Дмитрий Михайлович (1804—1876) — выпускник Императорского Военно-сиротского дома (позднее Павловский кадетский корпус), с 1838 г. инспектор классов Дворянского полка, а с 1858 г. директор Полоцкого кадетского корпуса (1867 г.). Генерал-лейтенант с 1864 г.

¹⁰⁰ *Николай Николаевич* (1831—1891) и *Михаил Николаевич* (1832—1909), великие князья — сыновья Николая I.

¹⁰¹ *Бибиков* Аполлон Ильич (1796—1866) — генерал-майор (1846), директор 2-го кадетского корпуса в 1840—1849 гг.

¹⁰² *Курсель* Константин Христофорович — подполковник, исправляющий должность батальонного командира.

¹⁰³ См. далее очерк «Из воспоминаний старого кавказца».

¹⁰⁴ *Козловский* Викентий Михайлович (1797—1873). На Кавказе с 1815 г., командир Кабардинского егерского полка (1842—1847), командир бригады (1847—1848), командующий войсками Кавказской линии (1853—1856), начальник правого крыла Кавказского корпуса (1856—1858).

¹⁰⁵ См. об этом далее очерк «Введение института земских начальников».

¹⁰⁶ Печатается по: Рус. старина. 1898. Кн. 8. С. 321—335.

¹⁰⁷ Ср.: «В дореформенном сословном управлении купцы, носившие бороды и длиннополые кафтаны и сюртуки, при избрании их на должности получали право или даже обязаны были иметь мундирную форму, напоминающую военную: мундир со стоячим бархатным с золотым шитьем воротником, такими же обшлагами, двубортный, с золотыми пуговицами, длинный, спускающийся иногда несколько ниже колен. При мундире — сабля военного, кавалерийского образца, без темляка, золоченая; она повязывалась поверх мундира и волочилась по земле, как у лихого гусара» (*Славин И.Я.* Минувшее — пережитое // Волга. 1990. № 10. С. 105).

¹⁰⁸ Имеется в виду созданный в 1814 г. Александровский комитет попечения о раненых, опекавший отставных офицеров.

¹⁰⁹ Громов Федор — купец и меценат.

¹¹⁰ Лачинов Яков Филиппович — заседатель в Новоузенском и Николаевском уездном суде.

¹¹¹ Дело о Ф. Баусе было начато в 1844 г. Оно дошло до Сената, который в 1850 г. признал его «виновным: 1) в нарушении обязанностей службы, неприятием от обиженного воровством доказательств к обличению обвиняемых в производстве у него кражи (о краже лошадей у Казакова) и неначением порученного ему от начальства двух следствий о грабеже и разбойном нападении (по делам Иванова и Соловьева) и 2) в умышленном сокрытии в донесении начальству преступных действий, препятствовавших освобождению из-под стражи обвинявшегося в краже и святотатстве однодворца Пятакова, следствием чего были сделаны им с другими лицами разбойные нападения и, приняв за сим во внимание умысел и обдуманность в действиях Бауса, зло, допущенное им, и принятие преступника Пятакова в качестве мельника в заведение его жены, Сенат определил: лишить бывшего частного пристава 1-й части г. Саратова, коллежского секретаря Федора Бауса всех прав состояния, сослав в Сибирь на поселение» (*Дурасов В.* Частный пристав Баус // Саратовский листок. 1882. 29 сент.).

¹¹² Ныне на месте этой площади находится крытый рынок.

¹¹³ Неклюдов Петр Николаевич (1795 — ?) — коллежский ассессор, имел родовое имение с 250 крепостными от родителей и сестры в Саратовском уезде, в Саратове каменный дом. Служил в 1810—1812 гг. квартальным надзирателем, затем в Эльтонской соляной экспедиции, в дворянском собрании, в 1818—1833 гг. заседателем в Гражданской палате уездного суда, затем в казенной палате и с 1839 г. опять в дворянском собрании. Двоюродный брат матери Шомпулева, сын Прасковьи Федоровны Быковой. Неклюдовы были дворянами, потомками служивых людей, поселившихся в Поволжье в XVIII в. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 847. Л. 19—22).

¹¹⁴ Петр Николаевич был женат на Екатерине Николаевне Казариновой (внучка саратовского воеводы середины XVIII в.), а его отец Николай Андреевич на Прасковье Федоровне Быковой (внучке офицера саратовского гарнизона того же времени) (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 31. Л. 7).

¹¹⁵ Остров — участок леса посреди поля.

¹¹⁶ Фокин Яков Семенович.

¹¹⁷ Имеется в виду Валентин (Василиск) Николаевич Григорьев (ок. 1804 — ?) — троюродный брат Шомпулева. Помещик Саратовского уезда, имел более 300 крепостных в Сосновке, Сафаровке, Григорьевке, Неклюдовке и в Нееловке Пензенской губернии (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 252. Л. 3). Ср.: «Короткий мой знакомый, помещик В.Н. Григорьев, любивший чисто ходить, как и теперь ехал, представлял из себя старого русского боярина: он был в парчовом, самом светлом кафтане, в красной шелковой рубашке, с вечно-открытой косматой грудью, в высокой бобровой шапке и желтых сафьянных сапогах <...>. Когда псаря и псарня расстаются по местам, то, по занятому ими полю, или местам, назначенным для гон-

ки, не проходи уже и не проезжай никто, — запорют кнутьями. Знали ли вы, не знали ли, — это все равно. Это была уже не компания благородных людей, дворян-охотников, а неистовствующая шайка охальников и разбойников. Проезжайте мирно, ничего не подозревая, вашу дорогу, но если вы едете между островами, назначенными к гонке зверя, то если вы лицо привилегированное, то он выберет вас как нельзя хуже, а если нет, то без всяких разговоров в кнутья» (*Розанов А.И.* Записки сельского священника // Рус. старина. 1880. № 4. С. 482).

¹¹⁸ Речь идет о А.Ф. Быковой.

¹¹⁹ Арапник, арапельник — охотничий кнут для собак, с пеньковым, волосяным или шелковым навоем.

¹²⁰ Туманы — название женских шаровар в татарском языке.

¹²¹ Кожевников Матвей Львович — вице-губернатор Псковской губернии (1838—1839), наказной атаман уральского казачьего войска (1839—1845), саратовский губернатор (1846—1854) (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1846). В дневнике А.Н. Минха: «Это был честный, но крутой и взбалмошный человек, небольшого роста, живой и горячий. Он любил выпить, хорошо поесть, но подчиненных держал в ежовых рукавицах» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 157); «...худощавый, смуглый, черноволосый мужчина средних лет, с строгим и серьезным лицом, с прическою à la diable, в мундирном фраке с георгиевским крестом в петлице, сидел в своем кабинете перед конторкой, верхом на табурете с подушкой в форме казацкого седла» (*Дурасов В.И.* Рассказы из желтогорской хроники. I. Фармазон // Саратовский справочный листок. 1883. 18 дек.).

¹²² Имеется в виду поход оренбургского военного губернатора В.А. Перовского зимой 1839—1840 гг. на Хиву с целью пресечь набеги на русские территории.

¹²³ Дурасов Иван Иванович — правитель губернской канцелярии в 1849—1851 гг.

¹²⁴ Попов Василий Иванович.

¹²⁵ Имеется в виду Александр Николаевич Жедринский — курский губернатор в 1866—1881 гг.

¹²⁶ Горохов Аким Дмитриевич (1829 — ?) — чиновник особых поручений (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 3336. Л. 12), в 1843 г. стряпчий казенных дел (см.: *Дурасов В.И.* Частный пристав Баус // Саратовский листок. 1882. 29 сент.), впоследствии статский советник (см.: РГИА. Ф. 577. Оп. 34. Д. 802). Саратовский помещик, дворянин.

¹²⁷ В оттиске этого очерка, посланном М.Н. Галкину-Врасскому, Шомпулев указал на полях, что это — Илиодор Евграфович Шарапов. По другим сведениям Д. Дионисиева (*Движения в расколе // Отечественные записки. 1874. № 11. С. 68—119*) это был частный пристав Алексей Иванович Константиновский (1801 — ?).

¹²⁸ Знавший Палена во время саратовской ссылки историк Н.И. Костомаров вывел его в своих воспоминаниях под именем фон Альпена и назвал «добряком, но глупым до невозможности» (*Автобиография Николая Ивановича Костомарова. Л. 20*).

¹²⁹ *Гладков* Лев Степанович — купец 1-й гильдии. В нач. 1850-х он был осужден Саратовской палатой уголовного суда за взятку в 2000 руб. серебром за отмену составленного фон дер Паленом секретного предписания о преследовании раскольнических сект в Саратове. Помилован по высочайшему манифесту 26 августа 1856 г. (см.: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3353. Л. 43—43 об.).

¹³⁰ *Панкратов* Николай Николаевич (1797—1846) — поручик, имел 103 крепостных в Дальней Сосновке и в Быковке, 990 десятин земли. Родственник Шомпулева через брак Петра Хрисанфовича Образцова (дядю жены Виктора Антоновича) с Ольгой Николаевной Панкратовой (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 218. Л. 37; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 847. Л. 9).

¹³¹ *Жарский* Лев Александрович (ок. 1800 — 1842). Из польских дворян, католик, имел от отца 250 крепостных в разных уездах губернии. Был убит своими крестьянами в имении с. Лопуховка Вольского уезда (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65. Л. 94).

¹³² *Иванов* Григорий Петрович (1805—1848) — брат шурина Шомпулева (см.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2156).

¹³³ *Якубинский* Петр Юрьевич (1804 — ок. 1846) — отставной полковник артиллерии, земель не владел (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 897. Л. 23 об.).

¹³⁴ Дело рассматривалось в течение 9 лет, дошло до Государственного совета и было прекращено без признания кого-либо из участников убийцей (см.: *Дурасов В.И.* Дело об убийстве полковника Якубинского // Саратовский листок. 1906. 27, 28 янв.).

¹³⁵ *Устинов* Михаил Васильевич (1817 — ?) — один из внуков Михаила Адриановича Устинова (1755—1836) — советника соляной конторы, который благодаря полученным на службе чином и орденам перешел из купеческого сословия в дворянство. Семья Устиновых была одна из богатейших в Саратовской губернии. Сын М.А. Устинова Василий Михайлович (1797—1838) был военным и, уйдя в отставку в чине полковника, жил в своем имении Петровского уезда (см.: *Максимов Е.К.* Род дворян Устиновых // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV—VI чтений. Саратов. 1994. С. 72—74).

¹³⁶ *Фокин* Петр Кириллович — поручик.

¹³⁷ *Кизо* Александр Федорович (1807 — ?) — дворянин, стряпчий Петровского уезда, титулярный советник. До того служил стряпчим в Николаевске, но был перемещен вследствие попустительства раскольникам, как считалось из-за того, что жена его была из старообрядцев (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 3559. Л. 3). Был сослан в Томскую губернию за «упущение своих обязанностей и подлог» (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 587. Л. 11—12).

¹³⁸ *Алексеев* Алексей (1814 — ?) — уездный лекарь, титулярный советник.

¹³⁹ *Беловалов* Григорий Андреевич (1816 — ?).

¹⁴⁰ В деле значатся пистолеты работы Александра Гольянова (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 746. Л. 13 об.).

¹⁴¹ *Фадеев* Андрей Михайлович (1789—1867) — саратовский губернатор в 1841—1846 гг. В его мемуарах немало места уделено саратовскому периоду его жизни (см.: *Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790—1867. Одесса, 1897. С. 150—205).

¹⁴² *Бахметьев* Николай Иванович — саратовский губернский предводитель дворянства (1845—1851), крупный землевладелец, Большой хлебосол и кутила. А.И. Розанов рисует его как типичного крепостника (называя Н. И-ч; см.: *Розанов А.И.* Указ. соч. С. 57—77).

¹⁴³ В.Н. Григорьев.

¹⁴⁴ *Киселев* Арефий Игнатьевич (1893 — ок. 1850) — коллежский секретарь, крупный саратовский помещик, имевший 1382 крепостных, в основном в Аткарском уезде. Сын губернского предводителя (1787—1790) Игнатия Никифоровича Киселева (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 616. Л. 3).

¹⁴⁵ *Киселев* Павел Дмитриевич (1788—1872), граф — флигель-адъютант Александра I, министр государственных имуществ (1837—1856). Был женат на Софье Станиславовне Потоцкой (1801—1875), сестре Мечеслава Потоцкого (см. о нем ниже). А.И. Киселев приходился ему дальним родственником, однако являлся одним из его наследников (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 616. Л. 1).

¹⁴⁶ *Иаков* (в миру Вечерков Иосиф Иванович; 1792—1850) — епископ Саратовский и Царицынский (1832—1847).

¹⁴⁷ Ныне ул. Первомайская.

¹⁴⁸ *Рылеева* Анна Александровна (в пострижении Сусанна;? — 1847) — дочь генерала А.Н. Рылеева, участника Отечественной войны 1812 г. (дяди декабриста К.Ф. Рылеева), высланного в Саратов после декабрьских событий 1825 г. Основала в 1840 г. первую в Саратове школу для девочек при женском Крестовоздвиженском монастыре (см.: Саратовская летопись // Саратовский край: Историч. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 70).

¹⁴⁹ Имеется в виду прелат Ян Щит (Иоанн Щитт), доктор богословия и филологии (см.: ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 26).

¹⁵⁰ *Потоцкий* Мечислав (Михаил) Станиславович (1799—1876), граф — камер-юнкер. Был выслан в 1845 г. в Саратов за «безнравственные и жестокие поступки» по отношению к супруге. Крупнейший помещик Подольской губернии (см.: *Дурасов В.И.* Граф Мечислав Потоцкий в Саратове // Рус. старина. 1899. № 2. С. 205—219; *Колмаков Н.М.* Очерки и воспоминания // Рус. старина. 1891. № 6. С. 676—678; *Т-ов С.С.* [Татищев С.С.] Р.А. Фадеев и его сочинения // Рус. вестник. 1891. № 9. С. 126—127). Ср.: «Проживавший в Саратове, в административной ссылке, католический прелат граф Щит, воспитанник римских иезуитов, человек очень умный и многосторонне образованный, и Ростислав Андреевич Фадеев были единственными личностями в городе, с которыми более или менее близко сошелся Потоцкий. С богатыми помещиками и с чиновниками, относившимися очень почтительно к графу Потоцкому ввиду его петербургских родственных связей, он поддерживал знакомство, обмениваясь только официальными визитами» (*Дурасов В.И.* Граф

Мечислав Потоцкий в Саратове // С. 218). «Сверх прописанных выше хлопот и неприятностей по службе, у меня было довольно их и с присылаемыми тогда в Саратов разного рода людьми под полицейский надзор. В числе их находился славившийся своею скупостью и проказами всяких оттенков граф Мечислав Потоцкий (по принятии православия нареченный Михаилом), родной брат графини Киселевой, не перестававшей меня бомбардировать письмами с просьбами о покровительстве ему. В числе политических изгнанников состоял и прелат Щит, воспитывавшийся в Риме, хотя в душе и иезуит, но тоже человек хорошо образованный, начитанный, с которым в минуты отдыха я иногда с удовольствием беседовал. Охотник поиграть в карты, он часто приходил по вечерам составить мне партию в бостон» (*Фадеев А.М. Воспоминания* // Рус. старина. 1890. № 7. С. 190—191).

¹⁵¹ *Аничков* Николай Иванович (1803—1859) — ротмистр в отставке, из оренбургских дворян. В Саратовской губернии от жены С.Н. Глазенап (вдовы генерал-майора) имел поместье в Старой Сосновке Аткарского уезда (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 898. Л. 7). *Жарский* Павел Александрович (ок. 1800 — 1879) — из польских дворян, католик, отставной штабс-капитан. Был кузнецким уездным предводителем дворянства (1852—1855). Имел 555 душ крепостных только мужского пола в нескольких уездах Саратовской губернии. Усадьба в районе с. Набережный Увек (см.: Саратовский листок. 1879. 23 мая). Дети: Михаил, Аркадий, Аделаида (Ольга) и Мария. Последняя — ровесница В.А. Шомпулева — была ему дальней родственницей по мужу Любовцеву (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 65. Л. 61, 85). А.И. Розанов вспоминал: «Управляющий каждый год, ко дню приезда барина, составлял список всем подросткам девкам и в день приезда барина вручал его ему. Тот брал себе каждую дня на три — на четыре в услужение. И как только список кончался, уезжал в другие деревни. И это из года в год» (*Розанов А.И. Указ. соч. С. 77*). *Горбунов* Александр Дмитриевич — статский советник отделения питейных сборов Саратовской казенной палаты. «А.Д. представлял из себя тип старинного барина, помещика и вместе с тем “кабинетного учёного”. Всё свободное от службы время он посвящал чтению научных книг (он по специальности был естествоиспытателем, а также хорошо знал медицину). Умный от природы, разносторонне образованный, гуманный, необычайно деликатный в обращении с людьми, он производил на всех самое выгодное впечатление, и к нему все относились с глубоким уважением» (*Жеребцов В.И. Страницы из прошлого Саратова* // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. С. 87—88).

¹⁵² Имеется в виду А.М. Фадеев.

¹⁵³ *Фадеев* Ростислав Андреевич (1824—1883). По воспоминаниям В.И. Дурасова, Фадеев «носил черкесский костюм, белоснежную папаху с красным верхом и любил разъезжать верхом по городу с сигарою» (*Дурасов В.И. Из саратовского прошлого. Полицмейстер В.Н. Попов* // Саратовский дневник. 1886. 3 янв.).

¹⁵⁴ Ныне ул. Радищева.

¹⁵⁵ Несколько иную версию причины высылки Фадеева см в: *То—в С.С. [Тамушев С.С.] Р.А. Фадеев и его сочинения* // Русский вестник. 1891. № 9. С. 126—127.

¹⁵⁶ Из Саратова в 1848 г. Потоцкий был перемещен в Воронеж, в 1851 г. в Вятку и только в 1855 г. он выехал за границу.

¹⁵⁷ *Ган* Елена Андреевна (урожд. Фадеева; 1814—1842) — писательница. Была замужем за полковником П.А. Ганом (1798—1873), брат которого И.А. Ган, отставной офицер, служил председателем Саратовской казенной палаты (1855—1860).

¹⁵⁸ У З. Ган нет повести с таким названием. По-видимому, имеется в виду ее повесть «Напрасный дар» (Отечественные записки. 1842. № 3), где в финале есть мотив перекасти-поля и само это слово.

¹⁵⁹ Повесть «Утбалла» была впервые опубликована в журнале «Библиотека для чтения» (1837. Т. 20), повести «Перекасти-поле» у Ганн нет; по-видимому, имеется в виду повесть «Напрасный дар» (Отечественные записки. 1842. № 3), в которой важную роль играет образ перекасти-поля.

¹⁶⁰ *Ган* Елена Петровна (в браке Блаватская; 1831—1891) — автор трудов по теософии.

¹⁶¹ *Бер* Николай Иванович (1803 — ?) — врач, окончил Московский университет. Участвовал в Русско-турецкой войне и подавлении Польского восстания 1830 г. В Саратове служил в канцелярии военного губернатора и в приказе общественного призрения. За женой — *Протасьевой* Надеждой Михайловной — получил более 600 душ, в том числе — 116 в Быковке (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 959. Л. 9 об.). «Лучший и благонамереннейший чиновник, человек вполне прядочный и деловой, с хорошим состоянием, который вступил в должность единственно по доброму расположению ко мне, для того, чтобы поправить богоугодные заведения, находившиеся до тех пор в самом дурном состоянии» (*Фадеев А.М. Воспоминания. 1790—1867. Одесса, 1897. С. 187*).

¹⁶² *Галкин-Врасский* Михаил Николаевич (1832—1916) — саратовский губернатор (1870—1879), действительный тайный советник (1895). Городская дума удостоила его звания почетного гражданина Саратова и учредила стипендию его имени в учебных заведениях. С 1896 г. член Государственного совета (см.: *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи 1801—1906: Библиограф. справочник. СПб., 2006. С. 171—178*). В дневнике А.Н. Минха 14 декабря 1877 г.: «Час от часу [Галкин-Врасский] всё более делается чиновником, а начал было хорошо: сошелся с землевладельцами, усердно ревизовал волости, держал в руках эту общественную язву — полицию, правда рисовался он всегда на тысячи оваций, которые ему делали частью искренне, частью принужденно; но теперь, когда его стали раскусывать и все стали охладевать, наш помпадур — губернатор начал разные мелкие и гаденькие дрязги <...>. Вообще эта личность думает только подслужиться правительству и получить награду, а не заботиться о благе вверенной губернии» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л.???.; и 23 мая 1879 г.: «...чиновничий дух вполне был ему присущ, любовь к овациям и чествованиям обуяла им» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 203).

¹⁶³ Дочь генерал-майора Э.Д. фон Бриггена — наказного атамана Астраханского казачества 1838—1848 гг.

¹⁶⁴ Р.А. Фадеев дослужился до чина генерал-майора. См. его книги по военным вопросам: *Фадеев Р.* Вооруженные силы России. М., 1868; *Он же.* Наш военный вопрос. Спб., 1873.

¹⁶⁵ Имя главного героя повести Г.В. Кугушева «Корнет Отлетаев» (1856), безудержного гуляки, стало нарицательным, он даже стал персонажем одного из очерков цикла М.Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадур и помпадурши» (1873), мужем одной из помпадурш, о котором сказано: «...корнет Отлетаев <...> не только разбивал по ночам винные погреба, но однажды голый и с штандартом в руках проскакал верхом через весь город» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1969. Т. 8. С. 42).

¹⁶⁶ *Рославлёв* Лев Яковлевич — крупный саратовский помещик, бывший советник губернского правления (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1332). А.М. Фадеев писал: «Не могу не упомянуть о Лье Яковлевиче Рославлёве, бывшем когда-то владельцем значительных имений, им прожитых, и находившемся тогда почти уже в бедности, но человеке честном, умном и правдолюбивом, от которого я узнал много истины о личностях, положении и роде дел в Саратовской губернии. Главной причиной потери его состояния была страсть к охоте, которой он предавался с неудержимым увлечением и в самых обширных размерах, в продолжение многих лет своей жизни. Он держал громадную псарню, множество псарей, и его выезды на охоту представляли зрелище в роде средневекового переселения народов. Со всеми своими псарнями, псарями, верховыми лошадьми, огромным обозом всяких запасов, вин, вещей, с многочисленной компанией приятелей, любителей охоты, он не довольствовался одной Саратовской губернией, но объезжал все соседние, добирался до Оренбургских степей и пропадал в охотничьих разъездах по несколько месяцев. Так продолжалось, пока хватило состояния, двух или трех тысяч душ, и кончилось вместе с ними. Когда я познакомился с Рославлёвым, он жил в двух комнатах одного из флигелей дачи Панчулидзева (на сестре которого он был когда-то женат), и лишь пара стареньких борзых собачек осталась у него единственным грустным сувениром его бывшей грандиозной псарни и счастливого прошлого времени. Но перемена обстоятельств не изменила его характера; он сохранил и в пожилом возрасте всю восприимчивость и энергию молодых лет, и при его отличном образовании, начитанности, житейском опыте и природной любезности, придавало беседе с ним большую занимательность» (*Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790—1867. Одесса, 1897. С. 154—155).

¹⁶⁷ Рославлёва Анна Алексеевна (урожд Панчулидзева; 1793—1815).

¹⁶⁸ *Столыпин* Афанасий Алексеевич (1788—1864) — штабс-капитан в отставке, предводитель дворянства Саратовской губернии (1839—1842). Крупный помещик, имел дом в Москве. Дед П.А. Столыпина. «Человек очень умный, хотя с несколько грубоватыми формами, составил себе большое состояние на откупках» (*Чичерин Б.Н.* Воспоминания // Русские мемуары: Избранные страницы. 1826—1856 гг. М., 1990. С. 251). «Столыпин пользовался популярностью саратовской публики, дорожившей

в нем солидностью его положения, хлебосольством и представительностью <...>. Он был богатый, влиятельный человек, довольно толковый, жил на широкую ногу открытым домом, имел связи при дворе и множество поклонников и прихлебателей при себе» (*Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790—1867. Одесса, 1897. С. 175). Был председателем попечительства, ведавшего городским театральным делом, и председателем комиссии по постройке здания саратовского театра, открытого в ноябре 1865 г.

¹⁶⁹ А.А. Столыпин.

¹⁷⁰ То есть на задних ногах.

¹⁷¹ То есть скопились в узком месте.

¹⁷² Чесницкий Варфоломей Данилович — винный пристав Царицынского уезда. В Саратове был соседом В.А. Шомпулева по земельному участку на Большой Кострижной улице.

¹⁷³ *Афанасий* (в миру Дроздов Александр Васильевич; 1800—1876) — епископ Саратовский и Царицынский (1847—1856).

¹⁷⁴ Церковь Михаила Архангела (ныне снесена) находилась на пересечении современных улиц Московской и Октябрьской. Была построена в 1845 г. на средства Х.И. Образцова — деда жены Шомпулева.

¹⁷⁵ Печатается по: Разведчик. 1900. № 517. С. 820—822; № 518. С. 843—845; № 519. С. 868—870.

¹⁷⁶ Куринский полк был сформирован в 1802 г. как мушкетерский полк, с 1819 г. входил в состав Кавказской армии, с 1834 г. преобразован в егерский.

¹⁷⁷ Укрепления на Кавказе объединялись в кордонные линии: Черноморскую, Лезгинскую и Кавказскую. В военно-административном отношении последняя разделялась на участки: Правый фланг, Центр и Левый фланг. Левый фланг заключал в себе линии Терскую и Нижне-Сунженскую. Здесь стояли Моздокский, Гребенский и Кизлярский казачьи полки.

¹⁷⁸ В конце 1847 — начале 1848 г. в середине Малой Чечни было возведено укрепление на берегах реки Урус-Мартан в 15 верстах от Воздвиженского и в 27 верстах от Ачхоевского.

¹⁷⁹ Это произошло 26 февраля 1847 г. (*Полторацкий В.А.* Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 1. С. 72).

¹⁸⁰ *Меллер-Закомельский* Петр Петрович (1804—1869), барон — командир Куринского полка и Сунженской линии (1846—1851), генерал-майор (1848), командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии (1852), с 1853 г. в отставке.

¹⁸¹ «В списках полка за 1847-й год числилось 120 офицеров, из коих 9 были переведены из гвардии» (*Казбек Г.* К столетнему юбилею Куринского полка // Варшавский военный журнал. 1903. № 1. С. 47).

¹⁸² *Хастатов* Аким Акимович (1807 — 1883?) — капитан лейб-гвардии Семеновского полка в отставке, родственник М.Ю. Лермонтова по материнской линии.

¹⁸³ *Воронцов* Михаил Семенович (1782—1856), светлейший князь — генерал-фельдмаршал (1856), новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823—1854), наместник на Кавказе (1844—1856).

¹⁸⁴ Василий Павлович *Александровский* (1818—1878) состоял при наместнике кавказском младшим чиновником особых поручений, впоследствии саратовский вице-губернатор (1856—1862), пензенский губернатор (1862—1867), с 1867 г. — тайный советник.

¹⁸⁵ *Воронцов* Семен Михайлович (1823—1882), светлейший князь — флигель-адъютант. Вступил в должность командира Куринского полка в 1851 г. Впоследствии участник Крымской и Русско-турецкой войн, в отставке с чином генерала от инфантерии.

¹⁸⁶ Тетка С.М. Воронцова Екатерина Семеновна Воронцова (1783—1856) была замужем за лордом Джорджем Огастесом Пемброком и жила в Англии.

¹⁸⁷ «В станице Червленной бытовало предание о том, как Лермонтов, войдя в хату, где ему отвели квартиру, застал там молодую красавицу казачку Дуньку Догадиху, напевавшую песню над колыбелью сына своей сестры. И будто бы эта встреча вдохновила поэта на создание “Казачьей колыбельной песни”. Князь Г.Г. Гагарин, оставивший множество замечательных акварельных рисунков, где запечатлел жителей станицы Червленной времен 1830—1840-х гг., так описал свою встречу со знаменитой Дунькой Догадихой: “Хотя ей было уже тридцать лет, это была замечательная женщина. Она была высокого роста, бюст ее бросался в глаза всякому. При редкой стройности стана, необыкновенной белизне цвета кожи, голубых навывкате глазах, при черных, как смоль волосах, эффект был поразительный. Мне в первый раз в жизни пришлось увидеть такую женщину. Войдя к ней, я казался встревоженным и изумленным; я не предполагал, что могу встретить между казачками типы такой изящной красоты”» (*Ткачев Г.А.* Станица Червленная. Владикавказ, 1912. С. 211—212).

¹⁸⁸ *Чернышев* Александр Иванович (1785—1857), граф (1826), светлейший князь (1849) — генерал от кавалерии (1827), военный министр (1832—1852), председатель Государственного совета (1848—1856). В поездке по Кавказу его сопровождал Г.Г. Гагарин. На месте он писал акварели и лишь в Петербурге по своим эскизам создавал картины маслом.

¹⁸⁹ *Суслов* Александр Алексеевич (1807—1877) — командир Гребенского казачьего полка (1846), начальник Сунженской линии (1849), командир 6-й бригады Казачьего линейного войска (1847), командир 1-й бригады 21-й пехотной дивизии (1850), генерал-лейтенант (1858).

¹⁹⁰ Гребенские казаки — старейшая из казачьих общин на Северном Кавказе, возникшая в XVI в. на берегах рек Акташ, Сунжа, Терек. Первое поселение — г. Гребни. В 1819 г. из гребенских казаков был сформирован Гребенский казачий полк, в 1832 г. включенный в Кавказское линейное казачье войско.

¹⁹¹ *Наиб* — глава территориальной единицы Чечни (наибства). *Талгик* — наиболее любимый Шамилем наиб, в 1858 г. перешел на сторону русских незадолго до пленения своего имама.

¹⁹² *Нестеров* Петр Петрович (1805—1854) — командующий 20-й пехотной дивизией и начальник левого фланга Кавказской линии (1848—1850), генерал-лейтенант (1850).

¹⁹³ *Завадовский* Николай Степанович (1788—1853) — генерал от кавалерии. Наказной атаман Черноморского казачьего войска с 1830 г. С 1848 г. командующий войсками Кавказской линии.

¹⁹⁴ То есть М.С. Воронцову.

¹⁹⁵ *Шамиль* (1797—1871) — 3-й имам Чечни и Дагестана. Сдался в плен русским в 1859 г.

¹⁹⁶ *Козловский* Викентий Михайлович (1797—1873) — генерал от инфантерии (1866). На Кавказе с 1815 г., командир Кабардинского егерского полка (1842—1847), командир бригады (1847—1848), командующий войсками Кавказской линии (1853—1856), начальник правого крыла Кавказского корпуса (1856—1858), генерал-аудитор Военного министерства с 1858 г.

¹⁹⁷ П.П. Нестеров психически заболел (см.: *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб., 2003. С. 193—194).

¹⁹⁸ В формулярном списке Шомпулева значится: «За отличие, оказанное 23 января 1850 г. в делах против горцев, Всемилостивейше награжден знаком военного ордена Св. Георгия Победоносца № 87321; а 17 января 1851 — произведен в прапорщики» (ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 269 Л. 20 об.)

¹⁹⁹ *Слепцов* Николай Павлович (1815—1851) в 1845 г. в чине майора был назначен командиром 1-го Сунженского казачьего полка. С 1847 г. полковник, а за взятие Шалинского окопа в 1850 г. — генерал-майор.

²⁰⁰ Ср.: «...во Владикавказе остановился в единственной, можно сказать, в то время порядочной гостинице Лебедева. Здесь же был клуб, где проводило время за картами и в танцах небольшое владикавказское военное общество» (*Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1846 год. СПб., 2003. С. 272).

²⁰¹ *Ильинский* Михаил Сергеевич, генерал-майор, начальник Владикавказского военного округа. В дальнейшем губернатор Херсонской (1851—1854) и Бессарабской (1854—1857) губерний.

²⁰² *Барятинский* Александр Иванович (1815—1879), князь — генерал-майор (1848), за взятие в плен Шамиля получил чин генерал-фельдмаршала (1859). Служил на Кавказе с 1835 г. Командир Кабардинского полка (1847—1850), начальник 20-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии (1851), начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса (1853—1854), наместник кавказский и главнокомандующий Кавказским корпусом (1855—1862), член Государственного совета с 1860 г.

²⁰³ *Эйн-Витгенштейн Берлебург* Эмилий-Карл Людвигович (1824—1878), светлейший князь — с 1849 г. служил в Нижегородском драгунском полку на Кавказе; с 1852 г. — флигель-адъютант, с 1866 г. — генерал-лейтенант.

²⁰⁴ *Голицын* Александр Владимирович (1826—1864), князь — ранее корнет Кавалергардского полка.

²⁰⁵ *Дондуков-Корсаков* Александр Михайлович (1820—1893), князь — генерал-адъютант (1869), генерал от кавалерии (1878). На Кавказе с 1844 по 1858 г., адъютант Воронцова (1846), командир Нижегородского драгунского полка. В 1882—

1890 гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа. Автор мемуаров о Кавказской войне: *Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1840—1844 // Старина и новизна. 1903. № 5—6.*

²⁰⁶ Сын Николая I, будущий император Александр II.

²⁰⁷ *Валерик* — река, приток Сунжи, в районе которой 11 июля и 30 октября 1840 г. произошли сражения русских отрядов с войсками горцев под командованием Шамиля. Шамиль потерпел поражение, его войска были вынуждены покинуть Чечню и отойти в Аварию. В обоих сражениях участвовал поручик Тенгинского пехотного полка М.Ю. Лермонтов, который воспел их в известном стихотворении «Валерик» (1840).

²⁰⁸ См.: *Нейман М.Г.* Николай Павлович Слепцов // Рус. вестник. 1872. № 4. С. 359—376.

²⁰⁹ У Н.П. Слепцова было два брата — Петр и Александр. У Петра Павловича были сыновья Аркадий (1845 — ?), Павел (1846—1880) и Николай (1850 — ?). У Александра Павловича (1822—1886) — Павел (1862—1905) и Александр (1863 — ?) (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772. Л. 130—131).

²¹⁰ Картина «Смерть Слепцова» написана Ф.А. Рубо — автором «Панорамы Бородинской битвы». Копия этой картины висела в Дворянском собрании в Саратове, сейчас хранится в запасниках Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева. У Шомпулева дома также висела уменьшенная копия этой картины (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 243. Л. 11).

²¹¹ Печатается по: Рус. старина. 1908. №11. С. 493—498.

²¹² *Смирнова-Сазонова Софья Ивановна* (1852—1921) — писательница и публицистка, постоянный сотрудник газеты «Новое время». Речь идет о ее статье «Школа характеров», опубликованной в «Новом времени» 22 и 28 октября 1903 г. Сазонова использует в ней воспоминания А.М. Дондукова-Корсакова, упомянутые в примеч. 203.

²¹³ Ср.: «К своему престарелому отцу он питал особенную горячую привязанность и глубочайшее почтение. В июне 1848 года почтенный старец скончался и был похоронен в отдаленной деревне. Осенью того же года в этой деревне вдруг неожиданно явился штаб-офицер и попросил к себе священника. Это был Слепцов: прямо с Сунжи, лишь только позволили ему служебные дела, он приехал поклониться милому праху на свежей могиле. В уединении от всех, он долго и усердно молился, говел там и причастился святых тайн; потом уже отправился на свидание с родными» (В.А. Слепцов. Один из кавказских героев // Исторический вестник. 1901. № 12. С).

²¹⁴ *Фофанов В.И.* — саратовский полицмейстер (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1724).

²¹⁵ Ныне ул. Советская.

²¹⁶ Серая шинель — солдатская; имеется в виду разжалование в рядовые.

²¹⁷ *Левенталь Федор Карлович* (1785—1849) — окружной генерал Пятого округа Отдельного Корпуса внутренней стражи.

²¹⁸ Управление пятого округа находилось в Саратове с 1843 по 1864 г.

²¹⁹ Ср.: «Жил в Саратове в то время известный кавказский герой Слепцов. Бурная и подвижная натура его не мирилась с монотонностью и скукою захолустного губернского города, и он от времени до времени, в особенности под влиянием винных паров, устраивал всевозможные дебоши, всегда благополучно сходявшие ему с рук, потому что, во-первых, он был герой, во-вторых, очень богатый, а в-третьих, с большими связями в Петербурге. Его боялись все, не исключая губернатора, и старались только не попадаться ему на глаза. Однако, когда его проделки уже стали переходить границы, дед мой решил ему сделать осаже и дерзнул составить на него протокол за избиение им в театре публично какого-то актера. Несмотря на то, что бывший в то время губернатор (кажется, Фадеев), выведенный из терпения выходками Слепцова, принял деда моего под свое покровительство, достаточно было пожаловаться Слепцову своим друзьям в Петербург, как Гришина [Василий Васильевич Гришин, частный пристав г. Саратова] немедленно было предписано уволить в отставку и чуть ли не по третьему пункту» (*Жеребцов В.И.* Страницы из прошлого Саратова // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 93).

²²⁰ Следовательно, описываемые события происходили в 1845 г.

²²¹ Крепость Моздок была построена в 1763 г., статус города получила в 1765 г. В 1770 г. был создан Моздокский казачий полк. «Моздокским университетом» иронически назван опыт службы в казачьих войсках.

²²² Шульц Мориц Христианович (1806—1888) — командир 3-й бригады Кавказского линейного войска (1846), начальник Самурского военного округа (1849). Комендант Александропольской крепости, генерал-майор (1850).

²²³ См. выше очерк «Из воспоминаний старого кавказца».

²²⁴ Печатается впервые по: Архив СОМК. Фонд С.Д. Соколова. Оп. 1. Д. 25. Л. 89—92.

²²⁵ Астраханское ханство — государство, возникшее в результате распада Золотой Орды и существовавшее в XVI в. в Нижнем Поволжье.

²²⁶ *Ольга Николаевна* (1822—1892), великая княжна — дочь Николая I, с 1846 г. замужем за Карлом Вюртембергским, ставшим в 1864 г. королем Вюртемберга Карлом I.

²²⁷ *Фрейтаг Роберт Карлович* (1802—1851) — командир Куринского егерского полка (1840), командир левого фланга Кавказской линии (1842), командир 20-й пехотной дивизии (1844), генерал-лейтенант (1845).

²²⁸ *Опочинин Алексей Петрович* (1807—1885) — полковник с 1850 г., генерал-майор и тифлисский комендант с 1856 г., генерал-лейтенант с 1864 г., генерал от артиллерии с 1876 г. Его жена — урожд. княжна Орбелиани. «Не побывать у Опочинина значило навлечь его неудовольствие; да после этого не кажись на прекрасные глаза его жены Бабале, которая хотя и доживала третий десяток, но в обожательных недостатках не имела» (*Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 272).

²²⁹ Орбелиани Софья Яковлевна (1831—1879), княжна.

²³⁰ *Святополк-Мирский* Дмитрий Иванович (1825—1899), князь — генерал от инфантерии (1873), командир Кабардинского полка (1857—1859), кутаисский генерал-губернатор (1863—1867), помощник наместника Кавказа (с 1875 г.), член Государственного совета (с 1880 г.). Чин поручика Святополк-Мирский получил в 1847 г., штабс-капитана в 1849 г. Участвовал в тех же операциях, что и В.А. Шомпулев. Род Святополков-Мирских в 1821 г. был утвержден в княжеском достоинстве Царства Польского, но документы на титул были утрачены во время Польского восстания 1830—1831 гг. и в России утверждение состоялось только в 1861 г.

²³¹ *Рead* Николай Андреевич (1792—1855) — генерал-адъютант при командующем Отдельным Кавказским корпусом (1853), генерал от кавалерии (1853), временно управляющий Кавказом (1854—1855).

²³² Племянник Воронцова Сидней, министр обороны Англии, получивший титул лорда Герберта Ли, был военным секретарем, он руководил военными операциями в ходе Крымской войны.

²³³ Дворец в Алушке был построен в 1834—1852 гг. английским архитектором Эдвардом Блором.

²³⁴ *Евдокимов* Николай Иванович (1804—1873) — начальник правого фланга Кавказской линии с 1850 г., генерал-лейтенант (1856), граф (1859), начальник Кубанской области (1860).

²³⁵ *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — обер-квартирмейстер войск Кавказской линии (1843—1845), начальник главного штаба Кавказской армии (1856—1860), военный министр (1861—1881), генерал-фельдмаршал (1898).

²³⁶ *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — генерал от артиллерии (1833). Командир Отдельного Грузинского (с 1820 г. Кавказского) корпуса и главноуправляющий Грузии (1816—1827).

²³⁷ А.И. Бярятинский (1815—1879) женился на княжне Елизавете Дмитриевне Орбелиани (1835—1899), бывшей в первом браке за его адъютантом, полковником Владимиром Александровичем Давыдовым. В 1862 г. Бярятинский тайно увез княжну от мужа за границу — сначала в Париж, а затем Брюссель. Шумный бракоразводный процесс (с мая по октябрь 1863 г.) в С.-Петербургской духовной консистории, начатый по прошению жены, завершился разводом. Кн. Бярятинский после этого обвенчался с Елизаветой Дмитриевной в Брюсселе и попал в продолжительную опалу к имп. Александру II. «...Бярятинский начал ухаживать за женой своего адъютанта Давыдова; так как вообще князь Бярятинский очень любил ухаживать за дамами, то никто и не думал, чтобы это ухаживание кончилось чем-нибудь серьезным. Окончилось же это ухаживание (в действительности) тем, что в один прекрасный день Бярятинский уехал с Кавказа, до известной степени похитив жену своего адъютанта. Он уехал за границу якобы лечиться, но более уж оттуда не возвращался. За границей он дрался на дуэли со своим адъютантом Давыдовым. <...> Результат дуэли был довольно постыдный не для Бярятинского, а для Давыдова. После

этой дуэли Бярятинский не мог, конечно, вернуться на Кавказ, а также не мог скоро возвратиться и в Россию» (*Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. С. 28—29).

²³⁸ *Наполеон III*, Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808—1873) — французский император в 1852—1870 гг.

²³⁹ А.И. Бярятинский умер в возрасте 64 лет.

²⁴⁰ *Криолин* — каркас для широкой дамской юбки и сама юбка.

²⁴¹ Печатается по: Рус. старина. 1897. № 11. С. 323—330.

²⁴² *Ф.Г. Зварькина* — дочь Гаврилы Герасимовича Левина, брата Марии Герасимовны Левиной (см. о ней в примеч. 7).

²⁴³ Боярские дети Левины еще в конце XVII в. получали в поместный оклад земли на юге Нижегородской губернии (см.: *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты 1578—1618 годов. М., 1915. С. 22, 510).

²⁴⁴ То есть с двумя рядами расположенных друг над другом окон.

²⁴⁵ Имеется в виду Анна Избедская — приятельница Зворыкиной, сообщившая впоследствии А.С. Шомпулевой о смерти Фаяны Гавриловны (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 21. Д. 184. Л. 116 об).

²⁴⁶ Имеется в виду Варвара Степановна Вальрон(д) — дочь генерал-майора Степана Александровича Вальронта.

²⁴⁷ Сергеев Петр Сергеевич (1814 — ?) — титулярный советник, чиновник особых поручений при генеральном провиантмейстере Военного министерства. Будучи военным инженером, в чине поручика участвовал в строительстве тракта Оренбург — Стерлитамак. Женился на дочери генерал-майора Оренбургского корпуса Станислава Фомича Циолковского Анне. Приобрел имение в 13000 десятин с 400 мужиков — крепостных. В 1845 г. был в Нижегородской губернии для выдачи денег подрядчикам по заготовке хлеба. В Нижнем Новгороде, помимо «приобретения» имения у Зворыкиной, занял у сослуживца, провиантского комиссионера ротмистра Левановского, 10 000 руб. ассигнациями (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 21. Ед. хр. 184. Л. 23—27, 31, 37).

²⁴⁸ Земля при селе Чирчим Кузнецкого уезда была получена прадедом Фаяны Гавриловны Саввой Андреевичем Левиным в 1689 г. (см.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ед. хр. 6492. Л. 236—238).

²⁴⁹ *Орлов* Алексей Федорович (1786—1861), граф с 1825 г., князь с 1856 г. — участник войны 1812 г., командир лейб-гвардии Конного полка, с которым участвовал в подавлении восстания декабристов, с 1844 г. шеф жандармов и начальник III отделения собственной е.и.в. канцелярии.

²⁵⁰ *Александра Федоровна* (Фридерика-Луиза-Шарлотта, принцесса прусская; 1798—1860) — жена Николая I с 1817 г., российская императрица с 1825 г.

²⁵¹ *Саломон* Петр Иванович (1819—1905) — сенатор (1864), член Государственного совета (1889).

²⁵² *Строганов* Александр Сергеевич (1818—1864), граф — штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка; флигель-адъютант.

²⁵³ *Баранов* Александр Трофимович (1813—1888), граф — капитан лейб-гвардии Измайловского полка, впоследствии полковник.

²⁵⁴ *Адлерберг* Александр Владимирович (1818—1888), граф — полковник лейб-гвардии Преображенского полка; впоследствии генерал-адъютант и министр императорского двора (1872—1881). В 1852 г. временно управлял двором наследника цесаревича Александра Николаевича и исправлял должность секретаря цесаревны. При вступлении цесаревича на престол назначен флигель-адъютантом и вошел в свиту Александра II в чине генерал-майора.

²⁵⁵ *Адлерберг* Владимир Федорович (1791—1884), граф — генерал от инфантерии, министр двора (1852—1870).

²⁵⁶ *Есипов* Николай Иванович (1803 — ?) — жандармский полковник.

²⁵⁷ Имеются в виду Дмитрий *Демидов* — помещик Нижегородской губернии, внук Ф.Г. Зворыкиной, и Вячеслав Федорович Болобанов — также помещик Нижегородской губернии, степень родства с Фаяной Гавриловной не установлена (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 21. Ед. хр. 184. Л. 143, 130).

²⁵⁸ Печатается по: Рус. старина. 1898. № 4. С. 91—95. Действие происходит в 1849—1855 гг.

²⁵⁹ Трактир ярославского купца Анисима *Палкина* в середине XIX в. находился на углу Невского и Литейного проспекта.

²⁶⁰ *Анненков* Николай Николаевич (1793—1865) — генерал-адъютант. С 1842 г. директор канцелярии Военного министерства. В 1854—1855 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1863—1865 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. Член Государственного совета.

²⁶¹ Н.Н. Анненков летом 1849 г. инспектировал военную и гражданскую администрацию Западной Сибири (см.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 285/504. Д. 158/8914). Таким образом описываемая проделка датируется 1849 г.

²⁶² *Полуимпериял* — российская золотая монета. С 1817 г. ее вес составлял около 6,54 грамма золота 88-й пробы.

²⁶³ *Шахматов* Александр Николаевич (1797—1859) — действительный статский советник и камергер. Был женат на Л.В. Ланской, дочери В.С. Ланского, министра внутренних дел в 1823—1827 гг.

²⁶⁴ *Тихменев* Григорий Яковлевич — саратовский помещик, непрременный член комиссии народного продовольствия (1840—1850).

²⁶⁵ Речь идет про имение Поповка.

²⁶⁶ *Лобанов* Василий Иванович — титулярный советник, правитель канцелярии губернской строительной и дорожной комиссии.

²⁶⁷ То есть крепостной, получивший свободу

²⁶⁸ *Чихачева* Анна Федоровна (урожд. Бестужева-Рюмина, в первом браке за Михаилом Васильевичем Демидовым) — вдова действительного статского советника Александра Петровича Чихачева (? — 1827), имевшая более 1400 крестьян в Балашовском уезде (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1897. Л. 242). «Чихачева олицетворяла своей особой настоящий тип наших старинных бойких барынь, проводивших весь

свой век среди двора и знати. Многие ее боялись по причине ее острого языка и навязчивости, но общество ее, особенно рассказы о прежнем добром старом времени, были очень интересны и занимательны» (*Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790—1867. Одесса, 1897. С. 165).

²⁶⁹ *Позняк* Михаил Дмитриевич — подполковник, полицмейстер Саратова до 1862 г.

²⁷⁰ *Готовицкий* Аркадий Михайлович (1837—1889) — лейб-гвардии штабс-ротмистр. Владелец имения в деревне Якушево Семеновской волости Егорьевского уезда Рязанской губернии (129 душ) и части деревни Миино (68 душ), доставшихся ему по наследству (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 667. Л. 41; РГИА. Ф. 577. Оп. 32. Д. 80. Л. 83).

²⁷¹ *Поповка* — волостное село Саратовского уезда, в пяти верстах от Быковки. В 1850-е гг., после смерти мужа, там жила П.Х. Готовицкая. Имение при селе досталось в приданое ее старшей дочери Мелитине.

²⁷² Печатается по: Рус. старина. 1908. № 9. С. 551—558.

²⁷³ *Цуг* — запряжка лошадей гуськом или парами одна за другой. *Фореитор* — кучер, сидящий не на экипаже, а на одной из передних лошадей.

²⁷⁴ Имеются в виду институты благородных девиц.

²⁷⁵ То есть служившего в корпусе жандармов. Речь идет о Н.И. Есипове.

²⁷⁶ *Девель* Станислав Александрович — майор, начальник инвалидной команды Саратовского уезда (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. С. 56).

²⁷⁷ О Немецком клубе см.: *Хованский Н.Ф.* Немецкий и коммерческий клубы в Саратове// Саратовский край: Историч. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 354.

²⁷⁸ Имеется в виду Веймарн Яков Евстафьевич (Густавович;? — 1883) — подполковник, из дворян Лифляндской губернии. Командир Саратовского гарнизонного батальона внутренней стражи с 1854 г. После отставки в начале 1860-х гг. коммерсант и гласный городской думы (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1577. Л. 2).

²⁷⁹ Имеется в виду Гладков Василий Вуколович — старообрядец, купец 1-й гильдии (1847), потомственный почетный гражданин (1859), представитель саратовской купеческой династии (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3861. Л. 1).

²⁸⁰ *Степанов* Яков Андреевич (1793 — ?) — владел 342 душами крепостных в Петровском уезде (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 75. Л. 2).

²⁸¹ смуглая (*фр.*).

²⁸² В.А. Шомпулев пишет о себе.

²⁸³ Имеется в виду Д.Ф. Кованько — воронежский губернатор в 1871—1874 гг.

²⁸⁴ Выражение Гоголя в 9-й главе «Мертвых душ».

²⁸⁵ Имеется в виду жена А.П. Слепцова (о нем см. в примеч. 369) — Варвара Васильевна, урожд. Андреева (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772. Л. 131; Список обывателей г. Саратова (1883—1886). Саратов, 1882. С. 7).

²⁸⁶ Султан Ибрагим Джангер-Букеев, князь — корнет лейб-гвардии гусарского полка, хан Букеевской орды, полуавтономного образования казахских родов на территории России в междуречье Волги и Урала.

²⁸⁷ Французский город Валансьен славился производимыми там кружевами.

²⁸⁸ Имеется в виду Аркадий Аркадиевич Степанов, корнет в отставке, сердобский уездный предводитель дворянства (1848—1855).

²⁸⁹ Имеется в виду Петр Иванович Венценосцев.

²⁹⁰ Имеется в виду Иван Фомич Гудчайлд (1803—1870) — англичанин, принявший российское подданство в 1817 г., подполковник. В Саратов прибыл в 1843 г. на должность штаб-офицера при управлении пятого округа Отдельного Корпуса внутренней стражи. С 1856 г. начальник Саратовской провиантской комиссии. Жена — Нина Петровна Городецкая (1828 — ?) (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1513. Л. 14, 16 об., 34).

²⁹¹ Имеется в виду Иван Охмин, в экземпляре очерка, посланном автором М.Н. Галкину-Врасскому, на полях почему-то написано: «Ванька Чугунов».

²⁹² *Иванов* Алексей Петрович (1811—188?) — муж Е.А. Шомпулевой, сын отставного полковника Петра Ивановича Иванова, получившего в конце XVIII в. 3000 десятин в Саратовской губернии, советника соляной конторы, хозяина одного из лучших домов Саратова (в нем останавливался цесаревич Александр в 1837 г). Оставил службу в Петербурге в 1843 г. после смерти своего старшего брата, от которого унаследовал крупное имение в Аткарском уезде Саратовской губернии (с. Слепцовка). Служил в Саратове в провиантской конторе с 1847 по 1858 г. (Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1847 год. СПб., 1846. Ч. 1. С. 59; Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. С. 57; ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 422. Л. 23). Будучи кадетом в конце 1830-х гг., В.А. Шомпулев по выходным получал увольнительные для посещения Алексея Петровича, который тогда служил в Петербурге (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 661. Л. 9).

²⁹³ Гудчайлд Петр (1848—1881) и Владимир (1857 — ?) Ивановичи были приписаны к саратовскому дворянству. Первый привлекался к суду за растраты и подлоги. Вторым в 1897 г. служил протоколистом дворянской опеки (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1513. Л. 40).

²⁹⁴ Этот документ оформлял в 1865 г. В.А. Шомпулев (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1513. Л. 34).

²⁹⁵ Городецкий Петр Валентинович (1806 — ?) — поручик в отставке, предводитель дворянства Хвалынского уезда (1843—1846). Член комиссии по улучшению быта крестьян (1858). Имел более 500 крепостных в разных губерниях. Жил в имении в селе Аблязово Хвалынского уезда (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 668. Л. 70).

²⁹⁶ Городецкий Сергей Петрович (1830 — ?) и Александр Петрович (1833—1870). Последний — мировой посредник, а затем мировой судья 1-го участка г. Саратова, был женат на дочери жандармского полковника П.И. Быкова — Софье (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 668. Л. 7, 98).

²⁹⁷ Речь идет о доме Чеснокова на Ильинской улице.

²⁹⁸ *Шлычка* — бабий головной убор, холщовый или стеганный, по которому вызывают платок (Даль).

²⁹⁹ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 10. С. 78—80. Сюжет относится к 1860—1870 гг.

³⁰⁰ *Ершов* Николай Иванович (1809 — ?). Имел более 600 крепостных в Камышинском уезде и около трехсот — в Тамбовской губернии. Служил в лейб-гвардии гусарском полку, был адъютантом Санкт-Петербургского военного губернатора П.К. Эссена. В 1839—1841 гг. был на Кавказе в чине майора в составе Нижегородского драгунского полка. Подполковник в отставке с 1841 г. Был камышинским и царичинским уездным предводителем дворянства (1861—1864 и 1869—1872). Имел 2612 десятин при основанном им в 1825 г. селе Ершовка Камышинского уезда, где в 1845 г. на его средства была построена деревянная церковь Николая Чудотворца (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772. Л. 312—313, 410). В написанной Д.Л. Мордовцевым и его супругой А.Н. Пасхаловой сатирической «былине саратовского цикла» Н.И. Ершов — «франт и дамский угодник» — выведен под именем богатыря Чурилы Пленковича (Новь. 1888. № 15. С. 121).

³⁰¹ *Скобелев* Иван Никитич (1798—1849) — генерал, с 1839 г. комендант Петропавловской крепости; писатель.

³⁰² *Сабуров* Сергей Иванович — муж Софьи Ивановны Саломон, сестры Петра Ивановича Саломона, т.е. родственник по мужу сестры Шомпулева. Представитель древнейшего дворянского рода, известного с XIV в. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1202. Л. 124).

³⁰³ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 7. С. 121—123.

³⁰⁴ Имеется в виду Лев Александрович Жарский.

³⁰⁵ Имеется в виду Николай Владимирович Лихачев (1822 — ?). Имел 250 десятин в Аткарском уезде и 41 душу крепостных. В 1839—1845 гг. на военной службе: сначала в Гатчине в лейб-гвардии кирасирском ее императорского величества полку, потом на Кавказе. Был антрепренером Саратовского городского театра в 1872—1876 гг. (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772. Л. 398 об.; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 718. Л. 62).

³⁰⁶ Вблизи Саратова у Жарского было имение и усадьба в селе Набережный Увек.

³⁰⁷ С 1851 по 1860 г. Н.В. Лихачёв был предводителем дворянства Аткарского уезда.

³⁰⁸ В письме 7 августа 1908 г. к М.Н. Галкину-Врасскому Шомпулев называет его: «Гаврилов, титулярный советник, пьяница из дворян» (ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 562. Л. 6.). Гаврилов Петр Павлович (1814 — ?).

³⁰⁹ Лихачев Николай Николаевич — впоследствии статский советник, член окружного суда Аткарского уезда.

³¹⁰ *Долгоруков* Сергей Алексеевич (1809—1891), князь — с 1864 г. статс-секретарь по принятию прошений на высочайшее имя, член Государственного совета с 1871 г.

³¹¹ Михаил (1828 — ?) и Аркадий (1843 — ?).

³¹² Наследником Павла Александровича называется душевнобольной Аркадий Павлович Жарский (Саратовские губернские ведомости. 1895. 19 янв.).

³¹³ Печатается по: Рус. старина. 1901. № 3. С. 233—238.

³¹⁴ Существует и сейчас недалеко от Каменки Петровского района Саратовской области.

³¹⁵ *Челюсткин* Николай Александрович — поручик в отставке, саратовский уездный предводитель дворянства (1843—1845).

³¹⁶ *Челюсткина* Александра Никаноровна (Сабурова;? — 1854) — вдова Николая Александровича.

³¹⁷ Деконский Петр Григорьевич (1853 — ?) — выпускник юридического факультета Петербургского университета, служил при прокуроре Саратовской судебной палаты (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1852. Л. 18). По характеристике А.Н. Минха: «У Григория Кузмича (Деконского) трое сыновей, очень пустых малых, промотавших хорошее материнское состояние» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 168).

³¹⁸ *Шахматов* Александр Иванович (1826—1896) — член Саратовской губернской земской управы, почетный мировой судья. В 1868 г. за особые заслуги в организации Саратовской сельскохозяйственной выставки пожалован в камер-юнкеры. В 1879 г. получил чин действительного статского советника, с 1881 г. в отставке. Саратовский уездный предводитель дворянства в 1881—1884 гг. Историк-краевед, член-основатель СУАК. Был женат на Ольге Николаевне Челюсткиной — сестре героини рассказа.

³¹⁹ *Бахметьев* Николай Андреевич (1823 — ?) — помещик Петровского уезда (2891 десятин в Жуковке и Щербинке), депутат губернского земского собрания, петровский уездный предводитель дворянства (1869—1872) (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2139. Л. 284).

³²⁰ *Башимаков* Александр Дмитриевич (1825—1888). Впоследствии одесский губернатор.

³²¹ *Бахметьев* Андрей Николаевич (? — 1837) — поручик в отставке (см.: История Спасо-Преображенского монастыря. Саратов, 1918. С. 16).

³²² *Майорат* (от лат. *maior* — старший) — система семейного наследования имущества, согласно которой наследником является старший сын в семье.

³²³ Сведений о нем нет.

³²⁴ *Гагарин* Сергей Павлович (1818—1870), князь — архангельский (1866—1869) и саратовский губернатор (1869—1870).

³²⁵ *Гагарин* Павел Павлович (1789—1872), князь — сенатор (с 1831 г.), председатель Департамента законов Государственного совета, председатель Комитета министров (1864—1872).

³²⁶ первый молодой (*фр.*). Амплуа актера, играющего роли первых любовников.

³²⁷ Персонажи романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы»: урод и красавица.

³²⁸ Село Приют.

³²⁹ М.Н. Галкин-Врасский.

³³⁰ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 8. С. 382.

³³¹ *Камлавка* — высокий головной убор, знак отличия для белого духовенства.

³³² Печатается по: Рус. старина. 1898. № 10. С. 69—91; № 11. С. 367—383.

³³³ Ср.: «Перед выборами съезжались в город все помещики и занимали все гостиницы. Некоторые, желавшие быть выбранными в предводители, делали запродажные записи мелкопоместным, чтобы те имели ценз и были их сторонниками <...> начинался кутеж. И дворяне выбирали предводителя, или вернее: выразителя дворянства. В предводители всегда выбирали богатых и нескупых. Это значит, что при выборах имелись в виду кутежи на счет предводителя. Если предводителю нужен ум, то умные нашлись бы и из бедных, однако ж бедных не выбирали. Была же на это какая-нибудь причина!» (*Розанов А.И.* Указ. соч. С. 74).

³³⁴ В.А. Шомпулев являлся землевладельцем по уездам: Саратовскому в Быковке (от прадеда по матери Ф.А. Быкова), Камышинскому и Царицынскому в Новой Топовке (от жены М.М. Готовицкой) и Кузнецкому в Ст. Чирчине (от двоюродной прабабки М.Г. Зварыкиной).

³³⁵ *Скибиневский* Святослав Святославович — предводитель дворянства Камышинского и Царицынского уездов в 1846—1849, 1852—1858 и 1867—1870 гг. Депутатами были также его братья Всеволод и Владимир Святославовичи. Имел сыновей: Ростислава, Святослава, Михаила (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 781. Л. 171—173).

³³⁶ *Попов* Владимир Егорович — землевладелец Царицынского уезда (с. Отрада), предводитель дворянства Камышинского и Царицынского уездов в 1858—1861 гг. и Камышинского в 1864—1866 гг. Депутатом был также его брат Валентин Егорович. Отец — Егор Павлович, участник войны 1812 г.

³³⁷ Имеется в виду Аполлон Николаевич Корбутовский (1820 — ?) — брат П.Н. Корбутовского — мужа Мелитины Михайловны Готовицкой, сестры жены Шомпулева М.М. Готовицкой. Имели от отца доли имена при селе Грязнуха Камышинского уезда (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 897. Л. 33 об.).

³³⁸ *Капитан-лейтенант* — морское звание VIII класса, соответствовало майору сухопутных войск.

³³⁹ *Персидский* Петр Иванович (1825 — ?). Имел 338 крестьян в Царицынском уезде и каменный дом в Саратове. Окончил Казанский университет, кандидат философии, в течение 10 лет попечитель Камышинской городской больницы. Предводитель дворянства Камышинского и Царицынского уездов в 1861—1864 гг. Из казачьих офицеров. Депутатами были также Петр Алексеевич, Алексей Михайлович, Михаил Павлович и Николай Валерианович Персидские (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772. Л. 424).

³⁴⁰ Имеется в виду Н.И. Ершов.

³⁴¹ Результаты баллотировки были таковы: Попов: 8 за и 9 против, Шомпулев: 8 за и 9 против, П.И. Персидский: 9 за и 8 против, Корбутовский: 9 за и 9 против и М.П. Персидский: 10 за и 7 против. Но в феврале Персидский попросил отставку,

и губернатор обратился к Ершову с просьбой занять его место. В июне было решено, что в период реформ нужно в каждом уезде иметь своего предводителя. Ершов стал им в Камышинском уезде, а Персидский — в Царицынском.

³⁴² *Хардин* Дмитрий Иванович (1827 — ?) — надворный советник, петровский и кузнецкий помещик, исправлял должность уездного предводителя дворянства с 1861 до 1878 г. Сын участника войны 1812 г. Ивана Дмитриевича Хардина, майора в отставке. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 781. Л. 117).

³⁴³ *Ермолка* — круглая шапочка, плотно прилегающая к голове.

³⁴⁴ *Нессельроде* Карл Васильевич (1780—1862), граф — канцлер, министр иностранных дел Российской империи с 1816 по 1856 г.

³⁴⁵ Галицкий Павел Петрович (ок. 1793 — 1845). Подростком начал службу с должности подканцеляриста в кабинете императора Александра I. С 1813 г. канцелярист в кабинете министра финансов Д.А. Гурьева. Имел близкие отношения с Д.А. Гурьевым и его зятем графом К.В. Нессельроде. С 1824 г. саратовский помещик, приобрел около 500 крепостных в с. Анненково Кузнецкого уезда. Имел винокуренный завод. Пожертвовал в 1834 г. Кузнецку дом с двумя флигелями под народное училище, за что в 1837 г. был пожалован бриллиантовым перстнем с вензелем Николая I. Его сын Петр Павлович (1819 — ?) был предводителем дворянства Кузнецкого уезда в 1855—1858 гг. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 518. Л. 20). «Помещик Галицкий начал свою карьеру тем, что был камердинером у графа Нессельроде, затем управляющим его имениями в Саратовской губернии, и в продолжение этого времени, пробравшись в чиновничество при покровительстве своего патрона, сделался и сам владельцем пятисот душ, привел в отличное устройство и имение графа Нессельроде, и свое собственное. По крайней мере, его хозяйственные заведения, сад, дом, и самое довольство крестьян говорили в его пользу» (*Фадеев А.М.* Воспоминания. 1790—1867. Одесса, 1897. С. 186).

³⁴⁶ *Киреев* Александр Дмитриевич (1796—1857) — отставной поручик, управляющий конторой императорских театров в Петербурге (1832—1853); литератор, переводчик. Имение досталось ему от отца — отставного поручика в Петровском уезде при селе Дьячевка, но жил он в Петербурге (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1291. Л. 1; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 3).

³⁴⁷ *Иконников* Сергей Сергеевич (1804 — ?) — коллежский советник, зять П.П. Галицкого, получивший за дочерью последнего в приданое 864 души крепостных в Кузнецком уезде в селах Богородское и Тростянка. Вышел в отставку в 1839 г. Его дети получили право носить фамилию Иконниковы-Галицкие. Участвовал в комиссии по подготовке реформ, а затем был мировым посредником (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1231. Л. 1, 8—9). *Кострицын* Петр Алексеевич (в инициалах опечатка) — лейтенант флота в отставке, кузнецкий уездный исправник. *Жедринский* Виктор Иванович (в инициалах опечатка) (1828 — ?) — штабс-капитан артиллерии в отставке. Воевал на Кавказе, участвовал в Крымской войне. Имел около 3000 десятин земли и 324 души крепостных. Активно участвовал в проведении реформ, став впо-

следствии председателем губернской земской управы (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 647. Л. 84—90).

³⁴⁸ *Щербатов* Владимир Алексеевич (1822—1888), князь — камер-юнкер, саратовский губернский предводитель дворянства с 22 апреля 1858 по 27 мая 1859 г., саратовский губернатор в 1863—1869 гг. (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1846). Впоследствии секретарь русской миссии в Вюртенберге. Зять А.А. Столыпина. А.Н. Минх писал о нем в дневнике: «Добрый, но пустой человек. Он до того вверился своим служащим и полиции, что позволивший себе сказать что-либо об них становился его личным врагом. Полиция при нем воровала и ничего не делала. В канцелярии его были растрочены значительные суммы, за это он и уволен» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 157 об.).

³⁴⁹ 16 января 1858 г. В. А. Шомпулев был выбран депутатом в губернское дворянское собрание от Кузнецкого уезда и кандидатом в уездные предводители дворянства, а 22 декабря 1860 г. после увольнения Д.И. Хардина стал предводителем дворянства этого уезда (по 24 февраля 1862 г.) (см.: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 269. Л. 2 об.).

³⁵⁰ *Барановский* Егор Иванович (1821—1914). После окончания Училища правоведения служил в Сенате, Министерстве юстиции, Синоде. В 1850-е гг. занимал посты оренбургского вице-губернатора и губернатора. Должность саратовского губернатора занимал с 23 июня 1861 по 12 октября 1862 г. (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1846. Л. 1, 34 об. — 55). По характеристике А.Н. Минха, «он был красным либералом и восставал против помещиков, но это человек был умный и деятельный. Женат он был на яррой польке, которая во время польского восстания носила траур и зналась только с поляками, которых было много в Саратове» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 157—157 об.). Ее поведение стало одной из причин ухода мужа со службы. Он стал агентом Российского общества пароходства и торговли в Мессине (Италия), совершил кругосветное путешествие через Суэцкий канал для изучения перспектив торговли с Индией и Китаем.

³⁵¹ *Радищев* Афанасий Александрович (1795—1881) — генерал-майор. Сын А.Н. Радищева, губернатор Подольской (1842—1846) и Витебской (1847—1848) губерний. Дядя художника А.П. Боголюбова, который запечатлел его на портрете 1853 г., хранящемся ныне в Саратовском художественном музее им. А.Н. Радищева.

³⁵² *Валуев* Петр Александрович (1815—1890), граф — министр внутренних дел (1861—1868).

³⁵³ *Мотовилов* Федор Михайлович (1823—1864) — коллежский регистратор, мировой посредник, мировой судья Кузнецкого уезда. Имел 563 десятин при селе Озерки Кузнецкого уезда (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 136. Л. 7, 31, 91—99). *Подбельский* Петр Иванович (1830 — ?) — впоследствии чиновник особых поручений при губернаторе (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1391. Л. 2).

³⁵⁴ *Шахматов* Алексей Алексеевич (1832—1880) — саратовский уездный предводитель дворянства (1875—1878). Окончил Училище правоведения. Был мировым посредником. Ему принадлежало поместье в Губаревке и дом на Константиновской улице (близ Ильинской).

³⁵⁵ Ольга Николаевна Челюсткина — дочь Н.А. Челюсткина.

³⁵⁶ *Столыпина* Мария Афанасьевна (1832—1901).

³⁵⁷ *Игнатов* Алексей Дмитриевич (1804 — ?) — саратовский губернатор в 1854—1861 гг. Из тверских дворян (на 1854 г. имел 186 душ крепостных). Подпоручик лейб-гвардии егерского полка 14 декабря 1825 г., присутствовал на Сенатской площади во время восстания декабристов. Был тяжело ранен в 1828 г. во время Русско-турецкой войны. В 1837 г. уволен в отставку «за ранами» с мундиром и пенсионом полного жалования. В штатской службе состоял в должностях управляющего Казанской и Вятской казенных палат, Московской палаты государственных имуществ. В 1852 г. был причислен к Министерству внутренних дел. В 1853 г. «командирован в Саратовскую губернию для производства вместе с чиновником Министерства юстиции и штаб-офицером корпуса жандармов нового исследования о смерти отставного полковника Якубинского» (см. очерк «Провинциальные типы сороковых годов») (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1846. Л. 1, 20—33). У А.Н. Минха: «Добрый, но слабый человек, большой театрал» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 157).

³⁵⁸ *Алаторцев* Василий Афанасьевич — титулярный советник, непреременный заседатель земского суда (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. С. 39).

³⁵⁹ В то время в Кузнецком уезде служили два становых пристава с фамилией на К.: губернский секретари Павел Николаевич Кузнецов и Константин Павлович Кузьмин (Памятная книжка Саратовской губернии за 1864 г. Саратов, 1864).

³⁶⁰ *Кривский* Павел Александрович (1829—1905) — помещик Сердобского уезда, где имел родовое имение в 4000 десятин в селе Борки. Отставной ротмистр (1856), почетный мировой судья (1869—1872), саратовский губернский предводитель дворянства (1876—1887; 1896—1902), шталмейстер двора (1896), член Государственного совета (1902). В дневнике А.Н. Минх писал о том, что Кривские «слишком гордо держат себя в отношении саратовской публики, так, что ими очень недовольны и редко кто бывает у них»; а П.А. Кривского называл «пустым, недействительным и напыщенным господином, гоняющимся только за лакейскими придворными милостями» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 86 об. — 87, 179).

³⁶¹ *Макаров* Валентин Михайлович — мировой посредник Вольского уезда (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 г. С. 43).

³⁶² *Муравьев* Николай Михайлович (1822—1869), граф — саратовский губернатор. Службу начал в 1838 г. корнетом лейб-гвардии уланского полка. В 1847 г. уволен по домашним обстоятельствам. В чине надворного советника вступил в гражданскую службу на должность чиновника по особым поручениям Министерства внутренних дел. С 1850 г. санкт-петербургский вице-губернатор. Затем вятский (1859) и рязанский (1859—1862) губернатор. В должности саратовского губернатора состоял с 16 ноября 1862 по 13 мая 1863 г. В 1863—1866 гг. ковенский губернатор (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1846. Л. 1, 57 об — 85).

³⁶³ *Панафидина* Мария Николаевна — вдова надворного советника Всеволода Ивановича Панафидина (1791 — ок. 1842), управляющего Казанской удельной конторой.

³⁶⁴ *Белосельская-Белозерская* Елена Павловна (урожд. Бибикина; 1812—1888), княгиня — жена князя, генерал-майора Э.А. Белосельского-Белозерского.

³⁶⁵ *Глоба* Семен Мишкевич (Андреевич) — капитан, штаб-офицер Отдельного Корпуса жандармов по Саратовской губернии в начале 1860-х гг. (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. С. 7).

³⁶⁶ *Киндяков* Лев Семенович (1833 — ?) — крупный помещик Вольского (906 дес.) и Саратовского уездов (4014 дес.), коллежский советник, выпускник Казанского университета. Активно участвовал в проведении реформ, будучи гласным земских собраний и членом губернского по крестьянским делам присутствия (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 469. Л. 15).

³⁶⁷ *Хлын* — бездельник, мошенник.

³⁶⁸ *Мотовилов* Александр Михайлович (1829 — ?) — пристав 2-го стана Кузнецкого уезда, губернский секретарь. Имел 489 дес. при селе Озерки Кузнецкого уезда, брат мирового посредника Ф.М. Мотовилова (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 136. Л. 29, 91—99).

³⁶⁹ *Новицкая* Ольга Ивановна (1808 — ?) — вдова Федора Александровича Бибикина. Второй муж Новицкий Иосиф Андреевич (1806 — ?) — статский советник, почтмейстер Смоленска, имел 863 души в Саратовской и 319 — в Смоленской губернии (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1388. Л. 3, 19, 21).

³⁷⁰ Существует и сейчас в Пензенской области.

³⁷¹ Подробно см.: *Кудринский Ф.* Дело о подложных манифестах // Рус. архив. 1908. № 2. С. 310—313; *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 305; *Игнатович И.И.* Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 208—209.

³⁷² *Кочубей Сергей Викторович* (1820—1880), князь — полтавский губернский предводитель дворянства. Один из сыновей канцлера В.П. Кочубея — председателя Государственного совета и Комитета министров, крупнейшего землевладельца России. В Саратовской губернии имел свыше 36 000 десятин земли (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1897. Л. 242, 243).

³⁷³ Сохранились заметки Е.И. Барановского «По поводу статьи В.А. Шомпулева «Во время реформ Императора Александра II»»:

«Находясь временно с больной дочерью в Мюнхене, я только на днях случайно прочел статью г. Шомпулева, в которой он касается моей деятельности по должности начальника Саратовской губернии. Позволю себе сказать здесь, что служебная моя деятельность, тотчас по увольнении меня, согласно прошению, от службы в конце 1862 г., оценена в двух адресах ко мне от саратовского дворянства, подписанных, во главе с тогдашним губернским предводителем дворянства князем Владимиром Алексеевичем Щербатовым, гг. членами губернского по крестьянским делам

присутствия, уездными предводителями дворянства, мировыми посредниками и весьма многими дворянами-помещиками всех уездов Саратовской губернии.

Я явился в Саратов с весьма неудобной для начальника губернии репутацией безусловного, пристрастного защитника, во что бы [то] ни стало, одного крестьянского сословия, в ущерб дворянам-помещикам. Тогдашний добросовестный, во всех отношениях примерный и в высшей степени порядочный губернский предводитель дворянства, неутомимый труженик князь Владимир Алексеевич Щербатов, как я узнал, нарочно уехал из Саратова, чтобы не встречаться со мною при вступлении моем в должность. По возвращении князя Щербатова в Саратов, я отправился к нему, не ожидая его посещения, чтобы с ним познакомиться и представиться его супруге, милой и умной Марии Афанасьевне, рожденной Столыпиной. Во время моей службы в Саратове и впоследствии, живя с 1870 по 1889 г. в Москве, я пользовался их расположением, а когда в газетах появилась полемика по поводу тяжбы крестьян с князем Щербатовым, о которой упоминает г. Шомпулев, я считал нравственной своей обязанностью печатно заявить основанное на положительных данных, известных мне как бывшему саратовскому губернатору, убеждение, что князь Вл. Ал. Щербатов столь же безупречно действовал по устройству быта своих крестьян, как и по исполнению весьма трудных и сложных в то время обязанностей губернского предводителя. Основанное на слухах нерасположение ко мне саратовского дворянства усилилось еще тем, что я вынужден был подвергнуть уголовному следствию и удалению из имений князя Кочубея его управляющего Витвицкого, который, по постановлению следователей, подвергнут был тюремному заключению; затем, над одним из саратовских молодых помещиков, изобличенных следствием в злоупотреблении помещичьей власти, Запольским, я удержал наложенную прежде опеку, несмотря на снятие ее Министерством внутренних дел, III отделением собственной его императорского величества канцелярии и вопреки благоприятного для обвиняемого решения Сената. Разумеется, сделано было это мною не самовольно, а с разрешения тех же правительственных учреждений и на законном основании. По поводу дела Запольского посетил меня самый влиятельный в то время в дворянской среде тесть губернского предводителя князя Щербатова, Афанасий Алексеевич Столыпин. Когда на угрозы его, что борьба с дворянством может погубить меня в служебном отношении, я отвечал, что честной борьбы, основанной с моей стороны на законе и долге, я не боюсь, то он понял, что я ни на какие сделки не пойду, и сам отступился от защиты Запольского. Даже тогдашний министр внутренних дел Валуев, извещая о высочайшем назначении меня саратовским губернатором, выразил мнение о трудности предстоящей мне деятельности и желал мне успеха на трудной, как он выразился, саратовской почве. Как бы то ни было, но из трудного моего положения я вышел очень просто, служа делу, а не исключительно какому-либо сословию. Как в отношении помещиков, так и по отношению к устройству быта крестьян, я строго применял положение 19 февраля, несмотря на нападки в то время людей сильных, каковыми были: князь Орлов, Мих. Н. Муравьев и неожиданно попавший в министры внутренних дел Валуев.

Новый закон, положивши конец рабству, по воле Царя-Освободителя, и установивши начала поземельных отношений двух сословий, конечно, не чужд был некоторым недостаткам; от него нельзя было ожидать немедленного и окончательного разрешения всех вопросов, обусловливаемых крайним разнообразием местных хозяйственных и поземельных отношений на всем огромном пространстве нашего отечества. Благотельный и человеколюбивый закон этот заключал, однако же, в себе твердые начала для дальнейшего развития и успеха дела. Положение 19 февраля пережило всех порицателей и противников и положило начало новой жизни, новому общественному и государственному развитию России.

Обращаясь затем к моей посильной в Саратовской губернии деятельности, могу с полной уверенностью сказать, что после нескольких заседаний в губернском по крестьянским делам присутствии и бесед моих с почтенным и справедливым князем Вл. Ал. Щербатовым, он и члены присутствия, в том числе и А.А. Столыпин, убедились в том, что в сущности я чужд пристрастия к одной из сторон, основывая деятельность мою на строгой законности, а в случаях, не предусмотренных Положением 19 февраля, — на практических требованиях жизни и в частности сельского быта, сложившегося в течение нескольких столетий. Этого оказалось недостаточно. Дворянам, как призванным к деятельности по осуществлению Положения, так и всем прочим, естественно желательно было ближе познакомиться с взглядами вновь назначенного губернатора. С этою целью решено было пригласить в Саратов всех деятелей по крестьянскому вопросу, а особенно мировых посредников, назначенных предместником моим в числе 44 лиц. Я с искренним удовольствием согласился присутствовать на этом съезде и изъявил готовность отвечать на все вопросы, которые будут мне предложены по этому жизненному, общественному и государственному делу. Успешно ли я выдержал это испытание, которому я весьма охотно подвергнулся, — не мне судить; но с тех пор я имел возможность спокойно заняться этим живым делом. Мне пришлось три раза объехать Саратовскую губернию и по указанию предводителей дворянства и мировых посредников побывать во всех тех волостях и сельских обществах, где бытность моя признана была необходимой. Об этом упоминает и г. Шомпулев в статье своей, говоря, что мне приходилось отправляться в имения помещиков для увещания крестьян, не соглашавшихся довольствоваться определенным наделом и заявлявших притязания или на всю помещичью землю, или объявлявших намерение переселиться на Амур и в другие, им самим неведомые страны. Поездки мои в волости, в сельские общества и в имения, из которых некоторые требовали особых мер, я совершал не один: всюду, по моей просьбе, сопровождал меня член губернского по крестьянским делам присутствия Владимир Никанорович Топорнин. Во время этих поездок он принес огромную пользу спокойным, беспристрастным разъяснением встречавшихся затруднений, миротворным влиянием на помещиков и на крестьян, основательным знакомством своим с бытовыми условиями сельской жизни, наконец, умением вразумлять народ. Во всем этом деятельно помогали нам работавшие вместе с нами

местные уездные предводители и мировые посредники, постоянно участвовавшие в наших поездках. Действия наши, естественно, не везде имели успех, и нам предъявляли крестьяне нелепые требования; но везде приходилось считаться не с бунтом, не с дерзостью крестьян, а с крайней косностью, неразвитостью, недоверием к начальству, особенно местным полицейским властям. К некоторой строгости, признанной единогласно крайне необходимой всеми моими спутниками, пришлось прибегнуть в одном только случае, но могу уверить, что ничего подобного тем жестокостям, о которых сообщается в статье г. Шомпулева, говоря о Чирчуме и Ключах, ни мною, ни моими спутниками не было допущено. Ни одна крестьянская борода от моих рук не пострадала; телесное наказание, рукопашная и кулачная расправа возбуждали всегда во мне омерзение. Рассказ г. Шомпулева о том, что я вцепился в бороду огромнейшего мужика и повис на ней, очень юмористичен, но лишен всякого основания. Это подтвердят, конечно, как неразлучный мой спутник во время поездок моих по Саратовской губернии Вл. Ник. Топорнин, так и все прочие участники в моих посещениях волостей, сельских обществ и имений, если спустя тридцать семь лет кто-либо еще по милости божьей остался в живых. Юмористический обо мне рассказ дошел до г. Шомпулёва, конечно, по слухам, сочинен, вероятно, досужим человеком, едва ли близко меня знавшим, а всего вероятнее, вовсе меня не знавшим. В этом рассказе справедливо только то, что я мал ростом, но это не препятствовало мне посильно и честно работать, стараясь исполнить возложенные на меня служебные и общественные обязанности. Мне остается в заключение поблагодарить г. Шомпулева за удовольствие, которое я испытал при чтении его живого рассказа о делах давно минувших, в которых я принимал посильное участие, пока не встретил непреодолимых нравственных препятствий к продолжению моей деятельности. Эти препятствия и заставили меня на 41-м году моей жизни просить об увольнении от службы» (Рус. старина. 1899. № 4. С. 221—224).

Ср.: «В Саратове и около Саратова в помещичьих имениях по случаю объявления было тихо, покойно, только в сл[ободе] Рудне Камышинского уезда по недоразумению со стороны крестьян и управляющего было замешательство. Начальник губернии отправился туда» (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8832. Л. 23). «По объявлении Высочайшего манифеста крестьяне князя Четвертинского Руднянской волости села Лемешкина с окружными деревнями, в числе 6000 душ, неправильно истолковали права свои на помещичьи угодья, оказали сопротивление местной полиции. В имение это, по требованию г. уездного предводителя дворянства, немедленно были стянуты по одному батальону от Бутырского и Бородинского полков, и затем, в присутствии гг. бывшего начальника губернии, флигель-адъютанта и губернского предводителя дворянства, 17 человек крестьян, более других оказавшие упорство, были наказаны розгами и в имении водворен порядок» (Из записки канцелярии саратовского губернатора о волнении крестьян в связи с объявлением Манифеста 19 февраля 1861 г. Сентябрь 1861 г. // Хрестоматия по истории родного края. Волгоград. 1970. С. 106).

³⁷⁴ *Васильчиков* Виктор Илларионович (1820—1878), князь — генерал-лейтенант (с 1857 г.), товарищ военного министра (1858—1861). В последние годы жизни покинул столицу, жил в имении и занимался сельским хозяйством. Имел обширные поместья, в том числе более 1000 десятин в селе Вязьмино Петровского уезда.

³⁷⁵ *Иванова* (урожд. Карпова) Елена Андреевна. Ее муж врач Иван Родионович Иванов (1798 — ок. 1858) — выпускник Московского университета, доктор медицины, инспектор губернской врачебной управы. Работал долгое время в рекрутском присутствии (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 772. Л. 4 об.).

³⁷⁶ Имеется в виду Старо-Покровская церковь, более известная как Введенская на углу Покровской (ныне ул. М.Ю. Лермонтова) и Введенской (ныне ул. Революционная) улиц. В 1847 г. Е.А. Иванова переделала возведенное в XVIII в. здание, пристроив приделы и колокольню.

³⁷⁷ *Буковский* Иван Иванович — штабс-капитан, землевладелец Саратовского уезда, где имел 1380 десятин в с. Синенькие (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 32. Л. 29).

³⁷⁸ *Исеев* Андрей Антонович (1829 — ?) — балашовский помещик, титулярный советник (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1815).

³⁷⁹ *Лупандин* Дмитрий Юрьевич (1829 — ?) — губернский секретарь, землевладелец Петровского уезда, депутат губернского дворянского собрания, член Аткарского уездного земского собрания, председатель Саратовской уездной управы. Сын участника войны 1812 г. штабс-капитана Юрия Алексеевича Лупандина, петровского предводителя дворянства.

³⁸⁰ *Каракозов* Дмитрий Владимирович (1840—1866) — революционер, 4 апреля 1866 г. совершил неудачное покушение на Александра II.

³⁸¹ *Каракозов* Михаил Михайлович (1834—1877) — поручик гвардии, камер-юнкер, статский советник, предводитель дворянства Аткарского уезда в 1864—1866 гг., а в 1870—1873 гг. — губернский. Владел более 5000 десятин в Петровском и Аткарском уездах. После покушения, совершенного его двоюродным братом Дмитрием, сменил фамилию на Михайлов-Рославлёв, был первым председателем губернской земской управы. Погиб в Русско-турецкую войну в 1877 г. (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2139. Л. 318).

³⁸² *Слепцов* Александр Павлович (1822—1886) — саратовский помещик (465 крепостных в трех имениях), брат кавказского героя, саратовский уездный (1859—1862) и губернский предводитель дворянства (1863—1866), член дворянской комиссии по улучшению быта крестьян (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1772. Л. 130—130 об.).

³⁸³ *Немирович-Данченко* Петр Васильевич — полковник, назначенный член губернского по крестьянским делам присутствия (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2139. Л. 47).

³⁸⁴ *Черняев* Михаил Григорьевич (1828—1898) служил в Оренбургском крае в чине полковника; в 1864 г. был назначен начальником особого западносибирского отряда. Взял штурмом Чимкент, а в 1865 г. Ташкент. Активные завоевательные действия Черняева вызвали резкие протесты британских дипломатов, и Черняев был отозван в Петербург. Впоследствии генерал, туркестанский генерал-губернатор (1882—1884).

³⁸⁵ *Муравьев-Виленский* Михаил Николаевич (1796—1866) — генерал от инфантерии (1856), министр государственных имуществ (1857—1861), главный начальник Северо-Западного края (с 1863 г.). В 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

³⁸⁶ *Комиссаров* Осип Иванович (1840—1892) — костромской крестьянин, спасший Александра II от выстрела Каракозова. Был возведен в потомственное дворянство с двойной фамилией Комиссаров-Костромской.

³⁸⁷ *Аплечеев* Александр Всеволодович (1830 — ?) — действительный статский советник, депутат губернского дворянского собрания, почетный мировой судья, член судебного присутствия уездного съезда Вольского уезда, член уездного отделения комитета Общества попечительного о тюрьмах. Имел крупное поместье в Петровском уезде, но в Саратове фактически не жил (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 792. Л. 53).

³⁸⁸ Впоследствии император Александр III (1845—1894).

³⁸⁹ Имеется в виду граф Федор Федорович *Берг* (1794—1874) — генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского в 1863—1874 гг.

³⁹⁰ То есть М.Н. Муравьеву.

³⁹¹ *Гудков* Василий Видулович — купец 1-й гильдии, городской голова в 1864—1867 гг. Являлся крупным домовладельцем и благотворителем. Дом, в котором жил Гудков, сохранился (ул. Московская, 20).

³⁹² *Попов* Михаил Александрович (1824—1900). Из курских дворян, и в Саратовской губернии приобрел 650 дес. в Рокотовке. Имел дома в Саратове, Рыбинске (от жены) и в Белгородне. 16 лет состоял на военной службе, был в походах в Венгрии 1849 г., в 1854 г. против турок в Молдавии, участвовал в Крымской войне 1855—1856 гг. В отставке в чине капитана. Саратовский полицмейстер с середины 1860-х до 1872 г. Издатель «Саратовского листка» (1864—1884) (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2112. Л. 1 об.).

³⁹³ *Мордовцев* Даниил Лукич (1830—1905) — писатель, историк. Окончил саратовскую гимназию, затем Петербургский университет. Помощник секретаря Саратовского статистического комитета и редактор неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» (1856—1864), позднее правитель канцелярии губернатора.

³⁹⁴ Здание сохранилось в перестроенном виде и находится на углу Московской и Октябрьской улиц.

³⁹⁵ *Давыдов* Николай Денисович (1825 — ?) — сын героя войны 1812 г., имел в Хвалынском уезде 5000 дес. земли. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, гвардии штабс-капитан. В 1867—1870 гг. был губернским предводителем дворянства.

³⁹⁶ В.А. Щербатов имел в Саратовском уезде несколько десятков тысяч десятин земли в селах: Чардым — 8411; Усовка — 17 420; Сухой Карабулак — 18 789 и Сокур — 9649 десятин (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 32. Л. 43, 46, 52).

³⁹⁷ *Неклюдов* Николай Адрианович (1840—1896) — юрист; при введении судебной реформы был выбран мировым судьей; позже был председателем Санкт-Петербур-

бургского столичного мирового съезда. Позднее обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената (1881), товарищ государственного секретаря и товарищ министра внутренних дел (1895) (см.: Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 183—184).

³⁹⁸ *Сорокин* Сергей Максимович — подпоручик, мировой судья 4-го участка Саратовского мирового округа, ранее председатель уголовной палаты (см.: Адрес-календарь лицам служащим в Саратовской губернии. Саратов, 1874. С. 8).

³⁹⁹ *Кривский* Дмитрий Александрович — брат П.А. Кривского, помещик Саратовского уезда, имевший до 4000 десятин в селах Чечуин и Софино (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 32. Л. 63).

⁴⁰⁰ *Термалама* (тармалама) — восточная шелковая или полшелковая ткань яркой расцветки, идущая обычно на пошив халатов или на обивку мебели.

⁴⁰¹ *Абакумов* Федор Иванович (1825 — ?) — полковник артиллерии, саратовский мировой судья, председатель Аткарской земской управы.

⁴⁰² *Аристов* Петр Алексеевич (1816 — ?) — поручик в отставке. До реформы имел 266 душ крепостных в Петровском уезде. В 1847—1863 гг. петровский уездный предводитель дворянства. Надворный советник, председатель уездного съезда мировых судей, член комиссии по улучшению быта крестьян (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 562. Л. 23).

⁴⁰³ *Кострицын* Николай Михайлович — мировой судья 3-го участка Вольского уезда (см.: Адрес-календарь лицам служащим в Саратовской губернии. Саратов, 1874. С. 9).

⁴⁰⁴ *Тимашев* Александр Егорович (1818—1893) — министр внутренних дел (1868—1878).

⁴⁰⁵ Дочери Ф.А. Быкова (А.Ф. Долгово-Сабурова, М.Ф. Дмитриева, П.Ф. Неклюдова и Е.Ф. Быкова) начали оформлять документ о разделе его имения и крепостных в 1817 г.

⁴⁰⁶ *Николаев* Петр Николаевич (1802 — ?) — советник губернского правления и губернский землемер (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 979. Л. 4 об.).

⁴⁰⁷ *Вельтищев* Петр Александрович (1833 — ?) — коллежский ассессор. Окончил Константиновский межевой институт. Работал землемером в Ковно и Рязани. С 1865 г. саратовский губернский землемер. Состоял в отдаленном родстве с сестрой Шомпулева (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1643. Л. 34).

⁴⁰⁸ *Заборовский* Арсений Артемьевич (1810 — ?) — коллежский советник, из молдавских шляхтичей. Службу начал в 13 лет копиистом в Саратовской межевой конторе. В 1858 г. был становым приставом, в 1860 г. заседателем в гражданском суде (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 816. Л. 3).

⁴⁰⁹ *Гладин* Григорий Васильевич (1799—1865) — купец 1-й гильдии. Родился крепостным, начал с мелочной торговли. С 1836 г. брал подряды на крупные строительные работы (Белозерский канал, продолжение Онежского канала, шоссе от Киева до Брест-Литовска, Волго-Донская жел. дорога от г. Царицына на Волге до Калача

на Дону, Нижегородская жел. дорога от Владимира до Нижнего Новгорода) (см.: Биржевые ведомости. 1865. № 246; Рус. старина. 1878. № 1. С. 17—18). Подряд на строительство Тамбово-Саратовской жел. дороги получили его сыновья 11 ноября 1868 г.

⁴¹⁰ *Бологовский* Николай Николаевич (? — 1877) — уполномоченный Кирсановского уездного земства Тамбовской губернии.

⁴¹¹ См. в дневнике А.Н. Минха за 24 октября 1877 г.: «...товарищи по грязной продаже земства благодушествуют: ни Лупандин, ни Бологовский, ни Давыдов не надумали чем-нибудь восстановить свою замаранную репутацию и преспокойно пользуются благами мира сего, добытыми нечестным образом. Правда, из них Бологовский на днях отправился на тот свет, но не на поле чести, а очень покойно, дома, на мягкой постели» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 77—77 об.).

⁴¹² Правительство предоставило в 1868 г. концессию на постройку Тамбово-Саратовской линии протяженностью 340 верст под гарантии Саратовского губернского земства, Кирсановского земства и Саратовского городского общества.

⁴¹³ *Набоков* Михаил Николаевич (1829—1886) — саратовский вице-губернатор (1867—1877), калишский губернатор (1877—1879). А.Н. Минх писал в дневнике 10 января 1877 г.: «Набоков назначен на днях губернатором в Калиш (в Польше), который можно поздравить с таким помпадуром, это — дурак, пьяница и взяточник» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 3).

⁴¹⁴ *Веселкин* Михаил Михайлович (1842—1897) — саратовский прокурор, впоследствии херсонский губернатор.

⁴¹⁵ *Симонова* Варвара Ивановна (1850 — ?) в 1868 г. окончила саратовский Мариинский институт благородных девиц. Отец — Иван Гермогенович Симонов (1823 — ок. 1865), коллежский секретарь, из обер-офицерских детей, получил дворянство за гражданский чин, а имение в 350 десятин и 75 душ крепостных получил в приданое за женой. Жил в Саратове в 1860-х, служил правителем канцелярии губернатора (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 1772. Л. 14).

⁴¹⁶ *Васильев* Михаил Степанович — шурин И.Г. Симонова, старший помощник правителя канцелярии губернатора (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 г. С. 4).

⁴¹⁷ *Эрнст* Лидия Карловна — вдова надворного советника, дочь лютеранского пастора из колонии Лесной Карамыш Камышинского уезда Саратовской губернии. Окончила Петербургское Александровское училище, начальница саратовского Мариинского института благородных девиц 1856—1871 гг. (см.: *Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института благородных девиц 1854—1916. Саратов, 1916. С. 127).

⁴¹⁸ Имеется в виду М.А. Попов.

⁴¹⁹ В 1867 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии устроило в манеже этнографическую выставку, на основе которой впоследствии был создан этнографический отдел Румянцевского музея.

⁴²⁰ Имеется в виду М.А. Попов.

⁴²¹ *Артемов* Павел Иванович — правитель канцелярии губернатора, титулярный советник (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 г. С. 4).

⁴²² *Косаговский* Павел Павлович (1832—1895) — директор Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел (1868—1881), одесский градоначальник (1882—1885), курский (1885—1889) и полтавский (1889—1891) губернатор.

⁴²³ Вице-губернаторами за этот период в Саратовской губернии были: П.А. Ратманов (до июля 1863 г.), А.П. Перцов (до октября 1866 г.), Л.П. Давыдов (до ноября 1867 г.) и М.Н. Набоков (до конца губернаторства Щербатова).

⁴²⁴ Перцов Александр Петрович (1819—1896). Окончил Казанский университет в 1845 г., саратовский вице-губернатор в 1863—1866 гг. С 1867 г. товарищ министра юстиции, с 1870 г. сенатор (см.: Рус. слово. 1896. № 344).

⁴²⁵ Речь идет о В.В. Слепцовой.

⁴²⁶ Алексей Александрович (1850—1908), великий князь — один из сыновей Александра II.

⁴²⁷ *Масленников* Лев Степанович — купец 1-й гильдии. Городской голова в 1852—1857 и 1861—1863 гг. Сохранился его дом — на углу улиц Горького и Мичурина.

⁴²⁸ Находился на углу Соборной и Московской.

⁴²⁹ Бельэтаж (*фр.*) — второй, обычно лучший, парадный этаж здания.

⁴³⁰ *Шпалера* (в военном деле) — шеренги войск по сторонам пути следования кого-нибудь.

⁴³¹ *Мария Федоровна* (1847—1928) — принцесса Дагмар Датская, супруга Александра III.

⁴³² Речь идет про дом Х.И. Образцова.

⁴³³ *Шарбау* Федор Иванович (1824 — ?) — управляющий отделением Государственного банка в Саратовской губернии с 1864 г. (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1982. Л. 65).

⁴³⁴ Имеется в виду М.М. Веселкин.

⁴³⁵ вспороть себе живот (*фр.*).

⁴³⁶ Гвельфы и гиббелины — политические течения, сыгравшие большую роль в итальянской истории XI—XV вв.; первые были сторонниками папства, вторые — императорской власти. Шомпулев имеет в виду 10-ю главу статьи Д.Л. Мордовцева «Десятилетие русского земства. 1864—1875», опубликованную в № 10 «Отечественных записок» за 1875 г., где гвельфами названы противники гарантий со стороны земства, а гиббеллинами — сторонники (см. на с. 435—437).

⁴³⁷ *Пален* Константин Иванович фон дер (1833—1912), граф — обер-камергер, министр юстиции (1868—1878).

⁴³⁸ *Юс* — приказный, законник; знаток судебных проделок.

⁴³⁹ Шомпулев под псевдонимом Саратовский старожил поместил в газете «Новое время» 7 февраля 1904 г. следующую юбилейную заметку:

«В феврале исполняется 50 лет службы члена Государственного совета Михаила Николаевича Галкина-Врасского; при этом случае нельзя не вспомнить его дея-

тельность в Саратове, когда он был у нас губернатором. Им открыто у нас много полезных учреждений, как то: отделение Российского общества Красного Креста, Общество спасения на водах, Музыкальное общество. Им же устроена колония для малолетних преступников и открыто несколько приютов, из которых некоторые носят даже его имя. Доселе он не порывает связь с Саратовской губернией, интересуясь и заботясь об этих своих детищах. Главным же достоинством М.Н. было умение сойтись с обществом, которое поэтому ему охотно во всем помогало. Нельзя не упомянуть также о том обстоятельстве, что Галкин-Врасский сумел расположить к себе крестьян и колонистов, и несколько случившихся при нем недоразумений крестьян с помещиками счастливо были улажены без крупных инцидентов. Кто помнит саратовские порядки и полицию старых времен, тот несомненно отдаст справедливость Галкину-Врасскому за улучшение полиции назначением приставов из отставных, вполне достойных офицеров, при которых ужасающее взяточничество было прекращено. М.Н. умел окружить себя вполне порядочными, во всех отношениях благонадежными чиновниками. Занимая в свое время различные высшие общественные должности, я в то же время много лет состоял директором попечительного о тюрьмах комитета, почему и был близким свидетелем далеко незаурядной постановки у нас тюремного дела при М.Н., на что даже было обращено внимание высшего начальства, поставившего впоследствии Галкина-Врасского во главе нового тюремного учреждения. Не могу также не упомянуть о той сердечной встрече, которую ему оказали саратовцы по возвращению его из Ветлянки, где на его долю выпал труд предохранить от чумы соседние губернии. Во время пребывания Галкина-Врасского в Саратове после крестьянской реформы помещики ещё не успели совсем оставить свою прежнюю привычку широко жить и потому, проводя с семьями зиму в Саратове, давали обеды, вечера и рауты, особенно же были интересны балы и маскарады в доме дворянства, и всюду М.Н. был желанным гостем. С того времени у нас многое изменилось, и теперь вместо дворянских балов даже и под новый год в доме дворянства царит полная темнота и Саратов стал совсем чиновничьим городом».

Ср. в дневнике А.Н. Минха 14 декабря 1877 г.: «Он (Галкин-Врасский. — А.К.) стал страшно портиться; час от часу делается он все больше чиновником, а начал было хорошо: сошелся с землевладельцами, усердно ревизовал волости, держал в руках эту общественную язву — полицию, правда, рисовался он всегда на тысячи оваций, которые ему делали частью искренне, частью принужденно. Но теперь, когда его стали раскусывать и все стало охладевать, наш помпадур-губернатор начал разные мелкие и гаденькие дрязги <...>. Вообще эта личность думает только подслужиться правительству и получить награду, а не заботиться о благе вверенной губернии» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 83 об. — 85 об.).

⁴⁴⁰ См. о нем в дневнике А.Н. Минха 24 октября 1877 г.: «Губернское предводительство было последним лучом его (Михайлова-Рославлёва. — А.К.) быстро поднимающейся карьеры; тут выступило черное пятно его деятельности на земской

Саратовско-Тамбовской железной дороге, затмившее этот блестящий луч его карьеры до такой степени, что Михаил Михайлович удалился совершенно от общества, отвернувшегося от него, как от человека, продавшего земство. Но в нем тлела еще крупная искра совести и самолюбия: ни деньги, ни большое состояние не могли в нем успокоить совесть. Открылась война, он в чине статского советника поступает волонтером — штабс-капитаном в Эриванский полк и 3 октября при штурме Аладжи, в отряде генерала Геймана, падает мертвым, смывая кровью это черное железнодорожное пятно. Мир его праху, он кончил честно и, по-моему, загляди недобросовестный поступок» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 76 об. — 77).

⁴⁴¹ Стихотворение «Утес Стеньки Разина» написано в 1864 г. поэтом А.А. Нарвоцким. Впоследствии оно было положено на музыку и стало популярной песней.

⁴⁴² Соловьев Александр Константинович (1846—1879) — народник, с 1876 г. призывал к обществу «Земля и воля». В 1877—1878 гг. вел революционную пропаганду среди крестьян Поволжья. 2 апреля 1879 г. совершил неудачное покушение на Александра II. Был повешен.

⁴⁴³ Ширяев Степан Григорьевич (1857—1881) — член Исполнительного комитета «Народной воли». Осенью 1879 г. технически инструктировал все покушения на царя и принимал участие в покушении под Москвой. Арестован 4 декабря 1879 г. 30 октября 1880 г. по процессу 16-ти приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Покончил с собой в Алексеевском рavelине.

⁴⁴⁴ Фигнер Вера Николаевна (1852—1942). Работала фельдшером в с. Вязьмино Петровского уезда. Член исполкома «Народной воли», участница покушений на Александра II в Одессе (1880) и Петербурге (1881). В 1883 г. арестована, 20 лет отбывала одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости.

⁴⁴⁵ Очевидно, Шомпулев путает, это фамилия Фигнер по мужу.

⁴⁴⁶ Гартман Лев Николаевич (1850—1908). Работал волостным писарем в Покровской слободе (г. Энгельс), откуда бежал после подачи зажиточными крестьянами жалобы в полицию. Член «Земли и воли». Войдя в «Народную волю», принимал участие в покушении на императора под Москвой. После покушения эмигрировал. С 1881 г. жил в США.

⁴⁴⁷ Перовская Софья Львовна (1853—1881) — член «Земли и воли» и Исполнительного комитета «Народной воли». Арестована и казнена в 1881 г. за организацию убийства Александра II.

⁴⁴⁸ Петр Николаевич Шатилов (1822—1887) — командир 40-й пехотной дивизии, с 1879 г. — 15-го артиллерийского корпуса.

⁴⁴⁹ Печатается по: Рус. старина. 1898. № 5. С. 347—350.

⁴⁵⁰ Правильно — Витвицкий.

⁴⁵¹ Кочубей Лев Викторович (1810—1890), князь — полтавский губернский предводитель дворянства (1853—1859).

⁴⁵² Имеется в виду Николай Михайлович Витвицкий (1764—1853), пчеловод и общественный деятель, автор многих книг. В 1849 г. он занял место пчеловода на

пасеках Л.В. Кочубея в Полтавской губернии и руководил этими пасеками до конца жизни.

⁴⁵³ *Кочубей* Наталья Викторовна (1800—1854) — жена генерал-адъютанта, графа А.Г. Строганова.

⁴⁵⁴ Речь идет о С.В. Кочубее.

⁴⁵⁵ Шленская (вывезенная из Силезии Петром I) порода овец отличается нежным тонким руном.

⁴⁵⁶ Следствие началось в 1858 г., но было прекращено. Ветвицкий был арестован в 1861 г. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1507. Л. 31).

⁴⁵⁷ Мертенс Петр Андреевич — провизор-аптекарь. Владел в середине XIX в. аптекой, приобретенной у Линдегрена и проданной затем Мейеру.

⁴⁵⁸ Малиновский Александр Амвросиевич — коллежский ассessor, служил в приказе общественного призрения попечителем Саратовской городской больницы.

⁴⁵⁹ В очерке «Саратов в 1853 году» А.Н. Минх причисляет его к лучшим портным города (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 741. Л. 11).

⁴⁶⁰ *Заборовский* Арсений Артемьевич — впоследствии коллежский советник, депутат дворянского собрания Саратовского уезда (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2139. Л. 65).

⁴⁶¹ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 8. С. 382.

⁴⁶² В.А. Шомпулев с июля 1866 г. по январь 1868 г. председательствовал в комиссии по пересмотру положения о городском самоуправлении.

⁴⁶³ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 5. С. 611—612.

⁴⁶⁴ бомонд (*фр.*).

⁴⁶⁵ *Николин день* — праздник в честь особо почитаемого в России святого Николая-угодника, отмечался 6 декабря.

⁴⁶⁶ *Разбойщина* — ныне ст. Жасминная.

⁴⁶⁷ Вера Викторовна Шомпулева (1858—1942) родилась 5 января (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 780. Л. 25). Была замужем за саратовским нотариусом Александром Львовичем Морозовым (1845—1920). Выходец из казачьей среды, он окончил юридический факультет Казанского университета, был гласным городской думы (см.: ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 96 об.). Всю жизнь Вера Викторовна прожила в Саратове в доме на Гимназической улице. Часть фотографий в этой книге взяты из ее фотоальбома, перешедшего к внуку Андрею Петровичу Кумакову.

⁴⁶⁸ Она в 1874 г. окончила саратовский Мариинский институт благородных девиц.

⁴⁶⁹ *Набокова* Лидия Михайловна — дочь саратовского вице-губернатора М.Н. Набокова.

⁴⁷⁰ *Степанов* А.Д. — доктор медицины, член общества «Беседа саратовских врачей» (см.: Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год. С. 154).

⁴⁷¹ *Беково* — село в Сердобском уезде, ныне в Пензенской области. Было приобретено дедом персонажа рассказа известным миллионером М.А. Устиновым в начале XIX в., который построил там богатую усадьбу.

⁴⁷² *Устинов* Михаил Андрианович (1825 — ?) — титулярный советник, семь лет прослуживший в Министерстве иностранных дел.

⁴⁷³ *Миллер* Николай Иванович — поручик, член Сердобской уездной управы.

⁴⁷⁴ *Бульгин* Александр Григорьевич (1851—1919) — с ноября 1873 г. младший, затем старший чиновник по особым поручениям при саратовском губернаторе. В 1876 г. председатель Петровской комиссии по поставке лошадей в армию. Мировой судья Петровского уезда. В 1877 г. председатель комиссии для приведения в порядок саратовского губернского архива. В 1878 г. почетный блюститель саратовской Мариинской женской гимназии. В 1879 г. — инспектор Главного тюремного управления, почетный член Саратовского губернского попечительства детских приютов. Гласный Петровского уездного и Саратовского губернского земств (см.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2269. Л. 3—7). Впоследствии статс-секретарь, гофмейстер двора, калужский (1887—1893) и московский губернатор (1893—1900), член Государственного совета, министр внутренних дел (1905).

⁴⁷⁵ *Ротонда* — дамская накидка без рукавов.

⁴⁷⁶ Это событие было описано в местной газете: «В настоящее время внимание всего общества занято почти исключительно несчастием, постигшим некоторые лица в бурный день 6 декабря. Из собранных нами многочисленных, но весьма сбивчивых рассказов мы можем сообщить, как достоверное, следующее. 5 декабря, вечером, общество дам и мужчин, всего 18 человек, отправилось на увеселительную прогулку за 18 верст от города, в дер. Разбойщину. Все участвовавшие в пикнике разместились в 6 экипажах; прислуга и музыканты ехали отдельно. В Разбойщине общество танцевало и веселилось всю ночь, и рано утром 6-го числа, часов в 5, все выехали в обратный путь. В это время метель, только что начинавшаяся, не представлялась никому опасной, и экипажи сначала могли ехать не разбиваясь. Но метель быстро усилилась и превратилась в такую бурю, какой многие из здешних жителей не запомнят. Даже в городе эта буря наделала много бед, — каково же было выносить ее в чистом поле. Кто не испытал сам, что такое значат снежные бураны в степных местностях, тот не может составить себе о них даже приблизительного понятия. Экипажи разбились, потеряли друг друга из виду, сбились с дороги и с трудом подвигались вперед. Трудности и мучения, которые пришлось преодолеть путешественникам, были чрезвычайны. Почти все, добравшиеся после разных приключений до города или до первого жилья, поплатились большими или меньшими последствиями обморожения. Самые печальные приключения выпали на долю ехавших на двух передних тройках. Здесь ехали — в одном экипаже: гг. Миллер и Бульгин и девицы Набокова и Алфимова, а в другом г. и г-жа Дыбовы. Эти две тройки, потеряв из виду других спутников, около дачи Тюльпина, продолжали наугад свой путь, сбились с дороги и, после долгих блужданий, застряли в сугробе около железной дороги. После нескольких часов бесполезных усилий выбиться из снежной трущобы, чувствуя, что ждать далее значит замерзнуть, путешественники решили идти пешком, надеясь добраться до ближайшей сторожки на железной доро-

ге. С неимоверным трудом, падая на каждом шагу в сугробах, сбиваемые с ног страшными порывами ветра, сквозь непроглядную метель, они кое-как, порознь, полумертвые от холода, добрались до сторожки. Не оказалось только г-жи Набоковой. Отбитая вихрем от своих спутников, окоченелая и едва живая, она в изнеможении упала на рельсы и не могла двинуться с места. В это время послышался свисток идущего поезда. С величайшим трудом, собрав последние силы, она сползла с рельсов и бесчувственно упала возле дороги. Здесь, после долгих поисков, ее нашли высланные из сторожки люди, совершенно лишившиеся сил. Ее принесли в сторожку и пытались привести в чувство, оттирая снегом. Только к утру 7-го числа можно было доставить ее в крытом экипаже в дом родителей. Состояние ее в настоящее время возбуждает сильные опасения. Хотя не в такой степени, но все-таки значительно пострадали г-жа Дыбова, Булыгин и Миллер» (Саратовский листок. 1875. 11 дек.).

В летописи Саратова, опубликованной в «Саратовском сборнике», год события указан ошибочно: «1876 год — декабря 5 была сильная метель в Саратове и его окрестностях, причем пострадало несколько лиц из саратовского интеллигентного общества, возвращавшихся ночью в Саратов из с. Разбойщина с пикника» (Саратовская летопись // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 90).

⁴⁷⁷ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 9. С. 223—226.

⁴⁷⁸ Земельные банки предоставляли кредиты под залог земли. Устав Саратовско-Симбирского банка был утвержден в июне 1873 г.

⁴⁷⁹ Первое в России Санкт-Петербургское общество взаимного кредита открыло свои действия в 1864 г. Члены общества принимали на себя ответственность по обязательствам в заранее оговоренном размере, каждому из них открывался кредит в соответствии с принятой на себя ответственностью. В Саратове в 1870 г. было открыто такое же общество.

⁴⁸⁰ Митрофанов Павел Иванович, «человек далеко не честный, втершись в управляющие окружным управлением, он нажил очень хорошее состояние и получает теперь жалование в 4200 руб., да за свой дом 4200, итого 8400 руб. Всего он получает 7600 руб — цифра очень порядочная, и за то только, чтобы выдавать квитанции на срочные платежи заемщиков, которые вносятся в отделение государственного банка. Но — увы! Сменить этого мошенника мы не имеем права» (Минх А.Н. Дневник // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 172 об. Запись 3 декабря 1878 г.).

⁴⁸¹ Бобринский Алексей Павлович (1826—1894), граф — генерал-лейтенант (1872), член Государственного совета (1871—1874), крупный землевладелец. В 1866 г. разработал и добился утверждения устава Общества взаимного поземельного кредита для выдачи ссуд под залог земли (т.н. «Золотой банк»). Министр путей сообщения в 1871—1874 гг.

⁴⁸² Юханцев Константин Николаевич — чиновник особых поручений Министерства финансов, был судим 23—25 января 1879 г. в Петербургском окружном суде за

растрату двух с половиной миллионов Общества взаимного поземельного кредита (см.: Кони А.Ф. Судебные речи. 1868—1888. СПб., 1905. С. 503—521). По словам современников, он поил своих лошадей шампанским и заказывал для них золотые подковы.

⁴⁸³ Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — генерал-адъютант (1861), генерал от артиллерии (1862). Оренбургский генерал-губернатор (1865—1881) и командующий войсками Оренбургского военного округа.

⁴⁸⁴ Бунге Николай Христианович (1823—1895) — экономист, академик Петербургской Академии наук (1890), министр финансов (1881—1886), председатель Комитета министров (1887—1895).

⁴⁸⁵ Вот текст, на который ссылается Шомпулев: «Несмотря на частые перемены, происходящие в составе правления Саратовско-Симбирского земельного банка, и многочисленные общие собрания его акционеров положение дел этого банка всё ещё не выяснено достаточно, и оптимистические взгляды меняются с резкими суждениями, смотря по составу правления, которое изображает дела банка по личному усмотрению отдельных своих членов; само виновато, если ни акционеры банка, ни владельцы выпущенных им закладных листов до сих пор всё ещё не могли себе составить окончательной картины положения дел банка.

Собирая тщательно весь материал, могущий разъяснить запутанное это дело, мы даём охотно место полученному нами сегодня от нового председателя правления Саратовско-Симбирского земельного банка г. Шомпулева обстоятельному письму, в котором таковой, по его словам, старается *разъяснить истинное положение дел банка*.

“Для выяснения дела я, прежде всего, должен изложить историю банка за 1882 год.

После объявления дефицита общее собрание акционеров избрало 16 мая новый состав правления, председателем правления которого был избран г. Дараган и членом г. Загряжский, один член правления, а другой председатель оценочной комиссии Нижегородско-Самарского земельного банка.

Под руководством Дарагана была произведена ревизия дел и счетоводства банка и составлен баланс на 1 июля 1882 года, а также и все доклады общему собранию, назначенному на 20 августа. Доклады эти и баланс представляли дела банка в безнадежном положении, единственным выходом из которого представляется, по мнению г. Дарагана, ликвидация дел банка (конечно, выгодное только для конкурирующих с ним ипотечных учреждений).

Вследствие таких выводов компетентных лиц акции потеряли почти всякую ценность, а цены закладных листов понизились на 15 процентов, а потому для заемщиков несчастного Саратовско-Симбирского банка представился очень выгодный случай перезакладывать свои имущества в другие банки. Действительно, за 1882 год выкуплено имущества из банка с капитальным долгом 984 601 руб. 80 копеек, и часть этих имуществ, именно на 473 649 руб. 93 коп., перезаложена в Ни-

жегородско-Самарский земельный банк. Затем общим собранием акционеров 10 октября было решено не ликвидировать дела банка, и было избрано новое правление, которое, вероятно, не могло отрешиться от взглядов на дело г. Дарагана и продолжало действовать в его духе. Под влиянием этих взглядов был составлен годовой отчет и выводы правления, напечатанные на 78 и 79 страницах этого отчета. Общее собрание 30 января 1883 года постановило исключить из отчета эти две страницы, т.к. выводы в них основаны не на фактических данных, а лишь на предположениях правления, слишком мрачно смотрящего на дело. Между тем, цифры и выводы в вашей почтенной газете № 29 за 1883 год и взяты именно из этих двух страниц, исключённых общим собранием из отчёта. <...> Мрачный взгляд правления на положение банка основывается, между прочим, на том, что по имени г. Борисова, оставленному за банком, последний мог понести значительные убытки, но 17 января сего года поступило в правление заявление от одного из самых крупных и солидных лесопромышленников Оренбургского края, в котором он предлагает правлению отдать ему в аренду Каноникольскую дачу на 12 лет с правом вырубki ежегодно не более 1200 десятин лесу, с платою по 64 рубля за десятину, что почти покрывает все срочные платежи по залогу этого имения, а такая вырубка при 100 000 десятинах лесу, имеющегося в этом имении, не может его обесценить. В настоящее время уже начаты переговоры по этому предложению, и о результатах их будет известно в близком будущем. Что касается до остальных имений, оставшихся за банком и показанных в отчете в отдельной ведомости, то в числе их находится имение г. Уткина в 50 000 десятин, которое осталось за банком только потому, что купчая крепость на это имение была уничтожена по распоряжению бывшего Оренбургского генерал-губернатора г. Кржижановского; но если это имение будет укреплено за банком, то правление надеется выручить за него гораздо больше лежащего на имении долга; остальные же имущества не могут грозить банку каким-либо серьезным убытком, а потому и нет оснований для трагических выводов.

Затем правление надеется, что банк будет точно и аккуратно исполнять свои обязанности, то есть платить проценты по купонам и капиталам по вышедшим в тираж закладным листам, и вследствие этого доверие к банку возвратится и, цена закладных листов его возвысится и, таким образом, естественно уничтожится причина усилившегося перехода залогов в другие банки. Принимая во внимание последнее обстоятельство, доход и расход банка и пополнение дефицита выразятся в следующих цифрах, основанных на фактических данных. <...>

Из этих расчетов видно, что дефицит банка может быть пополнен без всякого взноса со стороны акционеров, и, следовательно, владельцы закладных листов могут успокоиться относительно целости и доходности капиталов, вложенных ими в закладные листы банка, а потеря акционеров лишь временная, и цена акций по мере пополнения дефицита должна возвыситься и, наконец, достигнуть номинальной цены, а может быть и биржевых цен акций конкурирующих с банком ипотечных учреждений”.

Мы желаем со своей стороны новому правлению банка, чтобы его расчеты оправдались в действительности, но не можем вместе с тем скрыть нашего мнения, что приведенные г. председателем в настоящем письме цифры и расчеты представляются в настоящий момент немного оптимистичными. Столбцы нашей газеты, впрочем, по-прежнему открыты для дальнейших разъяснений по возбуждённому вопросу».

⁴⁸⁶ Коваленков Александр Петрович (1834 — ?). Имел 4600 дес. и 180 крепостных в Балашовском уезде. Начал службу в 1852 г. в канцелярии московского губернатора, смотритель Камышинского уездного училища и мировой посредник (1858—1864), предводитель дворянства Балашовского уезда (1864—1872). Был мировым судьей (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 974. Л. 63). В дневнике А.Н. Минха 12 ноября 1878 г. охарактеризован как «картежник, спустил состояние, но добрый» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 164 об.).

⁴⁸⁷ *Афинские вечера* — оргии, кутежи.

⁴⁸⁸ Имеется в виду актриса Мария Гавриловна Савина (1854—1915). В начале 1870-х гг., в начале своей карьеры, выступала в Саратове с труппой П.М. Медведева. В своих воспоминаниях она тепло отзывалась об А.П. Коваленкове, не называя его фамилии.

⁴⁸⁹ Печатается по: Рус. старина. 1909. № 1. С. 187—190.

⁴⁹⁰ *Панкратов* Николай Николаевич (1797 — ?) — советник губернского правления (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 218. Л. 7).

⁴⁹¹ *Подожок* — небольшая палка.

⁴⁹² То есть в усадьбе Приют.

⁴⁹³ *Куртина* — группа деревьев и кустарников одной породы; отдельный участок леса, сада.

⁴⁹⁴ *Казанки* — косточки ноги животного.

⁴⁹⁵ Приют — имение Шомпулева, доставшееся ему от бабки Александры Федоровны Быковой. Вокруг села Быковка находим села, названные по фамилиям мужей сестер Быковых: Неклюдовка, Дмитриевка и Шомпулевка, переименованная Виктором Антоновичем в Приют. Ныне не существует.

⁴⁹⁶ Печатается по рукописи: Архив Саратовского музея краеведения. Фонд С.Д. Соколова. Оп. 1. Д. 25. Л. 113—116.

⁴⁹⁷ Речь идет о князе Борисе Борисовиче Мещерском (1850—1904) — саратовском губернаторе в 1891—1901 гг. Сохранилось письмо Шомпулева к племяннице Е.А. Ивановой от 25 января 1896 г., в котором он сообщает о письме Мещерского с предложением присутствовать на коронации. В нем Шомпулев сетует, что придется израсходовать до 600 руб. на мундир и проезд (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 11—12 об.). 19 февраля 1896 г. он пишет Ивановой письмо с просьбой купить ткань и пуговицы для пошива мундира (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 1—2 об.).

⁴⁹⁸ *Воронцов-Дашков* Илларион Иванович (1837—1916), граф — генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии Гусарского полка, позднее генерал от кавалерии,

генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов (1881—1897), наместник на Кавказе (1905—1915). Крупный землевладелец Саратовской губернии, имел земли в различных уездах и усадьбу в селе Тепловка тогда Саратовского уезда.

⁴⁹⁹ Взятие турецкого укрепления Горный Дубняк под Плевной произошло 12 октября 1877 г.

⁵⁰⁰ *Иванова* Елизавета Алексеевна (1862—1928) — дочь сестры В.А. Шомпулева Екатерины Антоновны.

⁵⁰¹ *Трубецкой* Петр Николаевич (1857—1911), князь — егермейстер, московский уездный предводитель дворянства (1887—1893), московский губернский предводитель дворянства (1892—1906).

⁵⁰² *Сергей Александрович* (1857—1905), великий князь — сын императора Александра II — генерал-лейтенант, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887—1891), московский генерал-губернатор с 1891 г., командующий войсками Московского военного округа с 1896 г., убит И.П. Каляевым в 1905 г. Был женат на принцессе гессен-дармштадтской, в крещении Елизавете Федоровне (1864—1918), сестре супруги Николая II.

⁵⁰³ *Павел Александрович* (1860—1919), великий князь — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, младший сын императора Александра III.

⁵⁰⁴ *Горемыкин* Иван Логгинович (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899), председатель Совета министров (1914—1916).

⁵⁰⁵ *Плеве* Вячеслав Константинович (1846—1904) — директор Департамента государственной полиции (1881—1884), государственный секретарь (1894—1902), министр внутренних дел (1902—1904).

⁵⁰⁶ Упомянутый портрет после смерти Шомпулева был передан в СУАК Д.А. Ивановым и позже передан в фонды Саратовского художественного музея им. А.Н. Радищева (Волга. 1913. 19 окт.).

⁵⁰⁷ Имеется в виду очерк Шомпулева «Введение института земских начальников», включенный в настоящее издание.

⁵⁰⁸ Печатается по: Рус. старина. 1912. № 8. С. 250—257.

⁵⁰⁹ Шомпулев ошибается, в 1769 г. была образована Саратовская провинция, и Саратов сделался административным центром для возникших в его районе поселений. Саратовское наместничество было учреждено только в 1780 г.

⁵¹⁰ *Моисей* (в миру Матвей Михайлович Богданов-Платонов-Антипов; 1783—1834) — епископ Вологодский и Устюжский, епископ Саратовский и Царицынский (1828—1832). Им была создана духовная семинария и восстановлен женский Крестовоздвиженский монастырь. Моисей был назначен членом Синода и экзархом Грузии (1832—1834) с возведением в сан архиепископа Карталинского и Кахетинского с 1803 по 1828 г. Епархия существовала Пензенская и Саратовская епархия, но Моисей ее никогда не возглавлял.

⁵¹¹ *Экзарх* — глава отдельного церковного округа.

⁵¹² Ныне улица Чапаева.

⁵¹³ Троицкий собор на Музейной площади.

⁵¹⁴ Собор Александра Невского, построенный на пожертвования граждан в память о победе в Отечественной войне 1812 г., находился напротив здания присутственных мест; позднее разрушен.

⁵¹⁵ *Дмитриева* Мария Федоровна (1776—1848) — сестра бабушки В.А. Шомпулева А.Ф. Долгово-Сабуровой.

⁵¹⁶ Имеется в виду Спасо-Преображенский мужской монастырь.

⁵¹⁷ Сейчас улица им. Сакко и Ванцетти. Ср.: «Известностью пользовалась Мария Федоровна Дмитриева, очень умная и хорошо воспитанная <...>. Она поражала своим богатством; выезжала она из дома в карете, запряженной четвериком; на запятках у ее кареты стояли два лакея в треугольных шляпах. Но особенно она прославилась в Саратове своими крупными пожертвованиями новому собору. Пожертвования Дмитриевой сделали фамилию ее популярной в Саратове, почему и улицу, в которой жила она, прозвали Дмитриевскою» (*Духовников Ф.* К истории топографии Саратова // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов. 1893. Вып. 1. С. 116—154).

⁵¹⁸ Имеется в виду Петербургская (Александрово-Невская) духовная академия — высшее учебное заведение, образована в 1797 г. из Главной семинарии.

⁵¹⁹ Здание сохранилось, ныне духовная семинария на улице Волжской.

⁵²⁰ *Тихон* (в миру Александр Павлович Покровский; 1821—1885) — епископ Саратовский и Царицынский (1873—1882). Окончил Петербургскую духовную академию в 1848 г. После смерти жены и двоих детей в 1869 г. принял монашество. В 1882 г. возведен в сан архиепископа Вольнского и Житомирского с назначением священноархимандритом Почаевской Успенской лавры.

⁵²¹ *Иоанникий I* (в миру Горский Иоанн Семенович; 1811—1877) — епископ Саратовский и Царицынский (1856—1860). Окончил Петербургскую духовную академию в 1837 г. и в том же году был пострижен в монашество.

⁵²² *Евфимий* (в миру Петр Иванович Беликов; 1813—1863) — епископ Саратовский и Царицынский (1860—1863). Окончил Киевскую духовную академию, был пострижен в 1839 г.

⁵²³ *Иоанникий II* (в миру Иван Максимович Руднев; 1826—1900) — епископ Саратовский и Царицынский (1863—1873). В 1849 г. окончил Киевскую духовную академию и тогда же пострижен в монашество. Для борьбы с расколом основал в Саратове «Братство Святого Креста» — первое в России такого рода общество для борьбы. Впоследствии епископ нижегородский (1873—1877), экзарх Грузии (1877—1881), с 1881 г. член Синода. Митрополит московский и коломенский (1882—1891), митрополит Киевский и Галицкий (1891—1900).

⁵²⁴ Свечной завод находился в нагорной части Саратова близ пересечения улиц Горной и Гимназической, начал работать в 1869 г. Здание женского епархиального училища, открытого также в 1869 г., сохранилось и находится на ул. Чернышевского (Б. Сергиевской).

⁵²⁵ Письма священнослужителей к Шомпулеву сохранились (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 864).

⁵²⁶ В записках А.Н. Минха за 1882 г. читаем: «Преосвященный Тихон выехал из Саратова по ж.д. на место нового назначения в Житомир. Проводы его были небывалые: огромное количество народа, все высшее чиновничество и духовенство, и военные провожали его до вокзала; по пути был расставлен Иммертинский полк, на вокзале играла военная музыка, две версты народ бежал за поездом, прощаясь с владыкой. Тихона любили у нас в Саратовской губернии. 9 лет занимал он кафедру преосвященного, был очень общителен и доступен каждому. Ни светские, ни духовные не могут пожаловаться, чтобы он сделал кому-либо зло. Бывши ранее сам священником, он вовсе не был монахом и входил в нужды духовенства. Ему обязательно расширением и улучшением епархиальное женское училище и приют, а вдовы и сироты духовенства устройством вспомогательных касс» (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 772. Л. 89).

⁵²⁷ *Серафим* (в миру Александр Николаевич Аретинский; 1812—1886). Окончил курс в Киевской духовной академии и пострижен в монахи в 1837 г. Епископ (с 1871 г. — архиепископ) Воронежский и Задонский (1865—1886).

⁵²⁸ Имеется в виду *Прокопий* — архимандрит Задонского Рождество-Богородицкого монастыря (1882—1893).

⁵²⁹ Имеется в виду Ювеналий (в миру Иван Андреевич Половцев; 1826—1904). Дворянин, закончил артиллерийскую академию. В 1847 г. удалился в Оптину пустынь; в 1855 г. принял монашество. Был наместником Киево-Печерской лавры (1884—1892). В 1892 г. возведен в сан епископа.

⁵³⁰ *Половцев* Виктор Андреевич (1803 — ?) — старший брат и крестный отец Ивана, а не его отец, как пишет Шомпулев.

⁵³¹ *Платон* (в миру Николай Иванович Городецкий; 1803—1891) — митрополит Киевский и Галицкий (1882—1891) и архимандрит Киево-Печерской Успенской лавры.

⁵³² *Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода (1880—1905), созывал епископские съезды для обсуждения ряда церковных вопросов. Тут речь идет, по-видимому, о съезде в Киеве в сентябре 1884 г., когда 11 епископов южных и юго-западных епархий под председательством митрополита Платона обсуждали способы борьбы с штундизмом.

⁵³³ *Михаил* (в миру Милой Иоаннович; 1826—1898) — митрополит Сербский. Выпускник Киевской духовной академии, в 1859 г. был избран главой Сербской православной церкви, которую возглавлял вплоть до кончины.

⁵³⁴ *Хиротония* — рукоположение, в православии таинство священства; возведение в сан епископа, священника или диакона, совершаемое в храме во время Божественной литургии.

⁵³⁵ Имеется в виду Сильвестр (в миру Малеванский Стефан Васильевич; 1828—1908) — епископ Каневский, викарий Киевской митрополии, ректор Киевской духовной академии (1883—1898).

⁵³⁶ Платон служил епископом и затем архиепископом Рижской епархии (1848—1867), архиепископом Донским и Новочеркасским (1867—1874).

⁵³⁷ Почаевская лавра — православный монастырь на Волыни.

⁵³⁸ *Павел* (в миру Иван Елевферьевич Вильчинский; 1829—1908) — епископ Саратовский и Царицынский (1882—1889). В 1849 г. окончил Подольскую духовную семинарию, в 1853 г. — Киевскую духовную академию и в том же году пострижен в монашество. В дневнике А.Н. Минха в мае 1884 г.: «Саратовский архиерей Павел положительно нетерпимый безобразник, о нем ходит много [нрзб.] в Саратове не в его пользу» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 772. Л. 158 об.). *Авраамий* (в миру Александр Иванович Летницкий; 1838—1893) — епископ Саратовский и Царицынский (1889—1893). *Николай* (в миру Иван Александрович Кратиров; 1839—1909) — епископ Саратовский и Царицынский (1893—1899). *Иоанн* (в миру Кратиков) — епископ Саратовский и Царицынский (1899—1903). *Гермоген* (в миру Георгий Ефремович Долганов; 1858—1918) — епископ Саратовский и Царицынский (1903—1912).

⁵³⁹ Долгое время бытовала легенда, согласно которой Александр I не умер, а ушел от мирской жизни и долгие годы жил в Сибири как старец Федор Кузьмич.

⁵⁴⁰ Открытие в Саратове Крестьянского банка состоялось 12 апреля 1883 г. (см.: Саратовская летопись // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 96)

⁵⁴¹ Саратовское отделение Государственного банка открыто в июле 1864 г. (Там же. С. 80).

⁵⁴² *Зубов* Алексей Алексеевич (1838—1904) — саратовский губернатор (1881—1887).

⁵⁴³ *Славин* Яков Петрович (1808—1896) — саратовский купец, отец известного общественного деятеля и мемуариста И.Я. Славина.

⁵⁴⁴ Дочь супруги Якова Петровича от первого брака Анфиса Федоровна, в замужестве Арскова.

⁵⁴⁵ См.: *Епископ Павел*. Несколько слов о судьбе церкви Божией на Земле // Вера и церковь. 1906. Кн. VI/VII. С. 21—32.

⁵⁴⁶ Печатается по: Гражданин. 1905. № 15. С. 8—10; № 16. С. 5—8; № 17. С. 4—7; № 18. С. 6—10.

⁵⁴⁷ *Мещерский* Владимир Петрович (1839—1914), князь — камер-юнкер, публицист, издатель газеты «Гражданин».

⁵⁴⁸ *Дурново* Иван Николаевич (1834—1903) — министр внутренних дел (1889—1895), председатель Комитета министров (1895—1903).

⁵⁴⁹ *Косич* Андрей Иванович (1833—1917). Из дворян Черниговской губернии. После окончания Павловского кадетского корпуса определен прапорщиком в артиллерию. Участник Крымской войны. В 1861 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба и оставлен при штабе Отдельного Гвардейского корпуса. С 1865 г. начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1870—1881 гг.

занимал различные командно-штабные должности. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., о которой оставил воспоминания. В 1887 г. мировой судья в Киевской губ. Должность саратовского губернатора занимал с 1887 г. по 1891 г. (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1846. Л. 1, 102—108 об.) «Это был симпатичный, жизнерадостный военный генерал, обращавший особенно серьезное внимание на санитарии, гигиену и разведение садов. Он любил в разные торжественные случаи или в многолюдных деловых собраниях говорить речи, которые потом были изданы особым сборником. Косич иногда в частных беседах проявлял такой либерализм и говорил такие “вольности”, которые русскому человеку как-то непривычно было слышать из уст губернатора и военного генерала» (*Славин И.Я.* Минувшее — пережитое. // Волга. 1998. № 8. С. 89). В дневнике А.Н. Минха писал в дневнике: «Косич окружил себя всякой дрянью и не любит выслушивать мнений людей опытных и честных», «страшная дрянь», «страшно падок на женщин», «порядочная тряпка, совершенно неопытный в управлении краем и только издающий многоречивые циркуляры» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 772. Л. 318а, 368, 375, 380).

⁵⁵⁰ Имеется в виду Б.Б. Мещерский.

⁵⁵¹ Имеется в виду С.В. Кочубей.

⁵⁵² *Подпольники* — отшельники, жившие в пещерах небольшими колониями, между членами которых не признавались родственные связи. На территории Саратовской епархии было 12 таких колоний (см.: *Полева Ю.В.* Култовое пещерокопательство как форма сохранения гонимых конфессиональных групп на территории Саратовской и Астраханской епархий в XIX веке // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 2008. № 1. С. 27—28).

⁵⁵³ «*Апостол*» — богослужебная книга, часть Нового Завета. Состоит из «Деяний» и «Посланий» апостолов (Иакова, Петра, Иоанна, Иуды, Павла). «Апостол» читается на божественной литургии Иоанна Златоуста в части, называемой литургией оглашенных, после Трисвятого, перед чтением Евангелия.

⁵⁵⁴ *Сабашников* Михаил Васильевич (1871—1943) — сын сибирского чаеоторговца, основатель с братом Сергеем (1873—1908) книжного издательства, известный благотворитель.

⁵⁵⁵ *Усачев* Андрей Андреевич — представитель саратовского купеческого рода.

⁵⁵⁶ *Шмидт* Федор, Иван, Владимир и Отто Петровичи — братья, крупные предприниматели-мукомолы, создавшие в 1888 г. торговый дом под фирмой «Братья Шмидт», который объединил две паровые и несколько водяных мельниц, в том числе три на р. Латрык (см.: *Максимов Е.К.* Саратовские мукомолы Шмидты, Рейнеке, Борели // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV—VI. Саратов, 1994. С. 135—137).

⁵⁵⁷ Быстрая индустриализация Германии привела к увеличению экспорта ее промышленных изделий в Россию. Стремясь оградить промышленность от иностранной конкуренции, русское правительство систематически повышало таможенные пошлины на промышленные товары, особенно на ввозимые через сухопутную

границу (т.е. из Германии). Германия же в 1879 г. ввела пошлины на хлеб, которые в дальнейшем постоянно повышались. Особенно обострился конфликт в начале 1890-х гг.

⁵⁵⁸ *Подволока* — чердак в зданиях со скатной крышей, помещение, ограниченное крышей и чердачным покрытием здания.

⁵⁵⁹ *Голицын* Лев Львович (1841—1918), князь. После военной службы в 1869 г. вышел в отставку и переехал на жительство в Балашовский уезд Саратовской губернии. Избирался в уездные предводители дворянства (1869—1876), а с 1887 г. три трехлетия состоял саратовским губернским предводителем дворянства. Был активным членом СУАК.

⁵⁶⁰ По-видимому, *Никольский* Александр Никитич (1859 — ?) — лекарь, в 1904 г. — помощник директора Саратовской земской психиатрической лечебницы.

⁵⁶¹ *Элис* Николай Вениаминович (1829—1902) — генерал-лейтенант с 1885 г.; с 1889 по 1896 г. начальник 40-й пехотной дивизии.

⁵⁶² Имеется в виду *Николай Павлович Корбутовский* (1860—1917) — саратовский помещик, племянник жены Шомпулева. Имел около 800 десятин в Царицынском уезде д. Екатериновка от отца и 1500 десятин в селах Злобовка и Поповка Саратовского уезда от жены. Имения эти были знамениты лесопарками с ценными и редкими породами деревьев, кустарников и плантациями огородных растений. В селе Поповка у Корбутовского была овощная семеноводческая плантация, о которой и идет речь в очерке. *Николай Павлович* имел в Саратове богатый дом (см.: *Максимов Е.К.* Н.П. Корбутовский и злобовская школа садоводства // Саратовское Поволжье в панораме веков. Саратов, 2000. С. 360).

⁵⁶³ То есть взбудоражил.

⁵⁶⁴ *Дикарь* — дикий, необработанный природный камень.

⁵⁶⁵ *Почетные граждане* — сословие в Российской империи, особый привилегированный класс городских жителей, установленный в 1832 г. Права и преимущества почетного гражданина заключались в свободе от рекрутской повинности, от подушного оклада, от телесного наказания, в праве участвовать в выборах и быть избираемым в городские общественные должности.

⁵⁶⁶ *Гребенчуков* (Грибенчуков) Иван Адрианович — исправник Саратовского уезда в 1890—1898 гг. (Саратовский календарь. Памятная книжка Саратовской губернии на 1890 год. Саратов, 1889. С. 130; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898 год. Саратов, 1898. С. 343).

⁵⁶⁷ В фельдшерскую школу при Голицынской больнице в Москве с 1876 г. принимались питомцы московского Воспитательного дома.

⁵⁶⁸ *Погребница* — надстройка над погребом.

⁵⁶⁹ Поскольку из-за ужесточения российского законодательства старообрядцы не могли поставлять священников, то в Австрии (в старообрядческом скиту в Белой Кринице, в Буковине) с разрешения австрийских властей была создана в 1840-х гг. белокрыницкая или австрийская иерархия старообрядцев, обеспечивавшая российских старообрядцев-поповцев священниками.

⁵⁷⁰ Отписными называются раскольники, которые по исповедным книгам значатся не примкнувшими к единоверию. Большая же часть раскольников скрывала свою непричастность к единоверию.

⁵⁷¹ *Молокане* — христианская секта. По воскресеньям члены в обязательном порядке собирались в простых помещениях без икон, читали Новый Завет и пели религиозные песни.

⁵⁷² Беспоповство — общее название приверженцев одного из двух основных направлений русского старообрядчества, отрицающее священнослужителей нового рукоположения. Доверяли часть священных таинств избранным мирянам.

⁵⁷³ То есть церкви, совмещенной с приходской школой.

⁵⁷⁴ *Владыкин* Лев Иоаннович (1838—1908) — протоиерей, священник домовый церкви при Александровском ремесленном училище, популярный в Саратове проповедник.

⁵⁷⁵ Имеется в виду А.А. Высоцкий.

⁵⁷⁶ Бари — город на юге Италии, где находятся мощи Николая Угодника.

⁵⁷⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 860. Л. 13—18, 22—23.

⁵⁷⁸ *Энгельгардт* Александр Платонович (1845—1903) — архангельский губернатор (1893—1900); саратовский губернатор (1901—1903).

⁵⁷⁹ Поездка состоялась в 1904 г.

⁵⁸⁰ *Бобриков* Николай Иванович (1839—1904) — генерал-майор, генерал-адъютант, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Финляндский генерал-губернатор с 1898 г., был убит сторонниками независимости Финляндии.

⁵⁸¹ *Шервашидзе* Георгий Дмитриевич (1846—1918), князь — тифлисский губернатор (1889—1897), с 1899 г. обер-гофмейстер двора, состоял при императрице Марии Федоровне.

⁵⁸² *Александрия* — дворцово-парковый ансамбль Петергофа, одна из императорских резиденций.

⁵⁸³ *Штюмер* Борис Владимирович (1848—1917) — директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел с 1902 г., член Государственного совета с 1904 г., председатель Совета министров с 1916 г.

⁵⁸⁴ *Папков* Александр Александрович (1868—1920) — церковный писатель. С 1903 г. губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии.

⁵⁸⁵ *Оболенский* Николай Дмитриевич (1859—1912), князь — флигель-адъютант с 1890 г., генерал-майор свиты, позднее генерал-адъютант, служил в Министерстве двора с 1902 г., управляющий Кабинетом императора Николая II с 1905 г., в последние годы состоял при императрице Марии Федоровне.

⁵⁸⁶ *Ермолов* Алексей Сергеевич (1847—1917) — министр государственных имуществ (1893—1905); *Авелан* Федор Карлович (1839—1916), адмирал — глава Морского министерства (1903—1905).

⁵⁸⁷ *Зиновьев* Иван Алексеевич (1835—1917) — дипломат; с 1897 по 1909 г. — посол в Константинополе.

⁵⁸⁸ *Александра Федоровна* — императрица, супруга Николая II.

⁵⁸⁹ См. очерк «Типы и картинки прошлого».

⁵⁹⁰ *Столыпин* Петр Аркадиевич (1862—1911) — саратовский губернатор (1903—1906), премьер-министр России (1906—1911).

⁵⁹¹ *Алексей Николаевич* (1904—1918) — цесаревич, наследник престола, сын Николая II, родился 30 июля.

⁵⁹² У Николая II в 1904 г. было четыре дочери: Ольга (1895); Татьяна (1897); Мария (1899); Анастасия (1901).

⁵⁹³ *Протопресвитер* — звание главного священника в большом соборе или в военном, придворном ведомстве.

⁵⁹⁴ *Янышев* Иоанн Леонтьевич (1826—1910) — ректор Петербургской духовной академии (1866—1883), придворный протоиерей с 1883 г.

⁵⁹⁵ *Серафим Саровский* (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1754 или 1759 — 1833) — иеромонах Саровского монастыря, канонизирован православной церковью в качестве святого.

⁵⁹⁶ *Гейман* Василий Александрович (1823—1878) — генерал-лейтенант (1872), с 1845 г. на Кавказе, командир Ставропольского полка (1861) и до командования 20-й пехотной дивизией (1872); *Иванов* Николай Агапович (1803—1873) — генерал-лейтенант, атаман Кубанского кавказского войска; *Окложжо* Иван Дмитриевич (1821—1880) — хорват, австрийский офицер на русской службе с 1846 г. в Куринском полку, с 1851 г. полковник, а затем командир батальона. В 1865 г. начальник местных войск Закавказского края.

⁵⁹⁷ *Шувалова* Александра Илларионовна (урожд. Воронцова-Дашкова; 1869—1959) — фрейлина, дочь владельца имения в селе Тепловка Саратовского уезда И.И. Воронцова-Дашкова; жена московского градоначальника П.П. Шувалова. Тогда она еще не была вдовой, т.к. Шувалов был убит эсером-террористом через год, в 1905 г. У Шуваловых было четыре дочери: Елизавета (1892—1975), Александра (1893—1968), Мария (1894—1973) и Ольга (1902 — ?).

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Печатается по: Рус. старина. 1908. № 1. С. 57—73.

² В 1849 г. Венгрия объявила независимость от Габсбургов, правивших в Австрийской империи, и император Франц Иосиф обратился за помощью к Николаю I.

³ *Корпия* — ветошные нитки или нарочно выделанная пушистая ткань, для перевязки ран и язв.

⁴ Имеется в виду Александра Матвеевна Родионова — жена майора Михаила Алексеевича Родионова. Помещица Саратовского уезда с. Ильиновка и с. Курдюм (на 1845 г. — 199 душ). А.Н. Минх в своей рукописи «Саратов и его жизнь в

1853 году» называет ее хозяйкой одного из лучших дворянских домов Саратова (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 742. Л. 19).

⁵ Речь идет о М.Л. Кожевникове.

⁶ *Гёргей* Артур (1818—1916) — в период Революции 1848—1849 гг. в Венгрии главнокомандующий (с марта 1849 г.) венгерской армией, военный министр (с мая), диктатор (с августа).

⁷ Имеется в виду сам В.А. Шомпулев.

⁸ Имеется в виду Е.А. Шомпулева.

⁹ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁰ Имеется в виду Анна Степановна Шомпулева — мать Виктора Антоновича.

¹¹ Имеется в виду Алексей Петрович Иванов.

¹² *Дормез* — просторная карета со спальными местами, предназначенная для дальних поездок.

¹³ Имеется в виду М.С. Ильинский.

¹⁴ Имеется в виду А.П. Опочинин.

¹⁵ Имеется в виду Куринский полк.

¹⁶ Имеется в виду П.П. Меллер-Закомельский.

¹⁷ Речь идет о подполковнике Фоме Васильевиче Костырко, командире 3-го батальона Куринского полка.

¹⁸ *Портупей-юнкер* — юнкер, фактически исполняющий обязанности офицера.

¹⁹ Имеется в виду Яков Петрович Бакланов (1809—1873). Начал службу в 1824 г. простым казаком, в 1852 г. произведен в генерал-майоры. «Его боялись не только казаки, с которыми он обращался сурово, но и чеченцы, утраченные его набегами» (*Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб., 2003. С. 178).

²⁰ Канаус — плотная шелковая ткань из шелка-сырца.

²¹ *Солдатская дача* — «то, что выдается в виде жалования, содержания, пайка, месячины и пр.» (Даль).

²² Карабахская порода лошадей — некрупные, высотой в холке 138—140 см, с короткими, но крепкими ногами.

²³ *Эспадрон* — тупая сабля, употреблявшаяся при обучении фехтованию.

²⁴ Имеется в виду командир Гребенского полка Н.П. Слепцов.

²⁵ Печатается по ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2244. Судя по письмам автора, написана в конце 1890-х гг. Очевидно, перед кончиной Виктор Антонович передал рукопись своей гражданской жене Александре Петровне Рентшке (см. надпись на титульном листе: «Шурочка, оставь это у себя»). Та либо передала ее в СУАК, членом которой являлась с 1916 г., либо, покидая Саратов в 1918 г., оставила рукопись племяннице В.А. Шомпулева Елизавете Алексеевне Ивановой, с которой была близка. После смерти Е.А. Ивановой документы семьи Ивановых попали в собрание архива. Среди них, вероятно, оказалась и «Быль», которая хранится как рукопись неизвестного автора.

²⁶ Под этим именем В.А. Шомпулев изобразил в повести себя.

²⁷ Соборная пл. (ныне площадь Н.Г. Чернышевского).

²⁸ А.С. Шомпулева.

²⁹ Имеется в виду деревня Приют.

³⁰ Речь идет о селе Быковка.

³¹ Латрык.

³² Село Старый Чирчим в Кузнецком уезде (ныне в Пензенской области).

³³ Имеется в виду Петр Михайлович Волконский (1776—1852), светлейший князь — министр императорского двора и уделов (1826—1852), генерал-фельдмаршал с 1850 г.

³⁴ Имеется в виду Ольга Ивановна фон Швенцон (урожд. Саломон; 1824—1856) — начальница Саратовского института благородных девиц (с 1854 г.), вдова полковника из Полтавы Швенцона и сестра П.И. Саломон.

³⁵ Имеется в виду Михаил Иванович Готовицкий (1789—1852) — из малороссийских дворян, ротмистр Изюмского полка, находившегося в 1821—1828 гг. в Саратове. Вышел в отставку, женившись на дочери местного миллионера Х.И. Образцова, унаследовавшей половину состояния отца (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3669. Л. 63—65).

³⁶ Имеется в виду Пелагея Хрисанфовна Готовицкая (урожд. Образцова; 1803—1886).

³⁷ Образцов Хрисанф Иванович (1776—1849) — купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, один из самых богатых людей Саратова второй половины XIX века. Занимался соляной, рыбной и хлебной торговлей, держал откупа. Известный в городе благотворитель, на его средства был построен собор Архангела Михаила (см.: *Росницкий А.* Образцов Хрисанф Иванович // *Московские ведомости.* 1847. № 112. С. 846; ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 3236. Л. 66—69).

³⁸ Готовицкий Виктор Михайлович (1829—1909) — владелец имения в Быковке (12 душ дворовых и 78 душ крестьян), которое досталось ему в 1857 г. от родной сестры подпоручицы Шомпулевой Марии Михайловны и в 1858 г. от статского советника Акима Дмитриевича Горохова по случаю неуплаты им долга (см.: РГИА. Ф. 577. Оп. 34. Д. 802. Л. 77). В течение пяти сроков (1856—1877) был секретарем губернского дворянского собрания и затем членом различных благотворительных обществ. Жил в имении в с. Грязнуха Камышинского уезда.

³⁹ Имеется в виду Глафира Григорьевна Лутовинова (1830—1875) из новгородского дворянского рода Лутовиновых и графов Головиных (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 667. Л. 57).

⁴⁰ Имеется в виду А.М. Готовицкий.

⁴¹ Имеется в виду Хрисанф Михайлович Готовицкий (1847—1919) — предводитель дворянства Камышинского уезда, земский начальник, впоследствии полицмейстер Саратова. Владелец деревень Маланыно (184 души) и Минино (19 душ) Семеновской волости Егорьевского уезда Рязанской губернии, доставшихся ему по наследству (см.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7195. Л. 1—4; РГИА. Ф. 577. Оп. 32. Д. 279. Л. 84).

⁴² Готовицкая Мелитина Михайловна (1835 — ?); впоследствии в браке за Павлом Николаевичем Корбутовским.

⁴³ Готовицкая Мария Михайловна (Шомпулева; 1838—1915).

⁴⁴ Имеется в виду Поповка.

⁴⁵ Имеется в виду Грязнуха — село Камышинского уезда Саратовской губернии, ныне село Вишневое Волгоградской области.

⁴⁶ Готовицкие жили в одном из красивейших особняков Саратова, расположенном над Волгой и построенном в стиле классицизма, который сохранился и известен больше как особняк Баратаева, по имени первого владельца.

⁴⁷ В Саратове жили: семья сестры Пелагеи Хрисанфовны Дарья Хрисанфовна Тюльпина (ок. 1800 — 1873) с мужем Петром Федоровичем — купцом 1-й гильдии, муж покойной сестры Марии — статский советник Александр Михайлович Тюльпин (1790 — ?), племянник Хрисанф Петрович Образцов (1836—1915) с матерью Ольгой Николаевной Панкратовой (1813 — ?).

⁴⁸ В.М. Готовицкий 21 мая 1855 г. прибыл в лейб-гвардии уланский его императорского высочества наследника цесаревича полк (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 667. Л. 47 об.).

⁴⁹ наедине (*фр.*).

⁵⁰ Имеется в виду Александр Дмитриевич Башмаков (1825—1888) — впоследствии одесский губернатор, женился на Варваре Николаевне Сушковой (1836—1916).

⁵¹ Полк В.М. Готовицкого квартировал в Муравьевских казармах в 25 верстах от Новгорода.

⁵² Имеется в виду А.П. Иванов.

⁵³ Имеется в виду Михаил Николаевич Шевич (1805—1870) — генерал-майор, командир лейб-гвардии Уланского полка (1851—1857). В это время ему было 50 лет.

⁵⁴ Гостилица Шевалдышева существовала в 1830—1860 гг. на Тверской улице (д. 12). Остановившаяся в ней любил Л.Н. Толстой, А. Фет, Ф. Тютчев.

⁵⁵ Сало — ледяная каша, идущая по реке перед рекастом (Даль).

⁵⁶ У В.М. Готовицкого от жены было имение в сельце Казачьем Крапивенского уезда Тульской губернии.

⁵⁷ Имеется в виду курьер с театра военных действий в Крыму.

⁵⁸ Речь идет о селе Гритчино, Каширского уезда Тульской губернии, где находилась церковь Св. Живоначальной Троицы, построенная в 1762 г.

⁵⁹ Имеется в виду Глафира Григорьевна Готовицкая — жена В.М. Готовицкого.

⁶⁰ В Рязанской губернии М.И. Готовицкому принадлежало более 400 душ мужского пола крепостных в деревнях Якушево, Маланино (Маланинская) и Минино Семеновской волости Егорьевского уезда (см.: РГИА. Ф. 577. Оп. 32. Д. 279).

⁶¹ Аркадию было 18, а Хрисанфу 8 лет.

⁶² Имеется в виду Петр Федорович Тюльпин (1789—1859) — купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, городской голова (1845—1846 и 1849—

1852 гг.). Муж Д.Х. Образцовой. Жил в одном из красивейших особняков, построил на собственные средства Духосошественский собор.

⁶³ Х.И. Образцов имел рыбные промыслы в Астраханской губернии, которые унаследовали в 1849 г. его дочери (П.Х. Готовицкая и Д.Х. Тюльпина) и внук (Хрисанф Петрович).

⁶⁴ Овер Александр Иванович (1804—1864) — профессор терапевтической клиники при Московской медико-хирургической академии, старший врач Градской больницы; *Иноземцев* Федор Иванович (1802—1869) — профессор Московского университета.

⁶⁵ Здание не сохранилось. В то время В.А. Шомпулев владел усадьбой с двумя деревянными домами, большим флигелем и службами на Дмитриевской улице (Дворянской, позже Большой Кострижной). Участок со строениями был продан мукомолу О.П. Шмидту, который построил на нем особняк (ныне ул. Сакко и Ванцетти, д. 21).

⁶⁶ Лучшие петербургские мебельные мастера, работавшие в стиле классицизма и поставлявшие мебель, в том числе и ко двору. Основатели фабрик: Генрих Гамбс (1761—1831) и А.И. Тур. В середине XIX в. работали сыновья Гамбса.

⁶⁷ Фамилия не изменена.

⁶⁸ Быковку, Новую Топовку и часть имения в селе Грязнуха (см.: *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Камышинский уезд. Саратов, 1898. С. 189).

⁶⁹ М.М. Корбутовская получила в приданое имение при селе Поповка.

⁷⁰ Ныне хутор Готовицкий в Саратовском районе.

⁷¹ *Сарептский бальзам* — очищенное хлебное вино, перегнанное на травах.

⁷² Имеется в виду село Быковка.

⁷³ Имеется в виду *Бурков* Мина Максимович — в конце 1850-х гг. — один из двух ветеринарных врачей Саратова.

⁷⁴ Известно, что он находился под судом «за нанесение обиды канцеляристу А.М. Тайбергу» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д.1472. Л. 81).

⁷⁵ *Московский воспитательный дом* (1763—1826) — заведение для подкидышей, в котором питомцы получали к совершеннолетию специальность.

⁷⁶ Первый гражданский чин XIV класса. *Подлекарь* — звание, присваиваемое лицам с незаконченным медицинским образованием.

⁷⁷ Имеется в виду ветеринарное отделение, открытое в 1808 г. в Петербургской медико-хирургической академии.

⁷⁸ Мариинское земледельческое училище было открыто в 1865 г. в Николаевском городке (ныне Октябрьский городок), всего в нескольких километрах от Слепцовки — имения Ивановых.

⁷⁹ Имение А.П. Иванова, доставшееся от отца — П.И. Иванова, находилось в селе Слепцовка Аткарского уезда Саратовской губернии.

⁸⁰ От *лат.* *principalis* — главный (хозяин).

⁸¹ *Доезжачий* — служитель, обучающий гончих собак, заведовавший стаей; в его ведении находились пары.

⁸² *Арапов* Александр Николаевич (1801—1872) — генерал-лейтенант, в 1855—1873 гг. пензенский губернатор. А.И. Розанов вспоминал: «Арапов держал огромную псарню. Выезды его были, — это выезды Донского на Мамаю: сам он, как великий князь, с огромным войском, а около него увиваются удельные, — мелкота, кто с одной сворой, кто с двумя, а кто и так, ради чести. В места, куда он намеревался ехать, посылались люди вперед. Там, сперва, за несколько ведер водки, покупалось право охоты, если это были не помещицы крестьяне. У крестьян скупалось три-четыре избы, которые очищались от лавок, полатей и пр., и оклеивались шпалерами. В одной из изб складывалась печка и укладывалась поварская плита. Отправляется барин. За день вперед едут повара, воза с провизией, с ящиками вин; затем гонится стадо гончих, едут борзятники с борзыми, наконец, сам барин» (*Розанов А.И.* Указ. соч. С. 481).

⁸³ *Мачевариани* Петр Михайлович (1807 — ?) — племянник А.П. Иванова по его старшей сестре Ивановой (Мачевариани) Екатерине Петровне (ок. 1790 — ?). Одна из ветвей этого рода жила в Саратове и общалась с Шомпулевым. В одном из писем Николая Владимировича Мачевариани в 1877 г. к племяннице Шомпулева Елизавете передается привет «дядюшке-патрицию» и его матери Анне Степановне (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 186 об.).

⁸⁴ *Подвывать* — подзывать воем, приманивать или заставить отзываться, подражая голосом волчьему вою.

⁸⁵ *Стремянный* — конюх при верховой лошади.

⁸⁶ *Смычок* — две гончие, соединенные специальными ошейниками.

⁸⁷ *Выжлятник* — младший чин в псовой охоте, старший псарь, который водит стаю, напускает и сзывает ее.

⁸⁸ То есть увидена, найдена.

⁸⁹ *Арника* — трава из семейства сложноцветных, применяется в народной медицине как кровоостанавливающее средство.

⁹⁰ То есть спряталось в нору.

⁹¹ Хортыми называют борзых с низкой гладкой шерстью, в отличие от псовых и густопсовых, мохнатых.

⁹² *Шинец* у борзой — рыло, место смыкания губ на скулах.

⁹³ Здесь: тестя (*фр.*)

⁹⁴ О.И. фон Швенцон скончалась 29 марта 1856 г. (см.: *Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854—1916. Саратов, 1916. С. 127).

⁹⁵ Мария Ивановна Мейер (урожд. Саломон) была замужем за генерал-майором Петром Мартыновичем Мейером. С их сыном Петром Петровичем Мейером (1860 — ?), бывшим впоследствии варшавским обер-полицмейстером и ростовским градоначальником, В.А. Шомпулев поддерживал дружеские отношения (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 685. Л. 13—13 об., 41—43 об.).

⁹⁶ Имеется в виду А.Д. Игнатъев.

⁹⁷ Имеется в виду дочь Вера.

⁹⁸ Карточная игра.

⁹⁹ *То есть* для верховой езды.

¹⁰⁰ Сын Борис родился 29 января 1859 г. и умер в детстве. Его крестниками были двоюродный брат Марии Михайловны потомственный почетный гражданин Петр Петрович Тюльпин (1837—1871) и сестра Мелитина Михайловна Голикова. Дочь Валентина родилась 13 мая 1860 г., воспитанниками были Алексей Петрович Иванов и Анна Степановна Шомпулева (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 780. Л. 26, 27).

¹⁰¹ Имеется в виду Кузнецкий уезд.

¹⁰² Имеются в виду Дмитрий Иванович Хардин (1827 — ?), Павел Александрович Жарский, Петр Павлович Галицкий (1819 — ?) и Николай Владимирович Жедринский (1827 — ?).

¹⁰³ Имеется в виду Дмитрий Иванович Неклюдов (1823 — ?) — кузнецкий исправник.

¹⁰⁴ Имеется в виду В.А. Шербатов.

¹⁰⁵ Имеется в виду Павел Николаевич Корбутовский (1828—1902) — помещик Царицынского уезда (дер. Екатериновка Песковатской волости — 910 десятин). Окончил Саратовскую гимназию, с 1849 г. служил в Камышинском и Царицынском уездном суде, а с 1851 г. по выборам дворянства (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 897. Л. 33 об.).

¹⁰⁶ Имеется в виду Святослав Святославович Скибиневский — лейб-гвардии штабс-капитан, царицынско-камышинский уездный предводитель дворянства в 1846—1849, 1852—1858 и 1867—1870 гг.

¹⁰⁷ Камышинский уезд в основном населяли немцы-колонисты, дворян-помещиков было так мало, что предводитель выбирался совместно с Царицынским уездом, где дворян было также мало.

¹⁰⁸ У П.Н. Корбутовского было два брата — Апполон (1820—1911) и Николай (1823).

¹⁰⁹ В Царицынском уезде Песковатской волости в селе Екатериновка у Корбутовских было 2750 десятин. В том числе у Николая Михайловича — 400, Павла Николаевича — 910, Сергея Павловича — 500, Николая Павловича — 800 десятин (см.: *Минх А.Н.* Указ. соч. С. 506—507).

¹¹⁰ безумного дня (*фр.*).

¹¹¹ Имеется в виду А.Н. Корбутовский — ротмистр в отставке, камышинско-царицынский депутат губернского дворянского собрания.

¹¹² добрая госпожа (*фр.*).

¹¹³ Ср.: «Театралов было много, но избранных мало: выделялись Афанасий Алексеевич Столыпин, тип барина 20-х годов, П.У. Чекмарев, понимающий и любящий театр, ну, еще человек пять, и будет. За кулисами постоянно бывали А.П. Коваленко, Кропотов, Устимович, Месарош, В.М. Готовицкий, Н.В. Жедринский, А.Р. Глазенап, В.А. Шомполов и много других. Упоминаю эти фамилии

потому, что мы постоянно вращались в их обществе, они старались доставлять всевозможные удовольствия труппе, устраивали обеды, вечера, пикники, жили весело. Вели они себя прилично, с полным уважением относились к нашим дамам <...>» (*Медведев П.М.* 60 лет на сценических подмостках // Библиотека Театра и искусства. 1905. Кн. 11/12. С. 31).

¹¹⁴ А.А. Столыпин.

¹¹⁵ *Апис* — в мифах древних египтян бог плодородия в облике быка.

¹¹⁶ *Католическая Масленица* — жирный вторник на Масленной неделе, последний день карнавала.

¹¹⁷ Имеется в виду Иван Петрович Зотов (1810—1864) — отставной штабс-капитан, крупный саратовский помещик, имевший около 900 душ крепостных. В 1861—1864 гг. саратовский уездный предводитель дворянства. С 1826 по 1840 г. находился на военной службе и по делу декабристов не привлекался. «И.П. Зотов был видный мужчина, лет за пятьдесят, очень полный, с большой шевелюрой, с баксами и усами. Имел привычку, оканчивая речь, подмигивать левым глазом и прищелкивать языком; он служил много лет в гвардии, его и называли — Семеновец» (*Медведев П.М.* Указ. соч. С. 23—24).

¹¹⁸ Имеется в виду Сергей Михайлович Кропотков (1814 — ?) — отставной ротмистр лейб-гвардии гусарского полка. Крупный помещик Саратовской губернии.

¹¹⁹ Имеется в виду Любовь Александровна Дубровина (сценический псевдоним — Александра). В воспоминаниях П.М. Медведева: «Актриса ума, образования, опыта; при необыкновенной любви к искусству, немудрено, что она долгое время была постоянной и неизменной любимицей саратовской публики, играла в драмах, комедиях и водевилях, но главным коньком ее была комедия. У нее был хороший комедийный тон. Л.А. и до сих пор здравствует, она пансионерка Императорского Русского театрального общества». Упоминаемую ниже ее мать Александру Антипьевну он описывает как «благодушную собеседницу <...>. Эта артистка брала с природы русскую жизнь и воспроизводила на сцене всевозможные типы, играла одинаково хорошо аристократок, средней руки помещиц, чиновниц, купчих, мешанок и крестьянок. По таланту ее можно сравнить с покойной Линской, но А.А. Дубровина более знала Россию, потому была рельефнее и вернее Линской». Дубровины были «любимицами театралов и принимали у себя лучшие фамилии дворян» (*Медведев П.М.* Указ. соч. С. 20, 28).

¹²⁰ Новое двухэтажное деревянное здание театра на Театральной площади было рассчитано на 750 зрителей. Представления начались 30 августа 1860 г. Сгорело 29 июля 1862 г.

¹²¹ А.Д. Игнатъев.

¹²² В комиссию входили дворяне А.А. Столыпин, А.П. Слепцов, И.П. Зотов, Т.Т. Емельянов, Г.К. Деконский; купцы Т.Е. Жегин, Я.П. Славин, В.В. Гудков; полицмейстер М.А. Попов и архитектор К.В. Тиден — автор проекта городского театра, построенного в 1864 г. и существующего до нашего времени (см.: *Славин И.Я.* Саратовский городской театр: Ист. очерк. Саратов, 1912. С. 3).

¹²³ Ныне Волжская улица.

¹²⁴ Имеется в виду Прасковья Александровна Игнатъева (урожд. Столыпина) — племянница Афанасия Алексеевича Столыпина.

¹²⁵ Игнатъева Екатерина Александровна (1837—1918).

¹²⁶ У военного министра в 1856—1861 гг. Николая Онуфриевича Сухозанета (1794—1871), как утверждается в справочнике, основывающемся на формулярных списках, детей не было (см.: *Шиллов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений. 1820—1917: Биобиблиографич. справочник. СПб., 2001. С. 626). Там же на с. 671 говорится, что Е.А. Игнатъева в 1870 г. вышла замуж за сына главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями в 1833—1842 гг. К.Ф. Толя Николая Карловича (1819—1880). Однако в 1859 г. управляющий Саратовской удельной конторой Н.А. Мордвинов писал отцу: «Я никак не понимаю, каким образом вы могли считать Игнатъева добродушным дураком. Уже одна продажа дочери идиоту Сухозанету явно доказывает противное, тем более что это сделано насильно, против желания дочери. Этот господин способен на всякие мерзости, а соврать какую-нибудь гадость на другого ему решительно ничего не стоит» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1297. Л. 1—1об.).

¹²⁷ Имеется в виду Елизавета Александровна Михайлова. По воспоминаниям П.М. Медведева, она «была в полном смысле — красавица: брюнетка, черные глаза, брови, цвет лица, сложение — все в ней восхитительно <...>», «Михайлова украшала труппу не талантом, а красотой: она ничего не создала, но и не портила. Были пьесы, где она была необходима. Она недолго пробыла на сцене; по любви вышла замуж за помещика П.Н. Аничкова» (*Медведев П.М.* Указ. соч. С. 20, 28).

¹²⁸ *Аверкович* Евгений Николаевич — театральный антрепренер в Саратове в сезон 1861—1862 гг.

¹²⁹ *Климовский* Евгений Иванович (Оглоблин; 1824—1866) — музыкант и поэт, играл на гитаре и пел романсы и песни. В 1846 г. поступил в «консерватор-класс» Большого театра, а вскоре был зачислен в труппу. В 1854 г. переехал в Петербург, где выступал на сцене Александринского театра. С 1855 г. работал в Костроме, Нижнем Новгороде.

¹³⁰ *Олдридж* Айра (1805—1867) — негритянский актер-трагик, гастролировал в Саратове с 14 по 30 июля 1864 г. Он познакомил саратовцев с драматургией Шекспира, выступая на сцене летнего театра Шехтеля в ролях Отелло, Макбета, короля Лира и Ричарда III.

¹³¹ Имеется в виду Павел Сергеевич Салов (1824—1873) — отставной поручик, пензенский и саратовский дворянин. В начале 1860-х гг. депутат Саратовского губернского дворянского собрания от Балашовского уезда. Возле Быковки имел 188 десятин земли (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 32. Л. 75 об.).

¹³² загорелая, смуглая кожа (*фр.*).

¹³³ Здесь: банк в карточной игре.

¹³⁴ Свято-Троицкий монастырь при селе Грязнуха был основан на территории имения Готовицких (см.: *Ласточкин В.* Свято-Троицкий Грязнухинский женский монастырь // Саратовские епархиальные ведомости. 1904. № 5).

¹³⁵ См.: «1 ноября 1859 г. купеческий (официально — коммерческий) клуб был открыт в доме Готовицкого на Приютской улице» (см.: *Хованский Н.Ф.* Немецкий и коммерческий клуб в Саратове // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 355).

¹³⁶ Речь идет об Антоне Григорьевиче Пустовойтове. По описанию Чернышевского: «...небольшого роста, сухощавый, с очень темными или вовсе черными волосами и бородой <...> с карими или и вовсе черными глазами, очень живыми, острыми, и лицо его, довольно красивое, поддерживало своею выразительностью производимое его глазами впечатление, что он человек умный, быть может, человек большого ума». Действительно, оставив юродство, «Антонуска» записался в купцы 2-й гильдии. (*Чернышевский Н.Г.* Из автобиографии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 583—597).

¹³⁷ *Скуфья* — небольшой ало-синий бархатный головной убор, подобный тюбетейке, знак отличия белого духовенства.

¹³⁸ С 27 мая 1863 г. должность губернского предводителя исправлял до баллотировки А.П. Слепцов, затем он был избран и оставался на этой должности вплоть до своей смерти в 1866 г.

¹³⁹ Этот пост занимал тогда П.А. Валуев.

¹⁴⁰ Имеется в виду А.П. Перцов (1819—1896).

¹⁴¹ Описываемые события происходили весной 1865 г. Сын Владимир родился 17 декабря 1865 г. Крестниками были родственники только со стороны Готовицких, старший брат Марии — Виктор Михайлович и ее мать — Пелагея Хрисанфовна (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 780. Л. 28).

¹⁴² В.А. Шомпулев родился 19 июня 1830 г. (см.: ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 269. Л. 10).

¹⁴³ У четы Ивановых к тому времени было трое детей: Дмитрий (1854); Анна (1859) и Елизавета (1862) (см.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1614. Л. 11).

¹⁴⁴ *Кочетков* Илья Борисович — исправник Саратовского уездного полицейского управления.

¹⁴⁵ Владимир Викторович был причислен к саратовскому дворянству в 1866 г. (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1088. Л. 246).

¹⁴⁶ В 1876 г. в дневнике А.Н. Минх называл В.А. Шомпулева «нашим ловеласом» и описывал его так: «...красивый, представительной внешности при ограниченном уме, но уменья рисоваться, он имел большой успех у женщин; с женой живет он врозь <...> Земское хозяйство шло при нем крайне небрежно и беспорядочно. Шомпулев, занятый ухаживаниями и собственным я, совершенно не вникал в дело» (ГАСО Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 135).

¹⁴⁷ Имеется в виду С.П. Гагарин.

¹⁴⁸ Имеется в виду барон Иван Антонович Дельвиг (1836—1913). Служил в квартировавшей в Саратове 16-й артиллерийской бригаде. В отставке с 1861 г., мировой и городской судья в г. Вольске (см.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год. С. 43).

¹⁴⁹ *Мария Антуанетта* (1755—1793) — жена Людовика XVI, королева Франции (1774—1792).

¹⁵⁰ *Конфедератка* — польский национальный мужской головной убор в виде четырехгранной шапки без козырька с кисточкой наверху, который носили участники Барской конфедерации, созданной в крепости Бар в Подолии в 1768 г. для защиты самостоятельности Речи Посполитой.

¹⁵¹ Имеется в виду чиновник особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел (впоследствии сенатор) Александр Карлович Гирс (1815—1880) и его жена Александра Ивановна (урожд. Бунина; 1826—1867).

¹⁵² Речь идет о нашумевшем деле, начавшемся в Саратове в 1853 г., по обвинению еврея Юшкевича в убийстве христианского ребенка. Поскольку вскоре в городе появились и другие аналогичные обвинения, в 1854 г. в Саратове была создана специальная судебная комиссия под председательством чиновника особых поручений Министерства внутренних дел А.К. Гирса, которой было поручено «произвести исследование о всех допущенных саратовской городской полицией упущениях и противозаконных действиях». Комиссия с 26 июня 1854 г. по 15 июня 1856 г. вела расследование и не признала подсудимых виновными. Частного же пристава П.И. Вандышева за подлоги и истязания при расследовании этого дела комиссия Гирса приговорила к лишению дворянства и ссылке в Сибирь (см.: *Дурасов В.И.* Частный пристав Вандышев // Саратовский дневник. 1888. № 263, 264). В 1858 г. Сенат постановил всех обвиняемых освободить, оставив лишь Юшкевича в «сильнейшем подозрении, однако из-за возникших возражений дело перешло в Государственный совет, который приговорил трех человек к каторжным работам» (см. подробнее: *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 1993. Паг. 2. С. 136—138; см. также черносотенную интерпретацию дела: *Замысловский Г.Г.* Умученные от жидов. Саратовское дело по актам подлинного производства. Харьков, 1911).

¹⁵³ Гостиница «Россия» находилась в здании (сохранившемся, но перестроенном) на углу улиц Александровской и Немецкой.

¹⁵⁴ В формулярном списке Шомпулева есть сведения об отпуске с 14 ноября 1862 г. по 26 марта 1863 г. с выездом в Петербург и оформлением выезда за границу на 11 месяцев, которым он по каким-то причинам не воспользовался.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАВО — Государственный архив??? области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Саратовской области
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
СОМК — Саратовский областной музей культуры
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Кумаков В.А. Шомпулев — помещик, военный, общественный деятель 5

ЗАПИСКИ СТАРОГО ПОМЕЩИКА

Из прошлого Саратовской губернии	21
Из дневника жандарма 30-х годов	26
Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 30-х годах XIX столетия	35
Светлое воспоминание об Александровском малолетнем в Царском Селе корпусе	38
Спартанское воспитание кадет старого времени	40
Провинциальные типы сороковых годов	44
Из воспоминаний старого кавказца	59
Заметки старого кавказца	79
Фельдмаршал князь Барятинский	84
Типы и картинки прошлого	88
Чужое имя	96
Ряд похищений и увлечений	101
Вруны	108
Дитя любви	111
Странички из прошлого (майорат)	114
Дворянин-помещик в камилавке	120
Во время реформ Императора Александра II	121
Мнимоумерший	161
Начальник Соколовой горы	165
Пикник под Николин день	167
Крах земельных банков	169
Народные поверья	173
В дни коронации	177
Характеристика архиереев Саратовской епархии за шестьдесят пять лет	181
Введение института земских начальников	188

ПРИЛОЖЕНИЕ

Быль из прошлого	223
Быль	239
Примечания	281
Список сокращений	348
Указатель имен	349

Шомпулев В.А.

ЗАПИСКИ СТАРОГО ПОМЕЩИКА

Дизайнер

Д. Черногаев

Редактор

А.И. Рейтблат

Корректор

Л.Н. Морозова

Компьютерная верстка

С.М. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»»

Адрес издательства:

129626, Москва,

абонентский ящик 55

тел./факс: (495) 229-91-03

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 22. Тираж 1000. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс

«Ульяновский Дом печати»»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14